

Нет противоядия, когда она
течет по твоим венам, как

порция
**КРАСИВОГО
ЯДА**

книга третья

t.me/darksoulbooks

КЕЛСИ КЛЕЙТОН

Я до сих пор чувствую ее вкус на своих губах, он остался там, как после глотка красивого яда.

Я должен ненавидеть ее за то, что она сделала. Никто бы меня за это не осудил — даже ее брат. Боль, которую я испытал в тот день, разорвала меня на части, пока не осталась лишь оболочка того человека, которым я был раньше. И теперь мне остается расхлебывать последствия.

Из-за ужасных новостей моя жизнь выходит из-под контроля. Если я не возьму себя в руки, то могу потерять все. Но ничто не режет глубже, чем осколки разбитого сердца, а шрамы, которые не исчезают, не дают мне покоя.

Все изменилось, когда произошла трагедия. События той ночи до сих пор преследуют нас во сне. Мы думаем, что самые мрачные моменты остались позади, оставив черное пятно на нашем прошлом, но понимаем, что этот кошмар еще далеко не закончился.

Кто-то знает наши секреты и рискует жизнью тех, кого я люблю больше всего на свете. Никому нельзя доверять, особенно когда враги жаждут мести, но мы не собираемся сдаваться без боя.

Я сожгу весь мир дотла, прежде чем позволю кому-либо причинить ей боль — даже если она виновата в том, что причинила боль мне.

Перевод тг-канала:

t.me/darksoulbooks

1

Хейс

Боль от разбитого сердца всепоглощающая, а любовь — всего лишь паразит. Я должен был придерживаться своих собственных правил — держать ее на расстоянии вытянутой руки. Но вместо этого я позволил ей поселиться в моей груди, дал ей все, что мог предложить, а когда она ушла, то забрала с собой мое сердце.

Мне холодно.

Я опустошен.

От меня осталась лишь разбитая оболочка.

А она? Ну, я думаю, она сейчас находится Бог знает где, живет своей жизнью, как будто мы не провели лето, влюбившись друг в друга. Я и не подозревал, что она умеет летать.

Однако я разбился о землю.

Полтора года спустя

Да будет вам известно, что двадцать два года — это слишком мало для того, чтобы брать на себя ответственность за весь мир. Как бы вы ни старались быть сильным, всегда найдется что-то, что ломает вас. Но что происходит, когда вы отказываетесь даже сгибаться?

Я ношу свою кожу, как броню, и уверен, что уже ничего не чувствую. Как будто мои нервы отключились, пытаюсь защитить меня, потому что день, когда она ушла из моей жизни, был только началом нисходящей спирали, которая стала моей новой нормой.

Выходя из машины, я смотрю на свое отражение в окне и высоко поднимаю голову. Я не могу позволить себе ничего другого. Позволить себе сломаться — не вариант. Не тогда, когда она зависит от меня.

«Новые горизонты» Колдер-Бей.

Вывеска на двери выглядит слишком радостной для того, что представляет собой это место. Не так часто я выходил отсюда с улыбкой на лице — не тогда, когда я знаю, что она никогда не выйдет отсюда живой. Надежда на это умерла полгода назад. И я предполагаю, что эта встреча только подтвердит мои самые мрачные опасения.

Моя мама умирает.

Я вхожу в конференц-зал с такой уверенностью, что они не смогут понять, что я просто притворяюсь, пока не добьюсь своего. Это единственный способ выжить. Директор дома престарелых сидит в конце стола в окружении нескольких маминых врачей и медсестры из местной организации хосписов. Это было то, чего мы пытались избежать. Само это слово звучит так, словно мы сдаемся, и никто из нас пока не готов к этому, но сделать можно не так уж много, прежде чем это станет единственным вариантом.

— Мистер Уайлдер, — приветствует меня директор. — Спасибо, что пришли. Ваша сестра тоже здесь?

Я качаю головой. — Она в колледже. Но поскольку я являюсь единственным доверенным лицом моей матери, это не должно быть проблемой.

— Очень хорошо. — Он кивает один раз. — Доктор Чен, не хотели бы вы начать?

Доктор Чен — онколог моей мамы. Она была направлена к ней в больницу, когда был обнаружен рак, поразивший ее мозг. И та доброта, которую она проявила к нам с сестрой за последний год, заслужила мое уважение. Но серьезное выражение ее лица не дает мне надежды на хорошие новости.

— К сожалению, Хейс, химиотерапия и облучение, похоже, больше не помогают, — говорит она мне. — Мы пытались увеличить интенсивность лечения, но я боюсь, что если мы будем продолжать в том же духе, то это поставит под угрозу качество ее жизни.

Черт. — А как насчет клинического испытания, о котором мы говорили?

Она нахмурилась. — Когда рак распространился на почку, она стала неподходящей для испытания.

— Значит, я дам ей одну из своих. Закажите операцию, и я буду там.

Доктор Чен протягивает руку и кладет ее на мою. — Эйч, мне очень жаль. Клиническое испытание — это уже не тот вариант, который у нас есть. И ты знаешь, что она никогда не позволит тебе отдать ей свой орган. Даже если бы это было решением, она заблокировала бы его еще до того, как мы начали.

Она не ошибается. Моя мама всегда заботится о своих детях. Она даже не сказала нам о том, что плохо себя чувствует. Мы узнали об этом от врача в больнице. Я надеялся и молился, что симптомы, которые она испытывала, не были ранним началом деменции, но реальность оказалась намного хуже.

Я проглатываю комочек в горле, позволяя стене, которую я возвел вокруг себя, блокировать боль. — Хорошо. К чему это нас приводит?

— Ну, мы могли бы продолжить то, что мы делаем, — предлагает она. — Но вероятность того, что это начнет работать спустя столько времени, невелика. И у нас есть основания полагать, что это не то, чего хочет ваша мама.

— Что? — Мои брови хмурятся. — Нет. Моя мама — боец. Она бы так просто не сдалась.

Все они смотрят на доктора Трейси, терапевта моей мамы, и она грустно улыбается мне. — Она устала, Хейс. Ты прав, она боец, но она очень устала. Я думаю, единственная причина, по которой она все еще пытается справиться с этим, — это ты и Девин. Но она измотана.

Я опускаю голову, сдерживая слезы, когда боль находит свой путь наружу. Моя мама всегда ставила нас на первое место. Я не могу вспомнить время, когда она этого не делала. И в глубине души я знаю, что доктор Трейси права.

— Итак, вы рекомендуете прекратить лечение и перейти в хоспис. Я прав?

В противном случае представитель хосписа не пришел бы сюда. У нас было много встреч с тех пор, как нам впервые порекомендовали это сделать, и ни на одной из них ее не было. Все в комнате молчат, как будто никто из них не хочет быть тем, кто подтверждает человеку, достаточно молодому, чтобы быть их ребенком, что его мать умирает, но это все подтверждение, которое мне нужно.

— Если вы не возражаете, — начинаю я, вставая. — Я хотел бы поговорить с матерью, прежде чем принимать какие-либо решения.

— Безусловно, — говорит мне директор. — Не торопись. Мы будем здесь, когда ты вернешься.

Тихо пробормотав «спасибо», я выхожу за дверь и направляюсь в комнату моей матери. Она маленькая, стены выкрашены в невыразительный серый цвет, а перед кроватью установлен телевизор. Сама комната определенно не стоит девяти тысяч, которые я плачу каждый месяц за то, чтобы она была здесь, но забота, которую они ей предоставляют, *стоит*.

Когда начался этот ужасный путь, всего через семь месяцев после того, как я проснулся и узнал, что моей жены больше нет, моя мать настояла на том, что если она дойдет до той стадии, когда не сможет сама о себе заботиться, то ее нужно будет поместить куда-нибудь, где это будут делать. За годы работы медсестрой она видела слишком много случаев, когда

членам семьи приходилось испытывать эмоциональные трудности, связанные с уходом за больными близкими. Она знала, что я смогу это сделать. Я возьму на себя это бремя и буду ухаживать за ней, даже если это убьет меня, но она не хочет этого для нас. Поэтому каждый день я прихожу сюда, провожу время рядом с ней, а потом ухожу, чувствуя, что бросаю ее.

И мне знакомо чувство, когда тебя бросают.

Позвольте мне сказать вам, что это ад.

— Привет, мам, — приветствую я ее.

Она загорается, когда видит меня, как и всегда. — Хейс! Мой малыш.

Я подхожу к ее кровати и целую ее в лоб. — Как ты себя чувствуешь?

— О, ты знаешь. Немного этого, немного того.

Она хорошо это разыгрывает, весь этот спектакль «*Я в полном порядке, и тебе не нужно беспокоиться*», но я знаю ее достаточно хорошо, чтобы видеть это насквозь. Хватая стул и придвигая его к кровати, я сажусь и беру ее руку в свою.

— Мама, — говорю я мягко. — Мне нужно, чтобы ты сказала мне, чего ты хочешь.

— Хейс, — скулит она, пытаюсь выдернуть руку, но я ей не позволяю.

— Я серьезно. Не беспокойся ни обо мне, ни о Девин.

Она бросает на меня взгляд, который может убить меня. — Я *всегда* беспокоюсь о тебе и Девин.

Я усмехаюсь. — Да, Гладиатор, я знаю. Но прямо сейчас мне нужно знать, чего *ты* хочешь. Ты хочешь продолжать бороться с этим? Продолжать проходить лечение и сканирование? Потому что, если это то, чего ты хочешь, я это сделаю. Я буду продолжать забирать тебя и отвозить на каждую встречу. Я научился сворачивать для тебя косяк — что, кстати, очень хреново говорить.

Она смеется, и я знаю, что настанет время, когда я буду скучать по этому звуку.

Улыбаясь ей, я медленно выдыхаю и позволяю ухмылке сойти с моего лица, прежде чем произнести слова, которые причинят мне боль в миллион раз больше, чем ей. — Но, если ты хочешь просто остановиться и насладиться временем, которое у тебя осталось, это тоже нормально. Я пойму. Ты потратила свою жизнь, надрывая задницу ради нас. Вряд ли будет преувеличением сказать, что ты заслуживаешь отдыха.

Слеза скатывается по ее щеке, и я осторожно вытираю ее. Моя мама издает влажный смешок и делает то же самое для меня. Я даже не знал, что плачу. Но опять же, за последний год я сосредоточил все свое внимание на том, чтобы сделать ее счастье моим главным приоритетом.

Моего собственного даже нет в списке.

— Кто будет присматривать за тобой и Девин? — спрашивает она.

— У Девин есть я. Не беспокойся о ней.

Другая ее рука ложится на мою, которая держит ее. — Да, но кто будет беспокоиться о *тебе*?

В голове мелькают образы Лейкин, и я тут же отгоняю их. Когда она ушла, я не знал, что с собой делать. И рядом со мной была моя мама. Но она не знает, что часть меня винит себя в том, что рак был обнаружен так поздно.

Она была медсестрой. Она знала предупреждающие знаки подобных вещей. Но она была так озабочена заботой обо мне, что пренебрегала собой. И я был слишком погружен в собственное дерьмо, чтобы заметить, что что-то не так.

— Со мной все будет хорошо, — говорю я ей.

Она закатила глаза. — Пожалуйста. Я женщина. Мы, по сути, изменили определение слова «хорошо». Никому не бывает хорошо, когда он так говорит.

Ладно, может быть, она и права. Но я не настолько эгоистичен, чтобы заставлять ее проходить через новые муки ради моего счастья.

— Мама, — говорю я. — Все в порядке. Чем ты хочешь заняться?

Ее грудь опускается, когда она выпускает воздух из легких. — Я хочу увидеть восход солнца на пляже. И я хочу поужинать со своими детьми. И я хочу с нетерпением ждать следующего дня и не беспокоиться о том, что меня будет слишком тошнить, чтобы удержать в себе обед.

Вот оно. Я сдерживаю все эмоции, которые захлестывают меня при звуке ее слов. Если и есть время, когда мне нужно убедить ее, что со мной все в порядке, то это сейчас. И она выглядит напуганной, пока я не заставляю себя тепло улыбнуться.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Я подпишу документы. С сегодняшнего дня ты сможешь отдыхать без забот.

В ее глазах облегчение. Такое, какое можно увидеть у маленького ребенка, когда его наконец-то успокаивает мама. Это тот момент, когда они знают, что все будет хорошо. Они в безопасности. Им тепло. Они защищены.

И теперь я должен подписать бумагу, которая означает, что все это скоро закончится для меня, ради того, чтобы подарить это ей.

— Я люблю тебя, Хейс, — говорит она. — Я так сильно тебя люблю.

Я встаю и целую ее в лоб еще раз. — Я тоже тебя люблю, мама.

Как только я выхожу из ее комнаты, мне нужно ухватиться за перила, прислоненные к стене, для опоры. Когда я проснулся сегодня утром, я знал, что эта встреча будет трудной. Не нужно быть специалистом по ракетостроению, чтобы понять, к чему все это приведет. Для радостных новостей обычно не требуется конференц-зал. Но невозможно психологически подготовиться к тому, что придется подписывать документ, официально прекращающий все жизненно важные виды лечения для женщины, которая тебя вырастила.

Женщина, которая любила тебя, даже когда ты не чувствовал себя достойным этого.

Женщина, которая помогла тебе собрать осколки твоей разбитой жизни. Несколько раз.

Нет никакого способа пройти через это без того, чтобы это полностью не разорвало тебя на части.

Доктор Чен успокаивающе кладет руку мне на плечо, пока я ставлю подпись и инициалы во всех необходимых местах. Если честно, это очень похоже на поражение, но это не моя битва — как бы мне этого ни хотелось. После того как я закончил, нотариус ставит печать и возвращает мне водительское удостоверение.

— Существуют различные уровни ухода, — говорит представитель хосписа. — Я оставлю вам эти документы. Я выделила тот вариант, который, по моему мнению, подходит ей больше всего, но просмотрите это и дайте мне знать.

Я качаю головой. — Нет необходимости. Просто сделайте все, чтобы ей было максимально комфортно.

Она и директор обмениваются взглядами, но объясняет именно он. — Мистер Уайлдер, каждый уровень медицинской помощи имеет определенную ценовую категорию. И ее страховка не будет покрывать его после тридцати дней.

Конечно, этого не будет. — Я понимаю, но мой ответ остается прежним. Ее комфорт — это то, что сейчас для меня важнее всего. Делайте то, что нужно.

Они оба кивают. Вопрос, поднятый в разговоре, висит в воздухе, но я его не задаю. Я не хочу знать, сколько времени ей осталось, и когда мне придется с ней попрощаться. Все, чего она хочет, — это наслаждаться тем временем, которое у нее есть, и я собираюсь дать ей это.

— Спасибо вам за все, что вы делаете для моей матери, — говорю я всем в комнате. — А теперь, если вы меня извините, я должен приступить к работе.

Пожимая каждому из них руку, я чувствую, как рвота подступает к задней стенке моего горла. Я выхожу из комнаты со всем возможным спокойствием, но как только скрываюсь из виду, отправляюсь в ванную.

Если я думал, что кофе в целом отвратительный на вкус, то невозможно объяснить, насколько он отвратителен, когда его подают обратно. Но когда я падаю на пол после опорожнения желудка, это беспокоит меня меньше всего.

Есть кое-что, что можно сказать о тех, кто может нести бремя мира на своих плечах. Те, чьи колени не подгибаются под давлением всего этого. Я пытаюсь быть таким парнем — для моей мамы и для Девин, — но иногда я не могу не задумываться об одной вещи, о которой никогда не должен думать.

Было бы легче, если бы она все еще была здесь?

Если бы у меня была она, на которую я мог бы опереться ночью, была бы эта агония не такой мучительной?

Проблема в том, что я никогда не узнаю. Итак, я снова отгоняю мысль о ней, как опытный профессионал, которым я и являюсь, и поднимаюсь с пола.

Потому что, если я этого не сделаю, никто другой этого не сделает.

С наступлением летних месяцев бар начинает набирать обороты. Не то чтобы в остальное время года здесь было мало посетителей. Непринужденная обстановка и пляжная атмосфера, царящая здесь, позволили нам в прошлом году получить звание лучшего бара в округе. Хотелось бы, чтобы это было причиной нашего успеха, но это не так.

Наша барменша, Райли, опубликовала в TikTok видео с Кэмом, которое стало вирусным. Видимо, есть что-то привлекательное в бармене, который умеет смешивать напитки и наливать пиво, и все это при том, что соленая вода все еще остается в его волосах, а гидрокостюм наполовину свисает с его тела. С тех пор люди приезжают отовсюду, только чтобы взглянуть на Кэма.

И хотя можно было бы подумать, что он будет наслаждаться этим вниманием, он больше сосредоточен на бизнесе, чем на флирте, особенно после того, что произошло между ним и Мали.

Но это не моя история.

Когда я вхожу, Кэм стоит за барной стойкой, готовя ее к открытию. Он на секунду поднимает на меня взгляд.

— Привет, — протягивает он. — Как все прошло?

Я пожимаю плечами, на самом деле не желая говорить об этом. — Хорошо, я думаю. Ничего по-настоящему нового.

Ладно, может быть, это глупо. Если на кого я и могу положиться в этом дерьме, так это на него. Он всегда был рядом со мной, даже когда причиной моих страданий была его собственная сестра. Но какая-то часть меня любит жить в отрицании. Я могу не замечать всего того дерьма, которое происходит в моей жизни, и притворяться, что все в порядке.

Как будто мой мир не держится на скотче.

И речь идет не о прочной изолянте. Я говорю о ленте, которая с трудом удерживает плакат на стене, потому что она предназначена для того, чтобы не оставлять следов.

— Это сегодняшняя почта? — Спрашиваю я, глядя на стопку, лежащую на стойке бара.

Он кивает. — Да, я схватил ее перед тем, как войти.

— Спасибо, чувак, — говорю я, забирая конверты. — Я отнесу это дерьмо наверх, и скоро спущусь.

— Звучит заманчиво. И не забудь о сегодняшнем вечере!

Мои брови хмурятся. — Сегодняшний вечер?

Он смотрит на меня так, будто я только что нарушил наше самое священное правило. — Сегодня третья пятница мая.

Дерьмо. — Верно. Первый костер сезона.

— Да, черт возьми!

Я натягиваю на лицо ухмылку, которая тут же исчезает, как только я начинаю подниматься по лестнице.

Нет ничего удивительного в том, что я не так радуюсь сезону костров, как раньше. Как и в прошлом году, это лишь напоминает мне о том, что прошло так много времени с тех пор, как я услышал признание Лейкин, прозвучавшее из ее уст, когда чувства, которые я запрятал в коробку в четырнадцать лет, вырвались наружу и потребовали, чтобы их заметили. Та ночь стала началом всего. Начало единственных значимых отношений в моей жизни. И сколько бы дней ни прошло, я до сих пор не нарушил своих клятв.

Те, которые все еще действуют, потому что мы все еще женаты — независимо от того, здесь она или нет.

Если бы у нас была выборочная амнезия, мне бы хотелось думать, что я был бы первым в очереди. Что угодно было бы лучше, чем эта каша эмоций, которую я таскаю за собой изо дня в день. Я так же зол, как и обижен. Тому, что она сделала, нет оправдания.

Но мое сердце всегда будет принадлежать девушке, которая заставила меня впервые испытать чувства.

Я делаю глубокий вдох и сажусь на кровать, открываю почту и чувствую, как с каждым письмом нарастает мое беспокойство. Слова *«просрочено»* и *«последнее уведомление»*, написанные ярко-красным цветом, смотрят на меня, дразня и угрожая отнять у меня единственную мечту, которая все еще остается нетронутой. Но забота о маме важнее.

Маленький голосок в моей голове напоминает мне, что я должен сказать Кэму. И я это сделаю. Только нужно придумать, как. Не так-то просто сказать кому-то, что мы можем потерять контракты с поставщиками и, возможно, сам бар, потому что я был эгоистом и облажался, оплатив дом престарелых моей матери вместо счетов в баре. Это нужно сделать правильно и в нужное время, иначе он меня возненавидит.

Кого я обманываю? Он и так может меня возненавидеть.

Я складываю счета в стопку и засовываю их в ящик стола, где они и останутся, насмехаясь надо мной, как я того заслуживаю. Суровое напоминание о том, какой я неудачник.

Не могу быть мужем, с которым стоит остаться.

Не могу спасти маму.

Не могу даже удержать бар, который, по сути, был мне подарен.

Моя жизнь — это гребаный бардак.

2

Лейкы

Я никогда не понимала поговорку «несчастье любит компанию». Тот, кто это придумал, наверное, путает несчастье со своей злопамятностью, потому что, когда я несчастна, мне хочется побыть одной. Нет никого, кого бы я хотела видеть рядом с собой. Ничто не может сделать это лучше. Просто позвольте мне лежать там, в последствиях того хаоса, который я устроила.

Я заслуживаю того, чтобы быть такой разбитой.

Ничто не может избавить меня от чувства, которое возникло, когда я ушла. Оно там, в каждом дюйме моей жизни. И неважно, насколько я могу быть счастлива, эти чувства для меня не существуют.

Больше нет.

Ни после него.

В студии звучит голос певицы, которая исполняет песню, написанную мной, и это прекрасно, но это не то. Чего-то не хватает. Что-то мешает ей быть такой сильной, какой она должна быть.

— Останови ее, — говорю я продюсеру.

Встав со стула, я захожу в кабинку звукозаписи и смотрю на новенькую с невинными глазами, которая все еще думает, что мир прекрасен, а жизнь полна роз и радуг.

— Я этого не чувствую, — просто говорю я.

Она выглядит смущенной. — Что ты не чувствуешь?

— Боль. *Абсолютная агония.* Эта песня о настоящей душевной боли. О такой, когда не можешь сделать ни одного вдоха без ощущения, что кто-то вскрыл твою грудную клетку и вырвал сердце прямо из тела. От такой боли невозможно оправиться, сколько бы времени ни прошло и сколько бы раз ты ни убеждала себя, что поступила правильно.

Я киваю ей, чтобы она отошла, и она уступает мне дорогу. Надев наушники, я кладу руки на микрофон. Потускневшая буква «X» на безымянном пальце смотрит на меня — единственная вещь, которая постоянно напоминает мне о том, что у нас все было по-настоящему.

Мелодия припева начинает звучать в моем ухе, и я произношу слова с убежденностью, которой они заслуживают.

*Оставила свое сердце на полу,
когда я выходила за дверь.
Ты все еще думаешь обо мне?
Пожалуйста, не думай обо мне.*

*Потому что я не заслуживаю тебя,
После того, через что я заставила нас пройти.
Мне нужно дать тебе свободу.
Пожалуйста, не думай обо мне.*

Продюсер усмехается, нажимая на кнопку, и останавливает музыку. Я смотрю на артистку, только что подписавшую контракт, и ее глаза слезятся. Сначала я не понимаю, почему, пока не чувствую, как по моей щеке скатывается слеза. Смахнув ее, как будто ее и не было, я протягиваю ей наушники.

— Попробуй это еще раз.

Она соглашается, и я выхожу из кабинки звукозаписи. Продюсер ждет ее согласия, включает музыку, как только получает сигнал, и затем поворачивается ко мне.

— Ты уверена, что не хочешь спеть это сама? — спрашивает он. — Кажется, никто не делает это так хорошо, как ты.

Я слушаю, как она выкрикивает слова, как будто произносить их для нее очень больно, и на моем лице появляется намек на улыбку. Она быстро учится. А когда она протягивает последнюю ноту, у меня по коже бегут мурашки.

— Я уверена, — отвечаю я с окончательностью. — У нее получится.

Проходя через парадную дверь, я опускаю ключи в чашу, стоящую у двери, и снимаю обувь. Холодная плитка приятно холодит ноги, когда я прохожу через фойе на кухню. Честно говоря, эта квартира слишком большая, чтобы мне нравиться. Я всегда предпочитала иметь свой собственный маленький оазис. Но я не выбирала это место.

Оно было у Нолан задолго до того, как я переехала.

По всем признакам, это особняк. Потолки такие высокие, что даже лестница не

поможет мне до них дотянуться. А двери в два раза выше меня. Все это просто *кричит* о богатстве, и мне все время кажется, что я разобью что-нибудь ценное. Здесь я живу уже более полутора лет, но у меня никогда не было ощущения дома.

Я осматриваю дом и вижу, что каждая комната пуста за исключением последней. Нолан лежит лицом вниз на массажном столе, позволяя массажисту творить магию над ее спиной. Прислонившись к дверному проему, я прочищаю горло, и моя соседка поднимает голову, чтобы посмотреть на меня.

— Ты дома! — взволнованно говорит она. — Как это было? Она полностью влюбилась в нее?

Моя голова наклоняется из стороны в сторону. — В конце концов.

Встреча с моей соседкой-наследницей стала для меня благословением, которого я не ожидала, и подтвердила, что я приняла правильное решение, и карма вознаградила меня. Я жила в гостинице и пыталась выяснить, кто стоит за сообщениями, из-за которых я ушла от Хейса. Я пыталась найти кого-то, кто мог бы мне помочь, кого-то влиятельного или с хорошими связями, поэтому я отправилась в клуб. Один из эксклюзивных, где гостями являются самые влиятельные люди в округе.

Проблема в том, что мне было всего девятнадцать лет.

И тут появилась Нолан с ее волшебными методами убеждения.

Она не только помогла мне попасть в клуб в тот вечер, но и сумела найти общий язык, несмотря на то, что у меня случился нервный срыв, в результате которого я соплями и слезами испортила ее рубашку. Она хотела, чтобы я встретилась с ней на следующий день, *потому что каждой девушке нужно поддельное удостоверение личности*, а когда она узнала, что я живу в гостинице, она настояла на том, чтобы я переехала к ней. Я пытался отказаться, но когда она стала ныть, что постоянно остается одна в таком большом доме, я сдалась.

Было ли это безрассудством — переехать к человеку, которого я знаю всего пару дней? Определенно. Но когда единственный план — уехать, чтобы спасти жизнь парню, в которого ты влюблена, то, как правило, приходится делать не самый лучший выбор.

К счастью, этот вариант сработал.

Все, что у меня есть, включая мою работу, — это благодаря ей. Она была рядом, когда я плакала о том, о чем она до сих пор не знает, и отвлекала меня от тех моментов, когда я хотела просто рискнуть и вернуться домой. Она даже попросила своего отца потянуть за ниточки, чтобы я переступила порог музыкальной индустрии.

Никто и *никогда* не сравнится с Мали, но Нолан — вполне достойная альтернатива.

Она сидит, выставив напоказ свои сиськи и ничуть не стыдясь, а я, усмехаясь, смотрю в сторону. В этом ее особенность. Скромность просто не входит в ее лексикон.

— Ты свободна, — говорит она массажисту. — Если только Лейкин не хочет массажа.

Я смотрю в потолок, пока Нолан снова надевает рубашку. — Нет. Я в порядке.

Она усмехается. — Ты такая ханжа. Что бы ты делала на нудистском пляже?

— В том-то и дело. Я бы никогда не пошла на нудистский пляж.

Я снова смотрю вниз и вижу, что теперь она одета, и ее губы поджаты. — Тебе действительно следует это сделать. Я могла бы позвонить папочке, чтобы самолет был готов через час. Мы можем быть на Ибике к завтрашнему дню.

Сжимая переносицу, я стону. — Детка, сколько раз я должна повторять тебе, что каждый раз, когда ты называешь его *папочкой*, это звучит так, будто ты говоришь о *сладком*

папочке?

Она вздрагивает, как всегда. — Точно. Мерзость. Мой *papa*.

— Я ценю предложение, — говорю я сквозь небольшой смехок. — Но мне завтра на работу. Нам осталось записать еще четыре песни, прежде чем ЕР будет готов.

Ее плечи опускаются. — Это не весело. Было бы намного лучше, если бы ты просто путешествовала по миру со мной.

Мы с ней уже много раз спорили, и я не собираюсь уступать. — Я хочу работать.

Она прищуривается, глядя на меня. — Никто не *хочет* работать.

— Это неправда.

Конечно, может быть, люди не хотят работать на работе, которую они ненавидят, но я видела множество людей, которым нравится то, что они делают. И я искренне люблю свою работу. Это все, что я когда-либо хотела делать.

Я просто хотела бы, чтобы у меня был Хейс, с которым я могла бы поделиться этим.

В тот день, когда я продала свою первую песню, все, что я хотела сделать, это позвонить Хейсу и рассказать ему об этом. Когда все остальные смеялись над моей мечтой и говорили мне, что она нереалистичная, он поверил в меня. Он слушал, пока я снова и снова пела одни и те же три слова, пытаюсь понять, что в этом не так. Он праздновал со мной каждый раз, когда я заканчивала текст. Но его там не было.

И это все моя вина.

В ту ночь я лежала в постели и представляла себе все, что мы могли бы сделать. Наверное, он пригласил бы меня на ужин и прошептал бы мне на ухо, что он знал, что однажды у меня все получится. Были бы цветы и шампанское, но с оговоркой, что никто не знает, каким романтиком он может быть. И, конечно, ночь закончилась бы тем, что он заставил бы меня кричать, когда я кончила больше раз, чем это возможно, потому что это единственная музыка, которую он хотел бы слышать.

Когда вышла эта песня, я задалась вопросом, слышал ли он ее. Или знал ли он, что она о нем. Потому что он — тема всех моих песен, за исключением одной, которую я написала, чтобы выместить злость на анонимных разрушителей жизни, но она никогда не увидит свет. Иначе она вернется, чтобы укусить меня за задницу.

Я ничего о них не слышала с того самого дня, как ушла, когда написала им сообщение и сказала, что сделала это. Что я ушла от любви всей моей жизни посреди ночи, разбив его и свое сердце. Не было ни одного сообщения. Ни одной записки. Радиомолчание, но страх, что они все еще ждут, когда я облажаюсь, висит над моей головой, как гильотина, не давая мне приблизиться к родному городу.

Но если бы я могла, я бы вернулась в мгновение ока.

— Лейкин? — тихо спрашивает Нолан, и я понимаю, что она уже на полпути по коридору. — Ты идешь?

— Куда?

— Поесть. Я собираюсь попросить Пьера что-нибудь приготовить.

Мм-хм. — Ты собираешься сидеть там и наблюдать за его мускулами, не так ли?

Она ухмыляется. — Что я могу сказать? Я похотливая девчонка.

— Ты хочешь сказать, что ты *голодная* девочка.

— Я сказала то, что сказала.

Господи, Крис. Влюбленность Нолан во французского повара, которого ей разрешил нанять отец, — самый страшный секрет в истории. Девушка практически пускает слюни

каждый раз, когда смотрит на него. Она не скрывает этого, и хотя обычно я нахожу это комичным, сегодня я просто не в настроении.

Я притворно зеваю и вытягиваю руки над головой. — На самом деле я довольно измотана. Я собираюсь немного поспать.

Она цокает на меня. — Видишь? Работа высасывает из тебя жизнь. Тебе следует завязать.

— Спокойной ночи, Нолан, — предупреждающе говорю я.

— Спокойной ночи, — напевает она, пробегая по коридору на кухню.

Не то чтобы я лгала. Во всяком случае, не совсем. Я действительно измотана. Мы просидели в студии двенадцать часов, слушая одну и ту же песню снова и снова, пока не почувствовали, что она звучит правильно. Это утомляет быстрее, чем вы думаете. Это нелегкая работа, но когда мои слова воплощаются в жизнь, это того стоит.

Я возвращаюсь в свою комнату и забираюсь на кровать, которая слишком велика для одного человека. Каким бы удобным ни был матрас или пушистое одеяло, которое, по сути, поглощает меня целиком, этого никогда не бывает достаточно. Я жажду ощутить себя в постели Хейса. *Нашей* кровати. Я хочу лежать рядом с ним, когда он обнимает меня и бормочет какую-то чушь во сне.

Достав телефон, я пошла по пути саморазрушения и открыла Instagram. Дата на календаре весь этот проклятый день смотрела на меня, напоминая о том, что сегодня за день. Раньше я радовалась этому событию не меньше, чем Кэм. Сезон костров был для нас всем — началом лета, концом изоляции и лучшим пятничным вечером в году.

Оуэн — единственный, кто ничего не заподозрил, когда я следила за ним со своего псевдо-аккаунта. В нем почти нет фотографий, кроме нескольких кошек Нолан и одной фотографии бассейна. Он, наверное, даже не заметил, а если и заметил, то просто решил, что это девушка, которая считает его сексуальным или что-то в этом роде.

Ох, черт.

Самое последнее сообщение было сделано час назад и снабжено надписью: «НАЧИНАЕМ СЕЗОН КОСТРОВ ПРАВИЛЬНО!» Это четыре фотографии в слайд-шоу. На первой — он и пиво — его единственная настоящая любовь. На второй — костер перед ним, но у меня сводит желудок, когда я вижу Кэма на заднем плане.

Хейс был не единственным человеком, которого я оставила в ту ночь, и я скучаю по своему брату больше, чем это сделали бы другие в моей ситуации. Он всегда был моей опорой в детстве, и мне бы очень пригодилась его поддержка, когда я уезжала, но я знала, что если я свяжусь с ним, он скажет Хейсу, где я нахожусь. Я просто не могла рисковать. Так что я потеряла и его.

Я перехожу к следующей фотографии и усмехаюсь, видя, что Оуэн и Лукас выглядят как пьяные идиоты: Оуэн улыбается в камеру, а Лукас улыбается в другом направлении. У них никогда не было хороших фотографий. Один всегда умудряется все испортить.

Последняя фотография не дает мне покоя. На ней Хейс одной рукой отмахивается от камеры, а в другой держит пиво. Он выглядит чертовски хорошо, так же, как и всегда, только немного старше. Я стараюсь избегать его фотографий, насколько это возможно. Это так заманчиво — вернуться назад, несмотря на напоминания о том, что я теряю. Но в его глазах есть какая-то грусть, которую, кажется, никто не замечает. Как будто он отчаянно пытается сбежать от собственной жизни, хотя бы на мгновение.

И я понимаю его, потому что тоже это чувствую.

Слезы наполняют мои глаза, а боль в груди усиливается с каждой секундой. Не хватает слов, чтобы выразить, как сильно я скучаю по нему. Как сильно я хочу вернуться в ту ужасную ночь и сделать все по-другому. Но есть и та часть меня, которая испытывает облегчение от того, что он все еще на свободе. Он не гниет где-нибудь в тюрьме.

У него есть бар и друзья, он сидит у костра и пьет пиво — его любимый способ провести вечер. Как бы мне хотелось быть там, сидеть у него на коленях и заставлять Кэма и Мали жаловаться на то, как отвратительно мы влюблены. Потому что так и было. Мы были так безумно влюблены. И я до сих пор люблю. Это чувство никогда не пройдет для меня.

И когда я плачу во сне, как я делала это много раз за последние девятнадцать душераздирающих месяцев, я позволяю боли от отсутствия его съесть меня заживо.

Если бы только она смогла поглотить меня.

3

Хейс

Ощущение похмелья стало слишком привычным. На языке остается привкус алкоголя, который вызывает тошноту, но головная боль не дает мне встать, чтобы что-то предпринять. Я вслепую достаю телефон и вижу, что опоздал на час к открытию бара. Я бы сказал, что Кэм меня убьет, но он, наверное, в такой же ситуации, как и я.

Открываю телефон, и мои глаза расширяются, когда я вижу имя Лейкин. Но надежда на то, что она пыталась мне позвонить, умирает мучительной смертью, когда я понимаю, что это я пытался ей позвонить.

Двадцать семь раз.

К счастью, этот номер не принадлежит никому другому. Формально он не принадлежит и ей. Ее родители перевели номер на мой счет, когда мы поженились, и я скорее заплачу за него, чем отменю. По крайней мере, так я смогу слышать ее голос, когда она не отвечает.

Я знаю, это жалко. Чаще всего моя злость берет верх над чувством, что я скучаю по ней и расстроен ее уходом. Но когда я пьян, все ставки отменяются. Либо мне вообще все равно, либо я звоню ей — двадцать семь раз, по-видимому.

— Ты здесь, наверху, живой? — спрашивает знакомый голос.

Со стоном моя голова склоняется набок, когда Мали поднимается наверх. — Черт. Кэм здесь, не так ли?

Она ухмыляется. — Он здесь, и ты в беде. Бар должен был открыться более часа назад. На пляже несколько человек, страдающих от жажды.

— Всего десять утра, — ворчу я. — Их алкогольные задницы могут подождать.

— Забавно, что ты упомянул задницы алкоголиков... — Она подходит ближе, и я мгновенно сожалею о своих словах. — У тебя все в порядке?

Как ни удивительно, Мали стала одним из моих самых близких друзей с тех пор, как Лейкин ушла. Не берите в голову никаких идей. Она мне как сестра. Но мы опирались друг на друга, пока Кэм самоликвидировался. Я не думаю, что кто-то из нас хорошо воспринял ее отсутствие, но Кэм висел на волоске. И когда Мали попыталась обуздать его, это не сработало.

— К чему ты клонишь? — устало спрашиваю я.

Она ставит стакан воды и две таблетки Адвила рядом со мной. — Я просто беспокоюсь о тебе. Вот и все. Ты немного перебрал с алкоголем, а так как алкоголизм у тебя в семье... — Ее голос прерывается, и она вздыхает. — Я просто хочу убедиться, что ты знаешь, что делаешь.

Это не тот разговор, который я хочу вести. Не сейчас и никогда. Я никогда не понимал, почему мой отец бросил свою семью, чтобы постоянно напиваться. Если бы у меня был выбор между ними, я бы выбрал Лейкин без малейших колебаний. Но у меня не было возможности сделать этот выбор.

Схватив таблетки, я бросаю их в рот, быстро проглатываю, а затем поднимаюсь с кровати, чтобы пойти в душ. Но сначала мой взгляд встречается с Мали.

— Разница между ним и мной в том, что он ушел от своей семьи. Моя бросила меня.

Она хмурится, на ее лице читается сочувствие, но я отворачиваюсь, прежде чем признать это. Я пытался скрыть свою боль от всех вокруг меня, кроме моей мамы. Хотя Кэм знает, что моя мама больна, никто на самом деле не знает, *насколько* она больна. А Мали вообще ничего не знает. Она достаточно беспокоится обо мне. Я не хотел давать ей еще одну причину смотреть на меня так, будто заботиться обо мне — ее работа.

Это не так.

— Хейс, — печально говорит она.

— Скажи Кэму, что я спущусь через минуту, — отвечаю я, заходя в ванную.

Это не тот ответ, которого она хотела, но она не собирается спорить со мной прямо сейчас. — Ага.

У нас не в первый раз происходит разговор, подобный этому, когда она говорит мне, что мои действия и способы справиться с ситуацией нездоровые. Но, что *вредно для здоровья*, так это то, что за два года приходится проходить через такое количество дерьма, с которым некоторые люди справляются за всю свою чертову жизнь. И если, утопив все свои чувства в бутылке водки и паре кружек пива, удастся немного притупить боль от этого, то спасибо, черт возьми, тому, кто создал алкоголь.

Я включаю душ и направляю горячую воду на лицо, позволяя своим мыслям вернуться к тому моменту, когда ушла Лейкин. Это не то место, куда я часто хожу, но, возможно, мне следует, потому что каждый раз, когда я это делаю, я становлюсь немного злее.

В течение шести месяцев я пытался найти ее. Сначала мне помогали Кэм и Мали, выслеживая любую зацепку, которую я мог найти о том, куда она могла пойти. Мы даже вернулись к хакеру и заплатили ему, чтобы он попытался отследить ее телефон, но безуспешно. Все наши попытки заканчивались ничем. И вот настал день, когда родители Кэма получили письмо.

В нем было несколько страниц, объясняющих, что ей пришлось уехать, чтобы чего-то

добиться, и она не могла этого сделать здесь. Конечно, она не могла рассказать им, что произошло. Это секрет, который мы все унесем с собой в могилу. Но она извинилась за то, что ушла так внезапно и не попрощалась.

Это первый раз в моей жизни, когда я ревную ее к родителям. Они получили хорошо написанное и полностью продуманное письмо, в то время как я получил три жалких слова, нацарапанных на обороте нашей свадебной фотографии. Это было несправедливо. Это все еще не так. Я отдал ей все, а все, что получил взамен, — это боль и кучу грязных воспоминаний.

После этого письма Кэм прекратила поиски, и Мали вскоре последовала его примеру. Их главной заботой было то, что кто-то похитил ее и обставил все так, будто она ушла по собственному желанию. Но знания того, что она в безопасности — этого было достаточно для них, чтобы позволить ей жить своей жизнью и уйти от кошмара, который мучает каждого из нас.

Но я продолжал искать, по крайней мере, до того телефонного звонка.

Прошло полгода после ее ухода, и этого номера не было в моем телефоне, но чувство, которое я испытал, когда увидел, как он звонит, подсказало мне, что надо ответить. И я ответил.

Сначала в трубке была тишина, только звук дыхания, но я знал, что это она. Впервые за последние месяцы моя грудь наполнилась надеждой.

— Лейкин, — сказал я, в моем голосе звучала ранимость.

Но меня встретила тишина. Я попытался разобрать фоновый шум, чтобы хоть как-то понять, где она может быть, но не смог.

Через несколько минут тишины я попробовал снова. — Детка, поговори со мной.

Зря я это сделал, потому что следовавшие за этим слова всегда будут такими же болезненными, как и в тот момент.

— Ты должен перестать искать меня, — сказала она, и тут же звонок оборвался.

Шесть месяцев я неустанно искал ее, а она так и не захотела, чтобы ее нашли. И если я думал, что три слова, нацарапанные ее почерком, причиняют боль, то они меркли по сравнению с тем, что я почувствовал, когда услышал эти семь слов. Я думал, что умру. Я действительно думал об этом, потому что жизнь без нее меня не интересовала. Но каким-то образом мне удалось выстоять.

А через три недели я стоял в больничной палате, когда у моей мамы обнаружили рак.

Знаете, как говорят, когда идет дождь, *что он льет как из ведра.*

Так вот, я живу в атмосфере постоянного ливня.

Самое приятное в выходные дни — это то, что когда в баре много народу, можно легко отвлечься. Люди приходят после целого дня, проведенного на солнце, и хотят выпить, чтобы охладиться. На улице еще не так жарко, но солнце может быть беспощадным, а океан еще слишком холодный, чтобы в нем купаться.

В первые несколько недель лета прошлого года мы недооценили количество продаваемой нами бутилированной воды. Нет необходимости говорить о том, что в этом году мы это исправили. По крайней мере, половина наших летних продаж — безалкогольные.

Мысленно я пытаюсь придумать, как заработать дополнительные деньги, чтобы покрыть рост расходов моей мамы. Оказывается, мне следовало посмотреть на эти документы. Не то чтобы у меня была другая реакция на то, какой уход ей следует обеспечить, но я бы лучше понимал, на что соглашаюсь. Может быть, для кого-то пара тысяч в месяц и не так уж много, но для разорившегося владельца бара, который уже платит почти десять тысяч только за ее комнату, это имеет значение.

Дополнительный счет будет непростым, но я найду способ его оплатить.

— Снаружи крутой байк, — говорит только что вошедший серфер. — Он твой?

Я киваю, улыбаясь, чтобы выглядеть дружелюбно. — Так и есть.

— Круто. Я хотел мотоцикл, но мне некуда будет поставить мою доску. Он протягивает мне руку. — Я Финн.

— Хейс, — отвечаю я. — Да, доски для серфинга и мотоциклы не создают хорошую команду.

— Я знаю. Черт возьми, это отстой. Но если акула когда-нибудь откусит мне руку и я больше не смогу заниматься серфингом, я куплю мотоцикл.

Мали поднимает взгляд с пустым выражением лица. — Если у тебя нет руки, как, черт возьми, ты собираешься ездить на мотоцикле?

Он смотрит на нее, его глаза блестят, когда он понимает, что привлек внимание красивой девушки. — Я Финн. А ты кто?

— Та, у кого не хватает терпения на глупости.

Она возвращается к листанию своего журнала, как будто ее ничто не беспокоит, и меня это несколько не удивляет. Если бы я не знал, что она безнадежно привязана к моему лучшему другу, даже после того, как он все испортил, я бы подумал, что она асексуальна. Но я слышал достаточно, чтобы понять, что это не так.

— Мали, — тихо говорю я, подходя к ней. — Что я говорил тебе об оскорблении клиентов?

Она хмыкает. — Детка, ты платишь мне недостаточно, чтобы я прикусила язык. На самом деле, ты мне вообще не платишь.

Она права, мы ей не платим. Она приходит потусоваться и притворяется, что помогает, хотя на самом деле ей просто скучно в выходные. И после всего, через что она прошла, она больше никому не доверяет. Не то чтобы я ее винил. У всех нас есть проблемы, возникшие тем летом.

Райли и Кэм возвращаются, смеясь над чем-то, и я не упускаю из виду звук отвращения, который издает Мали. Они с Райли никогда не ладили, и она не пытается скрыть своего презрения. Сначала я подумал, что это из-за того, что Райли, возможно, равнодушна к Кэму. Но это оказалось не так. Наоборот, это потому, что Райли равнодушна *ко мне*. И пусть Лейкин уже нет, но любовь Мали к ней глубока. Она всегда будет заботиться о своей

лучшей подруге, даже когда я пытаюсь сказать ей, что у Лейкин больше нет на меня никаких прав — что, как мы оба знаем, является гребаной ложью.

Я смотрю, как она поджимает губы, когда ей приходит в голову идея, и мне становится страшно, к чему это приведет.

— Райли! — Мали зовет ее так, словно они лучшие друзья. — Это Финн. Финн, это Райли. Вам двоим было бы здорово вместе.

Райли смотрит скептически, в то время как Финн улыбается ей. — Что заставляет тебя так думать?

— Вы оба до безобразия бестолковые.

Кэм давится водой, а я усмехаюсь. — Способ приукрасить это.

Она поднимает брови, глядя на меня. — По-твоему, я похожа на Вилли Вонку?

Боже, однажды она убьет кого-нибудь своим нахальством. Я просто надеюсь, что буду там, чтобы увидеть это. С другой стороны, этим человеком вполне могу быть я.

Райли скрещивает руки на груди и свирепо смотрит на нас с Кэмом. — Ты издеваешься надо мной? Ты не собираешься отчитать ее за то, что она так со мной разговаривает?

Мы с Кэмом смотрим друг на друга, затем на Мали, которая знает, что в этом месте ей сойдет с рук практически все, и мы оба качаем головами, глядя куда угодно, только не на Райли, поскольку нам нужно заняться делами.

— Сука, — ворчит Райли.

Если бы мы были в другом месте, я бы беспокоился, что Мали пойдет за ней, но тут она знает, что лучше.

— Для тебя я *Мисс Сука*. Уважай старших, идиотка.

Да, в какой-то момент они все равно набросятся друг на друга.

Выйдя на улицу на перекур, я смотрю на мотоцикл, которым ранее восхищался Финн. Он прав — он прекрасен. Это была импульсивная покупка после отъезда Лейкин — моя собственная версия экстремальной терапии, если это можно так назвать. Я опустошил свой счет и выкинул все деньги на этот байк.

Насыщенная красная краска сверкает в солнечном свете, а выхлопные трубы урчат, когда я завожу его. Мали обвиняла меня в том, что я гонюсь за адреналином, который испытывал, когда еще был с Лейкин, и в чем-то она была права. Этот мотоцикл давал мне ту остроту ощущений, которых мне не хватало, а иногда и сейчас дает, но уже не в такой степени.

Если говорить начистоту, то деньги мне нужны больше, чем мотоцикл. Какое-то время это было весело. И мне нравился весь этот образ *байкера*, который легко сочетался с владением баром. Но нужно чем-то жертвовать.

И если я получу за него достаточно, то смогу наверстать часть счетов за бар еще до того,

как Кэм узнает о проблеме.

Есть что-то такое в том, чтобы найти потенциальное решение своих проблем. Это поднимает настроение и дает ощущение, что, возможно, все не так уж плохо. Этого недостаточно, чтобы избавиться от всех проблем, или даже недостаточно, чтобы мне не хотелось выпить, но это уже кое-что, и я приму все, что смогу получить в данный момент.

С заходом солнца бар начинает набирать обороты. В бар стекаются отдыхающие, готовые начать субботний вечер. На небольшой сцене, которую мы построили в углу, играет ди-джей, а Кэм разжигает костер на улице, чтобы люди могли посидеть вокруг него. Но хотя я люблю всех своих клиентов, всегда есть один, с которым возникают сложности.

— Эйч, — говорит Мали. — Какой, черт возьми, пароль от Wi-Fi?

Что? — Откуда, черт возьми, мне знать?

Она пожимает плечами. — Вон та книголюбка Барби хочет в последнюю минуту сделать задание на своем компьютере и ей нужен пароль от Wi-Fi, а вы, видимо, рекламируете бесплатный Wi-Fi на своем сайте.

— У нас есть веб-сайт? — усмехаюсь я. — Ради всего святого, кто вообще работает в баре?

Мали смеется и уходит, оставляя меня разбираться с этим. Я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть Кэма, идущего ко мне.

— Эй, ты знаешь пароль от Wi-Fi?

Его брови хмурятся. — Нет, а что?

Я киваю в сторону девушки, уткнувшейся лицом в компьютер в дальнем углу. — Ей это нужно, а наш сайт обещает бесплатный Wi-Fi. Ты знал, что у нас есть сайт?

Он закатывает глаза. — Без меня это место развалится. Он наверху. Я схожу за ним.

— Спасибо.

В это время Райли, Мали и я работаем в баре, справляясь с «закатной суетой», как мы это называем. Хотя, когда нас трое, это не так уж сложно. Мали удается *случайно* не подставить Райли подножку, а Райли держит при себе все свои ворчливые замечания по поводу того, что Мали стоит за барной стойкой. Но когда девушка из дальнего угла подходит и в очередной раз спрашивает пароль от Wi-Fi, я понимаю, что Кэма нет уже больше получаса.

— Мэл, ты не видела Кэма? — Она качает головой. — Райли?

Но она его тоже не видела.

Я передаю пиво ожидающему парню и иду наверх, думая, не застрял ли он в поисках пароля или еще чего-нибудь, но результат оказался гораздо хуже. Он стоит перед моим столом с открытым нижним ящиком и разложенными на нем просроченными счетами.

Я передаю пиво ожидающему парню и направляюсь наверх, гадая, не застрял ли он в

поисках пароля или что-то в этом роде, но результат намного хуже. Он стоит перед моим столом, нижний ящик открыт, а на верхнем разложены все просроченные счета.

Ублюдок. — Кэм, я могу объяснить. Выслушай меня.

Он выглядит подавленным. — Чувак!

Я не так представлял себе происходящее дерьмо. Ну, это неправда. Я вообще не представлял, как это будет происходить, потому что в конце концов нашел решение.

— Я знаю! Я собираюсь это исправить, — говорю я ему. — Я продаю свой байк и—

— Твой байк? — говорит он, не веря своим ушам. — Эйч, здесь больше пятидесяти штук!

Иисус. Я так и не суммировал все это. Я слишком боялся, что это число только усилит мое беспокойство, и посмотрите на это — я был прав.

— Какого черта мы так отстали? — огрызается он. — У нас все было хорошо! Мы уже должны быть в плюсе! Ты знаешь, сколько баров закрываются всего через пять лет? Какого черта мы в минусе?

Моя голова падает вперед. — Я не оплачивал счета.

— Ни хрена себе, я это вижу! — Он бросает на пол несколько бумаг, которые держит в руках. — Да что с тобой, блядь, такое? Я знаю, что это была твоя идея, но это не просто *твой* гребаный бар! Это мой чертов заработок!

— Что происходит? — спрашивает Мали.

Кэм фыркает и закатывает глаза. — Конечно, ты пришла, чтобы спасти его. Невероятно.

Если кто-то и не боится перечить Кэму, так это она. — Что, черт возьми, это должно означать?

— Это значит, что он разрушает свою жизнь, а ты, блядь, позволяешь ему это делать! — рычит Кэм, затем сосредотачивает свое внимание на мне. — Я знаю, что у тебя разбито сердце из-за моей сестры, но прошло почти два года! Двигайся, блядь, дальше!

Ладно, к черту это. — Это не из-за Лейкин, придурок!

— Да ну, фигня это! Иначе почему ты не платишь по счетам? Это наркотики? Мне нужно отвезти тебя в реабилитационный центр? Господи, да ты и так выпиваешь половину всего пива в этом месте. А теперь я должен беспокоиться о том, что ты выпьешь еще и весь этот гребаный бар?

— Кэм! — кричит Мали, но слишком поздно брать его под контроль.

— Пошел ты, — усмехаюсь я. — Я не собираюсь сидеть здесь и слушать, как ты ругаешь меня, как будто ты намного лучше меня.

Я разворачиваюсь и направляюсь к лестнице, желая убраться отсюда нахрен, в то время как Кэм кричит у меня за спиной. — Каков муж, такова и жена, верно? Убегают, когда становится совсем хреново!

Мали снова кричит на него, но я не слышу, что она говорит, когда спускаюсь по лестнице и выхожу за дверь. Сворачивая за угол, я вижу свой байк, стоящий прямо рядом с моим грузовиком, и ну его к черту. Если я собираюсь продать его, я могу воспользоваться им в последний раз.

Надев шлем, я пристегиваю его и слушаю, как мотоцикл оживает. Я сдаю назад и поворачиваюсь, чтобы выехать с парковки, как раз в тот момент, когда Мали выбегает на улицу. Я уверен, что она кричит, чтобы я остановился, но она ничего не может сказать, чтобы удержать меня здесь и сейчас.

Выхлопная труба урчит, когда я сворачиваю на улицу. Прохладный ветер продувает

сквозь мою толстовку, но это приятно. Это похоже на что-то. Что-то, что не является онемением, но и не болью. И я живу ради этого.

Я не знаю, где я ошибся. Было время, когда у меня было все. Все, чего я хотел, было прямо передо мной, и я думал, что мое «все» тоже хочет меня. Может быть, я неправильно понял выражение ее глаз или честность ее голоса, когда она призналась мне в любви. Черт возьми, я мог вообразить все это, насколько я знаю. Но как только она ушла, вся моя жизнь развалилась на кусочки. Как будто она была тем клеем, на котором все держалось, а теперь карма заставляет меня платить за все мои проступки, причем в десятикратном размере.

Два года назад у меня было все, а теперь я могу только стоять и смотреть, как у меня все это отнимают.

Двигатель становится громче, я мчусь по дороге, наблюдая, как мимо меня проплывает пляж, и я теряюсь в том времени, когда мне казалось, что я могу одолеть весь мир. Ради нее я бы так и сделал. Я хотел бы вернуться назад и остановить время. Я бы отмотал назад нашу брачную ночь и прожил ее снова и снова, потому что именно тогда мы были самыми счастливыми.

Когда рак не убивал мою маму.

Когда Лейкин была в моих объятиях.

Когда я наслаждался жизнью и смотрел, как сбываются мои мечты.

А теперь просто... что бы это ни было.

Я разгоняюсь чуть быстрее, и мое внимание привлекает пара на тротуаре. Он обнимает ее, а она откидывает голову назад, смеясь так, словно быть влюбленной — это самое прекрасное чувство на свете. Мало кто знает, что это чувство — ложь. Просто куча химикатов в мозгу, чтобы обмануть тебя и заставить думать, что это будет длиться вечно.

Оно погубит их так же, как погубило меня.

Я поворачиваюсь, чтобы снова сосредоточиться на дороге, но уже слишком поздно. Красный свет слишком близко, и даже если я нажму на тормоза и мотоцикл заскользит, потеряв управление, это не поможет. Байк выскальзывает из-под меня, я скольжу по земле, пока мы оба не врезаемся прямо во внедорожник, поворачивающийся налево.

Я даже не успеваю почувствовать боль, как все вокруг погружается во тьму.

4

Лейкин

Паника. Хаос. Все вокруг как в тумане, когда я вдавливаю педаль газа в пол.

Телефонный звонок, который я получила час назад, стал воплощением моего самого страшного кошмара. Все слова проносятся у меня в голове по кругу.

Авария на мотоцикле.

Возможно, сломаны ребра.

Возможно, отек мозга.

Слишком рано говорить об этом.

Боль от тоски по нему сильна и постоянна, но боль от незнания того, что с ним все будет хорошо, ни с чем не сравнима. Это поставило меня на колени, и, когда я положила трубку, я ничего не могла поделать, кроме как быть полностью потрясенной приступом паники, у которого была одна цель — уничтожить меня. Не успела я полностью восстановить дыхание, как оказалась в своей машине.

Часть моей одежды засунута в чемодан. Я даже не знаю, подходит ли что-нибудь из этого, и у меня не было времени застегнуть молнию, прежде чем я выбежала из дома. Черт, я даже не сказала Нолан, куда иду. Я решила, что напишу ей, когда приеду, но сейчас я сосредоточена только на том, чтобы добраться до больницы.

Я не должна туда ехать.

Я знаю это.

Мне дали строгие указания держаться подальше, иначе я рискую будущим Хейса, и именно поэтому я не пыталась вернуться с тех пор, как уехала. Но сейчас я не знаю, есть ли у него вообще будущее, и не могу удержать себя от того, чтобы не броситься к нему — хотя не уверена, что он захочет меня видеть.

Но мне нужно быть там.

Мне нужно, чтобы с ним все было в порядке.

Ради всего святого, пожалуйста, пусть с ним все будет хорошо.

Тревога, которую вызывает знак «Добро пожаловать в Колдер-Бей», меркнет по сравнению с тошнотой, которая подкатывает ко мне, когда я въезжаю на парковку больницы. Не успев остановиться, я бросаю машину на парковке и выхожу из нее, устремляясь к двери приемного покоя. Прошло уже несколько часов, но я до сих пор не получила никаких новостей, и я не уверена, хорошо это или нет.

Как только я вхожу в дверь, весь воздух высасывается из моих легких, и я остаюсь как вкопанная. Мали и Кэм стоят в углу комнаты ожидания, выглядя напряженными, и Мали определенно злится.

— Я же, блядь, говорила тебе: нельзя давить на него, когда он в таком состоянии. Он безрассуден и неуравновешен. Ты знаешь его лучше, чем я. Ты должен знать, что там происходит больше дерьма, чем мы все знаем!

— Я знаю, — говорит он, дергая себя за волосы. — Черт, пусть с ним все будет хорошо,

а с остальным мы разберемся после.

Она смягчается при звуке его слов. — Так и будет. Мы говорим о Хейсе. Он выйдет из этого, как Невероятный Халк, с соответствующим эго.

Голос врача привлекает наше внимание: он спрашивает о семье Хейса Уайлдера. Я вздрагиваю от боли, которая пронзает меня. Мысль о том, что он находится в этом месте, слишком сильна, и если он не в порядке...

— Кто-нибудь из вас является членом семьи? — спрашивает доктор у Кэма и Мали, когда они подходят к нему. Они качают головами. — Простите. К сожалению, мне нужно поговорить с членом семьи.

Кэм вздыхает. — Его сестра учится в колледже, а мама находится в доме престарелых. Она не может... она недоступна.

Брови Мали нахмурились одновременно с моими, показывая, что и для нее эта информация является новой. *Почему его мама в доме престарелых?*

— Вы можете как-то дозвониться до его сестры? — настаивает доктор. — Мне необходимо поговорить с кем-то из его законных родственников.

Черт. — Я его жена, — выпаливаю я.

Головы Кэма и Мали поворачиваются ко мне, и глаза Мали наполняются слезами, в то время как Кэм выглядит так, будто увидел привидение. Я думаю, в каком-то смысле так оно и есть. Но прямо сейчас я не могу справиться со всем этим. Это может подождать.

Мне нужно знать, все ли с Хейсом в порядке.

— Лейкин Уайлдер, — говорю я доктору, впервые за полтора года используя свою настоящую фамилию. — Как он себя чувствует?

— Вашему мужу очень повезло, учитывая, в какую аварию он попал, — говорит он мне, и мы все трое выдыхаем. — Но это не значит, что он не пострадал. У него ушиблено несколько ребер и очень большая ссадина на теле, но именно шлем спас ему жизнь. Поскольку он был без сознания в течение довольно продолжительного времени, мы хотим оставить его на ночь для наблюдения, а утром проведем еще одну компьютерную томографию, чтобы убедиться в отсутствии повреждений мозга или сильного сотрясения.

Вот это да. Я не знала, что можно испытывать такое облегчение. Слезы наполняют мои глаза, когда я понимаю, что с ним все будет в порядке, и Мали, похоже, чувствует то же самое, потому что я слышу ее всхлипывание позади меня.

— Это отличная новость, — говорю я доктору. — Спасибо.

Он кивает. — Хотите, я отведу вас к нему?

Я колеблюсь. Честно говоря, лучше всего сейчас было бы уехать. Уехать из города, пока никто не узнал, что я была здесь. Но после того испуга, который я только что пережила, я не уверена, что смогу заснуть, пока не увижу его. Пока не увижу своими глазами, что с ним все в порядке.

— Да, пожалуйста, — отвечаю я.

Он начинает вести меня за собой, и я оглядываюсь, давая Мали и Кэму небольшую улыбку, прежде чем последовать за доктором. Но как только мы доходим до дверей с ограниченным доступом, Кэм окликает меня по имени.

Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы он налетел на меня и крепко обнял. Эмоции от того, что я снова могу обнять своего брата, особенно в тот момент, когда я так *нуждалась* в объятиях, переполняют меня. Я позволяю себе это, обнимая его так же крепко, как он обнимает меня.

— Черт возьми, я скучал по тебе, — тихо пробормотал он. — Я так зол на тебя, но я буду зол еще больше, если ты снова уйдешь, не поговорив со мной. Так что, когда закончишь здесь, найди меня.

Ладно, этого следовало ожидать. — Я так и сделаю.

Это обещание я намерена сдерживать, потому что я тоже по нему скучала. Так сильно, что почти не хочу его отпускать. Но Хейс где-то здесь, и теперь, когда я уже смирилась с тем, что снова увижу его, он нужен мне больше, чем воздух, которым я дышу.

Кэм отпускает меня, и я следую за доктором через двери, чувствуя на себе взгляды Кэма и Мали через окно, пока мы не сворачиваем за угол.

— Его палата вон там. 12В, — говорит он мне, останавливаясь у стола.

Я киваю. — Спасибо.

Ноги несут меня по коридору на автопилоте, сердце хочет бежать к нему, в то время как мой потрясенный мозг говорит мне, чтобы я бежала от него. Само возвращение в этот город сопряжено с риском, и, увидев его, я не уверена, что смогу снова уехать. Это было достаточно трудно в первый раз, когда я стояла на пороге нашей спальни и смотрела, как он крепко спит, не желая ничего, кроме как снова оказаться в постели рядом с ним, где мне самое место.

Когда я подхожу к его палате, какая-то часть меня надеется, что именно это я и увижу сейчас. Он крепко спит, умиротворенный и не замечающий моего присутствия. Но когда я вхожу в его комнату, и его взгляд встречается с моим, у меня перехватывает дыхание.

Фотографии никогда не передавали его истинное лицо, каким бы хорошим ни был фотограф. Он выглядит так же, как и в день моего отъезда, только немного старше. Его волосы на дюйм или два длиннее, а щетина на лице ему очень идет. Боже, как больно смотреть на него и понимать, от чего мне пришлось отказаться.

Он всегда был прекрасен — даже ангелы готовы проклясть себя за такую красоту — и когда-то он был моим.

Но теперь уже нет.

Все мои надежды на то, что он будет рад меня видеть, угасли, когда он издает сухой смешок.

— Если ты пришла за разводом, сейчас действительно неподходящее время, — выплевывает он.

Я вздрагиваю, хотя знаю, что заслуживаю этого. — Ты в порядке?

— О, так внезапно ты заботишься о моем благополучии? Где, блядь, было это дерьмо два года назад?

Он зол, и я это понимаю. Он не знает ни о текстовых сообщениях, ни о конверте, который был оставлен под водительским сиденьем моей машины. Он ничего не знает, кроме того, что я ушла.

— Что ты вообще здесь делаешь, Лейкин? — рычит он.

Я провожу пальцами по волосам и вздыхаю. — Мне позвонили из больницы. Я все еще твоя жена, что делает меня твоим ближайшим родственником.

Он хмыкает, хватая телефон с колен. — Привет, Сири, установи напоминание, чтобы удалить Лейкин из любого места, где есть экстренный контакт. — Его телефон подтверждает, что напоминание установлено, и он мрачно улыбается мне. — Не волнуйся. Они больше не побеспокоят тебя. Ты можешь вернуться к своей новой жизни и забыть обо мне.

Но в том-то и дело, что я не могу.

Чувство от осознания того, что он так сильно меня ненавидит, не из приятных. Если бы мне пришлось гадать, я бы сказала, что это похоже на то, как я представляю себе ад. Мое сердце не было целым с того дня, как я вышла из дома, где мы жили вместе, но сейчас оно разбито еще сильнее.

Если бы я могла забыть о нем, у меня бы не было этой проблемы. Я бы не просыпалась посреди сна в слезах, потому что мне снилось, что он обнимает меня, и я не хотела, чтобы это заканчивалось. Я бы не прокручивала в голове все те моменты, которые мы пережили вместе, когда испытываю особую ненависть к себе. Я бы не стояла посреди больницы в городе, в котором не должна была находиться, отчаянно желая знать, что с ним все в порядке.

Но с ним не все в порядке.

Он сломлен... и это моя вина.

Конечно, я могла бы рассказать ему обо всем. О сообщениях и угрозах, о которых мне запрещено упоминать. Действительно нарушить все правила, которые мне были даны, всего за несколько коротких часов и посмотреть, что из этого выйдет. Но я не могу. Мое присутствие здесь только усугубляет ситуацию, поэтому, как бы больно мне ни было, я должна уйти. Он и так достаточно страдает; похоже, ему больно при каждом вздохе.

— Мне жаль, — говорю я, зная, что этого недостаточно. — Поправляйся.

Он ничего не говорит, закатывает глаза и смотрит в сторону, и, Боже, я бы сделала все, чтобы вернуться в то время, когда он смотрел на меня так, словно я была единственной, кто имел значение в этом мире.

Я опускаю голову и возвращаюсь в холл, пытаюсь сдержать слезы, но когда я вижу, что Мали все еще ждет меня, это становится безнадежным подвигом. Она грустно улыбается, видя, как дрожит моя нижняя губа, и я иду прямо в ее объятия.

— Он ненавидит меня, — рыдаю я. — Он ненавидит меня так сильно, что не может даже смотреть на меня.

Она тяжело вздыхает и гладит меня по спине. — Он не ненавидит тебя. Я не думаю, что он способен тебя ненавидеть.

— Ты не видела, как он смотрел на меня. Как будто я была худшим, что когда-либо случилось с ним.

Я отстраняюсь, чтобы вытереть слезы с лица рукавами толстовки, и Мали хмурится, чувствуя мою боль так же, как и всегда.

— Мне жаль. Мне не следовало тебе звонить. Я просто не знала, что еще можно сделать, — говорит она мне.

Я качаю головой. — Нет. Ты поступила правильно. Мне нужно было знать, потому что, если бы ему не так повезло...

Мой рот даже не может произнести эти слова. Потерять Хейса так, как это случилось со мной, тяжело, но если бы я знала, что его нет где-то там, существующего и тычущего всем в лицо, какой он несправедливо красивый, — что ж, это не тот мир, в котором я хотела бы жить.

— Я знаю, — говорит она с пониманием. — Ты думаешь, он знает?

Мали сидит со мной на кровати после, пожалуй, самого напряженного спора в нашей с Хейсом жизни.

— Позволь мне спросить тебя вот о чем, — пробормотала она. — Допустим, Хейс убил Монти намеренно... как ты думаешь, он был не прав?

Мне требуется лишь мгновение, чтобы ответить. — Никто не заслуживает смерти, особенно такой, как он. Но я больше не скучаю по нему, теперь я знаю, кем он был.

Она поджигает губы. — Это понятно. Честно говоря, последние несколько недель я чувствовала то же самое. Не то чтобы я желала кому-то смерти, но мне кажется, что я его больше не знаю, так как же я могу скорбеть о том, кого никогда не знала?

— Именно.

Я утерла слезу, вспомнив о конверте, который был оставлен под моим сиденьем. Мой своеобразный ультиматум. Я могу либо уйти — оставить все, что я когда-либо знала и любила, — либо остаться и наблюдать за тем, как жизнь Хейса разрывается на части перед судьей и присяжными.

Как я могу бездействовать, если он может провести остаток жизни в тюрьме? Причем за инцидент, который я практически спровоцировала, не меньше. Если бы я не была настолько глупа, что оставила Хейса с Монти, зная, как он его ненавидит, то, скорее всего, мы бы не попали в эту переделку.

Он готов на все ради меня. Я знаю это. Но я не могу допустить, чтобы мое дерьмовое решение разрушило всю его оставшуюся жизнь. Если кому-то и придется страдать, то только мне.

Я делаю глубокий вдох и открываю нижнюю часть тумбочки, достаю конверт и умоляюще смотрю на Мали.

— Мэл, мне нужна услуга... и она тебе не понравится.

— Нет. Я сказала ему, что мне позвонили из больницы, потому что я его жена и все такое.

— О, это умно. — В ее голосе слышится облегчение. — Я даже представить не могу, что бы он сделал, если бы узнал, что я знала, где ты была все это время. Или хуже, если Кэм узнает.

Честно говоря, я не хочу знать. — Они не узнают. Поверь мне. Я никогда не смогу отплатить тебе за все, что ты сделала, особенно за заботу о нем.

Мали пожимает плечами. — Это было не трудно. Я имею в виду, он чертовски невыносим. Понятия не имею, как ты вышла за него замуж, но он один из моих лучших друзей.

— Ему повезло, что у него есть ты, — говорю я ей. — Нам обоим.

Она обнимает меня еще раз, и я скучала по ее утешению. Мы виделись пару раз с тех пор, как я уехала, но этого вряд ли достаточно, когда вы привыкли проводить вместе почти каждый день.

— Я собираюсь пойти повидаться с ним, но Кэм вернулся в бар, чтобы закрыть его. Тебе следует пойти и поговорить с ним.

Тьфу, яма в моем животе, кажется, не становится меньше. — Хорошо, но если я пропаду, на этот раз это было не по моей вине.

Она усмехается. — Я оставлю поисковую группу наготове.

— Буду тебе признательна. — Я направляюсь к двери, поворачиваясь к ней лицом, когда иду назад. — Люблю тебя.

— Люблю тебя еще больше, — отвечает она, а затем идет к стойке регистрации, чтобы

получить пропуск для посещения Хейса.

Не так много случаев, когда я завидовала своей лучшей подруге, но то, что она может видеть его, проводить время рядом с ним, просто разговаривать и смеяться, определенно входит в этот список.

Надеюсь, мой разговор с Кэмом пройдет лучше, по сравнению с тем, что был с Хейсом. Я не уверена, что смогу выдержать ненависть двух самых важных мужчин в моей жизни.

В баре все еще должно быть много народу, но, когда я выхожу из машины, парковка практически пуста. Я помню, как упорно мы все работали над этим местом. Мы не могли дождаться, когда оно откроется. Но, к сожалению, мне так и не удалось увидеть его в готовом виде.

Я знаю, что они уже открылись. Мали сказала мне. Немного позже, чем планировалось, но они успели завершить ремонт. И, как я слышала, это один из лучших баров в этом районе.

Если посмотреть на вывеску, то это так похоже на Хейса. Она сделана в виде огромной доски для серфинга, о которую разбиваются волны. Это все, что я себе представляла.

Shore Break (Перерыв на берегу).

Честно говоря, я испытала облегчение, когда Мали сказала мне, что они выбрали название, которое не является до смешного глупым. После того как я услышала несколько идей, которые они перебрасывали друг другу, я не удивилась бы, если бы они сделали название больше похожим на стриптиз-клуб, чем на бар. Но этот вариант мне действительно нравится.

Я не ожидаю, что это будет теплый прием, поэтому даю себе минуту, чтобы подготовиться. Когда я чувствую, что хоть немного готова, я заставляю свои ноги двигаться и иду к входу в бар. Я смотрю на кострище, которое они соорудили на песке перед баром, с патио и стульями. Я видела его на фотографиях, которые они все выкладывали, но, увидев его вживую, я могу восхититься тем, как хорошо все это выглядит.

Кэм, должно быть, построил его сам — он всегда был хорош в этом деле.

Он закрывает бар, когда я вхожу, с благоговением наблюдая за тем, как все выглядит в законченном виде. Но то, как я сразу узнаю запах одеколona Хейса, заставляет мои глаза на секунду закрыться, пока я восстанавливаю дыхание.

— Привет, — говорит Кэм, все еще не веря, что я здесь.

То же самое, брат. — Это место выглядит невероятно, Кэм. Это лучше, чем я могла себе представить. Я действительно горжусь вами, ребята.

Он медленно кивает, обводя взглядом помещение, но потом его взгляд останавливается на мне. — Где ты была, Лей?

Черт. Я ждала этого. — Ну, знаешь... где-то поблизости.

— Где-то? — повторил он. — Не хочешь сказать, где?

Мои плечи опускаются, и я вздыхаю. — Мне жаль. Я не могу.

Это не ложь. Встретить Нолан и жить с ней было чистой удачей, и у меня там есть жизнь, или столько жизни, сколько я могу иметь. Моя работа на студии и наш с Нолан дом — это то, на что я готова променять все, если бы это означало возможность вернуться сюда. Но это не вариант. И если я расскажу Кэму, где я была, это тоже станет невозможным.

— Ты не можешь? — возражает он. — Ты сейчас серьезно?

— Пожалуйста, не кричи на меня.

Он насмехается. — Нет, к черту это. Я собираюсь на тебя накричать. Ты просто исчезла. Лейкин! Исчезла и не удосужилась никому сообщить, где ты, и жива ли ты вообще! Что за хрень?

— Я должна была, — задыхаюсь я. — Я не хотела, но я должна была.

Его рука откидывает волосы с лица, и он закатывает глаза. — О, это все объясняет. Спасибо за это.

— Кэм.

— Не надо! — рычит он. — Я очень волновался за тебя несколько недель, пока мама и папа наконец не получили это письмо. А Хейс? Не думаю, что он когда-нибудь оправится от того, что ты с ним сделала.

Именно этого я и боялась — того, что он бросит мне в лицо правду. Мали умеет говорить мне только то, что мне нужно знать. Она не посвящает меня в то, что, как она знает, сломает меня, если это не является абсолютно необходимым. Но Кэм? Он не так мил. Но у него и нет причин быть таким.

— Знаешь, для того, кто так упорно боролся за эти отношения, ты точно знала, как их испортить, — говорит он мне.

Я опускаю голову и смотрю в пол. — Я знаю.

Словно поняв, что его слова меня задевают, он делает глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Как все прошло, когда ты его увидела?

Я саркастически хмыкаю. — Он очень разозлился.

— А ты ожидала другого? Я имею в виду, что ты ушла посреди ночи. Не думаю, что это заслуживает теплого приема.

— Нет, я понимаю.

Я думаю о том, что если бы я подождала еще немного, Мали дала бы мне знать, что с ним все в порядке. Я бы не рисковал его жизнью, находясь в том месте, где мне нельзя находиться. Но теперь уже слишком поздно. Надеюсь, я успею уйти до того, как наш анонимный преследователь поймет, что я здесь.

— Я не хотела усугублять ситуацию, — тихо говорю я. — Но мне нужно было знать, что с ним все в порядке.

— Откуда ты вообще узнала, что он в больнице?

Я повторяю ту же ложь, что и Хейсу. — Они мне позвонили. Мы все еще женаты, поэтому я его ближайший родственник.

Но если у Хейса после аварии мозга, возможно, не так ясны, то у Кэма они остры как стеклышко. — Откуда у них твой новый номер телефона?

Черт. — Я дала им его. Позвонили после моего отъезда, чтобы обновить его на случай непредвиденных обстоятельств.

Он нахмуривает брови. — Значит, ты не могла никому сказать, куда едешь, но решила позвонить в больницу на случай, если им понадобится с тобой связаться?

Тяжело выдохнув, я снова уставился на него. — Не то чтобы я забыла сказать кому-то, где нахожусь, или мне было лень это делать. Я намеренно никому не сказала, чтобы никто из вас меня не нашел.

— Как отвратительно эгоистично с твоей стороны, — усмехнулся он. — Мама с папой действительно вырастили настоящего победителя.

Ну, это весело. Если бы я знала, что возвращаться сюда будет так больно, я бы сделала это раньше.

Но самое ужасное, что я все понимаю. Я все понимаю. Каждое слово, которое Хейс и Кэм бросали в меня, как ножи, — все это то, о чем я думала сама. Только не по тем же причинам.

Они считают меня эгоистичной сукой, раз я ушла.

Но я — эгоистичная сука, поскольку с самого начала не послушала Хейса насчет Монти. За то, что искренне верила, что Хейс просто параноик и собственник. Если бы я только послушала его с самого начала. У меня была бы идеальная жизнь, о которой я до сих пор время от времени мечтаю.

— Мне очень жаль, — говорю я ему. — Seriously, мне очень жаль, что я причинила боль тебе и ему. Это не было моим намерением. Но не волнуйся, я уезжаю сегодня вечером и больше не вернусь. Моя жизнь здесь закончилась. Я знаю это.

Он покачал головой. — В том-то и дело. Ты не можешь уйти.

— Что?

— Мне нужно, чтобы ты осталась, — говорит он, потом поправляет себя. — Хейсу нужно, чтобы ты осталась.

Мои глаза расширяются, и надежда, разбухающая в моей груди, действительно должна прекратиться. — Он даже не мог посмотреть на меня раньше. Что значит, ему нужно, чтобы я осталась?

Кэм обходит бар и садится на один из табуретов, потирая лицо руками. — Он движется по спирали, Лей. Он отгораживается от всех и совершает необдуманные поступки. Я имею в виду, он знал, что ему не следовало ехать так быстро на мотоцикле, но все равно сделал это.

Он так искренне переживает за него, что у меня защемило в груди. — Я слышала, как вы с Мали ругались в больнице. Вы можете потерять бар?

Он угрюмо кивает. — Я нашел стопку счетов за последнее время, все просроченные. Некоторые даже грозят аннулированием. Контракты с поставщиками, налоги... все под угрозой. Если бы мне пришлось гадать, я бы сказал, что он не платит по счетам уже около шести месяцев. А налоги и того больше.

— Это не похоже на Хейса. Или, по крайней мере, не на того Хейса, которого я знала.

Хриплый гул вибрирует в задней части его горла. — В том-то и дело, что он не тот Хейс, которого ты знала. Он не тот Хейс, которого знал я. И только когда я позвонил его маме по дороге из больницы, я понял, почему.

Он начинает плакать, а я не так часто видел своего брата плачущим. Он — кирпичная стена эмоций. Поэтому, видя, как его это задевает, я понимаю, что это не может быть хорошо.

— Она умирает, Лей, — говорит он мне, и моя грудь разрывается. — Последний год у нее был рак, и я думал, что ей становится лучше. Он говорил, что с ней все будет хорошо, но сегодня вечером она сказала мне, что вчера ее положили в хоспис.

Я прижимаю кулак ко рту и начинаю плакать. — Нет. Она не может...

Он кивает. — Я знаю, но это так. Он пытается справиться со всем сам, но не может. Это слишком много. Он может думать, что он супермен или что-то в этом роде, но это не так. Когда она умрет, это сломает его. И я думаю, что ты можешь быть единственным шансом для нас не потерять его полностью из-за этого.

Меня тошнит. Буквально. Меня может вырвать в любой момент. — Он не хочет, чтобы я была здесь. Поверь мне, Кэм, ты не видел, как он смотрел на меня раньше. Я — *последний* человек, которого он хочет видеть.

Но Кэм ничего этого не слышит, он качает головой. — Может, сейчас он так и думает, но ты единственный человек, которого он хочет видеть. Он бы не искал тебя так долго, если бы не хотел тебя видеть.

Верно. В течение первых шести месяцев моего отсутствия. Именно поэтому я отправила такое подробное письмо родителям. Я пыталась уверить всех, что со мной все в порядке, особенно Хейса, и показать ему, что ему не суждено меня найти. Но он не сдавался. И вот наконец настал день, когда Мали сказала мне, что я должна позвонить ему.

Это был самый трудный телефонный звонок в моей жизни.

Когда я услышала его голос, я почти не смогла этого сделать. В его голосе звучало отчаяние и одновременно облегчение, и мне даже не нужно было ничего говорить, чтобы он понял, что это я. Я просидела так несколько минут, чувствуя какую-то связь с ним, а затем заставила себя произнести слова. Как только они прозвучали, я сразу же бросила трубку телефона-автомата, чтобы он не услышал, как я сломалась.

И, черт возьми, я сломалась.

— Кэм, мне нужно, чтобы ты поверил мне, когда я говорю, *что не могу остаться*, — говорю я ему со всей убежденностью, на какую только способна. — Я больше всего на свете хочу, чтобы я могла. Правда. Но причина, по которой я уехала, та же самая, по которой я должна уехать снова. Если я останусь, ему будет только хуже.

Он надулся, закрыл глаза и поднял брови. — Невероятно. Слушай, если ты снова уедешь, если ты не останешься здесь, чтобы помочь ему пережить это, то сделай нам всем одолжение и уезжай.

Прежде чем я успеваю сказать что-либо еще, он встает и направляется к лестнице. Совершенно очевидно, что меня не приглашают следовать за ним. Он зол, и у него есть на это полное право, но единственный способ исправить ситуацию — это рассказать ему, почему я ушла, что нарушает правило номер три.

По этим правилам я живу последние девятнадцать месяцев.

Правило первое: Покончить с Хейсом и полностью покинуть Колдер-Бей.

Правило второе: Никаких контактов. Вам запрещено видеться или разговаривать с ним.

Правило третье: Ни при каких обстоятельствах не говорите ему, что отъезд — это не ваш выбор.

Если вы нарушите хотя бы одно из этих правил, я позабочусь о том, чтобы Хейса обвинили в убийстве Монтгомери Роллинза и он провел остаток жизни в тюрьме. У меня достаточно доказательств, чтобы гарантировать его осуждение. Если вы мне не верите, переверните это.

С той ночи, как я ушла, я соблюдала все правила до сегодняшнего дня. Мали пыталась объяснить Хейсу, почему я ушла, не нарушая правил, но я не думаю, что наш преследователь будет так уж рад такой лазейке. Это был не тот риск, на который я готова была пойти. И до

сих пор не готова. И именно поэтому я не скажу Кэму. Потому что он расскажет Хейсу раньше, чем это прозвучит из моих уст.

Зная, что он не вернется, я сдерживаю слезы и выхожу за дверь. Послание ясно: мне здесь больше не рады.

5

Хейс

Хочу отметить, что я не терпеливый человек. После того, как меня заставили провести здесь ночь, несмотря на то, что я настаивал на том, что со мной все в порядке, я с нетерпением жду выписки. С тех пор как заболела моя мама, больницы меня пугают. Они наводят тоску, и никто никогда не хочет здесь находиться.

Я жду выписки три часа, пока не начинаю брать ситуацию в свои руки — начиная с этой гребаной капельницы. Они приклеивают эту хреновину так, как будто ты собираешься на войну, и она должна оставаться на месте, а значит, отрывать ее никогда не стоит. Честно говоря, ощущение такое, будто сдираешь слой кожи.

Как раз в тот момент, когда я выдергиваю эту штуку из своей руки, используя одну из салфеток, оставшихся у меня после завтрака, входит медсестра с документами на выписку. Она бросает на меня взгляд, который говорит о том, что ей не смешно.

— Ты не должен был этого делать, — ругает она меня.

Я натягиваю на лицо улыбку «я хороший мальчик». — Я просто пытался вам помочь.

— Угу. — Она подходит и смотрит вниз на мою руку. — Убери салфетку, пока не подхватил инфекцию, и покажи мне ущерб. — Когда я делаю то, что она говорит, ее губы поджимаются. — Неплохо. У тебя сейчас будет синяк, которого, вероятно, не было бы, если бы ты просто позволил мне это сделать, но ты не истечешь кровью до смерти.

Мои глаза расширяются. — Это действительно было возможно?

Она пожимает плечами и ухмыляется мне. — Теперь ты дважды подумаешь, прежде чем сделать это снова, не так ли?

Я усмехаюсь. — Я поступлю лучше и больше никогда не буду ложиться под капельницу.

— Не могу не согласиться в этом. — Она берет в руки планшет и начинает просматривать выписные документы. — Вы поступили с травмами, полученными в результате аварии на мотоцикле. У вас ушиб двух ребер и большая ссадина на левом боку. Ребра будут болеть несколько недель, но не забудьте проконсультроваться с врачом. Вам назначен препарат Викодин. Принимайте его каждые четыре-шесть часов по мере необходимости для снятия боли. Важно, чтобы вы принимали его так, чтобы от боли в ребрах у вас не было затрудненного дыхания. На месте сыпи от дорожного покрытия уже

образовались струпья, поэтому надевайте легкие рубашки. Они будут меньше болеть. Вопросы есть?

— Когда я уже смогу убраться отсюда нахрен, — бормочу я.

Она игриво закатывает глаза. — Как только ты подпишешь бумаги.

Я вытаскиваю ручку из зажима и царапаю свое имя в строке, возвращая ее ей. Она вручает мне мою копию документов вместе с рецептом, как раз в тот момент, когда Кэм входит в палату.

— Спасибо, черт возьми, — выдыхаю я. — Забери меня отсюда.

Он оглядывает меня с ног до головы, а затем улыбается. — Ты собираешься выйти отсюда в этом красивом халатике? Пусть твоя задница болтается и все такое?

— Да, тебе бы это понравилось, не так ли?

Улыбка сходит с его лица, когда я использую его собственную шутку против него. — Да пошел ты.

Я фыркнул. — В этом халате, ты, наверное, хотел бы. Дай мне мою одежду.

Он бросает мне серые спортивные штаны и одну из моих футболок, а медсестра смеется. Она смотрит, как я пытаюсь встать, с нерешительным выражением лица.

— Тебе может понадобиться помощь, — говорит она мне. — Твои обезболивающие препараты должны вот-вот подействовать.

Я делаю лицо, как будто не понимаю, о чем она говорит, но боль почти сбивает меня с ног, когда я встаю. Я поморщился, тихо застонав от боли, прежде чем скрыть ее.

— Видишь? — говорю я, безуспешно пытаясь казаться нормальным. — Я в полном порядке.

Медсестра ухмыляется и поворачивается к Кэму. — Удачи тебе с ним.

Он хмыкает. — Спасибо. Мне это понадобится, я уверен.

На то, чтобы одеться, у меня уходит больше времени, чем следовало бы. Каждое движение причиняет боль, а когда моя одежда трется о сыпь от дорожного покрытия— забудьте об этом. Может, Кэм и пошутил насчет того, что я уйду в этом платье, но на мгновение я действительно задумалась об этом.

Когда я наконец выхожу из ванной, он бросает на меня изучающий взгляд. — Ты в порядке?

Я отмахнулся от него. — Мы можем идти?

— Скажи волшебное слово, — поддразнивает он.

Нет. — К черту, я пойду пешком.

Когда я беру свой телефон и выхожу из палаты, Кэм хмыкает, следуя за мной. Я стараюсь идти нормально. Могу только представить, что будет, если мне придется начать торопиться. Но поскольку боль становится слишком сильной, у меня нет выбора. Дыхание сбивается, когда я хватаюсь за перила в конце коридора и замедляю шаг.

— Ты в порядке, дедушка? — спрашивает Кэм.

Я закатываю глаза. — Хочу ли я вообще спрашивать, как мой мотоцикл?

Он морщится. — Нет. Не стоит.

Охуенно.

Так хотелось его продать.

— Ух, я так любил этот мотоцикл.

Я понимаю, что выбрал не то слово, когда его глаза загораются при возможности упомянуть Лейкин. Конечно, он тут же набрасывается на меня.

— Кстати, о вещах, которые ты так любишь, — протягивает он. — Видел вчера кого-нибудь интересного?

— Нет.

Он смотрит на меня, но я не встречаюсь с ним взглядом. — Никого достойного упоминания?

— Нет, — повторяю я.

Мы подходим к входной двери, и его джип ждет нас прямо у входа. — Я знаю, что ты вчера видел Лейкин.

Я вздрагиваю от неожиданности и тут же жалею о своем выборе, так как боль пронзает мою грудь. — Нет, ты серьезно?

Он открывает передо мной дверь со стороны пассажира и смотрит, как я с трудом забираюсь внутрь. — Я бы помог тебе, но ты мне только что солгал.

— Мне не нужна твоя помощь, — упрямо говорю я. Когда я, наконец, сажусь на сиденье, я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. — И я не лгал. Видеть ее было неинтересно и не стоило упоминания, насколько я могу судить.

Очевидно, что он мне не верит, но он также знает, что не стоит давить на меня прямо сейчас, поэтому он закрывает дверь и идет к водительскому месту.

Если быть до конца честным, то вчерашняя встреча с ней стала для меня шоком. Я не знал, что буду чувствовать, если она вернется. То есть, я подозревал, что буду зол. После того, как она ушла, я имею на это право. Но я не думаю, что ожидал, что какая-то часть меня все еще будет испытывать волнение при виде ее.

Она выглядела так хорошо — такой же красивой, какой я ее запомнил. Я надеялся, что она стала уродливой. Может быть, она ужасно постареет и уйдет в себя или что-то в этом роде. Может быть, тогда мне было бы легче смотреть на нее. Но я не очень нравлюсь Вселенной.

Или вообще, видимо.

К счастью, лекарства внутривенно помогли, когда я смотрел, как она уходит, и заново переживал ту боль — только на этот раз я видел, как она уходит. Я не спал в своей постели, думая, что она рядом со мной. Хотя я еще не решил, стало ли от этого лучше или хуже.

— Ну, она ушла, — говорит Кэм, ставя джип на первую передачу. — Ушла вчера вечером, после того как пришла ко мне в бар.

Я поджимаю губы, прежде чем выдавить из себя. — Хорошо для нее.

А я чувствую себя хуже некуда.

Я думал, что мы едем прямо к бару, но когда Кэм делает неожиданный поворот, я понимаю, что это не так. Я смотрю между ним и дорогой перед нами, но он изо всех сил старается не выдать себя. Вместо этого он постукивает большими пальцами по рулю в такт

песне.

Только когда он делает последний поворот, я понимаю, куда мы едем.

Мое сердце бешено колотится, когда он сворачивает на парковку дома престарелых. —

Что мы здесь делаем?

— Ну, я подумал, что ты захочешь увидеть свою маму, ведь вчера ты попала в опасную для жизни аварию и все такое.

Он прав, я хочу, но я намеревался приехать один, как только достану свой грузовик и таблетку обезболивающего, если уж на то пошло. Эта хрень чертовски болит.

— Спасибо, чувак, — говорю я ему, открывая дверь. — Я скоро выйду.

Но он выключает джип и отстегивает ремень безопасности. — Не, я, пожалуй, пойду с тобой.

Черт.

Он знает.

Моя голова откидывается на сиденье, и я вздыхаю. — Сукин сын.

— Не говори так о своей матери, — шутит он, но затем его лицо становится серьезным. — Почему ты не сказал мне, что ее поместили в хоспис?

— Я не знаю, — признаюсь я. — Наверное, я просто хотел проигнорировать это. Притвориться, что этого не было.

Его брови приподнимаются. — Да? И как тебе это удается?

— Не будь ослом.

Я не в настроении шутить. Не тогда, когда мы сидим на парковке того места, где чахнет моя мама. Это единственное место, где я не могу это игнорировать. Когда я здесь, я должен быть сильным ради нее.

— Поэтому у нас неоплаченные счета за бар?

Я медленно киваю. — Я платил за это место. Ее страховка это не покрывает, и она не переедет жить ко мне, чтобы я мог позаботиться о ней. Было место, где просто приняли бы ее справку о нетрудоспособности, но это была просто дыра.

Кэм на выдохе потирает висок. — Почему ты просто не поговорил со мной об этом? Ты знаешь, что я всегда сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе, не так ли?

— Да, я знаю. — И я правда знаю. — Думаю, я убедил себя, что смогу с этим справиться. Что я был достаточно силен, чтобы все это сделать. Поначалу я полагал, что это просто немного поставит нас в невыгодное положение, но затем летние месяцы компенсировали бы это, и это могло бы составить мою половину прибыли. Но все вышло из-под контроля. И теперь у меня даже нет байка, который я мог бы продать.

Он смотрит в окно, позволяя всему этому осмыслиться, прежде чем ответить. — Во-первых, мы не занимаемся этим дерьмом. Мы не лжем друг другу. Это то, о чем мы договорились после того, как ты признался, что месяцами прелюбодействовал с моей сестрой за моей спиной, верно?

Я не могу удержаться от смеха, морщась от боли. — Прелюбодействовал?

— Это единственное слово, которое я могу использовать без рвотных позывов, — рычит он. — Смирись с этим.

Достаточно справедливо. — Это прелюбодеяние.

— Я знаю, тебе нравится думать, что ты такой крутой, но ради всего святого, просьба о помощи не делает тебя слабым, Эйч.

Черт возьми. Этот разговор почти заставляет меня скучать по больнице. *Почти.* — Я

знаю. Мне жаль. Я должен был прийти к тебе по этому поводу.

— Ты чертовски прав, тебе следовало это сделать, — раздраженно соглашается он. — Послушай, это не конец света. Нам просто нужно придумать, как это исправить.

Я качаю головой. — Это не твоя проблема, которую нужно решать, чувак.

— Да, к черту это. Мы братья. Мы заботимся друг о друге. — Он делает паузу, глядя куда угодно, только не на меня. — Вот почему я позвонил всем компаниям, которым мы задолжали денег, и заплатил им достаточно, чтобы поддерживать это дерьмо в рабочем состоянии.

Моя голова поворачивается к нему. — *Что* ты сделал?

Он пожимает плечами. — Это не все. Мы все еще в минусе. Но пока это кое-что.

Боже, какой же я мудака. — Спасибо. Тебе не нужно было этого делать.

— И тебе не нужно было вытаскивать меня из тюрьмы под залог пару лет назад, — замечает он. — Это то, что мы делаем.

Он выставляет кулак, и я ударяю по нему, чувствуя некоторое облегчение. Будущее бара тяготило меня, да и сейчас тяготит, но сейчас оно менее напряженное. И мне помогает осознание того, что я больше не делаю это в одиночку.

— Осталось только придумать, как найти остальные деньги, — вздыхает он. — Ты прав. Летние месяцы помогут, но я не думаю, что их будет достаточно.

Я качаю головой. — Нет, у меня есть другая идея.

Я думал об этом со вчерашнего вечера, когда Лейкин стояла у меня на пороге и выглядела как воплощение разбитого сердца. Впервые я перестал отгораживаться от всего и начал осознавать все, от чего она отказалась. Все, от чего она ушла. И стало ясно, что я должен перестать держаться за то, что на самом деле никогда не было тем, чем я его считал.

То, что у нас было, уже прошло.

Пришло время отпустить.

— Я собираюсь продать дом.

Ладно, медсестра, возможно, была права — лекарства мне сейчас не помешают. Пытаться работать барменом с большими ребрами и ссадинами, покрывающими половину моего бока, очень сложно. А под «сложно» я подразумеваю, что это чертова пытка. При каждом движении мне кажется, что кто-то режет меня на части или вонзает нож в грудь. Но я не хочу работать, принимая обезболивающие. Когда я понял, как сильно мне это нужно, было уже слишком поздно. Если бы я принял их тогда, я бы не смог принять их перед сном.

Каким-то образом мне удастся справиться с этим. Кэм и Райли уходят, оставляя меня закрываться, но с этим я справлюсь. Они позаботились об уборке. Единственное, что мне осталось сделать — это касса. Обычно я пополняю запасы, но поднимать тяжелые ящики с пивом сейчас не самая лучшая идея.

Я уже заканчиваю работу, когда слышу, как открывается дверь. Должно быть, Кэм забыл закрыть ее, когда уходил.

— Извините, мы закрыты, — говорю я.

Но ответа нет. Я не слышу, как открывается дверь, поэтому знаю, что они все еще здесь, но если только это не чертов ниндзя, собирающийся ограбить меня, они все еще должны стоять у двери.

Я поворачиваюсь, стараясь не делать резких движений, но боль все равно приходит, когда я вижу стоящую там Лейкин. Я оглядываю ее с ног до головы, на секунду закрываю глаза, чтобы запомнить ее облик, и тут мои стены вздымаются.

— Может быть, я не совсем ясно выразился вчера, — прорычал я. — Ты не собираешься разводиться. Так что давай, делай свой маленький трюк с исчезновением, который у тебя так хорошо получается, потому что я ничего не подпишу.

Ее глаза блестят на свету, показывая, что она на грани слез, но я не позволяю себе переживать, когда ее плечи опускаются в знак поражения. — Я не... не для этого я здесь.

Мне не следовало бы испытывать такое облегчение, услышав это. Честно говоря, я вообще не должен был отказывать ей в разводе. Она больше не моя, а значит, она вольна делать все, что хочет, с тем, с кем хочет.

Да, неважно. К черту.

Я бы все равно вырубил кого-нибудь за то, что он слишком долго смотрел на нее.

— Я думал, ты ушла, — пробормотал я.

Она тяжело вздыхает. — Я пыталась, но не смогла. Кэм рассказал мне о твоей маме. Мне так жаль.

Я насмехаюсь. — За что? За то, что тебя не было здесь, когда ей поставили диагноз, или за то, что ты так меня запугала, что я даже завидовал ее смертному приговору?

Ее рука движется к груди, показывая, что мои слова попали в цель. — Хейс.

Да, я не могу этого сделать. Все, что она скажет, будет сказано слишком поздно. Кроме того, мне и так достаточно больно. Мне не нужно, чтобы она еще больше усугубляла это.

Я обхожу бар и подхожу к двери, толкаю ее, хотя это физически больно.

— Как я уже сказал, мэм... мы закрыты.

Она выглядит так, как будто я ударил ее кулаком в живот: она пытается и не может сдержать слезы. Я жду, пока она сделает пару шагов за дверь, прежде чем закрыть ее, и мы смотрим друг на друга через стекло, когда я закрываю дверь перед ее лицом.

На этот раз именно я должен уйти.

Лейжы

Я стою перед дверью и почему-то испытываю страх перед ней. Никогда не думала, что наступит время, когда я буду чувствовать себя неудобно в родном городе. Это место всегда было моим убежищем. Но после последних нескольких дней я уже не знаю, чего ожидать.

У меня уходит пять минут на то, чтобы уговорить себя постучать, и всего несколько секунд на то, чтобы он ответил. Глаза Кэма расширяются, а губы поджимаются, когда он видит меня.

— Ты все еще здесь, — признает он.

Я уверенно киваю. — Пока.

Это не совсем то, что он хотел услышать, но этого достаточно, чтобы он открыл дверь и впустил меня.

Видеть Кэма в его собственной квартире странно. То есть я знала, что у него она есть, потому что Мали сказала мне об этом в тот день, когда он съехал из дома моих родителей. Но одно дело — слышать об этом, а другое — быть здесь. Это не самая большая квартира, но для него она идеальна. И мне нравится, что он сделал ее своей.

— Как ты узнала, где меня найти? — спрашивает он, идя на кухню, чтобы налить еще одну чашку кофе.

Я оглядываюсь по сторонам, и на моих губах появляется небольшая улыбка. — Мали.

Он хмыкает. — Да, это был глупый вопрос. Я должен был догадаться.

Мой взгляд падает на фотографию рядом с телевизором. На ней изображены Кэм и Хейс, сделанная в день открытия *Shore Break*. Они оба ухмыляются от уха до уха, и мне досадно, что меня не было рядом, чтобы увидеть это воочию.

Кэм возвращается и протягивает мне кружку с теплым кофе, и я вздыхаю с облегчением. — Ты самый лучший. Спасибо. Кофе в мотеле на вкус как разогретая грязь.

Его брови хмурятся. — *Мотель?* Ты не осталась у мамы с папой?

— Нет, — сразу отвечаю я. — Я не думаю, что они даже впустили бы меня в дверь.

Когда я ушла так, как ушла, это их тоже обеспокоило. Признаюсь, с моей стороны было эгоистично исчезнуть, не сказав никому ни слова. Но в свое оправдание скажу, что я была не в том состоянии духа, и это было бы большим преуменьшением. В голове был полный бардак.

Да и сейчас, честно говоря.

Узнав, что они получили мое письмо, я дала им неделю, прежде чем попытаться выйти на связь. Обратного адреса по понятным причинам не было, так что вряд ли они могли написать мне ответ. Но уже в первые тридцать секунд телефонного разговора я поняла, что они в ярости.

Я должна была догадаться, что так и будет. Их убеждения относительно святости брака никогда не были секретом, поэтому, конечно, они прочитали мне лекцию о том, как

неправильно было вот так бросать мужа. Они не могли понять, как за шесть недель я прошла путь от влюбленности до бегства. Но я не могла сказать им, почему я ушла.

У меня не было другого выбора, кроме как позволить вине полностью лечь на меня.

И со временем я начала верить, что так оно и есть.

— Не будь смешной, — говорит Кэм. — Ты их дочь. Они всегда будут хотеть тебя видеть.

Я фыркнула. — Да, ты также сказал мне, что я нужна Хейсу здесь.

— Ты снова с ним виделась?

— Заходила в бар вчера вечером после закрытия.

Я не знаю, что было хуже — то, как он смотрел на меня, или слова, которые он произнес. Честно говоря, и то, и другое резало как нож. Я знала, что он будет расстроен, когда я уйду. Ни одна часть меня не думала, что я выдумываю чувства между нами. Но, наверное, я думала, что в конце концов он восстановится. Что жить без меня будет лучше, чем провести остаток жизни в тюрьме за убийство — и это если его не приговорят к смертной казни.

Учитывая то, кем является отец Монти, это более чем вероятно.

Но я начинаю понимать, что, возможно, недооценивала, как сильно он меня любит.

Любил меня.

— Звучит не очень хорошо, — говорит он, морщась. — Все прошло плохо?

Я тяжело вздыхаю. — Помнишь, папа был в плохом настроении, а я не хотела говорить ему, что мне дали коньки не того размера?

— Да. Они были малы на три размера, а ты все равно их использовала. И разбила свог чертову голову об лед.

Я киваю. — Все было примерно так же, только прошлой ночью было гораздо большее.

— Черт.

— Угу. — Я сажусь за маленький столик, который он поставил в углу, и ставлю перед собой кружку. — Мне все равно, что вы с Мали говорите. Он меня ненавидит.

Он откидывается на спинку стула и вытягивает руки над головой. — Я так не думаю, Лей. Это немного чересчур.

— Кэм, он сказал мне, что я заставляю его завидовать неизлечимой болезни его матери.

Он выглядит удивленным, но только на секунду. — Ну, это извращение. Но это не значит, что он тебя ненавидит.

Я закатываю глаза. — Ну да, потому что я говорю всем, кто мне дорог, что из-за них я хочу умереть.

— Ты пыталась извиниться? — спрашивает он.

— Да, но он не захотел слушать. Он просто выгнал меня и назвал мэм.

Это заставляет его усмехнуться. — Извини, что смеюсь, просто я никогда не слышал, чтобы он называл кого-то мэм.

— Да, я знаю. — Вот почему это было так больно, и я знаю, что это было его намерением.

Он выглядит так, будто раздумывает какое-то мгновение, прежде чем наконец сдается. — Ладно, хорошо. Может быть, я был не прав.

— Ты думаешь? — нахально говорю я, но это признание не должно быть таким болезненным, как оно есть.

Не то чтобы я не знала, что Хейс не хочет, чтобы я была рядом с ним. Я видела это в его

глазах, когда встретила с ним в больнице. Если бы он мог физически вышвырнуть меня оттуда, он бы так и сделал. Но Кэм знает его лучше, чем кто-либо другой, и какая-то часть меня надеялась, что то, что он мне сказал, было правдой.

— Мне очень жаль, — сказал он мне. — Я не хотел быть ослом и усугублять твое положение. Я просто волнуюсь за него.

— Я тоже, — честно отвечаю я. — Но если в какой-то момент я могла его спасти, то теперь уже нет. Он ясно дал это понять.

Он застонал, и я вижу, как он переживает из-за этого. — Вполне справедливо. Ты можешь уехать — вернуться туда, где ты сейчас живешь, — если ты этого хочешь. Но я думаю, что перед отъездом ты должна увидеться с мамой и папой. Если они узнают, что ты была здесь и не сделала хотя бы попытки увидеться с ними, им будет очень больно.

Уф. Я знаю, что он прав. Одно дело, если они вообще не узнают о моем возвращении, но если кто-то видел меня и скажет им об этом, у них будет разбито сердце. Любой мой шанс восстановить отношения с кем-либо из них умрет прямо на месте. И, кроме того, я не пытаюсь причинить кому-то боль.

И никогда не пыталась.

— Ты пойдешь со мной? — умоляю я.

Он усмехается. — Собираешься использовать меня как щит?

— Если понадобится, то может быть, — шучу я. — Да ладно. Раньше я играла для тебя роль посредника. Не то чтобы тебе это было действительно нужно, но когда ты думал, что тебе это понадобится, я была рядом.

Он наклоняет голову в сторону. — Разве не из-за тебя у меня всегда были неприятности?

— Кэм!

Я пинаю его под столом, и он смеется. — Ладно, ладно! Сегодня я иду к ним на ужин. В шесть часов. Приходи в это время.

Ужин. Ладно. Думаю, я справлюсь с ужином — если только Кэм будет там. Не думаю, что они будут при нем цензурировать себя или что-то в этом роде, но он никогда не боялся встать на мою сторону или осудить их, когда они ведут себя слишком неразумно.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Я приду. Но если я не увижу твой джип на подъездной дорожке, я уйду.

Он отворачивается, делая вид, что обиделся. — Ты так мало веришь в меня.

Я отмахиваюсь от него, и мы оба смеемся, продолжая пить кофе. Вы можете практически почувствовать изменения в воздухе. Это более комфортно, более нормально, чем в ту ночь в баре. Но я не виню его ни в чем, что он сказал. Он прав, когда беспокоится о Хейсе. Он висит на волоске.

Но как бы мне ни хотелось помочь ему — снова стать для него тем человеком, — я не могу. Если уж на то пошло, я только усугубляю ситуацию.

— Итак, какие у тебя планы на день?

Я делаю глубокий вдох, понимая, что мне нужно сделать что-то еще более страшное, чем появление в баре. — Вообще-то, это еще одна причина, по которой я здесь. Мне нужно узнать, в каком доме престарелых находится мама Хейса.

Чтобы загладить свою вину за то, что направил меня в неправильном направлении с Хейсом, Кэм даже сообщает мне о том, что он пришел в бар и увидел, что Эйч все еще там. Я благодарна ему за это. Этот визит и так будет нелегким, а с его присутствием я не вижу, чтобы все прошло хорошо. Но, с другой стороны, вероятность того, что все пройдет хорошо, даже без его присутствия, практически равна нулю.

Нет никакого способа психологически подготовиться к этому. Если я буду ждать, пока не почувствую себя готовой к встрече со свекровью после того, как разбила сердце ее сына, я никогда не пойду на это. Единственный вариант — нырнуть с головой на глубину и надеяться, что вода не окажется втайне кислотной.

Я заставляю себя выйти из машины и иду внутрь, направляясь к стойке регистрации. — Здравствуйте. Я пришла к Валери Уайлдер.

— Она вас ждет?

Маловероятно. — Конечно, ждет. Я ее невестка.

Я достаю свои права и протягиваю ей, чтобы показать, что у нас одинаковые фамилии. Она вежливо улыбается и отдает права.

— Идите направо, потом за поворотом налево, — объясняет она. — Второй раз налево. Она в комнате 511.

— Большое спасибо.

Я повторяю указания в голове снова и снова. Меньше всего мне хочется заблудиться в этом месте. Я никогда не найду выход. С другой стороны, игра в бинго с женщиной по имени Эдна, наверное, будет лучшей альтернативой, чем ужин в доме моих родителей.

Номера комнат проплывают мимо, пока я не оказываюсь у входа в ее комнату. Трудно представить ее в таком месте. Ей всего лишь за пятьдесят. Мне кажется, что она слишком молода для этого, но, зная Хейса, он бы не поместил ее сюда, если бы этого не требовала ситуация.

Сдерживая подступающую к горлу желчь, я делаю несколько шагов в комнату. Его мама лежит на кровати и смотрит телевизор, как вдруг видит меня. Слезы мгновенно наполняют мои глаза. Она выглядит такой хрупкой. Женщина, которую я знала много лет, была силой, с которой нельзя было не считаться. Она работала ради своих детей, и быть матерью-одиночкой было нелегко, но она это делала. А теперь рак разрывает ее тело, как будто она не самая сильная женщина, которую я имела счастье знать.

— Лейкин, — вздыхает она, с облегчением и удивлением глядя на меня.

Я прижимаю кулак ко рту и качаю головой, чувствуя все эмоции. — Мне очень жаль. Мне очень, очень жаль.

У его матери есть все основания ненавидеть меня. Черт, да я сама себя ненавижу. Но она раскрывает свои хрупкие руки и приглашает меня войти. Я бросаюсь к ней, крепко

обнимаю ее и плачу, как ребенок. Последние два года я изо всех сил старалась держаться, но даже не подозревала, как легко мне это давалось. Тем временем она была здесь, боролась за свою жизнь, а Хейс вынужден был наблюдать, как она проигрывает эту борьбу.

Я, черт возьми, хуже всех.

— Шшш, — спокойно говорит она, проводя пальцами по моим волосам, как будто это я умираю, а не она. — Ты в порядке. С тобой все в порядке.

Я отстраняюсь и вытираю слезы рукавом. — Кэм рассказал мне новости. Я понятия не имела.

Она пожимает плечами. — А как ты могла? Никто не знал, как с тобой связаться.

В ее словах есть скрытая резкость, но, честно говоря, она могла бы сейчас сказать гораздо хуже. — Я знаю. Мне очень жаль.

— Так ты сказала. Хейс знает, что ты вернулась? — Я киваю и смотрю на свои ноги. — Я так понимаю, он был не самым гостеприимным человеком.

Фыркнув, я покачал головой. — Нет, но я это заслужила.

Она вздохнула. — Его эмоции — это его личное дело, да, но никто не заслуживает жестокости. Вы молоды. Часть взросления — это совершение ошибок. Обычно они не такие серьезные, как *вступление в брак*, но все их совершают.

— Нет, — говорю я серьезно. — Замужество с Хейсом не было ошибкой. Я никогда не буду считать это ошибкой.

— Интересно. Тогда почему ты ушла?

Я никак не могу это объяснить. Не так, чтобы не рисковать ее мнением о сыне. Я бы предпочла, чтобы она возложила вину на меня. В конце концов, это моя вина.

— Это сложно, — отвечаю я. — Действительно сложно.

— Должно быть, если это заставило тебя оставить его после того, как я видела, как вы смотрели друг на друга, — говорит она.

Я грустно улыбаюсь. — Я все еще смотрю на него так. Думаю, что всегда буду.

— А ты не пробовала сказать ему об этом?

Да, конечно. — Для этого нужно, чтобы он вообще позволил мне что-то ему сказать. Он не хочет, чтобы я была здесь, и я не держу на него зла. Я знаю, что ранила его.

Она сморщила нос. — Я не хочу, чтобы тебе было хуже. Я действительно не хочу. Но *«ранила»* — это слишком мягко сказано, дорогая.

Я опускаю голову. — Ты согласишься мне, если я скажу, что все, что я делала, было только ради его блага?

На секунду наступает тишина, прежде чем она отвечает. — Как ни удивительно, но да. Я верю, что ты любишь его, Лейкин. Это никогда не вызывало у меня сомнений. Думаю, именно поэтому я была так потрясена, когда ты ушла так, как ушла.

— Люблю, — подтверждаю я. — Я люблю его. Я всегда буду его любить. Я имею в виду, что прошло уже около пяти лет. Не думаю, что я помню, каково это — не любить его.

— Забавно, как это работает, не правда ли?

Боже, я знала, что будет больно, но это похоже на удар паяльной лампой прямо в сердце. Или насыпать соль на раны, которые оставили на мне слова Хейса прошлой ночью. Я держу ее за руку и ненавижу то, что ее кожа на ощупь гораздо холоднее, чем моя.

— Я думала, что с ним все будет в порядке, — признаюсь я. — Но с ним не все в порядке.

Она поджимает губы. — Как он может быть в порядке? Он столько всего пережил за

последние пару лет. Наверное, ему кажется, что удары не прекращаются. Но, несмотря на это, он был моей опорой во всем этом.

Это вызывает улыбку на моем лице. — Я не удивлена. Он готов на все ради тебя.

— Он тоже готов на все ради тебя, — говорит она мне.

Я качаю головой. — Уже нет. Было время, когда он был бы готов, но не после того, что я сделала. Он ясно дал это понять вчера вечером.

Ее брови на секунду приподнимаются, когда она осознает мои слова. — Он упрямый. Мы с тобой обе это знаем. Но он любит тебя. Ему просто больно. Ему было больно, когда ты ушла... Я никогда не видела его таким. Таким безутешным и сломленным. Такую любовь не пережить, что бы он ни говорил.

Я бы хотела ей верить. Очень бы хотелось. Так было бы намного легче. По крайней мере, до возвращения я могла бы дать волю своему воображению — представить, как он ловит меня, когда я бегу в его объятия. Я могла убедить себя, что он будет счастлив меня видеть и обрадуется, что я вернулась. Но то, как он смотрел на меня прошлой ночью, показалось мне таким холодным. Ненависть, горевшая в его глазах, заставила меня почувствовать, что я лично виновата во всех негативных событиях, которые когда-либо с кем-либо случались.

— Ты не против, если я спрошу, почему ты вернулась? — спросила она.

— Я услышала о его несчастном случае. Этот звонок вырвал мое сердце из груди и поджег его. Я не могла больше держаться от него подальше.

— А что теперь? Какие у тебя планы?

Этот вопрос я задаю себе с тех пор, как два дня назад, вместо того чтобы свернуть на шоссе, заехала на парковку мотеля. Какой-то голос внутри меня кричит, чтобы я уезжала. Что я не должна быть здесь и что я делаю только хуже для всех, кто мне дорог. И после утреннего разговора с Кэмом я думаю, что, наверное, будет лучше, если я уеду. Но какая-то часть меня все еще хочет остаться.

— Я не уверена, — честно говорю я ей. — То есть, я думаю, что мне следует уйти, но...

— Но ты хочешь остаться ради него, — заканчивает она за меня, и я киваю. — Знаешь, в последнее время ко мне часто приходит священник. Молится со мной и просто является хорошим другом. А на днях, когда я официально начала ходить в хоспис, он спросил меня, не боюсь ли я умереть.

Комок в моем горле увеличивается вдвое, когда я слышу, как она упоминает о неизбежном исходе всего этого. — А ты боишься?

— Нет, — говорит она с улыбкой. — Да, я молода, и, честно говоря, очень жаль, что моя жизнь не будет длиннее. Есть еще столько вещей, которые я хотела бы увидеть и сделать. Но те годы, которые я прожила, были полны любви и радости. Я наблюдала за тем, как растут мои дети, и даже видела, как один из них женился на любви всей своей жизни, на что я, если честно, уже перестала надеяться. Он никогда не казался мне таким, до тех пор, пока не появилась ты. Я помогала людям чувствовать себя лучше, а некоторых поддерживала в самые тяжелые моменты. Я знаю, что на небесах для меня найдется место. Там будет вид из окна, из которого я смогу наблюдать за всеми, кого люблю. И я ни о чем не жалею.

Она протягивает дрожащую руку и заправляет мне за ухо несколько прядей волос, улыбаясь мне по-доброму, как всегда. Я не знаю, как она не осуждает мои поступки. Если бы кто-то обидел моего сына так, как я обидел ее, я бы, наверное, предоставила им веские основания для того, чтобы они выписали на меня судебный запрет. Но не она.

— Не живи с сожалениями, Лейкин, — тихо прошептала она. — Если мой сын — тот, кто тебе нужен, я думаю, ты должна бороться за него. Борись за свою любовь, потому что я видела ее. Я испытала ее. И она такая особенная. Где-то под обидой и злостью он тоже это знает. Но делай это только в том случае, если ты точно знаешь, что он — это то, что тебе нужно. Не стоит возвращать его только для того, чтобы снова уйти от него. Он этого не переживет.

Пустота в моей груди, которая тоскует по нему, требует, чтобы ее заполнили. — Поверь мне, в первый раз это было достаточно трудно сделать. Если бы я хоть на секунду подумала, что у нас еще есть шанс, я бы даже не думала уходить. Но я уверена, что с ним все кончено. Этого уже не вернуть.

Она не выглядит убежденной. — Подумай об этом. Он может тебя удивить.

Мы обе пользуемся возможностью оставить эту щекотливую тему и перейти к чему-то менее тяжелому. Если бы не небольшие физические изменения и не шарф, прикрывающий ее лысую голову, я бы не поняла, насколько она больна. Мы говорим о списке, который они с Хейсом составляют, о том, что она хочет сделать, и о том, как он исключил прыжки с парашютом еще до того, как это прозвучало из ее уст. Она рассказывает мне, как сильно он ненавидит нового парня Девин, хотя никогда с ним не встречался. И она светится от гордости, когда рассказывает о баре. Для любого другого человека можно подумать, что у нее два сына, судя по тому, как она говорит о Кэме.

И я ловлю каждое ее слово, зная, как мне будет ее не хватать, когда ее не станет.

Wrapped in lace никогда не был моим любимым магазином. Мне всегда кажется, что это очень неловко. Я бы никогда не смогла помочь кому-то выбрать что-то, что потом будет с него сексуально содрано. Но Мали? У нее нет стыда. Она продаст пару трусиков без промежности девятилетней старушке и лично покажет ей, как лучше их надеть, чтобы не повредить бедро.

— Спасибо! И передайте своему мужу привет, — говорит она покупательнице и подмигивает, вручая ей пакет.

Женщина смеется, обещая передать сообщение. Когда она уходит и магазин снова пустеет, она поворачивается ко мне.

— Честно говоря, я немного удивлена, что она не плюнула тебе в лицо, — говорит она мне, прислонившись к прилавку. — Или хотя бы не выгнала тебя из этого места.

Когда я сказала Мали, что ходила к маме Хейса, она поперхнулась своим напитком. Буквально выплеснула все на себя, как ребенок, который только учится глотать. Оказывается, она даже не знала, что мама Хейса больна, не говоря уже о том, что она находится в доме престарелых и на лечении в хосписе. Она знала, что с ней что-то не так, но не предполагала, что это что-то настолько серьезное. Думаю, она также немного злится, что

он не сказал ей об этом. Впрочем, это их личное дело.

— Я бы ее не винила, если бы она так поступила, — отвечаю я. — Она имеет полное право ненавидеть меня. Но я бы соврала, если бы сказала, что не испытываю облегчения от того, что она этого не делает.

— И она сказала тебе, что ты должна бороться за Хейса?

Я киваю. — Да. Хотя я не думаю, что она понимает, как сильно он меня ненавидит.

Она закатывает глаза. — Я же говорила тебе, он не ненавидит тебя. И не может. Может быть, ты ему сейчас очень не нравишься, но ненавидеть? Нет.

— Вы трое очаровательно наивны, — говорю я ей. — Если бы взгляды могли убивать, у него был бы еще один труп, чтобы избавиться от него прошлой ночью.

Она прикрывает рот рукой, пытаясь не рассмеяться, и я тут же начинаю смеяться вместе с ней. Не могу поверить, что я это сказала, как будто та ночь не была адом для всех нас. Но это все равно правда.

— Заткнись, — игриво стону я, пока она смеется. — Ты знаешь, что я имела в виду.

Сделав еще один глоток воды, она закрывает глаза, чтобы мысленно встряхнуться. — О, это было так прекрасно, что я просто охренела.

— Неважно.

Мали подходит к другому краю стойки и забирается на нее. — Как ты думаешь, может быть, он перестанет тебя ненавидеть, если ты расскажешь ему, почему ты ушла?

— Я думала, ты сказала, что он не может меня ненавидеть.

Она смотрит на меня. — Еще раз используешь мои слова против меня, и я могу тебя возненавидеть.

Из меня вырывается смех. — Ладно, если кто и не может меня ненавидеть, так это ты.

— И Хейс, — добавляет она. — Если говорить серьезно, ты могла бы попробовать рассказать ему. Ну, знаешь, хоть раз поговорить, а не трахаться, как парочка нимфоманов.

Уф. В голове проносятся образы всех тех времен, когда мы проводили время, прижавшись друг к другу, напоминая мне о том, как он ухмылялся, заставляя меня кричать. Я не могу удержаться, чтобы не сжать бедра вместе. Я жаждала этого ощущения с того самого дня, как уехала.

— Боже мой, я именно об этом, — хнычет Мали. — Хватит думать о том, что вы двое трахаетесь!

— Мне жаль, — бормочу я, но это не так. Во всяком случае, не совсем. — Я понимаю, что ты хочешь сказать, но я не могу. Ты же читала, что было на обратной стороне той фотографии. Я уже нарушила два правила. Ты хочешь, чтобы я нарушила третье?

Она пожимает плечами. — Я имею в виду, что ты здесь уже три дня, и я не видела, чтобы что-то взорвалось. Может быть, они живут себе дальше.

— А может быть, они хотят, чтобы мы так думали.

— Может быть. Но если ты сейчас уйдешь, ты никогда не узнаешь. И ты не можешь сказать мне, что какая-то часть тебя не хочет поступить так, как сказала его мама, и бороться за то, чтобы вернуть его. Чтобы это было хоть немного возможно, он не должен думать, что ты ушла, потому что не хотела быть с ним. Ты должна сказать ему правду.

Тяжелый вздох вырывается у меня изо рта. — Как будто от этого станет лучше.

— Может, и нет, — честно говорит она. — Но ты никогда не узнаешь, если не попробуешь.

Я стою на подъездной дорожке дома моего детства. Там, где я произнесла свои первые слова и совершила первые шаги. И все же теперь я боюсь заходить внутрь. Даже когда перед входом стоит джип Кэма, показывая, что он здесь, как и обещал, я чувствую, что меня может стошнить.

Почти не разговаривать с родителями было, мягко говоря, сложно. Когда живешь с ними, они сводят тебя с ума. Но когда ты живешь сама по себе, тебе хочется, чтобы они были с тобой. Думаю, за то время, что я жила с Хейсом, до того, как все пошло прахом, я звонила маме не менее четырех раз в день. Иногда по самым бессмысленным поводам.

А потом начался хаос.

Кэм был прав. Если они узнают, что я была в городе и не приехала к ним, им будет очень больно. И не то чтобы я не хотела их видеть. Я просто боюсь суда, который, как я знаю, грядет.

Второй раз за сегодняшний день я даю себе установку и заставляю себя выйти из машины. Когда я поднимаюсь по подъездной дорожке и вижу отдельный гараж, я вспоминаю, как стояла здесь и смотрела, как Хейс проносится мимо меня, полный решимости рассказать Кэму о нас и показать, что я — та, кто ему нужен.

Я бы все отдала, чтобы вернуться к этому.

Набравшись смелости, я поднимаю кулак и стучу в дверь. Сердце колотится о грудную клетку, когда шаги приближаются к двери, но я расслабляюсь, когда она открывается и по другую сторону стоит Кэм.

— Ты действительно пришла, — говорит он, немного удивленный.

— Я же сказала, что приду.

— Да, я знаю. Но я не был уверен, что ты не станешь снова разыгрывать из себя Гудини. — Он открывает дверь, и я вхожу, ожидая, пока он закроет ее за мной. — Мама, папа! У меня для вас сюрприз, — распевает он.

Мои глаза расширяются, и я в панике поворачиваюсь к нему лицом. — Ты им не сказал? Он ухмыляется. — А что в этом интересного?

Ух, чертов мудака. Я должна была знать лучше. Я вполне могла попасть в чертову засаду. Неужели я думаю, что Кэм позволил бы причинить мне вред? Конечно, нет. Но знаю ли я, что он злится и не прочь видеть меня в неудобной ситуации? Безусловно.

— Кэмерон, мы любим тебя, но нам не нужен еще один...

Голос моей мамы прерывается, когда она задыхается позади меня. Я оборачиваюсь и вижу, что она прикрывает рот рукой, а по ее щекам уже начинают катиться слезы. Она смотрит на меня с недоверием и шоком одновременно.

— Привет, мам, — тихо бормочу я.

У нее перехватывает дыхание, она понимает, что я действительно здесь, и ей не

мерещится, она идет ко мне с распростертыми объятиями. Я с готовностью шагаю в них. То, что мама Хейса не испытывала ко мне ненависти раньше, когда у нее было на это полное право, помогло. Но узнать, что моя собственная мама тоже меня не ненавидит, — это такое облегчение, которого я не ожидала.

Может быть, Кэм был прав.

В поле зрения появляется мой отец с напряженной челюстью и гневным блеском в глазах.

Ладно, наполовину прав.

— Лейкин, — сурово говорит он.

Отец всегда был самым строгим из наших родителей, и я провела немало времени, получая от него наказания. Но я не думаю, что он когда-либо смотрел на меня с таким разочарованием. Это заставляет маленькую девочку во мне трустить.

— Ты думаешь, что можешь просто прийти сюда и ждать, что все будет хорошо? — спросил он, подняв брови.

— Папа! — протестует Кэм.

— Нет, все в порядке, — говорю я брату. — Это не совсем то, чего я ожидала. Я знаю, что уходить так, как я ушла, было нехорошо, и я сожалею об этом. Если ты хочешь, чтобы я ушла, я уйду.

Его взгляд задерживается на мне, как будто он действительно раздумывает над моим предложением, пока голос мамы не пререзает неловкую тишину

— Эндрю, — ругает она его. — Обними свою дочь.

Он на секунду смотрит на нее, но все в этой комнате знают, что она обвела его вокруг пальца. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он вздыхает и притягивает меня к себе.

— Я скучал по тебе, малышка, — говорит он мне. — Я все еще не согласен с тем, что ты сделала, но я скучал по тебе.

— Я тоже по тебе скучала.

Мы отстраняемся и вчетвером идем на кухню, пока мама готовит ужин. Пахнет вкусно. Напряжение все еще витает в воздухе, но Кэм держится рядом со мной, как защитник, которым он всегда был для меня.

— Ну, что нового, Лей? — спрашивает мама. — Что-нибудь интересное?

Я греюсь в ностальгическом ощущении от того, что нахожусь здесь. — Не слишком. Я много работала.

— Другой каток? Мистер Циммерман был потрясен, потеряв тебя, — добавляет Кэм.

Добавьте его в список. — Нет. Вообще-то я работаю в студии. Я автор песен.

Улыбка расплывается по лицу моего отца. — Правда? А ты написала что-нибудь, что я мог слышать?

— Наверное, нет. Много из того, что я написала, только сейчас начинает выходить, — объясняю я. — Создание альбома — это долгий процесс.

— Это потрясающе, милая, — говорит мне мама. — Я знаю, что это всегда было твоей мечтой.

Кэм подталкивает меня локтем. — Довольно впечатляюще, сестренка.

Мне приятно, что я наконец-то могу поделиться своими достижениями с семьей. Это то, что я хотела делать с самого раннего детства, и единственными людьми, которым я могла рассказать об этом, были Мали и Нолан. Не то чтобы это значило меньше, но я горжусь

этим, и мне всегда хотелось поделиться этой частью своей жизни.

— Хорошо, — объявляет мама. — Ужин почти готов, так что берите свои напитки и садитесь за стол.

Мы делаем, как она говорит, хотя меня все еще немного раздражает, что я не могу взять пиво. Скоро мой двадцать первый день рождения, но для них мне еще только двадцать. Может быть, они и не обращают внимания на то, что мы пьем, когда их нет рядом, но они все равно не разрешают этого делать.

Зайдя в столовую, я хмурю брови, понимая, что стол накрыт на пять персон. Отец добавил место для меня, когда я приехала, значит, все было уже рассчитано на четверых. Но в этом нет никакого смысла, если только...

Снаружи раздается знакомый гул грузовика, который останавливается и тут же затихает. Мне кажется, что меня может стошнить. Я поворачиваю голову к Кэму, а он делает вид, что не замечает, как я стреляю в него кинжалами.

— Что, черт возьми, ты сделал? — шепотом кричу я.

Он смотрит на меня, ухмыляясь. — Я? Я ничего не сделал. Я просто пригласил тебя на ужин.

У меня в голове все перевернулось, и я пытаюсь прикинуть свои возможности. Должна ли я спрятаться? Уйти? После того, что он сказал мне вчера вечером, и того, как он на меня смотрел, встреча с ним снова потребует от меня такой подготовки, на которую у меня сейчас нет времени. Не может быть, чтобы он не увидел мою машину на подъездной дорожке. Может быть, он уедет, ведь он ясно дал понять, что не хочет меня видеть.

Но когда я слышу, как открывается дверь, я понимаю, что мне не так уж и повезло, и у меня больше нет возможности убежать.

7

Лейжы

Если бы мое сердце могло выпрыгнуть из груди и выбежать за дверь, поверьте, оно бы так и сделало. Ни одна часть меня не готова увидеть его снова. Не тогда, когда я знаю, что он не хочет меня видеть. Но благодаря Кэму у меня нет выбора.

Звук голоса Хейса разносится по дому, когда его шаги приближаются к гостиной. — Здесь так хорошо пахнет.

— Хейс, — приветствует его моя мама, в голосе которой звучит облегчение. — Слава Богу, с тобой все в порядке. Я очень волновалась за тебя, но Кэм сказал, что я не должна приходить в больницу.

Он усмехается. — Пожалуйста. Я в полном порядке. Это было похоже на удар подушкой.

— Ударь его по ребрам и увидишь, насколько он действительно в порядке! — восклицает Кэм.

Я слышу, как он приближается, и готовлюсь к тому, что снова увижу его.

— Хорошо, но это значит, что я могу...

Его слова затихают, когда он делает шаг в дверной проем и его взгляд встречается с моим. На мгновение он окидывает меня взглядом. Это возвращает меня в то время, когда я была безнадежным подростком, влюбленным в лучшего друга ее старшего брата. В то время я бы убила за то, чтобы он так на меня смотрел. Но я знаю, что лучше не думать, что он меня сейчас заценивает.

— Подвинься, — говорит ему мама, пытаюсь дозвониться.

Он отвлекается от меня и уходит с ее пути. — Извини, ма.

Ма?

Я затаила дыхание, когда он подошел к столу и занял место прямо напротив меня.

Черт. Кэм хмыкает под нос, и я откидываю ногу влево, чтобы пнуть его.

— Я так рада, что ты пришел, — говорит моя мама Хейсу. — Мне нужно было увидеть, что с тобой все в порядке, своими глазами.

Моя голова опускается, и я поджимаю губы, потому что мне знакомо это чувство.

— Ты же знаешь, я никогда не пропущу воскресный ужин, — говорит он ей. — Спасибо, что перенесла его на одну ночь ради меня. Хотя тебе и не нужно было этого делать. Я бы пришел вчера.

— Ерунда. Тебе нужно было отдохнуть.

Судя по их разговору, я догадываюсь, что это их еженедельное занятие, и прежде чем я успеваю остановиться, я комментирую это. — Вы часто так делаете?

Мой отец самодовольно ухмыляется. — Да. Мы начали это делать после того, как Кэм переехал. Это собирает нас всех вместе. Ты бы знала, если бы была рядом.

Я сглатываю, чувствуя, как лезвия бритвы скользят по моему горлу. Это начинает меньше походить на семейный ужин и больше на засаду. Даже Хейс на секунду бросает на меня взгляд, и в нем появляется намек на сочувствие, но это быстро проходит.

— Будь повежливее, — хмуро говорит мама.

По крайней мере, она меня прикрывает. Тем временем Кэм слишком занят тем, что накладывает себе еду на тарелку, чтобы даже понять, что меня нужно спасти. Ну, по крайней мере, некоторые вещи не изменились. Он всегда был человеческим мусоросборником. Хотя, глядя на него, об этом никогда не догадаешься.

— Я всегда вежлив, — протестует мой отец, вздергивая брови. — Правда, дорогая?

Боже, как бы мне хотелось, чтобы Мали была сейчас здесь. По крайней мере, тогда бы я не чувствовала себя такой одинокой. Но если бы у меня была возможность уехать прямо сейчас, не думаю, что я бы уехала. Как я уже сказала, не может быть, чтобы он не видел мою машину снаружи, но он все равно зашел внутрь.

И хотя этого не должно быть, но от осознания этого в моей груди зарождается надежда.

Ужин в основном проходит за разговорами, пока я перемещаю еду по тарелке. Скажем так, аппетита у меня уже нет, хотя от запаха маминой стряпни у меня аж рот сводит. Она пытается вовлечь меня в разговор, но я стараюсь не реагировать. Меньше всего мне хочется втирать Хейсу в лицо свою новую жизнь. Не сейчас, когда он проходит через ад, а я живу в особняке и работаю на работе своей мечты.

Все должно быть наоборот. Это я должна страдать, пока он живет своей идеальной жизнью. Не хочу сказать, что мне не было тяжело. Я имею в виду, что прошло несколько месяцев, и мне пришлось принимать прописанные лекарства, прежде чем я смогла спать всю ночь без Хейса рядом со мной. Но говорить, что мои проблемы сравнимы с его проблемами, — это все равно что говорить, что ободранная коленка — это то же самое, что огнестрельное ранение.

Надежда на то, что он действительно хочет меня видеть, умерла, когда он стал избегать смотреть в мою сторону. Было время, когда он не мог отвести от меня глаз. Я была в центре его внимания, и я жила ради этого. Теперь же я не более чем человек, которого он знал, и я ненавижу это.

Как только мы закончили есть, Хейс отнес свою тарелку к раковине.

— Тебе помочь убрать? — спрашивает он мою маму.

Она отталкивает его. — Единственное, чего я хочу, — это чтобы ты не напрягался, чтобы все зажило как следует.

Он смеется и кивает. — Ладно, в таком случае я пойду домой. Отдохну немного, о чем ты все время мне твердишь.

— Отлично! — Она прекращает мыть посуду, чтобы обнять его. — Пожалуйста, дай нам знать, если тебе что-нибудь понадобится.

— Обязательно, — заверил он ее.

Он заходит в гостиную и пожимает руку моему отцу, а затем стучит кулаком по руке Кэма. Они вдвоем смотрят бейсбольный матч, и я полагаю, что Хейс обычно присоединился бы к ним, но мое присутствие здесь вносит разлад в его планы. Его взгляд падает на меня, и Кэм, и мой отец смотрят на нас, как на мыльную оперу, чтобы увидеть, что произойдет.

— Мэм.

Он кивает мне, проходя мимо, и ухмыляется, но не так, как мне нравится. Эта ухмылка более зловещая, как будто его слова должны были задеть меня, и он знает, что попал в цель. Мой отец выглядит потрясенным, а Кэм впадает в ступор. Я застываю на месте, чувствуя, что вот-вот сломаюсь, но сдерживаюсь. Звук закрывающейся входной двери — единственный признак того, что он ушел.

— Ты в порядке? — спрашивает Кэм.

Я моргаю, и одна слезинка вытекает из моих глаз. — А ты как думаешь?

Он вздыхает, ставит пиво и встает, но единственное, что сейчас крутится у меня в голове, — это слова, сказанные мне сегодня двумя невероятно умными женщинами.

Борись за него.

Дерись за него, черт возьми!

Кэм пытается обнять меня, но я качаю головой. — Я должна...

Не закончив то, что хотела сказать, я разворачиваюсь и выбегаю за дверь. Хейс уже на полпути через лужайку, когда я выхожу на улицу. Его шаги замедлились, как будто он точно знает, кто за ним последовал.

— Хейс, — зову я.

Он останавливается, откидывает голову назад, оборачиваясь. — Чего ты хочешь, Лейкин?

— Того, чего я хотела с пятнадцати лет, — отвечаю я. — Тебя.

Мои слова застали его врасплох, и он нахмурил брови. — В том-то и дело, Лей. Я был у тебя. Целиком и полностью. Но ты все бросила.

— Я знаю, но если бы ты просто послушал...

— Нет, — прервал он меня. — Я был готов слушать до того, как ты ушла. До того, как я проснулся и обнаружил, что тебя нет. Все, что я хотел сделать тогда, это выслушать. Но сейчас? Я не хочу слушать. Слишком поздно, Лейкин.

Интересно, знает ли он, что его слова режут меня, словно ножом? И вообще, волнует ли его это. Не то чтобы я обижалась на него, если бы он не знал, но тот парень, которого я знала, больше всего на свете ненавидел причинять мне боль. И вот он здесь, не делает ничего, кроме как причиняет мне боль.

— Пожалуйста, — умоляю я. — Десять минут. Это все, что мне нужно.

— Десять минут? — спрашивает он, и я киваю. — Видишь, в этом мы с тобой расходимся. Тебе нужно всего десять минут со мной, а мне нужна жизнь с тобой.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, он разворачивается и заканчивает путь к своему грузовику. Я делаю пару шагов в его сторону, но понимаю, что ничего не могу сделать, чтобы остановить его отъезд. Он заводит машину и лишь на мгновение смотрит на меня, прежде чем включить передачу и отъехать.

Я провожу пальцами по волосам, не сводя глаз с его задних фар. Никогда в жизни мне так не хотелось, чтобы кто-то так сильно ударил по тормозам, но этого так и не произошло. Он уезжает в ночь и оставляет меня здесь переживать потерю, как это случилось с ним.

Мама выходит вскоре после того, как я сажусь на ступеньки крыльца, и садится рядом со мной, обхватывая меня руками и притягивая к себе. Я опускаю голову на ее плечо и плачу.

— Я не понимаю, детка, — тихо говорит она. — Если ты все еще так сильно любишь его, то почему ты ушла?

Я ненавижу, сколько раз мне задавали этот вопрос, и с каждым разом желание сказать правду становится все сильнее. Но если мама Хейса не поняла бы, то моя богобоязненная мама ни за что бы этого не пережила. Она бы за уши притащила нас всех четверых на исповедь, а потом высадила бы в ближайшем полицейском участке.

— Я не хочу об этом говорить, — задыхаюсь я. — Пожалуйста. Мне и так плохо от того, что все меня ненавидят.

— О, милая. — Она целует меня в макушку. — Ты была не права, уйдя так, как ушла, и я была разочарована, но никто из нас тебя не ненавидит. Ты наша Лейкин. Мы никогда не смогли бы.

— Хейс смог.

— Я не могу говорить за Хейса, — говорит она. — Но лично мне трудно поверить, что это правда.

Почему все продолжают это делать? Потому что они не хотят причинить мне боль, сказав правду? Потому что все, что они делают, — это причиняют мне боль, разжигая огонь, который горит для него, чтобы не дать ему погаснуть.

— Мали хочет, чтобы я боролась за него, — говорю я ей.

Мама отводит голову и наклоняет ее, чтобы посмотреть на меня. — Ты этого хочешь?

Я выдыхаю. — Единственное, чего я когда-либо хотела, — это он, мама. Но в основном я просто хочу, чтобы он был счастлив, а я не знаю, смогу ли я сделать его счастливым. Не после того, как я сломала его так, как я это сделала.

— Лей, брак — это тяжело. Это требует работы. Медовый месяц заканчивается, а этот человек все еще рядом. Вы будете ссориться и причинять друг другу боль. Без этого никак не обойтись. Но это не значит, что этот человек все еще не делает тебя счастливым.

Я киваю, понимая ее мысль. — Я знаю, но это немного отличается от того, что я сказала что-то плохое, когда была голодна. Я вышла за него замуж, пообещала провести с ним всю оставшуюся жизнь, а потом исчезла посреди ночи. Это, пожалуй, немного больше, чем нарушение клятвы «в горе и в радости».

Кэм выходит и садится по другую сторону от меня. — О чем вы тут сплетничаете?

Я закатываю глаза, но мама подталкивает меня. — Кто бы мог ответить на этот вопрос лучше, чем его лучший друг, верно?

О, это плохая идея, если честно. Но я бы соврала, если бы сказала, что она не права. Сегодня он провел с ним целый день в баре, зная, что он сказал мне вчера вечером. Так что я знаю, что он был очень внимателен.

Я поворачиваюсь к брату. — Скажи мне, что делать? Остаться ли мне и бороться за наш брак, или уйти и позволить ему жить дальше?

Он качает головой еще до того, как я закончила вопрос. — Нет. Нет, сэр. Я не буду в это вмешиваться.

— У тебя не было проблем, когда ты сказал мне остаться, чтобы помочь ему.

— Это было другое.

У меня отпала челюсть. — Почему?

— Потому что это была *моя* просьба, — говорит он.

Какой же он засранец. — Ладно, хорошо. Тогда просто скажи мне вот что: как ты думаешь, он меня разлюбил? Типа, любовь-мертва, никогда-даже-не-думает-обо-мне?

Мое сердце балансирует на краю обрыва, пока я жду его ответа, и кажется, что проходит целая вечность, прежде чем он выпускает порыв воздуха. — Я не знаю, честно говоря. Но что я точно знаю, так это то, что с тех пор, как ты уехала, он даже не взглянул на другую девушку.

И это все, что мне нужно было услышать, чтобы получить ответ.

Внутри бара темно, но свет, исходящий из окна наверху, говорит о том, что он еще не спит. Сначала я пошла к дому. Он сказал, что едет домой, и я решила, что он будет именно там. Но его машины не было на подъездной дорожке, и ни один из фонарей не горел. Только когда я позвонила Мали, я узнала, что он не ночует в доме уже больше года. Он живет в баре наверху и только время от времени заглядывает домой, чтобы убедиться, что там все в порядке.

Прежде чем я успеваю остановить себя, я бью кулаком в дверь. Сначала это не помогает, но я не собираюсь так просто сдаваться. Тем более, что для того, чтобы попасть сюда, мне потребовалось столько усилий. Я снова бью по двери, но не останавливаюсь, пока не вижу его. Он в одних серых спортивных штанах, без футболки, и на мгновение замирает, глядя на меня. Думаю, он знает, что я никуда не уйду, потому что проводит пальцами по волосам и идет отпирать дверь.

— Знаешь, для того, кто не удосужился попрощаться, тебе, похоже, есть что сказать.

Я держу голову высоко, хотя это убивает меня изнутри. — Десять минут.

Он выглядит так, будто хочет сказать мне «нет». Чтобы я отвалила и уехала, закрыв дверь перед моим носом во второй раз за два дня. Но вместо этого он вздыхает и неохотно отодвигает дверь дальше, чтобы впустить меня.

Я уворачиваюсь от его руки и вхожу в бар. Всю дорогу сюда я так беспокоилась о том, как заставить его выслушать то, что я хочу сказать, что даже не подумала о том, как я буду говорить это дерьмо, когда у меня появится шанс. Но даже если бы я и подумала, то все равно, когда я повернулась, чтобы посмотреть на него, все, на чем я сосредоточилась, это на том, как чертовски хорошо он выглядит.

У меня пересохло во рту, когда я смотрела на него. У меня было это. Все это было моим. Черт возьми, я никогда не ненавидела кого-то больше, чем этого гребаного преследователя, который заставил меня уйти. Но каким бы сексуальным он ни был, синяки, покрывающие его грудь, и следы дорожной пыли на его боку вызывают у меня сильнейшее желание позаботиться о нем.

Скрестив руки на груди, он выжидающе смотрит на меня. — У тебя осталось уже меньше девяти минут. Я предлагаю тебе больше не терять времени.

— Извини, — пробормотала я, отводя глаза. — Просто это выглядит очень болезненно.

Он пожимает плечами. — Бывало и хуже.

Черт. — Хейс, ты должен знать, что я никогда не хотела тебя бросать.

— О, чушь собачья, — насмехается он. — Ты не сделала бы того, что сделала, если бы не хотела.

— Это неправда. Я...

Я хочу сказать это, нарушить правило номер три, но слова не идут. Страх, который так

долго обволакивал меня, как смирительная рубашка, берет верх, и я не могу заставить его вырваться наружу.

— Ты что? — давит он. — Сожалеешь об этом? Да, я предполагал, что однажды ты это сделаешь, но это не моя проблема.

— Я не это хотела сказать, — пробормотала я. — Боже, раньше с тобой не было так трудно разговаривать.

— Раньше и смотреть на тебя было не так трудно. — Он делает шаг ближе. — Раньше мне чертовски нравилось смотреть на тебя. Жаждал этого. Но теперь, каждый раз, когда я вижу тебя, я думаю только о той ночи, которую мы провели вместе за несколько часов до твоего отъезда. И все это время ты знала, что уезжаешь. Я думал, что все наконец-то налаживается. Я думал, что у нас все будет хорошо. Но ты, блядь, знала, что это не так.

У меня сжимается в груди. — Я знала.

Нет смысла лгать. Нет смысла отрицать это. Он не просит правды, он говорит о том, что уже и так знает. И, кроме того, ты не можешь случайно решить уйти посреди ночи после занятия любовью, как это было у нас.

— Почему? — спрашивает он. — Зачем все это делать? Зачем давать мне надежду, чтобы разрушить ее на следующее утро?

— Я хотела провести с тобой последнюю хорошую ночь, — признаюсь я. — Чтобы было за что держаться.

Когда он сделал еще один шаг ко мне, его глаза впились в мои. — Видишь ли, в этом-то все и дело. Тебе есть за что держаться. Ты знала, что последний раз, когда мы трахались, будет последним. Но я не знал.

Чем ближе он подходит, тем труднее дышать. Я видела этот взгляд в его глазах достаточно раз, чтобы понять, что он означает, и я хочу этого. Я хочу этого так чертовски сильно. Но я знаю, что если позволю ему овладеть мной, то снова окажусь разбитой вдребезги и буду вынуждена самостоятельно собирать осколки.

И все же, даже зная это, я не думаю, что у меня хватит сил остановить его.

Я прижимаюсь спиной к стене, а он ухмыляется. — Что не так, Рочестер? Не нравится, когда ты не контролируешь ситуацию?

— Я пришла сюда, чтобы поговорить, — пытаюсь я, но мой дрожащий голос выдает меня.

Он бросает на меня скептический взгляд. — Я же сказал тебе, я не хочу говорить.

Схватив меня за запястье, он притягивает меня к себе и кружит. Его прикосновение обжигает, когда он проводит рукой по моему боку.

— Ты трахнула меня той ночью, зная, что это будет в последний раз, — повторяет он. — Это было на твоих условиях. А сейчас на моих.

В тот момент, когда его рот встречается с моей шеей, показывая, что он точно помнит, куда идти, я понимаю, что мне конец. Он сильно всасывает мою кожу, не заботясь о том, оставит ли он след, который все увидят, или нет, а я слишком одурманена, чтобы заботиться об этом. Он тянется и расстегивает пуговицу на моих джинсах, спускает их до колен вместе с трусиками. Никаких подразниваний, никакой прелюдии. Я чувствую, как его член касается моей задницы, прежде чем он наклоняет меня и трется о мою киску.

— У меня нет презерватива, — говорит он мне. — Если это меняет правила игры для тебя, то это твой единственный шанс.

Какая-то часть меня кричит, чтобы я отказалась от этого. Возможно, в эмоциональном

плане мне будет гораздо лучше, если я так поступлю. Но, зная, что он ни с кем больше не был, спасибо Кэму, я ничего не говорю и хватаюсь за стену перед собой.

Прошло слишком много времени, поэтому в тот момент, когда он входит в меня, я чувствую, что растягиваюсь вокруг него до такой степени, что становится больно. Но в отличие от того момента, когда он лишил меня девственности, в этот раз он не терпелив и не добр, и, честно говоря, так даже лучше. Мы оба стонем в унисон, позволяя звукам нашего удовольствия заполнить комнату.

Он вырывается и снова входит в меня. Его руки крепко сжимают мои бедра. Я уверена, что утром останутся синяки в виде кончиков пальцев, но я не против. По крайней мере, будет хоть что-то, что подтвердит, что это действительно произошло. Что это был не очередной сон, призванный мучить меня.

— Поиграй со своим гребаным клитором, — требует он. — Кончи на мой член.

Я даже не пытаюсь отказать ему. Я не могу. Я так отчаянно хотела этого, до такой степени, что все, чего я хочу, — это повиноваться каждому его слову. Я опускаю одну руку вниз и круговыми движениями поглаживаю свой клитор, но, честно говоря, мне это даже не нужно, учитывая, как его член трется о мою точку G, когда он резко и многократно вколачивается в меня.

— Ты кончишь на мой член, а потом проглотишь все, что я тебе дам, — рычит он.

Моя голова падает вперед, и он хватается за волосы и тянет назад, обхватывая рукой мою шею.

— Ответь мне, Лейкин.

— Черт, — вздохнула я. — Хорошо.

Он опускает вторую руку и накрывает мою. — Что случилось? Все еще не можешь кончить?

Его пальцы сильнее прижимают мои собственные, и я выдерживаю еще пару секунд, прежде чем внутри меня взрывается лучший оргазм за последние полтора года. Все мое тело содрогается от его прикосновений, а моя киска сжимается вокруг его члена.

— Боже, да, — простонал он. — Ты всегда была такой хорошей девочкой для меня, когда хотела.

Еще несколько толчков, затем он резко дергает меня вперед и выходит из меня, и я сразу же понимаю, что нужно делать. Я кручусь на месте и падаю на колени, открывая для него рот. Он полностью заполняет его, проникая в мое горло. Я смотрю на него, но его глаза закрыты, а челюсть стиснута. Он хватается за волосы, трахает меня в рот всего пару раз, а потом выплескивает все, что у него есть, в мое горло. Я проглатываю все до последней капли, как будто это единственное, что поможет мне выжить.

Но я не знаю, выживу ли я вообще.

После того как он сходит с кайфа, он выскальзывает из моего рта и смотрит на меня сверху вниз, но в его глазах нет любви, как все думают.

Он выглядит холодным.

Бессердечным.

Мертвым внутри.

Он засовывает себя обратно в штаны и делает шаг назад. — Ты можешь сама проводить себя.

Мое сердце замирает при виде того, как он начинает уходить, и я вскакиваю на ноги, натягивая штаны. — Значит, ты можешь трахнуть меня, но не можешь поговорить со мной?

Он останавливается и оглядывается на меня. — Отстой, не так ли?

Не то чтобы я не понимала его обиды. Поверьте, я все понимаю. И если бы я была на его месте, я бы, наверное, поступила так же. Но у нас ничего не получится, если он не скажет мне то, что я заслуживаю услышать.

— Ты хочешь сделать мне больно? — Я не свожу с него суженных глаз. — Тогда расскажи мне все. Расскажи мне, что ты почувствовал, когда понял, что меня больше нет.

Он сухо смеется. — Убирайся на хрен отсюда.

— Нет, — рывкаю я. — Расскажи мне, как я сломала тебя. Как я тебя уничтожила. Сейчас у тебя есть шанс. Выпусти все наружу.

— Прекрасно, — усмехается он. — Хочешь знать? Какое-то время я думал, что ты умерла! И в каком-то извращенном смысле я надеялся, что это так, потому что это хотя бы означало, что ты не где-то там, живешь своей жизнью, как будто мы никогда не имели значения. Но тот телефонный звонок подтвердил это. Ты была где-то там. Ты действительно оставила нас позади в своем зеркале заднего вида. И это заставило меня захотеть умереть! Я действительно подумывал об этом в какой-то момент, потому что, хотя ты, возможно, и смогла бы жить без меня, во мне не было ни капли интереса к жизни без тебя.

Я захлебываюсь слезами, всхлипывая от того, что его слова разрывают меня на куски, именно так, как я и просила. — Но я не была в порядке. Мы имели значение, Хейс. Мы всегда, блядь, имели значение!

— Ты ушла! Ты просто сбежала! — рычит он, поворачиваясь, чтобы уйти, а затем возвращаясь обратно. — Какого хрена было выходить за меня замуж, если ты все равно собиралась уйти?

— Я не хотела уходить!

— Чушь! И самое ужасное, что я бы понял. Я чертовски вспыльчив, и я с самого начала знал, что ты слишком хороша для меня. Но я старался быть для тебя как можно лучше. Ты могла бы просто сказать мне, что поняла, что не хочешь быть со мной. Да, это было бы больно, но это было бы лучше, чем это дерьмо!

— Нет, — всхлипываю я. — Ты меня не слышишь! Это был не мой выбор — уйти! Ты даже не представляешь, как сильно я хотела развернуться и побежать обратно в твои объятия! Прошли месяцы, прежде чем я смогла даже просто дышать, не чувствуя, что умираю внутри! Так что ты ошибаешься! Я не жила так, как будто мы никогда не имели значения, потому что ты всегда, блядь, был важен для меня! Ты был важен для меня еще до того, как стал считать меня кем-то, кроме как ребенком!

Его грудь поднимается и опускается от тяжелого дыхания, и я понимаю, что выгляжу нелепо. Мое лицо мокрое, и я едва вижу сквозь слезы. Но как раз в тот момент, когда мне кажется, что я наконец-то достучалась до него, он качает головой.

— У тебя дерьмовый способ показать это.

Он снова начинает идти к задней двери, и моя грудь разрывается, когда я падаю на пол. Это последний шанс спасти нас.

— Кто-то знает, — тихо говорю я.

Он поворачивает голову. Что значит «кто-то знает»?

Мое дыхание сбивается. — Кто-то знает о том, что произошло той ночью. Человек, который прислал мне запись, где ты угрожаешь Монти, оставил конверт в моей машине. У них есть доказательства, и они сказали, что обратятся в полицию, если я не уеду из города.

Хейс ущипнул себя за переносицу. — Итак, давай-ка я все проясню. Кто-то знает об

одной из худших ночей в нашей жизни, а ты решила оставить это при себе?

— Мне не разрешали тебе рассказывать, — плачу я.

Он смотрит на меня с недоверием. — Лейкин, та ночь была связана не только со мной! Это дерьмо поставило под угрозу все наши жизни!

— Но они не угрожали всем остальным! — возражаю я. — Они были нацелены на тебя. Они хотели заставить тебя заплатить за то, что случилось. А я не могла этого допустить. Я пыталась спасти тебя!

Его плечи опускаются в знак поражения. — В том-то и дело, Лей. Ты пыталась спасти меня, но жизнь, которую ты мне оставила — та, что без тебя — это единственное, от чего меня нужно было спасать.

Он поворачивается ко мне спиной и делает пару шагов, прежде чем остановиться.

— Пожалуйста. Просто уходи.

Понадобилось двадцать минут, чтобы поднять себя с пола бара, и еще полчаса, чтобы вернуться в номер мотеля. Слезы мешали видеть дорогу перед собой. Я подумывала о том, чтобы поехать к Мали, но, очевидно, своим присутствием здесь я причиняю Хейсу только еще большую боль. А если я чего-то и не хочу, так именно этого.

Боль в груди не утихает. Это похоже на последний гвоздь в крышку гроба той жизни, которая у меня была. Той, о которой я всегда мечтала. Той, которая сделала меня счастливее, чем я когда-либо была. Я знаю, что никогда не смогу забыть его. Он единственный мужчина, которого я когда-либо любила, и я знаю, что так будет всегда. Но любить кого-то — значит желать ему самого лучшего, а это уже не я.

Не для него.

Я отпираю дверь, открываю ее и иду включать свет. Как только он загорается, мое сердце проваливается в желудок. Там, посреди моей кровати, лежит еще один конверт — мое имя, написанное знакомым почерком.

Они знают.

Я неуверенно подхожу к нему, почти не дыша. Когда я беру его в руки и вытаскиваю записку, все мое тело холодеет.

Тебя предупреждали.

Что будет дальше, зависит от тебя.

Нет!

Блядь! Нет!

Паника и ужас охватывают меня, я судорожно хватаю свои вещи и с небывалой скоростью бросаю их обратно в чемодан. Остается только надеяться и молиться, что еще не поздно. Что мой отъезд отсюда все исправит.

Какого черта я натворила?

Мне удастся собрать все вещи менее чем за три минуты, и я, даже не потрудившись закрыть дверь, бегу к машине. Бросив чемодан на заднее сиденье, я запрыгиваю в машину и спешу ее завести. Шины визжат по асфальту, когда я выезжаю с парковки.

Меня тошнит, но я не могу остановиться. Мне нужно выбраться отсюда. Я знала, что не должна была возвращаться, что должна была уехать в ту же ночь, но я снова позволила своим чувствам взять верх и, черт возьми, осталась. И теперь я, возможно, сделала еще хуже тому, кто и так находится на самом дне.

Что будет, если он попадет в тюрьму?

Кто будет рядом с его мамой?

Пожалуйста, Боже, пусть это уберезет его.

Я смотрю, как мимо меня проплывает табличка «Спасибо за визит в Колдер-Бей», и мне становится горько от осознания того, что я никогда не вернусь. Я позвоню Мали и Кэму, когда уеду достаточно далеко. И родителям, потому что я не хочу снова их огорчать. Наши отношения и так хрупкие. Все будет хорошо.

А может, и нет, потому что, когда я отъезжаю на несколько миль от города, до моих ушей доносится шипящий звук. Секунды спустя до меня доносится сладкий запах. Я пытаюсь выключить кондиционер, но он не останавливается.

Все вокруг начинает затуманиваться, как будто мир расплывается, и я резко торможу. Как только машина останавливается, я хватаюсь за ручку, но уже поздно. Я не могу больше оставаться в сознании. И я смотрю, как мир исчезает.

Я прихожу в себя в панике. Дыхание учащается, я судорожно оглядываю машину, но там никого нет. И тут я поднимаю глаза и понимаю, что все гораздо хуже, чем я себе представляла.

Не более чем в пятнадцати футах перед моей машиной стоит тот самый знак, мимо которого я проехала, и который возвращает меня обратно в черту города. Я опускаю руку, чтобы вернуть машину в исходное положение, но вместо этого рука натывается на лист бумаги. Меня трясет, пока я пытаюсь сосредоточиться на том, что там написано.

У тебя был шанс уйти, но ты вернулась.

Теперь никуда не деться.

Добро пожаловать в твой ночной кошмар.

Хейс

Ради всего святого, почему никогда ничего не может быть просто? Все всегда так сложно, как будто все вокруг — серая зона. Что случилось с черным и белым? Я скажу тебе, что случилось.

Чертовы чувства пришли на эту чертову вечеринку.

Меня бесит, что она все время пытается со мной поговорить. Она думает, что может просто вернуться, и все станет на свои места, как будто она не ушла от всех, кому было на нее не наплевать. Это самое эгоистичное и приводящее в бешенство.

Секс с ней был плохим решением. Я должен был держать дистанцию между нами — желательно, с дверью посередине. Но после того, как я сидел за ужином и знал, что она находится прямо напротив меня, это было пыткой. Она была совсем рядом. Достаточно было протянуть руку, и я мог бы дотронуться до нее. И мне пришлось физически сдерживать себя, чтобы не сделать именно этого.

Но когда она появилась в баре, я понял, что мне крышка.

Мне нужно было почувствовать ее снова. Чтобы выкинуть ее из головы и сделать так, чтобы последний раз мы трахались на моих условиях, а не на ее. Да, этот план провалился, потому что я уже снова хочу ее.

Секс между мной и Лейкин всегда был на высшем уровне. Химия зашкаливала. Нет ничего лучше, чем потеряться друг в друге, и мы оба жаждали этого больше всего на свете. Когда я зарывался в нее сегодня вечером, я думал, что все будет по-другому.

Менее интенсивным.

Не будет той искры, от которой мы раньше сгорали.

Но напряжение между нами только усилилось.

Она по-прежнему прислушивается к каждому моему слову. Она по-прежнему знает, что именно мне нужно, чтобы возбудиться. И она позволила мне войти в нее, как в наказание, принимая каждый дюйм меня так, как не принимала ни одна женщина до нее.

Часть меня хотела кончить в ее киску. Это единственное, чего мы никогда не делали, и единственное из ее первого опыта, на который я не претендовал как на свой собственный. Но когда рядом с кем-то чувствуешь себя так, будто тебе нечем дышать, то беременность — это не тот риск, на который хочется идти.

И еще бомба, которую она сбросила на меня перед уходом.

Кто-то знает.

Более полутора лет я говорил себе, что все это позади. Осталось в прошлом. Но я ошибался, потому что есть кто-то, кто держит это над головой Лейкин, как гильотину, ожидая своего часа, чтобы нанести удар.

Боже, как бы я хотел, чтобы она мне сказала. Хотелось бы, чтобы она хоть что-то сказала вместо того, чтобы выйти за дверь и дать мне возможность поверить в то, что мои

худшие опасения подтвердились — я недостаточно хорош для нее. Я понимаю, она пыталась защитить меня, но даже тюрьма была бы лучше, чем это.

Я столько времени потратил на то, чтобы возненавидеть ее, думая, что так будет легче жить без нее. Я лежал часами и прокручивал в голове все негативные моменты. Даже звук ее голоса, который говорил мне, чтобы я перестал ее искать, крутился в моей голове, как будто моя голова была камерой пыток, созданной специально для меня. Но сейчас, когда она дома, это все равно чертовски тяжело.

Трудно быть рядом с ней и не хотеть ее. Все, что у нас было, все еще здесь, на заднем плане. Я все еще чувствую электричество, витающее в воздухе между нами. И это так заманчиво — снова погрузиться в это. Вернуться к ней. Но я не могу. Тревога от одной только мысли об этом переполняет меня, заставляя отступить в темный угол, где никто и никогда не сможет сломать меня снова.

Если я перестану злиться, я знаю, что именно это и произойдет. В итоге я потеряю бдительность и снова погружусь во все то, чем она является. А это не то, чем я могу рисковать.

Я этого не переживу.

Перевернувшись на спину, я беру телефон с тумбочки и звоню Кэму. Если я буду продолжать лежать здесь, мысли о Лейкин сожрут меня заживо. Мне нужно выйти ненадолго. Отвлечься.

— Как дела? — отвечает он.

Слава богу. — Ты дома? Мне нужно пиво.

Кэм усмехается. — Ты сейчас буквально над баром.

Я закатываю глаза. Я действительно не в настроении для этого дерьма. — Пошел ты. Забудь, что я звонил.

— Заткнись и приезжай, — говорит он со вздохом, понимая, что это немного серьезнее, чем он думал.

Мы вдвоем вешаем трубку, не попрощавшись, и я поднимаюсь с кровати. Надеюсь, Лейкин уже не будет внизу, когда я соберусь уходить.

Дверь Кэма не заперта, когда я прихожу туда, но даже если бы это было не так, у меня есть ключ. Так же, как у него есть ключ от моей квартиры. Мали смеялась и называла это нашим бромансом, но меня это никогда не удивляло. Она уцепится за что угодно, если это означает, что она может поиздеваться над нами по этому поводу.

Мой лучший друг сидит на диване, и я подхожу к нему, чтобы сесть рядом, и беру контроллер с журнального столика. Тот, что стоит рядом с ледяным пивом, которое ждет меня. Он пристально наблюдает за мной, сужив глаза до щелок, пытаясь понять меня.

— Хочешь поговорить об этом?

Я даже не смотрю на него, когда отвечаю. — Нет.

И это единственное, что было сказано вслух, прежде чем я открыл пиво и мы начали играть в игру NHL Center Ice.

Видеоигры — это всегда идеальный способ отвлечься. Ты настолько сосредоточен на том, что делаешь, что другие мысли даже не имеют возможности тебя достать. Это была большая часть того, как я пережил первые несколько месяцев без Лейкин.

Я почти не ел, почти не заботился о себе, мои волосы практически прилипли к голове, но я был мастером почти во всех видеоиграх. Несколько раз я даже уговорил Мали поиграть со мной, но она никогда не была склонна к умению проигрывать, и я не собирался позволить ей выиграть.

Она мне нравится, но не настолько.

Через час или около того после начала игры стук в дверь заставляет Кэма приостановить игру, и он встает, чтобы открыть дверь. Есть только один человек, который может прийти так поздно, но это никогда не бывает без предупреждения. Однако, когда я вижу, кто вошел, я понимаю, почему в этот раз все по-другому.

Мали тащит за собой задыхающуюся Лейкин. Каждый вдох у нее неглубокий, и она пытается выпустить гораздо больше воздуха, чем вдыхает. Кэм в панике смотрит на сестру и Мали.

— Что, черт возьми, происходит?

Я готовлюсь к тому, что будет дальше, и первая моя мысль — это все произошло по моей вине. Трахнуть ее, а потом оставить там — вот до чего я ее довел. До вечной панической атаки. И даже несмотря на то, что я сейчас в ярости, один ее вид затрагивает те части меня, которые я стараюсь держать в тайне.

— Я не могу заставить ее успокоиться, — говорит Мали. — Каждый раз, когда я даже приближаюсь к нормализации ее дыхания, она снова закручивается в спираль.

Лейкин схватилась за грудь, похоже, что она испытывает самую сильную боль в своей жизни.

Кэм берет ее за руки и располагает так, чтобы она была вынуждена смотреть на него. — Лей, дыши. Ты должна дышать. — Но это не помогает, и она начинает падать на пол. — Черт. Мы должны отвезти ее в больницу?

Да, я не могу этого сделать. Я не могу сидеть и ничего не делать, пока она разбивается в пух и прах. Даже если она довела меня до такого состояния, я должен что-то сделать.

Я перепрыгиваю через спинку дивана. — Двигайся.

Кэм отползает в сторону, когда я падаю на колени перед Лейкин. Она смотрит на меня с таким страхом в глазах, какого я никогда не видел. Я хватаю ее и притягиваю к себе, прижимая ее голову к своей груди, чтобы она могла слышать биение моего сердца.

— Сосредоточься на моем дыхании, — говорю я ей. — Ты потеряешь сознание, если не будешь получать достаточно кислорода, а ты этого не хочешь. Не обращай внимания на все остальное и сосредоточься на мне.

В нос ударяет запах ее шампуня, и я ненавижу то, что он все еще действует на меня. Мне очень хочется поцеловать ее в макушку, как, я знаю, она любит, но я не даю себе этого сделать. Это было бы слишком для меня.

Слишком много и слишком рано.

Проходит минута, но ее дыхание начинает успокаиваться.

— Вот и все, — пробормотал я. — У тебя получилось.

Если Вселенная хотела меня помучить, то у нее это получилось. Лежать всю ночь в своей постели и уничтожать себя мыслями о ней было бы лучше, чем это. Ощущение того, что она находится в моих объятиях, нуждается во мне так же, как я всегда нуждался в ней, напоминает хождение по натянутому канату — с высоты в тысячу футов и сотней голодных тигров подо мной.

Когда она наконец преодолевает самый сильный приступ паники, который я когда-либо видел, я чувствую, как она начинает отступать от меня, и мне приходится заставлять себя отпустить ее. Она проводит пальцами по своим волосам, напоминая мне о том, как я дергал ее раньше.

Прекрати, мать твою.

Кэм и Мали с облегчением смотрят на нас, когда мы все садимся на диван. Лейкин прислонилась к Мали, как будто только она удерживает ее в целостности и сохранности, и я ненавижу тот факт, что теперь она полагается не на меня. Но, опять же, я не давал ей никаких оснований полагать, что она все еще может это сделать.

— Ладно, когда ты успокоилась, расскажи мне, что произошло, — говорит Кэм.

Ну, по крайней мере, когда он вырубит мою задницу, я получу несколько минут покоя. Но, опять же, мысли о Лейкин имеют свойство преследовать и мои сны. Остается только надеяться, что он не станет бить по ребрам. Сейчас они могут вынести не так уж много.

Глаза Лейкин встречаются с моими, прежде чем она отводит их, и я понимаю, что мне крышка. — Я даже не знаю, с чего начать.

— Хорошо бы с начала.

Мали сужает глаза за этот умный комментарий.

— Черт, ладно, — вздыхает Лейкин. — Мне кто-то угрожает. С тех пор, как я уехала.

У Кэма отпадает челюсть. — Что за хрень? — Он поворачивается ко мне. — Ты знал об этом?

Я не могу понять, радуюсь ли я тому, что речь идет не обо мне, или беспокоюсь о том, что еще могло привести ее в такое состояние. — Я не знал до сегодняшнего вечера. Она держала этот маленький секрет при себе, как будто мы не имеем права знать.

— Не будь придурком, — усмехнулась Мали. — Я люблю тебя. Ты мне как брат. Но я не собираюсь сидеть здесь и слушать, как ты грубишь ей.

Конечно, блядь, нет. Неужели она не понимает, что Лейкин бросила и ее тоже? Что даже то, что они были лучшими подругами большую часть своей жизни, не имело для нее достаточного значения? Как будто в тот момент, когда Лейкин вернулась, Мали ослепла от всего этого, и они снова стали такими, какими были всегда.

Только не со мной.

Я не дам ей силы снова так сломать меня.

Вместо того чтобы извиниться, я показываю Мали средний палец.

— Хочешь, чтобы тебе засунули это в задницу? Потому что это можно устроить, — угрожает она.

— Ладно, — вмешивается Кэм. — Нам не нужно, чтобы вы сейчас нападали друг на друга. Лейкин, что ты имеешь в виду, когда говоришь, что кто-то угрожает тебе?

Ее дыхание затруднено, что является следствием гипервентиляции. — Они знают о том, что случилось с Монти. Поэтому я и ушла. Они угрожали, что если я не уеду, то Хейса обвинят в убийстве. — Она снова начинает плакать. — Я не могла этого допустить. Слишком много людей, которые были бы опустошены этим.

Я закатываю глаза, заставляя себя отвести взгляд. Дело не в том, что я не ценю то, что она сделала для меня. Какая-то часть меня ценит, но ее пересиливает гораздо большая часть, которая просто хочет крикнуть ей в лицо, что она должна была сказать мне об этом.

— Лей, дыши, — напоминает ей Кэм, и она снова начинает делать длинные медленные вдохи, чтобы успокоиться. — Мне кажется, в этом гораздо больше смысла, чем в том, что ты просто случайно ушла, но почему ты не пришла к нам? Мы могли бы тебе помочь.

— Потому что мне не разрешили, — объясняет она. — В моей машине лежал конверт с фотографией, сделанной в ту ночь. Явное доказательство того, что Монти был мертв, а Хейс был замешан в этом. А на обратной стороне конверта были три правила, которым я должна была следовать, если хотела, чтобы он не попал в тюрьму.

— Какие три правила? — спрашивает Кэм, чтобы мне не пришлось этого делать.

Лейкин перечисляет их так, словно они выжжены в ее мозгу. — Уехать от Хейса и покинуть Колдер-Бей. Не вступать в контакт. И, наконец, не позволять ему узнать, что я уехала по какой-либо причине, кроме как по собственному желанию. Я нарушила первое и второе правило в тот день, когда вернулась, и я нарушила третье правило сегодня вечером — вот почему я думаю, что дерьмо попало в вентилятор.

Он смотрит на меня, наконец-то понимая, для чего мне понадобилось отвлечься. Мои брови на секунду поднимаются в знак подтверждения, и он снова поворачивается к сестре.

— Ладно, что ты имеешь в виду под «дерьмо попало в вентилятор»?

Она снова начинает расстраиваться, а Мали проводит рукой по ее спине, чтобы успокоить. — Я вернулась в свой номер в мотеле, а на кровати меня ждала еще одна записка.

Мали лезет в сумку и достает конверт, передавая его Кэму. У него напрягается челюсть, когда он смотрит на него, а затем передает его мне.

Тебя предупреждали.

Что будет дальше, зависит от тебя.

Господи. Кто, черт побери, мог настолько интересоваться ею, чтобы наблюдать за ней спустя столько времени? Неужели им действительно нечем заняться?

Я бросаю конверт на журнальный столик и отпиваю глоток пива, а Лейкин продолжает. — Я пыталась уехать. Я бросила вещи в машину и попыталась уехать, надеясь, что еще не слишком поздно. Что я могу просто уехать, и все будет хорошо.

Она делает паузу, и я замираю от боли, которая возникает, когда я понимаю, что она снова пыталась уехать, не сказав мне ни слова. Не то чтобы я сделал что-то, кроме того, что заставил ее почувствовать, что она должна уйти. Тем не менее, боль в груди осталась, и это не от ушибленных ребер.

— Когда я выехала из города, какой-то газ заполнил мою машину. Он был странным. Ничего подобного я раньше не чувствовала. У меня сильно закружилась голова, и я

остановилась на обочине. Но не успела я выйти из машины, как потеряла сознание. А когда очнулась, то оказалась снова в черте города, а это было в моей машине.

Взяв у Мали другой листок бумаги, она передает его Кэму.

— У тебя была возможность уйти, но ты вернулась. Теперь никуда не деться. Добро пожаловать в твой ночной кошмар, — читает Кэм вслух. — Твою мать...

Если бы я думал, что это какая-то уловка или попытка оправдать ее уход и вернуть меня, я бы ее за это осуждал. Но она ни за что не стала бы врать. Не тогда, когда я видел чистый ужас в ее глазах. Черт, я даже видел его, когда она показала мне запись за пару ночей до своего ухода. Я просто подумал, что это из-за меня. Потому что она считала меня чудовищем.

Я никогда не думал, что это из-за кого-то другого.

— У тебя есть с собой оригинал фото? — спрашивает Кэм. — То, на котором, как ты сказала, есть доказательства?

Лейкин качает головой. — Он дома.

Дома. Это слово не должно иметь для меня значения. Где она живет — это ее решение. Но то, что она говорит это так, как будто где-либо, кроме этого места, может быть ее дом, задевает за живое. Если спросите меня, то это единственное место, которое когда-либо будет ее гребаным домом.

Я встаю, не в силах больше оставаться здесь. — Я уйду.

Кэм нахмуривает брови. — Прямо сейчас? Ты не хочешь помочь мне разобраться в этом?

Мой взгляд встречается с его, и это единственный раз, когда я позволяю себе проявить уязвимость в присутствии Лейкин. — Я не могу. Не сегодня.

Он понимающе кивает, в то время как голова Лейкин падает обратно на диван, и она снова начинает плакать. Какой-то голос внутри меня говорит мне, что я должен пойти к ней, чтобы все снова стало хорошо, но я знаю, что не могу этого сделать.

Я больше не могу ее спасти. Она отняла у меня эту способность. Вырвала ее прямо из моих рук, когда выходила за дверь. Я не могу сделать для нее ничего такого, от чего мне не захотелось бы убежать в горы.

Она сделала свой выбор, а теперь пришло время мне сделать свой.

Было чуть больше двух часов ночи, когда я наконец вернулся в бар. Зная, что в баре наверняка еще витает запах секса, я решил немного посидеть у входа. Обычно это хорошее место, для того, чтобы разобраться со своими мыслями. Но не сегодня.

Поверьте, мне бы очень хотелось вернуться в ночь перед ее отъездом и умолять ее не уезжать. Запретить ей уезжать вообще и пообещать, что, что бы ни подкинула нам жизнь, мы справимся. Но самое поганое в жизни то, что в ней нет кнопки «повторить». Нельзя

отмотать назад. Нельзя вернуться назад. Все, что вы можете сделать, — это утонуть в последствиях сделанного выбора, даже если он был не ваш собственный.

Сунув ключ в замок, я поворачиваю его и открываю дверь. Но не успеваю сделать и двух шагов, как останавливаюсь.

Здесь кто-то был.

Я не могу разобрать, что это, но на стенах что-то висит. Я тянусь к выключателю, чтобы включить свет, но ничего не происходит. Электричество отключили, и все осталось в полной темноте.

Я выхожу на улицу и звоню Кэму.

— Чувак, ты знаешь, который сейчас час? — ворчит он.

Я вздыхаю. — Да, Спящая Красавица, но мне нужно, чтобы ты приехал сюда. Я не думаю, что этот мудака остановился на том, чтобы поиздеваться над Лейкин сегодня ночью.

Его дыхание сбивается, и он резко просыпается. — Я сейчас буду.

Я жду в своем грузовике, чтобы избежать прохладного ночного воздуха. Если бы я не находился на пляже, это было бы не так страшно, но ветер, который дует с океана, делает ночь холодной. И, по крайней мере, в запертой машине никто не сможет подкрасться ко мне.

Когда Кэм заезжает на стоянку, я выхожу, но у меня сводит живот, когда я понимаю, что Лейкин с ним.

— Зачем ты взял ее с собой? — спрашиваю я, стараясь не показаться придурком, но я не знаю, есть ли кто-то внутри.

Он бросает взгляд на Лейкин, которая смотрит вниз, а потом снова на меня. — Она ночует у меня, и я не собирался оставлять ее одну. Не после того, что она пережила сегодня.

Это разумное объяснение. Я бы тоже был в шоке, если бы кто-то вырубил мою задницу и переставил мою машину со мной внутри. Но это не значит, что я рад, что она здесь. Не тогда, когда опасность все еще может быть внутри.

— У тебя есть фонарик? — Он кивает и передает его мне. — Хорошо, вы двое оставайтесь здесь, пока я убеждаюсь, что внутри никого нет.

Кэм качает головой. — Ни за что. А вдруг кто-то ждет, чтобы напасть на тебя или еще что-нибудь?

Тьфу. — Ладно. Но оставайся за дверью.

Мы втроем заходим в бар, и я включаю фонарик, направляясь прямо к задней двери, где находится электрический щиток. По крайней мере, с включенным светом мы лучше подготовлены. К счастью, они не стали полностью отключать электричество — просто выключили его на главном выключателе. И хотя я немного беспокоюсь за пиво, хранящееся в холодильнике, меня больше волнует вопрос, почему кто-то вообще оказался здесь.

Я снова включаю электричество и тут же слышу, как Лейкин резко вздыхает.

Даже неловко, как быстро я выбегаю обратно в зал, беспокоясь, что с ней что-то случилось. И если бы она не была так сосредоточена на всем, что ее окружает, она, возможно, заметила бы это. Но она слишком занята разглядыванием стен.

— Боже мой!

Стены от пола до потолка увешаны листовками об исчезновении Монти. Нет ни одного свободного дюйма стены, а если на этом месте что-то и висит, то они просто наклеили листовку поверх.

Одно дело — слышать, через что прошел Лейкин, и даже видеть две записки с сегодняшнего вечера, но, стоя здесь и глядя на это, я знаю, кто бы это ни был, он не шутит.

Кто-то знает, что мы сделали той ночью, и теперь жаждет крови.

— Это, должно быть, заняло несколько часов, — пробормотал Кэм.

Мой взгляд перемещается по комнате, пока я все это воспринимаю. — Если только их не больше одного.

— Два человека, которые знают? — Он качает головой. — Я сомневаюсь в этом. Прошло почти два года. Одному из них уже должно было надоест.

Я провел пальцами по волосам, вздыхая. — Ну, сегодня им определенно было чем занять свое время. Помогите мне убрать это дерьмо, чтобы мы могли открыться утром.

Лейкин выглядит так, будто она находится на грани очередного срыва. На ее лице отражается страх, и Кэм спрашивает, все ли с ней в порядке. Но она просто смотрит на него в ответ, а затем поворачивается ко мне.

— Мне очень жаль, — говорит она, ее голос дрожит. — Я не должна была возвращаться.

Желание притянуть ее в свои объятия не покидает меня, но сейчас я не могу с этим справиться. Нужно еще во многом разобраться, и я уверен, что в конце концов мы до этого доберемся. Сейчас мне нужно убрать это дерьмо со стен, чтобы мы могли завтра вовремя открыть бар.

Мы и так уже в полной жопе в финансовом плане благодаря мне. Мы не можем позволить себе закрыться из-за чьей-то проклятой вендетты.

Может быть, это и мудацкий поступок — игнорировать ее, когда она так расстроена, но это был мудацкий поступок, когда она ушла, так что к черту. Я подхожу к стенам и начинаю срывать листовки. Многие из них приклеены друг к другу, как оберточная бумага. По крайней мере, так их легче снимать.

Кэм и Лейкин помогают срывать со стены изображения одного из самых ненавистных мне людей. Каждая из его фотографий как будто смотрит на меня в ответ, дразнит меня, как будто указывает на то, что он победил. Его смерть, в конечном счете, и заставила Лейкин уехать. И я уверен, что его призрак греется в этом.

— Эйч, — зовет Кэм. — За этим что-то есть.

Я подхожу и замечаю, что за листовками на одной стене находится часть другой картины. Мои брови хмурятся, когда я осторожно удаляю все страницы поверх нее, но все становится еще хуже.

Там, под фотографиями преступления, которое мы скрыли, находится наша фотография. Я обнимаю Лейкин, а рядом с нами стоят Кэм и Мали. Мы все выглядим такими счастливыми, но это слово, написанное красными чернилами, пробирает меня до костей.

ВИНОВНЫ.

Это было настоящим посланием. Оно должно было показать нам, что они знают о

нашей причастности. И они объявляют войну не только Лейкин. Это война против всех нас.

Все три наших телефона одновременно срабатывают, и мы с растерянным видом достаем их, обнаруживая смс с неизвестного номера.

Игра началась.

9

Хейс

Рядом со мной завывает будильник. Четыре часа сна — это мало, но, к сожалению, это то, к чему я привык за последнее время. Особенно с тех пор, как вернулась Лейкин. Кажется, что когда мне удастся задремать, меня снова заставляют проснуться. Как бы я ни ненавидел кофе, он стал необходимым элементом моей жизни.

Я соскальзываю с кровати и выхожу из гостевой комнаты своего собственного чертова дома. Узнав, что в баре кто-то был, я понял, что не могу там спокойно спать. Меньше всего нам хотелось бы хоть на секунду ослабить бдительность. Поэтому, как бы мне этого ни хотелось, я заставил себя прийти и переночевать здесь.

Было время, когда я любил это место почти так же сильно, как Лейкин. Оно было нашим, наполненным нашей любовью и обещанием совместного будущего. Но когда она уехала, я ждал только ее возвращения, пока это не стало слишком вредно для здоровья.

При каждом звуке закрывающейся двери автомобиля я подбегал к окну, надеясь, что это она. Скрипы, которые раздаются повсюду в доме, были слишком громкими и нарушали тишину. Все это напоминало о том, что ее здесь нет. И когда я уже не мог больше терпеть, я решил уйти и переночевать в баре.

Сначала это была всего одна ночь, но постепенно месяц превратился в два, а дни — в недели, и я понял, что мне лучше спать там, где по другую сторону кровати не напоминают о том, что я потерял. Я возвращаюсь сюда только для того, чтобы убедиться, что все по-прежнему в рабочем состоянии, и время от времени вытираю пыль. Не то чтобы я хотел, чтобы это место превратилось в дерьмо. Просто я больше не могу здесь находиться.

Даже сейчас пустота сильна как никогда, потому что, хотя я и знаю, где она сейчас, ее здесь нет. Этот дом никогда не был моим. Он всегда был *нашим*. Это просто не то место, где я должен быть, если ее здесь нет со мной.

Когда я вхожу в комнату, неся завтрак, который мы, насколько это возможно, делим вместе, моя мама светится от счастья. Не секрет, что в домах престарелых еда не самая лучшая. Не поймите меня неправильно, я уверен, что они стараются изо всех сил, а повара очень талантливы, но когда все это делается в огромных количествах, это никогда не будет таким вкусным.

— Перестань на меня так смотреть, — говорю я, усмехаясь.

Ее ухмылка расширяется. — Как?

— Как будто я какой-то герой. У меня из-за тебя комплекс.

Она хмыкает, глядя, как я кладу завтрак на прикроватный столик и поворачиваю его так, чтобы она могла есть. — Милый, ты всегда был моим героем.

Я не могу даже выразить, как мне хочется, чтобы это было правдой. Но если бы я был героем, я бы смог спасти ее, а я, как ни старался, не смог этого сделать. Никто не смог. Даже лучшие врачи, которых мне удалось найти, а их, поверьте, мы обошли немало.

Я придвигаю стул рядом с ее кроватью и достаю свой бублик. — Мое это благодарит тебя за ежедневную инфляцию.

Мама хмыкает, закатывая глаза. — Ты такой маленький засранец.

— А вот это уже больше похоже на тебя.

Мы оба смеемся, и мне нравится, когда у нас такое настроение. Бывали моменты, когда у нее было не все в порядке с психикой. Особенно во время лечения, она была сама на себя не похожа. Она была растерянной и раздраженной. Ей хотелось только спать, и я это понимал, но мне всегда было тяжело переживать такие моменты.

Пока мы ели, на мгновение стало тихо, пока мама не сказала то, что повергло меня в шок.

— Значит, Лейкин вернулась?

Я чуть не подавился едой. — Откуда ты знаешь?

Она ухмыляется, не позволяя своим глазам встретиться с моими. — Возможно, она заходила ко мне вчера.

Эта информация выбила из меня дух. Знание того, что она была здесь, проводила время с моей мамой, вызывает у меня прилив различных эмоций.

— Чего она хотела? — спросил я, стараясь казаться невозмутимым.

— Для начала извиниться. — Ее рука дрожит, когда она подносит вилку с яичницей ко рту, уронив несколько кусочков на колени, которые я быстро помогаю ей убрать. — Похоже, она так же разбита, как и ты, Эйч.

Чтоб меня. — Да, но ведь это она сделала это, помнишь?

— Я знаю. Тут нет никакой пуганицы, не волнуйся. Но я скажу, что она выглядела искренне сожалеющей. Я думаю, она жалеет, что ушла, Хейс.

Если бы мне пришлось гадать, то сейчас я бы сказал, что она больше жалеет о том, что вернулась. Мы даже не представляем, что нас ждет после вчерашнего. И я никогда не был так рад, что моя мама находится в безопасности в стенах дома престарелых. По крайней мере, здесь она под защитой и присмотром.

— Я не знаю, — пробормотала я.

Но она не перестает давить. — Как ты относишься к тому, что она вернулась?

Отвернувшись от нее, я качаю головой. — Тот же ответ. Не знаю.

Мама игриво шлепает меня по руке. — Ты многого не знаешь, да?

— Я знаю, что хочу насладиться завтраком с мамой, — говорю я ей. — Там много чего происходит, и я действительно не хочу об этом говорить. Я просто хочу быть сейчас здесь, с тобой.

Похоже, это нашло отклик в ее душе, и она кивает. — Хорошо, но я здесь, если ты захочешь поговорить.

— Я знаю, — заверяю я ее, и я действительно знаю это.

Но сваливать все на маму, когда у нее гораздо больше проблем, чем у меня, — это не то, что я могу заставить себя сделать. Ни сегодня, ни когда-либо еще.

Парковка почти заполнена, но ничего удивительного в том, что бар пуст, нет. Большинство из них — местные жители, наслаждающиеся пляжем, пока он не заполнился на лето. В какой-то момент они все придут. Они всегда так делают.

А вот что *действительно* удивительно, так это то, что Лейкин сидит в углу, уткнувшись лицом в свой компьютер. Рядом с ней лежит блокнот, на голове наушники. Когда она чувствует, что на нее кто-то смотрит, она поворачивает голову, и наши взгляды встречаются.

Я чувствую себя оленем, попавшим в свет фар. Я не могу отвести взгляд. Мое тело не двигается. Я просто застыл, глядя на женщину, с которой, как мне когда-то казалось, я проведу всю свою жизнь.

К моему облегчению, она разрывает зрительный контакт после того, как мне кажется, что прошла целая вечность, но на самом деле это всего лишь несколько мучительно долгих секунд.

— О, хорошо, — говорит Кэм, появляясь из-за спины. — Ты здесь. Мали уже в пути, так что мы сможем рассказать ей о прошедшей ночи, прежде чем Райли заступит на смену.

Пока он переходит к другим темам, таким как инвентаризация и дегустация пива, о котором мы беспокоились прошлой ночью, мое внимание все еще приковано к тому факту, что Лейкин находится не более чем в двадцати футах от меня.

— Что она здесь делает? — спрашиваю я, надеясь, что она меня сейчас не слышит.

Не то чтобы это имело значение, если бы она слышала, но ей приходится очень тяжело, и я не собираюсь усугублять ее положение, несмотря на то, что она этого заслуживает.

Кэм выглядит озадаченным, пока я не киваю в сторону Лейкин. — О! Извини, я должен был предупредить тебя. Я думаю, что газ, который она вдыхала прошлой ночью, был чем-то вроде анестетика. С ней все должно быть в порядке, но я просто хочу понаблюдать за ней в течение двадцати четырех часов. Если тебе неудобно, мы можем просто разделить сегодняшнюю смену.

Я качаю головой. — Нет, все в порядке. Я справлюсь с этим.

Я не говорю ему о том, что часть меня тоже хочет присматривать за ней. С этим человеком, который угрожает сделать Бог знает что, лучше держать ее там, где я могу ее видеть. Я знаю, что мне должно быть наплевать, и я должен заставить себя жить дальше, как я сказал себе, что собираюсь сделать это в первую ночь, когда она появилась здесь, но я не могу. Потому что девушка, сидящая вон там, — это та самая девушка, в которую я влюбился до безумия. Мне нужно многое переосмыслить, но это никогда не изменится.

Она всегда будет оказывать на меня такое влияние.

Прошло всего несколько минут, когда Мали ворвалась в дверь, как ураган, которым она и является.

— Ладно, что, черт возьми, произошло, что ты не мог сказать мне по телефону? — кричит она.

Кэм смотрит на нее с нежностью. — Подожди.

Он подходит к Лейкин и осторожно дает ей понять, что Мали здесь, стараясь не напугать ее. Она снимает наушник, и они вдвоем возвращаются к нам. Лейкин садится на один из барных стульев, и я качаю головой.

— По закону тебе должно быть двадцать один для того, чтобы сидеть здесь, — говорю я ей.

Она сужает глаза, как будто хочет понять, прикалываюсь ли я над ней или веду себя как придурок, пока Кэм не вступает в разговор.

— Он прав. Даже если ты не пьешь алкоголь, ты не можешь сидеть за барной стойкой.

С небольшой извиняющейся улыбкой, брошенной в мою сторону, она поднимается и встает рядом с Мали. Кэм медленно рассказывает о событиях прошлой ночи, объясняя их так, что мы с Лейкин заново переживаем момент, который я предпочел бы забыть. Рассказав ей о том, что пропавшие листовки Монти были повсюду, он достает из-под барной стойки свернутую фотографию.

— Это было под ними, — говорит он.

Я помогаю ему развернуть, и глаза Мали расширяются, когда она видит написанное на ней слово «виновны». Теперь, когда она это увидела, мы можем выбросить ее, как я хотел сделать прошлой ночью. Это не только похоже на угрозу, но и напоминает мне о том, как все было прекрасно до отъезда Лейкин.

— Итак, что это значит? — спрашивает Мали. — Этот человек теперь охотится за всеми нами?

Кэм пожимает плечами. — Вот на что это похоже. Нам всем нужно быть осторожными, по крайней мере, до тех пор, пока мы не выясним, кто это такой и как нам с ним справиться.

Лейкин раздражается саркастическим смехом. — Думаешь, я еще не пыталась это сделать? Выяснить, кто этот придурок? Это невозможно. Они замечают следы, как чертовы боссы мафии.

Брови Кэма поднимаются, когда он поворачивается ко мне. — Ты же не думаешь...

Я усмехаюсь. — Что Монти тайно работал на мафию? Абсолютно нет. Он бы сказал

что-то не то, и его бы застрелили. — Мали фыркнула, услышав мои слова, а Лейкин поджала губы. — Черт возьми, вы понимаете, о чем я.

У Лейкин зазвонил телефон, и она посмотрела на него. — Мне нужно вернуться к работе.

Кэм и Мали кивают, и она возвращается к своему компьютеру, но мне немного любопытно, что это за *работа*. Что бы это ни было, она полностью поглощена этим.

Я не ревную. Честно. Просто за последние полтора года она не уделяла мне достаточно внимания. Неужели желание, чтобы она компенсировала это тем, что не может отвлечься от меня, делает меня плохим человеком? Если да, то просто добавьте это в список грехов, которые я совершил.

Мне, блядь, все равно.

Телефон звякнул в кармане, и я вытащил его. Рука сжимается, когда я понимаю, что это неизвестный номер — как и прошлой ночью.

У тебя всегда была тенденция наблюдать за ней, когда ты не должен был этого делать.

Да, к черту все это. Прошлой ночью это было групповое сообщение для всех троих сразу. Я не мог ответить, чтобы Лейкин не увидела, что именно я хотел сказать, а я не хотел оплошать. Но на этот раз сообщение пришло только мне, и мои пальцы забегали по экрану, когда я писал ответ.

Кто ты на хрен такой и что тебе нужно?

Чего я хочу, так это чтобы ее не было рядом с тобой, но мы не всегда получаем то, чего желаем больше всего. Ты должен знать это лучше всех.

Этот сукин сын. Осознание того, что я переписываюсь с человеком, из-за которого Лейкин меня бросила, пробуждает во мне самые темные стороны. То, что могло бы убить кого-нибудь, если бы он попытался встать между ней и мной. Но прежде чем вы подумаете, что именно это произошло с Монти, это не так. Хотя я не могу сказать, что был не готов это сделать, если бы дело дошло до этого.

Я бы сделал для нее все, что угодно.

Как насчет того, чтобы перестать быть гребаным трусом и приехать сюда, чтобы мы могли разобраться с этим лично? Или ты просто жалкая сучка, чтобы сделать это? Вот почему ты прячешься за анонимными сообщениями и стараешься, чтобы тебя не поймали, верно? Я имею в виду, ты даже не смог справиться с Лейкин. Пришлось вырубить ее, чтобы добиться своего, не так ли?

Звук звонка моего телефона снова привлекает внимание Кэма, но я слишком сосредоточен на телефоне, чтобы заметить это.

Да пошел ты. Ты даже не представляешь, на что я способен. Лучше научись вести себя так, как говорит дорогая мамочка, Хейси. Ты же не хочешь, чтобы я забрал у тебя еще одну женщину, которую ты любишь?

В глазах краснеет, челюсть сжимается, и я собираюсь написать ответное сообщение, чтобы они не впутывали в это дело мою мать, но прежде чем я успеваю отправить его, Кэм вырывает у меня телефон из рук. Его брови нахмурились, когда он прочитал часть разговора, а затем он посмотрел на меня с недоверием, заставив меня закатить глаза.

— Ты хочешь, чтобы нас всех убили? Или ты дошел до такой степени склонности к суициду, что тебе уже все равно?

Я выхватываю телефон и засовываю его в задний карман. — Отвали. Ублюдох получил по заслугам.

Он кладет руку мне на грудь, когда я собираюсь уйти, не давая мне сдвинуться с места. — Слушай, я все понимаю. Я ничего так не хочу, как выяснить, кто это, и заставить их пожалеть о том дне, когда они решили нас поймать. Но они правы. Мы действительно не знаем, на что они способны. Поэтому, как бы нам ни хотелось сейчас разбушеваться, мы не можем. Ясно?

Выдыхая, я киваю. — Хорошо.

— Спасибо.

К тому времени, когда Райли пришла на смену, Мали все еще болталась поблизости, к большому разочарованию обеих девушек. Поначалу их ненависть друг к другу была забавной, порой и сейчас забавляет, но в данный момент я не в настроении слушать все это дерьмо. И, очевидно, Кэм тоже, если судить по тому, как он отлучился в подсобку, чтобы проверить наши запасы.

Когда бар только открылся, мы пытались уговорить Мали работать здесь. Мы знали, что мы с Кэмом не справимся со всем этим сами, не доведя себя до ручки. Но Мали сказала нам «нет». Что она слишком сильно любит нас, чтобы сделать это. И еще она категорически отказывается, чтобы Кэм был ее начальником.

Я никогда не буду спрашивать, что означал его взгляд и ответное подмигивание во время того разговора.

— Эй, о женщине в углу позаботились? — спрашивает Райли.

Сначала я растерялся, но потом до меня дошло, что она говорит о Лейкин. — О. Да, с ней все в порядке.

Мали ухмыляется, точно зная, как она будет раздражать Райли сегодня. — Не волнуйся, Райлс. Хейс позаботится о ней. Я имею в виду, он всегда так делал.

Райли переводит взгляд с Мали на меня, потом на Лейкин, и, наконец, снова на меня. — О чем она говорит? Кто эта девушка?

— Никто, — сплюнул я, не желая весь день общаться с взбешенным барменом, но Мали ответила одновременно со мной: «Его жена».

Удивление проступает на лице Райли. — Ладно, это две *совершенно* разные вещи.

Мали сужает глаза. — Только не говори мне, что ты засунул ее обратно в шкаф вместе с остальными своими маленькими грязными секретами.

— Да пошла ты, — говорю я ей. — Ты лучше всех знаешь, что это неправда.

Когда мы были вместе, официально и открыто, я ни от кого ее не прятал. Я бы кричал о

наших отношениях с крыш. Я имею в виду, что у меня на безымянном пальце вытатуированы ее инициалы, ради всего святого. Но после того, как она уехала, все спрашивали, где она. Знаете, как неловко говорить людям, что от тебя не только ушла жена, но и ты понятия не имеешь, где она?

Это не то, что я хотел бы пережить снова, это уж точно.

Пока они вдвоем продолжают свою маленькую войну, я заставляю себя быть занятым, прежде чем скажу то, о чем потом буду жалеть. Хотя, я думаю, Мали наверняка выйдет из нее победителем.

— Я думала, Хейс не берет на себя обязательства, — пробормотала Райли.

Мали весело хмыкает. — Он сделал это для нее.

Они говорят так, будто Лейкин их не слышит, предполагая, что это так, просто исходя из того, что на ней надеты наушники. Но когда я поднимаю голову и ее глаза встречаются с моими, грустная улыбка, которую она мне дарит, доказывает обратное.

— Ладно, — говорю я им. — Хватит сплетничать. У вас что, мало дел, или мне нужно создать еще больше работы?

Прежде чем Мали успевает бросить мне в ответ, что на самом деле она здесь не работает, в комнату вваливается Кэм.

— Что, черт возьми, вы обе сделали такого, что он стал говорить, как настоящий босс?

Райли кивает на Лейкин. — Мали просто вводила меня в курс дела, кто она такая.

Кэм выглядит озадаченным. — Ты имеешь в виду мою сестру?

Подняв брови, Райли поворачивается ко мне и ухмыляется. — Ты просто сплошное клише, не так ли?

Я отмахнулся от нее. — Возвращайтесь к работе, пока я вас всех не уволил.

— Ты не можешь меня уволить, — язвит Мали.

— И меня тоже, — соглашается Кэм.

Господи, да в мире нет столько денег, чтобы это дерьмо стоило того.

К трем часам Лейкин все еще сосредоточенно работает за компьютером. Она останавливалась лишь пару раз, чтобы долить воды, и именно тогда она встретила Райли. Судя по ее реакции и взгляду, которым она обменялась с Мали, она уже все о ней слышала. И я уверен, что тот факт, что она равнодушна ко мне, был главной темой этого разговора.

Излишне говорить, что она ей не нравится. И Лейкин, не будучи в том положении, чтобы устраивать разборки, осушив свой бокал, решила не вставать за другим.

По большей части это место мертво, если не считать нескольких человек, забредших сюда, чтобы выпить чего-нибудь перед тем, как отправиться на пляж. Обычно я был бы благодарен за такую передышку, но сегодня она оставляет слишком много времени для размышлений, и есть одна вещь, которая не выходит у меня из головы весь этот проклятый

день.

Я наполняю еще один стакан колой, добавляю в него кусочек лайма, как она любит, и несу его к ее столику. Она удивленно смотрит на меня и снимает наушники.

— Спасибо, — говорит она.

Я натягиваю на лицо улыбку и киваю на место рядом с ней. — Не возражаешь, если я...

Это так неловко — спрашивать, могу ли я сесть рядом с ней. Боже, как я это ненавижу. Но она кивает и отодвигает свою сумку, чтобы я мог сесть.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, понимая, что никогда не спрашивал ее об этом сам.

Конечно, я спрашивал Кэма, Мали, слушал, что она отвечает, когда они спрашивают ее, но сам не проявлял инициативы, и это меня беспокоит.

Она вытягивает руки над головой. — Бывало и лучше, но со мной все будет в порядке.

— Правда? — нажимаю я.

Ее глаза впиваются в мои, и я чувствую, как уязвимость грозит вырваться на поверхность. — Я надеюсь на это.

Это слишком, смотреть на нее вот так и быть так близко, поэтому я заставляю себя сосредоточить внимание на столе.

— Ты снова пыталась уйти, — выдавил я из себя.

В моем голосе слышна боль, которая мгновенно выдает меня, но я должен знать, почему. Если она чувствует себя так, как говорит, и действительно ушла, потому что ее заставили, почему мы не стоим того, чтобы она боролась за нас? Это чертовски жалко, но мне нужен ответ.

Она на секунду закрывает глаза. — Да.

— Почему?

— Я вернулась, потому что тебе было больно, и я волновалась за тебя, но мое присутствие здесь явно причиняло только еще большую боль, а я не хочу этого для тебя, — говорит она откровенно. — А потом я получила ту записку и запаниковала.

Я на мгновение замолкаю, обдумывая ее слова и пытаюсь сдержать гнев, который хочет защитить меня. — Ты вернулась, потому что мне было больно, но тот несчастный случай был наименее болезненным из всего, с чем я сталкивался после твоего ухода.

Она вздрагивает, чувствуя настоящую боль от моих слов. — Я знаю. Мне очень жаль. Боже, ты, наверное, был так зол на меня в то утро.

— В том-то и дело. Это не так, — признаюсь я. — Я был так же глупо влюблен в тебя, как и накануне.

Она смотрит на меня, ее глаза слезятся. — Я думала, что поступаю так, как лучше для тебя. Я действительно так думала.

Я киваю. — Я верю тебе, но я также знаю, что раньше ты ненавидела, когда люди принимали решения за тебя. Но именно это ты и сделала той ночью. Ты сделала за меня выбор, которого я никогда не хотел. И это было отстойно, потому что я не просто потерял девушку, в которую был влюблен. Я потерял своего лучшего друга.

Ее нижняя губа дрожит, и я отвожу взгляд. Я действительно не пытаюсь заставить ее плакать. Просто сейчас я пытаюсь разобраться с кучей дерьма, и у меня нет ответов на все вопросы, чтобы расставить все по местам.

— Какая-то часть меня все еще любит тебя, — признаюсь я. — Всегда будет часть меня, которая все еще любит тебя. Но сейчас часть меня хочет тебя ненавидеть, и я не знаю, что сильнее.

Она фыркает, вытирает слезы и кивает. — Я понимаю это. Правда.

Я встаю из-за стола и кладу на него кулак. — Просто сделай мне одолжение?

— Все, что угодно, — отвечает она, и я понимаю, что она это имеет в виду.

— Не уходи никуда, пока я не разберусь с этим.

В ее глазах мелькает надежда, и уголки моего рта слегка приподнимаются, прежде чем я уйду. Когда я возвращаюсь за барную стойку, я вижу, что Райли с грустью смотрит мне вслед.

— Так это она, да? — спрашивает она. — Девушка, которая сделала так, что ты больше не веришь в любовь?

Я позволил себе на мгновение посмотреть на Лейкин, прежде чем ответить, чувствуя, как я все еще жажду ее, как зависимость, которая, кажется, никогда полностью не исчезнет.

— Я верю в любовь, — просто говорю я. — Просто я не верю в нее ни с кем, кроме нее.

Я думал, что мне будет легче, если я выставлю дом на продажу. И, возможно, так бы и было, если бы Лейкин не вернулась. Но сейчас, когда я стою здесь и смотрю, как кто-то вбивает во дворе дома табличку «Продается», я чувствую себя совсем не так, как предполагал. Я ожидал ощутить горькую сладость, но все, что я чувствую, — это горечь.

Риелтор, которая помогла мне купить этот дом, та же самая, через которую я выставляю его на продажу, и она удивлена тем, что он так быстро вернулся на рынок.

— Судя по тому, что ваша девушка говорила о нем, я думала, что это будет вашим домом навсегда, — говорит она мне.

— Она моя жена, — поправляю я ее. — И я тоже так думал.

Но теперь это место кажется мне запятнанным. Все воспоминания запятнаны тем, что она ушла. Даже если, по милости Божьей, нам удастся спасти то, что, как я практически уверен, погибло, я не думаю, что вижу наше будущее в этом доме. А если и нет, то мне не нужен дом с четырьмя спальнями. Не тогда, когда я никогда не смогу связать себя с кем-то так же, как с ней.

Лейкин всегда была моей «Долго и счастливо».

Просто все закончилось не очень счастливо.

Я вынужден проснуться посреди ночи от грохота, как будто кто-то пытается вломиться в дом. Я вскакиваю с кровати и лечу вниз по лестнице, звоню Кэму и говорю, чтобы он притащил сюда свою задницу. Я готов оторвать ублюдку голову с плеч, но когда я распахиваю дверь, там никого нет. Зато есть мертвый енот, приколотый к входной двери *моим выкидным ножом*. Я сморщил нос от вида крови, стекающей с трупа.

Я хватаю записку, которая лежит между енотом и рукояткой ножа, и отрываю ее.

Ку-ку. Я нашел тебя.

Ну разве они не чертовски милы. Под словами — смайлик с крестиками вместо глаз, видимо, в знак моей смерти или чего-то еще более мерзкого. Но записка — последнее, о чем я беспокоюсь.

Джип Кэма проносится по улице и с визгом останавливается перед моим домом. Они с Лейкин одновременно выскакивают наружу, и Кэм бежит через двор к тому месту, где я сижу на ступеньках.

— Что, блядь, случилось? — И тут он видит дверь. — Господи, это что, енот?

Я киваю. — Подарок от нашего маленького друга.

Он подходит к ней и внимательно осматривает. — Хейс?

— Да? — Я уже знаю, что сейчас будет.

— Как им удалось завладеть твоим ножом, если он всегда у тебя в кармане?

Бинго. — Именно это я и пытаюсь выяснить.

Лейкин обхватила себя руками, и футболка, в которую она одета, хорошо мне знакома. Моя любимая футболка с семнадцати лет, которая с годами перестала быть мне впору, но я отказался ее выбрасывать. В этой футболке Лейкин любила спать. Я задавался вопросом, куда она делась после того, как она уехала, и теперь, похоже, получил ответ.

Она забрала ее с собой.

— Хорошая футболка, — промолвил я. — Рад видеть, что ты взяла что-то из моего, не оставив мне ничего из своего.

Ее брови нахмурились, пока она не посмотрела вниз и не поняла, о чем я говорю. Не думаю, что она ожидала, что я узнаю, что она у неё. Я имею в виду, как бы я узнал, если бы не заставил ее и Кэма встать с постели посреди ночи?

— Я оставила после себя больше, чем ты думаешь, — пробормотала она.

Но прежде чем я успеваю придумать, что на это ответить, Кэм спускается по лестнице и встает передо мной.

— Что, блядь, мы будем делать с этим дерьмом? Потому что мне кажется, что ситуация уже обостряется.

Я пожимаю плечами. — Лично я все еще думаю, что они могут просто блефовать.

Он смотрит на меня так, будто я сошел с ума. — Эйч, к твоей двери прилипло гребаное

мертвое животное. Что из этого говорит тебе о *блефе*?

— Ничего, но что, блядь, мы должны делать? — в отчаянии спрашиваю я. — Пока мы не совершим гребаное чудо и не выясним, кто это такие, мы ни хрена не сможем сделать. Так что именно это я и собираюсь сделать. Ни хрена. Пусть огонь сам себя выжжет.

Его губы сжались, когда он обдумывал мой план. — Ты действительно думаешь, что это может сработать?

— Либо им надоест, что мы не хотим играть в их игру, либо они впадут в отчаяние и сорвутся, — отвечаю я. — На самом деле я не вижу, как мы тут можем проиграть.

Лейкин не выглядит убежденной, но я уверен, что она обращает внимание лишь наполовину. Они с Мали — любители пошалить, не желающие подчиняться ничьим приказам, но что-то подсказывает мне, что они прислушаются к нашим с Кэмом словам, когда дело дойдет до этого.

— Хорошо, — соглашается Кэм. — Думаю, стоит попробовать.

— Я тоже так думаю.

Он смотрит на дом, потом снова на меня. — Ты собираешься провести эту ночь здесь или останешься у меня?

Если бы он был здесь один, я бы, наверное, сказал ему, чтобы он переночевал здесь, но я с трудом переношу присутствие Лейкин на лужайке перед домом, не говоря уже о том, чтобы остаться с ней внутри. — Я буду в порядке. Увидимся завтра.

Он кивает, а затем бьет своим кулаком по моему. — Звучит неплохо, чувак. Позвони, если я тебе понадоблюсь.

— Позвоню.

Кэм начинает идти обратно к своему джипу, ожидая, что Лейкин последует за ним, но она колеблется, оглядываясь на меня.

— Ты продаешь дом?

Я смотрю мимо нее на вывеску на улице. — Да.

Она сглатывает. — О.

— Дело не в тебе, — говорю я, а потом немного отступаю. — Во всяком случае, не совсем. Просто... иногда планы меняются.

Похоже, она хочет поспорить со мной по этому поводу, сказать, что наши планы не обязательно должны меняться. Что у нас все еще может быть будущее, о котором мы говорили. И какая-то часть меня хочет услышать от нее эти слова. Но она решает не делать этого, и, наверное, это к лучшему.

Планы, которые мы строили вместе, умерли.

Лейжыны

Я больше не могу это делать. Это звучит дерьмово с моей стороны, заносчиво и, возможно, даже похоже на поведение дивы, но я, блядь, не могу этого сделать. Это просто слишком неудобно. Это портит мне настроение на весь оставшийся день, так как мое тело болит.

Я. Просто. Больше. Не могу.

— Кэм, я люблю тебя, — говорю я ему. — Но нет. Я не могу. Если бы существовала премия за самый неудобный диван в мире, то она была бы твоей. Я сплю на нем уже две ночи, и он уже мучает мою спину.

Он застонал. — Да ладно. Насколько лучше могут быть кровати в мотеле?

Я тупо смотрю на него. — Пол был бы лучше, чем этот диван.

Ухмыляясь, он пожимает плечами. — Ладно, тогда ты будешь спать на моем полу. Рад, что все улажено.

Нет.

Этого не будет.

Не поймите меня неправильно, я люблю своего брата и очень ценю то, как сильно он мне помогает в последнее время. Он постоянно заботится обо мне, как и всегда, и, оставаясь с ним, я чувствую себя в безопасности. Но я больше не могу. Я всегда буду любить его. Я генетически предрасположена любить его. Но если я не начну жить в другом месте, он перестанет мне нравиться.

— Я сниму другой номер в мотеле, — обещаю я. — Я не вернусь в тот, где останавливалась.

Мали фыркает рядом со мной. — Ты думаешь, это помешает им найти тебя? Хейс пытался поменять место ночлега, и на его двери повесили мертвое животное, как рождественский венок.

Хейс сужает глаза, стараясь не улыбаться. — Твой ангел-хранитель, должно быть, пьян.

— Хорошо, — отвечает она. — В ином виде она бы мне не понадобилась.

— Э-э, Эйч? — говорит Кэм, слегка шлепая его по руке.

— Что? — спрашивает он в замешательстве, но когда он смотрит мне за спину, его глаза расширяются. — Черт!

Мали оборачивается, чтобы посмотреть, о чем они говорят, но я слишком сосредоточена на том, что Хейс выглядит так, будто он в панике. Наконец он переводит взгляд на меня.

— Ты должна спрятаться, — говорит он мне.

Я хмурю брови. — Спрятаться?

Кэм издал смешок. — Уже поздно.

Позади меня открывается дверь, и Хейс наклеивает на лицо улыбку. — Дев, ты рано! Я думал, ты приедешь только на следующей неделе.

О, черт.

— Мне нечем было заняться, и я решила перенести свою поездку, — говорит она ему. — Кроме того, я соскучилась по маме.

— Только по маме? — поддразнивает он.

Я представляю, как она сейчас, наверное, закатывает глаза. — Заткнись. Ты же знаешь, что я скучала и по тебе.

Оставаясь совершенно неподвижной, я наблюдаю за тем, как Хейс обходит бар. — На улице великолепный день. Пойдем, пообщаемся снаружи.

— Хейс, сейчас *буквально* льет дождь.

Мали фыркает, но мне очень хочется, чтобы она не привлекала больше внимания в мою сторону.

— Что можно выпить в этом месте? — спрашивает его сестра. — Я так хочу пить.

Хейс вздыхает. — Знаешь, забавная штука. На самом деле наши напитки не так уж и хороши. Ну и ладно. Пойдем выпьем чего-нибудь в другом месте.

Как ему удалось продержаться так долго, чтобы Кэм не узнал, что мы с Хейсом тайно встречаемся, для меня загадка, потому что он самый дерьмовый лжец. Может, ему стоит занять диван Кэма? Они бы хорошо сочетались.

— Почему ты так странно себя ведешь? — скептически спрашивает Дев.

Я вижу, как мой брат слегка улыбается ей, прежде чем сморщиться, и я понимаю, что она меня увидела. Я чувствую, как ее глаза смотрят мне в затылок. Что ж, мне стоит повернуться, чтобы иметь возможность защититься, когда она неизбежно нападет на меня.

Медленно повернувшись, я обнаруживаю, что его сестра смотрит на меня в ответ. — Привет, Дев.

Она бросает на меня самый страшный взгляд, который я когда-либо видела. — Не нужно со мной *здороваться*. Какого хрена ты здесь делаешь?

— Я приехала, когда Хейс попал в аварию на мотоцикле, — говорю я, но останавливаюсь, когда ее глаза резко расширяются, и она поворачивается к своему брату.

— Ты попал в аварию на мотоцикле и не сказал мне? — кричит она. — Ты, блядь, сказал *ей*, но не сказал *мне*?

Хейс пытается ее успокоить. — Пожалуйста, не забывай, что мы открыты и здесь есть клиенты.

— Сейчас полдень.

— А это значит, что они все еще лечат похмелье, — заметил он. — А твой визг — не лучший помощник в этом деле.

Она закатывает глаза. — Я не могу в это поверить. Мама знает, что она вернулась?

— Да, — спокойно отвечает он, и какая-то часть меня задается вопросом, сказала ли она ему, что я к ней приходила, или он сказал ей, что я вернулась. — И она поддерживает все, что бы я ни решил с этим делать.

Девин насмехается. — Ты не можешь думать о том, чтобы вернуться к ней. После того, как она тебя так сломала? Ты что, шутишь?

Может, здесь и не так много людей, но те, что есть, сейчас обращают на нее внимание. У нее появилась аудитория, и я не думаю, что Хейс хочет, чтобы наше грязное белье стало последней пьяной сплетней. Я точно этого не хочу.

Я обращаюсь за поддержкой к Кэму, и, к счастью, он приходит мне на помощь. — Эйч, может, вам, ребята, стоит отнести это наверх?

Девин скрещивает руки на груди. — Я пойду, только если она согласится. Я хочу кое-что ей сказать.

Вздыхнув, я встаю. — Тогда вперед.

Когда Девин направляется к лестнице, Мали собирается пойти с нами, но я тут же останавливаю ее. — Нет. Ты уже недолюбливаешь ее, и я уверена, что то, что сейчас прозвучит из ее уст, выведет тебя из себя. Ты останешься здесь.

Она не выглядит счастливой от этого, но она хмыкает и остается на месте. Хейс тяжело вздыхает и проводит пальцами по волосам, когда мы начинаем следовать за Девин.

— Каковы шансы, что она собирается зарезать меня и использовать мою кровь для покраски своей комнаты? — спрашиваю я его.

Он качает головой. — Она ненавидит этот цвет, так что я бы сказал, что мало. Но я бы не стал подходить слишком близко. Она кусается.

— Фантастика.

Я поднимаюсь по лестнице за Хейсом и замечаю, как он держится между мной и Девин. Может, я и шутила, когда спрашивала, не собирается ли она меня зарезать, но, по крайней мере, какая-то его часть явно боится, что она замахнется.

— Уходи, Хейс, — говорит она ему. — Это между нами.

Он качает головой. — Да, нет. Мне и здесь хорошо.

Она смотрит на него, но он не собирается отступить. — Не волнуйся, я не причиню вреда твоей маленькой подружке.

— Технически, она все еще моя жена, — говорит он, наклоняя голову из стороны в сторону, но Девин это не забавляет.

— Какая, на хрен, жена, раз бросила тебя в таком состоянии, — усмехается она, оглядывая меня с ног до головы, словно я — дерьмо на подошве ее любимых туфель.

Я делаю глубокий вдох. — Дев...

— Девин, — поправляет она меня. — Только люди, которые мне дороги, могут называть меня Дев.

Чертов ад. — Девин, — отчетливо произношу я. — Мне очень жаль, что я ушла. Это было неправильно с моей стороны, и я причинила боль многим людям, в том числе и твоему брату.

— Лей... — пытается перебить Хейс, но я останавливаю его.

— Нет, все в порядке. — Я снова поворачиваюсь к Девин. — Видеть его в таком состоянии было для тебя, наверное, сущим адом. Думаю, так было бы и для меня. И я искренне сожалею об этом. Я никогда не хотела причинить кому-то боль. Это никогда не было моим намерением.

Она недовольно хмыкает и поднимает на меня одну бровь. — Ты *должна* извиниться. Знаешь, когда вы только начали встречаться, я пригрозила, что ударю его, если он обидит тебя. Мне даже в голову не могло прийти, что это ты причинишь ему боль.

Я сглатываю комок, образовавшийся от ее слов, потому что она права. Все так беспокоились о том, причинит он мне боль или нет. Ни один человек не думал, что будет наоборот. Конечно, мы оба были разбиты на части, но она этого не знает и не узнает.

Девин всегда была из тех, кто всегда стремится помочь, и, похоже, мой отъезд только усилил ее защиту брата. Мы не можем допустить, чтобы она оказалась рядом с этим дерьмом. Она вполне может пострадать сама. Хотя она может ненавидеть меня до глубины души, я все равно не позволю причинить ей вред.

— Я знаю, — мягко говорю я. — И ты имеешь полное право ненавидеть меня.

— Это хорошо, потому что я так и делаю, — бросает она в ответ. — Ты не заслуживаешь моего брата.

Это бьет меня прямо в грудь, потому что я с ней согласна. Это, как если бы мой худший страх был озвучен и подтвержден. И как бы я ни старалась сдержать слезы, они все равно появляются.

— Ты права. — Мои плечи опускаются. — Я не заслуживаю. Но это не значит, что я не люблю его всем, что у меня есть. Я не жду, что ты в это поверишь, но это правда. Он для меня — все.

Она хмыкает. — Если бы только тебе не пришлось отправиться посмотреть, кто еще есть на свете, прежде чем ты это поймешь.

— Это совсем не то, что я делала, но я и не жду, что ты в это поверишь. — Я поворачиваюсь к Хейсу. — Я уйду. Поищу новый мотель, где можно остановиться.

Он вздыхает. — Тебе не обязательно.

— Я должна, — говорю я ему. — Я не хочу портить тебе визит. А этот гребаный диван у моего брата будет для меня смертью. — Оглядываясь на Девин, я чувствую грусть. Я скучаю по тому времени, когда мы были друзьями. — Приятного времяпрепровождения с братом.

Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, ее голос снова зовет меня. — Знаешь, если ты не собираешься оставаться здесь в этот раз, то можешь идти.

Я оглядываюсь на нее. — Я буду рядом до того дня, пока он не скажет мне уйти.

С этими словами я спускаюсь по лестнице, сохраняя самообладание достаточно долго, чтобы собрать свои вещи и сказать Кэму и Мали, что я собираюсь найти новый мотель, в котором смогу поработать. Господь знает, что здесь это невозможно.

Как я могу писать песни о парне, если я не могу перестать смотреть на него?

Я заверяю их, что все в порядке, и выхожу за дверь, но как только я оказываюсь за углом и скрываюсь из виду, плотина прорывается, и на меня обрушивается поток эмоций. Все, что сказала Девин, — это все, что я заслужила услышать. Не было ни одного слова, с которым бы я не согласилась, за исключением той части, где она думает, что я была в поисках чего-то лучшего.

Я бы не стала даже беспокоиться об этом. Это был бы бессмысленный поиск. Я с пятнадцати лет знаю, что лучшего человека, чем он, для меня нет. И это никогда не изменится.

Но я все испортила.

И если мы с ним не сможем найти спасение, то мне придется жить с этим до конца своих дней.

Единственный, кто сбежал, была я.

Это только вопрос времени, когда появится следующий текст. Мне удастся найти хороший мотель всего в миле от квартиры Кэма. Таким образом, если он мне понадобится по какой-то причине, он будет рядом. Это поможет мне чувствовать себя лучше, и, надеюсь, поможет ему смириться с тем, что я не буду спать на том стоге сена, который он называет диваном.

Я раскладываю вещи, пытаюсь создать здесь ощущение дома, насколько это возможно, когда на кровати завибрировал мой телефон. Неизвестный номер, высветившийся на экране, уже почти не шокирует.

Каково это — чувствовать себя таким нежеланным гостем в родном городе? Наверное, сейчас ты жалеешь, что не послушала меня и не уехала.

Я закатываю глаза и удаляю сообщение, как и велели мне Кэм и Хейс. Не думаю, что это сработает, если я буду действовать таким образом. Если уж на, то пошло, я думаю, что это только приведет их в отчаяние. Но они проходят через то же самое, что и я после моего отъезда. В конце концов, они придут к такому же выводу.

От этого никуда не деться.

Вместо того, чтобы продолжать работать или позволить этому взять верх и провести остаток дня в беспокойстве, я падаю на кровать и звоню Нолану. За время моего пребывания здесь мы обменялись несколькими сообщениями, просто чтобы она знала, что я еще жива после того, как я в мгновение ока выбралась из дома, но будет приятно услышать ее голос.

Гудок раздается только дважды, прежде чем она отвечает.

— Боже мой, — говорит она потрясенно. — Неужели это правда? Неужели она действительно помнит о моем существовании, пока она уехала Бог знает куда и делает Бог знает что? А может быть, даже Бог знает с кем.

Я усмехаюсь, качая головой. — Ты просто нелепа. Я скучаю по тебе.

— Я тоже по тебе скучаю. Когда ты вернешься домой?

Этот вопрос заставляет меня рассмеяться, потому что я не лгу, когда говорю ей, что не знаю, потому что я действительно не знаю. Я не могу уехать. Я пыталась, помните? Все прошло не очень хорошо, и мысль о том, чтобы второй раз оказаться в отключке за рулем, не настолько привлекательна, чтобы пытаться снова.

— Я не уверена, детка, — говорю я ей. — К счастью, студия разрешает мне работать по видеочату, так что, по крайней мере, мне все равно заплатят. Чем ты занималась?

— Ну, ты знаешь. Тяжелыми делами взрослой жизни.

— Последние несколько дней ты провела у бассейна, не так ли?

— Нет, — говорит она, затем делает паузу. — Ну, по крайней мере, не у нашего бассейна. Зато я была у бассейна в спа-салоне. У них новый массажист, который выглядит так, будто только что сошел с подиума. Лейкин, я умерла, когда впервые его увидела.

Я вздохнула в насмешливом возмущении. — Ты изменяешь Пьеру?

Она на мгновение замолкает, и я понимаю, что что-то пошло не так.

— О нет, что случилось?

Ее тяжелого вдоха достаточно, чтобы понять, что я права. — Возможно, мы переспали, и мой отец, узнав об этом, уволил его.

— Нолан! — смеюсь я. — Когда, черт возьми, ты успела с ним переспать?

Она хмыкает. — Раз или два за последние пару месяцев.

Черт, я немного впечатлена тем, что не знала об этом. — Значит, каждый день в течение последних трех месяцев.

Ее гогот раздается на заднем плане, прежде чем она снова подносит телефон к уху. — Ты чертовски хорошо меня знаешь. Seriously, возвращайся домой. Я скучаю по своей соседке.

— Я знаю, знаю. Я пытаюсь, — говорю я ей, но это ложь, потому что, если это в моей власти, я не думаю, что когда-нибудь снова уеду отсюда. — На самом деле мне нужно, чтобы ты оказала мне услугу.

— Что угодно, — не колеблясь отвечает она. — Ты знаешь, что я всегда прикрою тебя.

Я улыбаюсь, хотя она меня не видит. — Мне нужно, чтобы ты отправила мне по почте кое-что из моей одежды.

— Новую одежду или ту, что у тебя уже есть? — взволнованно спрашивает она.

— Ту, что уже у меня есть. — Нолан застонала, когда я дала ей ответ, которого она не хотела. — Прекрати пытаться тратить на меня деньги.

— Ничего не могу с собой поделаться. Тратить деньги — мое любимое хобби.

Я закатываю глаза. — Знаешь, большинство людей тратят деньги на хобби, но это не само хобби.

Она возмущенно хмыкает. — Ну, большинство людей не такие сказочные, как я.

Как мне удастся всегда находить друзей, которые уверены в себе до мозга костей?

Мы разговариваем чуть больше получаса, прежде чем ей нужно идти. Оказывается, у нее запланирован второй за день массаж с новым массажистом, на которого она запала. Девушка прыгает от парня к парню, как будто она в чертовом парке батутов. Но она обещает мне, что в ближайшие пару дней доставит мне некоторые вещи, и, по крайней мере, я знаю, что она подберет мне несколько симпатичных нарядов. Я могу не беспокоиться, что в коробке окажутся одни треники и водолазки. Может быть, она даже сделает так, что я буду выглядеть достаточно хорошо, чтобы Хейс захотел меня вернуть.

Видит Бог, после того, как мы трахались той ночью, даже несмотря на то, что это было так злобно, желание сделать это снова становилось все сильнее с каждой минутой, проведенной рядом с ним.

Мне нужно снова почувствовать его.

Хейс

Семейные ужины выглядят немного иначе, чем раньше. Раньше мы втроем собирались на кухне, пока мы с Девин пытались распробовать еду, пока мама еще не закончила. Затем мы все собирались за маленьким столом и ели. Когда мы подросли, все переместилось в

гостиную — ну, когда мы достигли того возраста, когда нам можно было доверять, что мы не устроим беспорядок.

Теперь мы с Девин сидим по обе стороны маминой кровати и смеемся над каким-нибудь ужасным фильмом, который идет по телевизору. В этом нет той беззаботности, которая была раньше. Тяжесть от решения мамы прекратить лечение витает в воздухе. Но мы используем это время с пользой, потому что сидеть и думать о том, как она умрет, — это только терять время, которое у нас есть, пока она еще здесь.

— И сейчас она *случайно* столкнется с ним, — предсказывает Девин.

И точно, всего через несколько секунд главная героиня именно это и делает. Мы с мамой рассмеялись. Все это так чертовски предсказуемо. Всегда так было. Но маме они нравятся, и мы смотрим их, чтобы порадовать ее.

— Это мило! — воркует мама.

Девин закатывает глаза. — Это нереально и говорит женщинам, что им нужен мужчина, чтобы они чувствовали свою значимость.

Я откидываюсь на спинку стула и кладу ноги на край маминой кровати. — О, кто-то сегодня решил выступить с драматической речью.

— Только не надо на меня наезжать, — говорит она, глядя на меня. — У тебя нет чувства самосохранения, если ты позволил этой девчонке вернуться в твою жизнь.

Задыхаясь от смеха, я смотрю на маму. — Кое-кто сегодня утром видел Лейкин в баре.

— Ах. — Она медленно кивает, пока все части встают на свои места, а затем смотрит на Девина. — Ты была милой?

Моя сестра притворно мило улыбается. — Я была ангелом.

— Конечно, если ты все еще считаешь Люцифера ангелом, — шучу я. — Ты так быстро прогнала ее оттуда...

Она пожимает плечами. — Я не виновата, что она меня боится.

Я фыркаю, и даже мама смеется над этим. — Дев, я видел, как ты плачешь из-за сломанного ногтя. Она может надрать тебе задницу и при этом не пролить бокал вина. Не говоря уже о том, что у нее есть Мали. *Даже я боюсь Мали.*

Никто не может меня в этом упрекнуть. Эта девушка чертовски безжалостна. Кэм просто жаждет наказания, но в то же время я вижу, что он единственный, кто может заставить ее слушать.

— Неважно, — насмехается Девин. — Только не плачься мне, когда она снова разобьет тебе сердце. Однажды став сукой, всегда останешься ею.

Ущипнув себя за переносицу, я вздыхаю, пока мама ругает ее, говоря, что понимает ее неодобрение, но это моя жизнь, и я могу поступать так, как хочу. Так и есть, но это не значит, что я не боюсь, что она права.

Она *может* снова разбить мне сердце.

И одной мысли об этом в последнее время достаточно, чтобы не дать мне вернуться к старым привычкам в отношениях с ней.

— Мама, ты уверена, что не хочешь, чтобы я переехала домой? Ты, кажется, в последнее время немного утратила рассудок, — говорит она.

Предполагается, что это шутка, но мы все знаем, что ей не терпится переехать домой с тех пор, как маме поставили диагноз. Девин ненавидит быть так далеко и полагаться на мои новости. Но мы также знаем, что там ей будет лучше, там я смогу ее защитить и позаботиться о том, чтобы она видела маму только в хорошие дни, чтобы ей не пришлось

наблюдать за плохими.

— Ни в коем случае, — говорит ей мама. — Я не для того тебя растила, чтобы ты все бросила ради меня. Ты будешь продолжать учиться в колледже.

Она хмыкает. — Хейс не ходил в колледж.

— И посмотри, что из него вышло.

У меня отпадает челюсть. — Я вообще-то здесь!

Мама хихикает, посылая мне поцелуй, а Девин высовывает язык.

— Кроме того, — продолжает мама. — Тебе негде жить. Дом продан, помнишь?

Для Девин это большая тема. Она не помнит многих плохих воспоминаний о том доме. То ли она их заблокировала, то ли ее не было дома большую часть времени, я не знаю точно. Но мне не составило труда продать его".

— Знаю, — стонет Дев. — Как, кстати, обстоят дела у Марка?

Вскоре после того, как мама узнала, что жить в одиночестве, вероятно, не самое лучшее занятие при раке мозга, у Марка начались проблемы. Партнер по бизнесу обманул его, заключив под шумок несколько сомнительных сделок. Конечно, он не собирался брать вину на себя, поэтому, когда он почувствовал, что его раскусили, он свалил все на Марка.

И в результате он потерял *все*.

К счастью, он успел переписать бар на нас с Кэмом до того, как все произошло, но его жизнь радикально изменилась. Дом, бизнес, все пришлось продать, чтобы свести концы с концами. Хотя внешне он выглядел вполне обеспеченным, я узнал, что на самом деле он не лучшим образом распорядился своими деньгами. Он тратил очень много, просто поддерживая свой образ жизни.

Мама, будучи заботливой и добросердечной женщиной, чувствовала, что она в долгу перед Марком. В конце концов, он не только выплатил ипотеку за ее дом, но и спас меня от того, что, возможно, закончилось бы очень мрачным путем. Поэтому, когда она предложила мне продать дом и отдать ему деньги, чтобы он мог начать жизнь с чистого листа, я не стал спорить.

— Последнее, что я слышал от него, — это то, что у него есть небольшое местечко на пляже в Коста-Рике, — отвечаю я. — Вроде бы все хорошо. Время от времени заглядывает.

Мама вздыхает. — Я все еще ненавижу то, что с ним случилось.

— Я тоже, — честно говорю я.

Никто не заслуживает того, чтобы у него все вырвали из-под носа, но особенно не такой добросердечный и трудолюбивый человек, как Марк. Он был таким искренним и добрым. Осознание того, что кто-то так его обманул, приводит меня в ярость.

— Ну, я бы сказала, что буду жить с Хейсом, — начинает Девин. — Но, видимо, он тоже продает свой дом.

Черт. — Девин.

Мамины глаза расширились, когда она повернулась ко мне. — Ты продаешь свой дом?

Моя сестра *любезно* отвечает за меня. — Так и есть. Я проезжала мимо него сегодня и увидела перед входом табличку «Продается».

Может быть, Лейкин стоило позволить Мали последовать за нами наверх? Я просто говорю. Возможно, небольшая взбучка пошла бы Девин на пользу.

— Хейс Бекетт, — предостерегающе говорит мама. — Если ты продаешь этот дом, чтобы оплатить мои расходы, я буду преследовать тебя до конца твоих дней.

Я разражаюсь смехом. — Во-первых, ты и так будешь меня преследовать. Кого ты

обманываешь? А во-вторых, я продаю его не для того, чтобы оплачивать что-то из твоих расходов. Мне просто не нужен дом с четырьмя спальнями. Я всего лишь один человек.

Она с надеждой смотрит на меня. — Если только ты не хочешь еще раз попробовать наладить отношения с Лейкин.

Девин издает звук отвращения. — Могу я просто сказать, что мне не нравится, что ты — «Команда Лейкин»?

— Ну, если Хейс тоже хочет быть «Командой Лейкин», то какие еще есть команды?

С мрачным видом она запихивает в рот картошку. — Моя. Команда «Сама заварила кашу, сама ее и расхлебывай».

Ради всего святого.

Сегодняшний вечер обещает быть интересным.

Когда Кэм переехал из дома своих родителей, мы быстро поняли, что нам понадобится новое место для еженедельных костров. Рассматривался мой задний двор, но, поскольку я там не жил и не мог на него смотреть, мы продолжали размышлять. И тут Кэму пришла в голову блестящая идея — построить патио с костровой площадкой прямо у бара.

Потребовалось немало времени, чтобы получить все необходимые разрешения, а также чтобы город разрешил нам разводить костры, но эта идея пришлась по душе всем посетителям. Единственная проблема заключалась в том, что пятничные вечера летом — одни из самых напряженных в баре.

На помощь приходят бармены-путешественники.

Вы удивитесь, если узнаете, как много опытных барменов, которые готовы работать только за чаевые, если у вас достаточно хорошее место. Мне не нужно платить им из своего кармана, и я получаю свободный вечер. По-моему, это беспроигрышный вариант.

— Тебе лучше вести себя хорошо, — говорю я Девин, когда мы выходим из моего грузовика.

Она откидывает волосы на плечо. — Я всегда хорошо себя веду.

Но я не шучу. — Я серьезно. Это в большей степени друзья Лейкин, чем твои, и я не собираюсь терпеть, когда ты устраиваешь сцену. Она не обязана тебе нравиться. Я понимаю, почему ты этого не делаешь. Но ты должна вести себя прилично.

Проходит секунда, но, наконец, ее плечи опускаются. — Я просто не хочу, чтобы она снова причинила тебе боль. Я никогда не видела тебя таким опустошенным.

Вздохнув, я подхожу ближе и обнимаю ее. — Я знаю. И я ценю твою попытку защитить меня. Но это решение я должен принять сам.

— Хорошо, — неохотно соглашается она. — Но если ты вернешь ее обратно, и она снова тебя кинет, я ударю ее по лицу.

Я усмехаюсь. — Если ты хочешь умереть именно так, то это твоя проблема.

Она закатывает глаза, и мы вдвоем сворачиваем за угол. Огонь уже бушует, и в баре больше народу, чем обычно, что свидетельствует о приближении лета. Оуэн и Лукас уже здесь, но ни Мали, ни Лейкин не видно.

— Здорово, что ты наконец-то появился, — поддразнивает Оуэн.

Я отмахиваюсь от него. — Я не собирался приходить, но решил, что не удостоить вас своим присутствием было бы жестоко.

Лукас отдает честь. — Мы ценим твою жертву. А теперь принеси мне пива, бармен.

Мои глаза сужаются, и я сдерживаю смех. — Ты ведь понимаешь, что я все еще могу вышвырнуть тебя отсюда?

Улыбка сразу сходит с его лица, а Оуэн смеется над ним.

Я скучал по этим ребятам. После ухода Лейкин было несколько вещей, с которыми я больше не мог справиться. Одной из них было посещение катка. Каждый уголок этого места напоминал мне о ней, и после того, как я появлялся там день за днем, надеясь, что она войдет в эти двери, и разочаровывался, я понял, что должен держаться от него подальше. Конечно, это означало уход из команды, но это было неизбежно. Когда открылся бар, у меня все равно не было на это времени.

Кэм приносит мне пиво и в шутку протягивает Девин пакет с соком. Правда, это срывается, когда она, ухмыляясь, засовывает в нее соломинку, только для того, чтобы выплеснуть содержимое на него. Он вскрикивает, отпрыгивает назад и сталкивается с посетителем, проливая свое пиво.

— Черт, — ворчит он. — Мне очень жаль, парень. Давай я принесу тебе новое.

К счастью, парень оказывается достаточно понятливым и кивает, следуя за Кэмом обратно в бар и сквозь толпу. Тем временем я смотрю на Девин, не понимая, что происходит.

— Что? — спрашивает она, не обращая внимания. — Это он начал.

Меня окружают дети.

Я как раз выходил, чтобы помочь решить проблему, возникшую у них за барной стойкой, когда глаза Лукаса расширились. Он выглядит так, будто впервые видит цвета, и это может означать только одно.

— Ни хрена себе, — проворчал Оуэн. — Как и все, чем я живу и дышу, Лейкин, мать ее, Бланшар.

Ошибся с фамилией, ублюдок. Это не должно так действовать мне на нервы, но когда я поворачиваю голову и вижу, как Лейкин идет к нам, а рядом с ней Мали, все остальное исчезает из моего сознания.

Она, несомненно, самая красивая женщина здесь.

Мали, должно быть, завила волосы Лейкин и нанесла на нее лишь пылинку макияжа,

хотя она никогда в нем не нуждается. Но именно то, во что она одета, заставляет меня думать, что мне действительно следовало бы пропустить этот вечер.

Ее джинсы низко сидят на бедрах, а майка-борцовка, которую я уже видел на Мали, но на Лейкин она смотрится гораздо лучше. А еще у нее на шее висит тонкий золотой чокер, который я бы с удовольствием сменил на свою руку прямо сейчас.

Как, черт возьми, я смогу продержаться следующие несколько часов, если она будет здесь в таком виде?

Я наблюдаю за тем, как она с готовностью идет в объятия Оуэна, ухмыляясь от уха до уха. За все время, что я знаю Оуэна, мне кажется, не было случая, чтобы я ему завидовал.

— Разожми челюсть, — пробормотала Мали, сидя рядом со мной. — Твоя ревность дает о себе знать.

Заставив себя отвести взгляд от Лейкин, я смотрю на Мала. — Знаешь, до того, как она вернулась, ты была гораздо менее злой.

Она ярко улыбается. — Ложь. Я была самым лучшим человеком из всех, кого ты знаешь, с того самого дня, как ты меня встретил.

— О, да. Ты просто прелесть.

Тыльная сторона ее руки летит в меня, когда Оуэн наконец отпускает Лейкин, и она движется, чтобы обнять Лукаса. Но как будто она знает, что я смотрю на нее, она обнимает его значительно быстрее.

Было бы ложью, если бы я сказал, что это не отвратительно — наблюдать, как они все приветствуют ее, как будто они не были абсолютно потрясены, когда она ушла. Но на самом деле это было не так. Таким был только я.

— Когда, черт возьми, ты вернулась? — спросил ее Лукас.

Она оглядывает меня с ног до головы и закусывает губу, и я ненавижу то, как мне хочется превратиться в податливую игрушку в ее руках. — Когда он решил поиграть в машинки с мотоциклом.

Мои глаза сужаются. — Невежливо с твоей стороны оскорблять меня, когда ты обнимаешь всех, кроме меня.

Сделав несколько шагов ближе, она не сводит своих глаз с моих. — Ты тоже хочешь?

Скажи «нет».

Скажи «нет»!

Черт возьми, скажи «нет»!

— Я имею в виду, если ты их раздаешь...

Это все, что ей нужно было услышать, прежде чем она закрыла между нами пространство и обхватила меня руками. И, черт возьми, я в полной заднице. В последний раз, когда я обнимал ее, она была в середине панической атаки, и это было необходимым злом. Но это не то, что сейчас. Все, кто нас знает, с затаенным дыханием следят за тем, как я поддаюсь и прижимаю ее к себе.

А потом началась паника.

Лейкин не придает этому значения, когда я отпускаю ее быстрее, чем когда-либо — даже до того, как мы начали размывать границы, — но выражение ее лица говорит мне, что она заметила. Я не пытаюсь быть мудаком. Правда. Не пытаюсь. Просто, как бы сильно я ни хотел снова погрузиться в эту атмосферу, я не могу.

Слишком много остаточной боли.

— Не-а, — хнычет Лукас. — У него был шанс. Теперь моя очередь.

Во все другие разы, когда мы это делали, все проходило гладко. Не было ни одной проблемы, с которой нам пришлось бы столкнуться. Но, как и во всем остальном в последнее время, Вселенная показала, что она не любит ничего, кроме как мучить меня, и, вероятно, поэтому сегодня у нас возникли почти все возможные проблемы.

Один бочонок был пуст.

В другом бочонке был не тот вкус.

Кассовый аппарат отключился.

И самое любимое — кого-то стошнило в туалете.

— Райли получит прибавку в два доллара, — говорю я Кэму.

Он смотрит на меня и усмехается. — Она все убрала?

— Да.

— Это нормально. Я бы дал ей три.

Я хмыкаю, делая глоток пива. — Я был готов дать пять. Ты видел, что там? Выглядит как ванная в нелегальной подвальной реабилитации.

Кэм ухмыляется. — А ты много где побывал, да?

Вместо ответа я отмахиваюсь от него и выхожу на улицу. Лейкин разговаривает по телефону, стоя ко мне спиной, но именно ее слова привлекают мое внимание.

— Ты лучше всех, — говорит она. — Мне нужно идти, но я напишу тебе. — Небольшая пауза, а затем... — Я тоже тебя люблю. Пока.

Такое ощущение, что из моих легких выбили весь воздух. Я не могу дышать. Даже не могу вспомнить, как.

— Все в порядке? — спрашивает Мали.

Она кивает. — Нолан пересылает мне кое-что из моей одежды. Как бы мне ни нравилось пользоваться твоим гардеробом, мне нужны свои собственные вещи.

— Я понимаю, но, чтобы ты знала, мой шкаф — это твой шкаф.

Лейкин рассмеялась. — Это не по-испански.

Мали отмахивается от нее. — Неважно. Это ты собрала вещи только на пару дней.

— Ладно, во-первых, я торопилась и была не в том состоянии, чтобы собираться. Тебе повезло, что я не забыла взять нижнее белье.

— Нет. Ты застряла в номере мотеля после душа и попросила меня принести тебе белье, помнишь?

— Тише, — пробормотала Лейкин. — Мы договорились больше никогда не упоминать об этом.

— Я солгала, — говорит Мали с самой большой ухмылкой.

Лейкин вздыхает. — Я просто рада, что снова смогу носить свою одежду. Нолан — просто спасение.

— Да, да. Расскажи мне все о том, что кто-то еще украл тебя у меня. Все в порядке. Мне нравится боль.

Моя грудь практически разрывается от боли. То, как Лейкин разговаривала со мной, то, как она *смотрела* на меня, я подумал, что у нас есть шанс. Но сейчас у меня на уме только одно.

Кто такой этот чертов Нолан?

По мере того как длится вечер, я чувствую, что раздражаюсь все больше и больше. Каждый раз, когда Лейкин достает из кармана телефон, мне ужасно хочется вырвать его из ее рук и посмотреть, что там написано. Не секрет, что я всегда был собственником, когда дело касалось ее, но это уже другой уровень.

Не то чтобы мне никогда не приходила в голову мысль о том, что Лейкин может жить дальше. Возможность того, что она может быть с кем-то другим, мучила меня постоянно. Но видеть, как она улыбается, глядя на свой телефон, — это нечто совсем другое.

Это жжет.

Мне буквально хочется броситься в огонь, лишь бы удержать ее внимание на мне и отвлечь от него.

Чертов Нолан. Звучит как высокомерный мудака, если хотите знать мое мнение. Он, наверное, каждый день носит хаки и парадные туфли, потому что считает, что это выглядит стильно. Пусть приходит сюда, и я покажу ему, что я думаю о том, что он переписывается с моей чертовой женой.

Когда приходит очередное сообщение, и она смеется так же, как раньше смеялась со мной, я больше не могу этого выносить. Я вскакиваю со стула так быстро, что Кэм замирает рядом со мной.

— Куда ты идешь? — спрашивает он.

Я не доверяю своему голосу настолько, чтобы ответить, поэтому просто поднимаю свой пустой стакан, надеясь, что этого будет достаточно для него. Бар понемногу пустеет, все либо расходятся по домам, потому что уже поздно, либо выходят на улицу, чтобы насладиться огнем, но все еще есть несколько человек, которые остаются здесь.

Обойдя бар, я с силой ударяю стаканом о стойку, и он разбивается. Стекло падает вокруг моего кулака, и я бормочу несколько отборных слов.

— Все в порядке?

Конечно, она последовала за мной.

Я поднимаю глаза и вижу, что Лейкин смотрит на меня. Она выглядит обеспокоенной, и когда она видит стекло, ее глаза расширяются. Подойдя ближе, она пытается помочь мне убрать его, но я останавливаю ее.

— Я в порядке.

Я не должен оказывать ей никаких гребаных услуг.

Она вздыхает. — Хейс.

— Я сказал, что я в порядке, — огрызаюсь я, сжимая кулак, и чувствую, как осколок стекла режет мою ладонь. — Ублюдок!

Отпустив его, я разжал руку, и стекло упало обратно на барную стойку. Из свежего пореза по руке потекла кровь. Прежде чем я успеваю сказать ей «нет», Лейкин оказывается за барной стойкой, берет полотенце и прижимает его к ране.

— Очевидно, ты не в порядке, — резко говорит она.

Я наблюдаю, как она тщательно убирает остатки стакана и протирает стойку, чтобы убедиться, что не пропустила ни одного мелкого осколка. Закончив с этим, она поворачивается ко мне лицом.

— Где аптечка?

Я качаю головой. — Я в порядке.

Но она не воспринимает это как ответ. Она оглядывается по сторонам, видит одного из барменов, которых мы наняли на эту ночь, и спрашивает его. Он тянется под стойку, достает и передает ей, а она благодарит его.

Я закатываю глаза, как только вижу триумфальную ухмылку на ее лице. Положив набор на прилавок, она достает антисептический спрей и бинт. Собрав все необходимое, она кивает в сторону ванной комнаты.

— Иди, промой, — говорит она мне.

— Я же сказал, что со мной все в порядке. Я могу о себе позаботиться.

Не слушая ни слова из того, что я хочу сказать, она собирает вещи и хватается за запястье, увлекая за собой. Ощущение ее пальцев, обхватывающих меня, гораздо сильнее, чем должно быть. Этого достаточно, чтобы заставить меня повиноваться каждому ее гребаному слову.

Я остаюсь совершенно неподвижным, когда она включает воду и опускает мою руку под воду. Резкое жжение пронзает мою руку, и я инстинктивно шиплю.

— Не будь таким ребенком, — мягко говорит она.

Боже, как я это ненавижу.

Ненавижу то, что звук ее голоса может усыпить меня ночью. Ненавижу то, что она способна заставить меня чувствовать столько вещей одновременно. И я ненавижу то, что она обвела меня вокруг пальца, даже после всего, что она сделала.

Но больше всего я ненавижу то, что она не моя.

Больше нет.

Она пошла дальше. Нашла своего прекрасного принца, который, вероятно, заслуживает ее гораздо больше, чем я. Но это не значит, что часть нее не будет всегда принадлежать мне.

Та ее часть, от которой я никогда не откажусь.

Мы переходим в заднюю комнату, чтобы она закончила мыть мою руку. Я не свожу глаз с Лейкин, пока она осторожно вытирает мою ладонь, нежно дует на нее, как чертова искусительница, которой она и является. Я изо всех сил стараюсь не обращать на это внимания, но не могу. И когда она, наконец, накладывает повязку и поднимает на меня глаза, моя сдержанность еще немного ослабевает.

— Итак, не хочешь рассказать мне, почему ты вдруг так разозлился? — спрашивает она. — Ты был в порядке, когда я пришла. Что случилось?

Я перевожу взгляд на пол. — Ничего. Ничего не случилось.

— Это прозвучало убедительно.

Сукин сын. Почему это должно быть так трудно? Так сложно? Почему мы не можем просто вернуться к тем временам, когда все, что имело значение, касалось только нас двоих? Все, чего я хочу, — это снова погрузиться в наш маленький пузырь и убежать от мира.

Но она разбила этот пузырь, когда совершила свой полуночный побег.

— Лей, — говорю я, наконец-то посмотрев на нее.

Прежде чем я успеваю сказать что-то еще, ее телефон снова звонит, и у меня сжимается челюсть. Она достает его, смотрит на него секунду, а затем с небольшой улыбкой убирает обратно в карман. И последняя часть меня, которая могла это вынести, умирает внутри.

— Знаешь, самое меньшее, что ты могла бы сделать, это не писать своему парню при мне, — усмехаюсь я, делая шаг к ней.

Она хмурит брови, вероятно, удивляясь, как я догадался об этом, ведь она никогда не упоминала его при мне. Я предполагаю, что это неспроста. Либо она хотела проверить, есть ли у нас еще шанс, держа его на втором плане, либо она не хотела показывать мне свое счастье, пока моя жизнь рушится.

Когда она прижалась спиной к стене, я ухмыльнулся. — Забавно. Я никогда не считал тебя неверной. — Я провожу кончиками пальцев по ее руке. — Он знает, что последним, кто был в твоей киске, был я?

Она резко сглатывает, но не произносит ни слова. Я беру свою неповрежденную руку и кладу ей между ног, надавливая именно там, где она этого хочет. Задыхающийся стон вырывается из ее рта, и она откидывает голову назад к стене.

— Это мое, — прорычал я, медленно двигая рукой. — Мне все равно, здесь ты или за тысячу миль отсюда, притворяясь, что меня не существует. Это, блядь, мое.

Она тянется вверх и хватается меня за рубашку, притягивая ближе, прижимаясь головой к моей груди. Это одна из тех вещей, по которым я скучаю больше всего, по тому, как я всегда мог заставить ее разрываться на части так чертовски легко. Не отрываясь от нее, я пинаю дверь, и она захлопывается.

Я отодвигаю ее назад и прижимаюсь губами к ее уху. — Держу пари, он не может заставить тебя чувствовать себя так. Он не знает, как правильно прикасаться к тебе, а я знаю.

Она хнычет, когда я отпускаю ее, но когда я проскальзываю под ее пояс и ввожу свои пальцы прямо в нее, она вздыхает с облегчением. — Черт возьми.

Ее глаза встречаются с моими, и ее зрачки расширяются. Мне очень хочется поцеловать ее прямо сейчас, но я не позволю себе этого сделать. Быть сильным достаточно трудно, и хотя она не единственная девушка, с которой я когда-либо целовался, она единственная, кто когда-либо имела значение.

Поцеловав ее, я снова окажусь в свободном падении, а я не могу так рисковать.

Не могу.

Введя в нее два пальца, я застонал от того, как она сжимается вокруг меня. — Ты такая охренительно мокрая для меня. Я уже несколько дней хочу снова войти в тебя.

Она расправляет плечи и решительно смотрит на меня. — Чего же ты тогда ждешь?

Я ухмыляюсь тому, как она говорит именно то, что я хотел услышать. Наклонившись, я посасываю кожу над ее ключицей, пока расстегиваю брюки. Как только я спускаю их, я провожу пальцами по ее киске и выпрямляюсь. Она смотрит, как я втягиваю их в рот, застонав от ее вкуса.

— Ты такой грязный, — дразнит она.

Потянувшись в задний карман, я достаю презерватив, который принес на всякий случай. — Тебе это нравится.

Это ужасный выбор слов, и я молча благодарю Бога, когда она не отвечает. Она никак не может ответить так, чтобы я не закрутился в мыслях, и сейчас единственное, на чем я хочу сосредоточиться, — это на том, как она ощущается, когда вхожу в нее.

Лейкин снимает брюки, и я поднимаю одну из ее ног, чтобы обеспечить нужный угол. Одним быстрым движением я ввожу свой член глубоко в ее киску и стону, когда погружаюсь до основания. Мой большой палец обводит ее клитор, пока я трахаю ее, и она становится громче от этого.

— Шшш, — говорю я ей. — Ты должна вести себя тихо, Рочестер. Нельзя, чтобы все слышали нас здесь.

— Не могу, — прохрипела она, хватаясь за меня, чтобы притянуть ближе, но я здесь главный.

— Можешь и будешь, — рычу я. — Будь для меня хорошей девочкой и храни молчание. Ты знаешь, как это делается.

Ее глаза сужаются, точно зная, что я имею в виду, но когда я наклоняюсь, чтобы оставить засос на ее коже, вся обида, которую она могла испытывать, рассеивается. Она чувствует себя чертовски хорошо, обхватив мой член — вот так. Я нуждался в этом. Мне нужно было это ощущение.

Она была нужна мне.

— Блядь, — простонал я. — Я хочу проводить каждый день, зарываясь в тебя вот так. Твоя киска — единственное подходящее для меня место.

Она тяжело дышит. — Только моя.

С ее стороны было бы смело проявлять собственничество, когда у нее есть парень, но ладно. Я уступлю.

— Только твоя, — говорю я ей, и это не ложь.

Положив две руки мне на грудь, она откидывает меня назад, и я выскальзываю из нее. Она кружит нас, прижимая меня спиной к стене, и наклоняется передо мной. Я выстраиваюсь у ее входа, и она скользит по мне. Я беру руку и шлепаю ее по заднице, мне нравится, как она вздрагивает от этого ощущения.

— Ты так чертовски хорошо выглядишь. — Я смотрю, как мой член исчезает внутри нее, и она трется об меня своей попойкой. — Черт возьми.

— Трахни меня, — умоляет она. — Сильно. Я хочу чувствовать тебя при каждом движении.

Мне, наверное, нужно повторять дважды многие вещи, но это точно не одна из них. Ее рука проникает под меня, и она легонько играет с моими яйцами. Я обхватываю ее бедра и начинаю настойчиво входить в нее. Лейкин прикусила губу, стараясь не шуметь, но если бы кто-нибудь приложил ухо к двери, то услышал бы безошибочный звук соприкосновения кожи с кожей.

— Всегда такая хорошая для меня. Поиграй с собой так, как мне нравится.

Она качает головой. — Это не то же самое.

Хорошо. Считайте меня долбанутым, но я хочу, чтобы она нуждалась во мне. Я хочу, чтобы она жаждала чего-то, что могу дать ей только я. Не ее парень. Не она сама. Только я. То, что заставит ее приползти ко мне на коленях, когда она поймет, что никто другой не может сделать это так, как я.

— Дай мне свои руки.

Она заводит руки за спину, и я беру оба ее запястья в одну руку, подтягивая ее к себе. В таком положении она совершенно беспомощна передо мной. Мой член трется о ее точку G, а я протягиваю другую руку, чтобы поиграть с ее клитором.

— О Боже, — стонет она.

Я ухмыляюсь. — Нет. Даже он не сможет заставить тебя чувствовать себя так хорошо.

Она уже близко. Я чувствую это. По тому, как она начинает прижиматься ко мне, одновременно пытаюсь сильнее надавить на свой клитор. Она так чертовски нуждается, и мне это нравится. Мне всегда нравилось, что она так жаждет моего члена.

— Давай, Лейкин, кончай для меня, — говорю я ей. — Дай мне почувствовать, как ты взорвешься вокруг меня.

Я прижимаюсь к ней чуть сильнее, одновременно проникая в нее все глубже, и только после этого она начинает выкрикивать мое имя. Я отпускаю ее запястья и закрываю ей рот рукой, заставляя ее замолчать, пока я скачу на ней. Ощущение того, как ее киска сжимает мой член, словно ей нужно, чтобы я ее заполнил, ни с чем не сравнимо. А когда она начинает сходиться с кайфа, наступает моя очередь.

Положив одну руку ей на талию, а другую на плечо, я наклоняю ее вперед, пока ее руки не упрутся в пол, а задница не окажется в воздухе. Она выглядит так охуенно, и на мгновение я задумался о том, чтобы снова взять ее в задницу. Тугая дырочка была так хороша, не говоря уже о том, что я мог наполнить ее своей спермой. Но я помню, каким интимным был тот момент.

Как близки мы были.

Для меня это слишком.

Звуки ее стонов, когда я проникаю в нее, словно музыка для моих ушей. Знаешь, как люди делают себе татуировки с этими звуковыми волнами, и большинство из них — это такие милые вещи, как «я тебя люблю» или первые слова ребенка. Так вот, я хочу этого, но с теми звуками, которые она издает сейчас.

— Эта киска моя, Лейкин, — рычу я. — Она, блядь, моя.

Она бормочет что-то среднее между согласием и вереницей непристойностей. Потому что именно так я с ней и поступаю. Я довожу ее до того, что она не может сформулировать ни одного предложения. Она скорее потеряет сознание от перевозбуждения, чем я остановлюсь.

Мой палец нежно поглаживает ту часть ее тела, которая обхватывает мой член. — Посмотри на себя, растянутую вокруг меня вот так. Мне всегда было так хорошо с тобой.

Осторожно я просовываю большой палец под член, а пальцами играю с ее клитором. Она настолько чувствительна, что ее колени почти подкашиваются, когда я начинаю усиливать давление внутри нее.

— Я не могу, — задыхаясь, говорит она. — Это слишком.

Из моего рта вырывается мрачная усмешка. — Забавно. Я, должно быть, что-то слышу, потому что мне показалось, что ты только что пыталась отказать мне в том, что принадлежит мне.

Ее голова снова падает вперед, когда я нахожу нужную точку, чтобы вернуть ее к жизни. Через несколько секунд она уже снова гонится за своим кайфом, и на этот раз я гонюсь за своим вместе с ней.

— Ты уже близко. Я чувствую это.

Она разочарованно поджимает губы и кивает.

— Отпусти, — говорю я ей. — Не волнуйся. Я пойду с тобой.

Ее ноги подкашиваются, она кончает во второй раз, делая все, чтобы доставить мне удовольствие, и я удерживаю ее, выпуская все, что у меня есть, в презерватив.

Я замираю на секунду, мой член пульсирует внутри нее, но как только я кончаю, я понимаю, что мне нужно уходить отсюда, пока я не сказал или не сделал что-то, о чем потом пожалею. Потому что теперь, когда мое сексуальное напряжение получило разрядку, все, о чем я могу думать, — это о предательстве, которое я чувствую каждый раз, когда смотрю на нее.

Вынув из нее член, я встаю и снимаю презерватив, выбрасывая его в мусор. Затем я натягиваю штаны и боксеры и выхожу за дверь, оставляя ее там, полуголую, полностью удовлетворенную и опустошенную.

Точно так же, каким она оставила меня.

12

Лейжэн

Я должна была знать, что лучше не трахаться с ним. Как и в первый раз после возвращения. Но я ничего не могла с собой поделать. Видя, как он ревнует к Нолан, думая, что она нечто большее, чем моя чересчур сексуальная соседка, у которой нет границ дозволенного, я вспомнила, как он мог разорвать кого-нибудь на части голыми руками за то, что тот слишком долго смотрел на меня. Просто есть что-то такое сексуальное в том, что парень одержим тобой.

Мне нужно прояснить, кто такой Нолан. Я знаю это. И я полностью планировала это сделать, когда зайду в бар, чтобы встретиться с Мали, но единственным человеком, которого я вижу за стойкой, оказывается Райли.

Чертова Райли.

Супер-милая барменша, у которой огромный стояк на моего мужа. Мали рассказала мне о ней и о том, как она пыталась заставить Мали быть ее второй половинкой и убедить его пригласить ее на свидание. Если Мали и не ненавидела ее до этого, то уж точно возненавидела после. Судя по всему, Хейс не проявляет к ней никакого интереса, что меня немного успокаивает, но это не значит, что она мне нравится.

Я также не понимаю, зачем им понадобилось нанимать кого-то с такой внешностью.

Кэм, должно быть, проснулся и выбрал для себя насилие в то утро.

— Где все? — спрашиваю я.

Она даже не смотрит на меня, когда отвечает. — Наверху.

Странно. Я направляюсь к лестнице, когда Райли останавливает меня.

— Абсолютно уверена, что тебе туда нельзя.

Моя челюсть отпадает в полном недоумении. *Она действительно только что сказала это?* — Мой брат владеет половиной этого места, а тот, кто владеет другой половиной, прошлой ночью был глубоко в *моей киске*. Я уверена, что это означает, что я могу делать все, что захочу.

Ее глаза расширяются от шока и немного от ярости, но я не даю ей шанса ответить, уходя и направляясь вверх по лестнице. Когда я поднимаюсь туда, я вижу, что Девин и Мали выглядят беспомощными, а Хейс в бешенстве. Кэм пытается его успокоить, но у него ничего не получается.

— Что происходит?

Девин поворачивается, чтобы бросить на меня взгляд, но когда Мали подталкивает ее, она вздыхает и протягивает мне конверт, точно такой же, как тот, что был оставлен в моей машине. Я достаю его и обнаруживаю еще одну фотографию с *той* ночи. На ней Девин протягивает Хейсу сумку. Я на заднем плане, вся в крови Монти и выгляжу совершенно несчастной.

— Переверни ее, — говорит мне Дев.

Я переворачиваю, и почерк, которым она была исписана, оказывается слишком знакомым.

Пока ты мочишь свой член в кладовках,

я присматриваюсь ко всем твоим близким.

Все еще хочешь игнорировать меня? Это предупреждение, чтобы ты не делал этого.

Господи. Неудивительно, что он взбесился. Это явно угроза в адрес Девин.

Я провела пальцами по волосам. — Где он это нашел?

— Он этого не делал, — отвечает Мали.

— Это было на моем лобовом стекле, когда я выходила из дома престарелых после посещения мамы, — объясняет Девин.

— Все в порядке? — спрашивает Райли, поднимаясь по лестнице.

Я быстро засовываю фотографию обратно в конверт и передаю его Девин, после чего поворачиваюсь к ней. — Разве ты не должна быть внизу? Не думаю, что переступить за пределы территории бара входит в твои должностные обязанности.

Мали фыркает, а Девин бросает на меня косой взгляд, но когда Хейс переворачивает стол и отправляет все, что на нем лежит, на пол, он приковывает к себе все мое внимание.

— К черту! — рычит он на Кэма. — Этот ублюдок перешел слишком много чертовых границ! Моя гребаная сестра? И в доме престарелых моей матери, не меньше! Не-е-ет. Нет. Я не стану это терпеть.

Кэм вцепился в свои волосы, беспомощно дергая их. Очевидно, что он не знает, что еще сделать, и когда его глаза встречаются с моими, я не могу игнорировать его умоляющий взгляд.

Я не знаю, способна ли я еще на это. Прошло слишком много времени с тех пор, как я был для него утешением. Его безопасным местом. Единственной, кто может его успокоить. И если Кэм не смог достучаться до него, не думаю, что я смогу ему помочь. Не тогда, когда именно из-за меня мы получаем эти угрозы в первую очередь. Но я должна попытаться.

— Отойди, — говорю я брату, подходя к Хейсу.

Он уходит с дороги и подходит к Мали. — Будь осторожна.

Я не свожу глаз с Хейса. — Не волнуйся. Он не причинит мне вреда.

Хейс в ярости. Его лицо окрасилось в красный оттенок, а пот, выступивший на лбу, говорит о том, что он занимается этим уже давно. Бумаги разбросаны по полу, матрас сдернут с кровати, стоящей в углу, а письменный стол лежит на боку.

— Эйч, — тихо говорю я. Он поворачивается и смотрит на меня, его грудь быстро поднимается и опускается. — Поговори со мной. Что происходит?

— Происходит то, что я собираюсь убить этого ублюдка! — рычит он. — Я выясню, кто, блядь, посылает нам это дерьмо, и убью их нахуй!

Блядь. — Ладно, я понимаю. Но давай сначала успокоимся, чтобы можно было попытаться выяснить это, больше ничего не сломав, хорошо?

Он тряхнул головой, адреналин ускорил его движения. — Нет. Я не могу успокоиться. Я больше *не хочу* успокаиваться! Этот сукин сын отнял у меня достаточно. А теперь у них хватает наглости угрожать моей сестре?

Его кулак летит в стену, и это напоминает мне о той ночи, когда между ним и мной все окончательно взорвалось. По крайней мере, на этот раз он не задел гвоздь. Он просто вытаскивает руку из гипсокартона и поворачивается ко мне с раздувающимися ноздрями.

— Я стану именно тем монстром, каким ты меня считала, — рычит он. — Я оторву их гребаную голову и брошу их тело в том же месте, где я...

Черт, Райли! В порыве паники я бросаюсь на него, заслоняя его собой и прижимаясь своими губами к его. Его руки обхватывают мою талию, и я притягиваю его к себе за шею. Райли издает звук отвращения, а Мали смеется, но все, на чем я могу сосредоточиться, — это ощущение его рта на моем.

Он хнычет в поцелуе, крепче прижимаясь ко мне и делая меня еще ближе. С того дня, как я вернулась, у меня никогда не было такого ощущения «возвращения домой». Но сейчас, когда я стою здесь и целую его вот так, оно чертовски сильное.

Это как вспомнить, как дышать, или устроиться в теплой постели после самого ужасного дня в своей жизни.

Это все.

Зная, что у нас есть зрители, я разрываю поцелуй, и он прижимается своим лбом к моему, переводя дыхание. Я смотрю на него снизу-вверх, но его глаза по-прежнему закрыты.

— Лучше?

Он кивает, наконец-то отпуская меня и отступая назад, так как начинает успокаиваться. Я оглядываюсь и вижу, что Мали и Девин смотрят на меня, обе совершенно потрясенные. Райли больше нет в комнате, она, вероятно, вернулась вниз, где ей и место. А Кэм? Он даже не жалуется.

— Ну... спасибо, что сделала это так, чтобы мне не пришлось, — говорит он мне.

Я усмехаюсь, позволяя своим глазам закрыться, покачивая головой. Но когда я открываю их, настает время быть серьезной. Я подхожу к Девин и кладу руки ей на плечи.

— Я знаю, что ты меня ненавидишь, и это нормально. Я это понимаю. Твои чувства обоснованы. — говорю я ей. — Но ты должна поверить мне, когда я говорю, что тебе нужно уехать отсюда. Вернись в колледж и возьми несколько летних курсов. Путешествуй по миру. Делай что хочешь, но тебе нужно уехать подальше от Колдер-Бей, по крайней мере, пока мы не выясним, кто за всем этим стоит.

Она покачала головой. — Я не могу. Я не хочу.

— Я знаю, но ты должна. — Я взглянула на Хейса и увидела, что он смотрит в окно. — Я не буду отвечать за то, что лишила его еще одного человека, который ему дорог, и я никогда не прощу себе, если с тобой что-то случится. Как только будет безопасно, мы тебе скажем, но ты должна уехать. Только так ты будешь в безопасности.

Каким-то образом мне удается достучаться до нее, и она вздыхает. Я притягиваю ее к себе, и, к моему удивлению, она обнимает меня в ответ. Когда я отпускаю ее, она подходит к Хейсу и обнимает его на прощание. Но прежде чем уйти, ее глаза встречаются с моими.

— Береги его, — говорит она. — Даже от самой себя.

Я киваю. — Я сделаю все, что в моих силах.

Она спускается по лестнице, а я подхожу к окну и встаю рядом с Хейсом. Мы оба смотрим, как она огибает угол и садится в машину. Она машет нам рукой и грустно улыбается, прежде чем уехать.

Когда она уезжает, я вздыхаю с облегчением. Мне и так тяжело переживать за всех нас, но Девин — это как младшая сестра, которой у меня никогда не было. Мы не всегда были очень близки, но когда мы с Хейсом расстались и обе переживали за него, она была просто спасением. Именно поэтому ей нужно быть подальше от опасностей, с которыми мы здесь имеем дело.

Я сажусь на пол и сворачиваюсь клубком, положив голову на колени. — Нам действительно нужно разобраться с этим дерьмом.

— Это ты мне говоришь, — ворчит Кэм.

Оглядываясь на Хейса, он уже не сводит с меня глаз, играя нижней губой. — И тебе нужно быть осторожнее в своих словах.

Его брови нахмурились, показывая нам, что он не понимает, что именно он сделал. К счастью, Мали говорит ему, чтобы мне не пришлось этого делать. Эти слова все еще тяжелы для меня.

— Ты чуть не рассказал о том, что произошло с *сам знаешь кем*, в присутствии Райли.

Его глаза расширяются от шока. — Серьезно? — Мы все киваем. — Черт.

— Не волнуйся, — усмехается Мали. — Лейкин отлично справилась с тем, чтобы заткнуть тебя.

Он смеется, но мы оба знаем, как это неловко.

Прошлой ночью он сделал именно то, чего я боялась, когда мы только начали встречаться. Он просто вошел, вышел и уехал. Я стояла там, совершенно ошеломленная, когда он без единого слова вышел за дверь, а я даже не успела одеться. И он не просто ушел из комнаты.

Он покинул этот гребаный бар.

Когда я привела себя в порядок и вышла на улицу, его уже не было. Его машины уже не было на парковке, и Девин тоже нигде не было. Лукас, наконец, рассказал мне все, когда увидел, что я озираюсь по сторонам, как потерявшийся щенок.

Я собиралась сказать ему, что он ошибается насчет Нолан. Исправить нелепую ложную версию о том, что у меня есть парень, которая вертится у него в голове. Я уверена, что все дело именно в этом. Он думает, что я пошла дальше. Но он не знает, что для меня нет никакого движения вперед.

Это то, с чем я смирилась давным-давно.

Задолго до того, как он поцеловал меня с единственной целью — чтобы мой бывший

оставил меня в покое.

— Не могли бы вы оставить нас на минутку? — спрашиваю я Кэма и Мали.

Мали кивает, сразу же направляясь к лестнице, а Кэм смотрит скептически.

— Пожалуй, — нерешительно говорит он. — Но, клянусь Богом, если я начну слышать здесь стоны, я заткну уши коктейльными трубочками.

Схватив его за руку, Мали потянула его к лестнице. — Перестань быть такой королевой драмы и пойдем.

Я жду, пока они спустятся вниз, прежде чем снова посмотреть на Хейса. — Давай присядем.

Он качает головой. — Все в порядке. Нам не нужно этого делать.

Я закатываю глаза и встаю, пока он говорит.

— Я серьезно, Лей, — продолжает он. — Все в порядке. Ты ушла. Мы закончили. Я все понял. Тебе не нужно объясняться и все такое.

Я достаю телефон и листаю свои фотографии, а он смотрит на меня, нахмутив брови.

— Что ты делаешь? Мне не нужно видеть ваши счастливые фотографии. Все в порядке. Ты переехала. Это твое право. Я не думаю, что это когда-нибудь случится со мной, но это не твоя проблема. Это моя. Мы можем просто...

Он останавливается в тот момент, когда я поворачиваю свой телефон, показывая ему фотографию Нолан.

— Ты пытаешься свести меня с кем-то, потому что это немного странно.

Я закатываю глаза. — Нет. Это Нолан. Она моя соседка.

На его лице появляется осознание, и я самодовольно ухмыляюсь, наблюдая за тем, как он понимает, что был неправ.

— Она горячая штучка, — шутит он, пытаюсь отвлечь меня от того, к чему я клоню.

Я со смехом качаю головой. — Ты ревновал.

Он насмехается. — Я не ревновал.

— Ты ревновал. Ты действительно, действительно ревновал. — Я убираю телефон обратно в карман и бросаю ему еще одну самодовольную ухмылку. — Ты был весь такой, что *«он не может прикоснуться к тебе так, как я»*. Не хочу тебя расстраивать, детка, но ты был весь зеленый с ног до головы. Это было похоже на трах с Невероятным Халком.

В его горле раздается рык, прежде чем он сдается.

— Ладно. Я ревновал, — признается он. — Я ревную ко всем этим гребаным людям, которые могли видеть тебя каждую чертову минуту, а я нет. И видеть, как ты переписываешься с кем-то другим, даже если это не твой парень, — это отстой, потому что у меня больше нет даже твоего номера телефона.

Честно говоря, это даже не пришло мне в голову. Нам прислали групповое сообщение, значит, он мог узнать его оттуда. Но это было бы просто по-Хейсовски — ждать, пока он получит его от меня.

Не от нашего преследователя.

Не от моего брата.

От меня.

Поэтому я снова достаю телефон и набираю номер, который я давно запомнила, прежде чем поднести его к уху. Звонок раздается из кармана Хейса, и я не могу понять, забавляется он или ему надоело мое дерьмо.

— Ты собираешься ответить? — поддразниваю я.

Он закатывает глаза и лезет в карман. Когда он наконец достает его, то нажимает на кнопку ответа на звонок. Он подносит телефон к уху, но ничего не говорит, глядя на меня.

— Теперь у тебя есть мой номер, — радостно сообщаю я ему.

На его лице появляется намек на улыбку, но, как будто мой разум играет со мной, она исчезает в одно мгновение и заменяется тем же безэмоциональным взглядом, который я получила от него вчера вечером.

— Только до тех пор, пока ты не изменишь его снова.

Он кладет трубку и обходит меня, направляясь вниз по лестнице. А мне остается только надеяться, что однажды я заставлю его поверить мне, когда я скажу, что никуда не уйду. Если я ему нужна, я останусь здесь.

Все очень просто.

Одна из самых трудных вещей, которые мне когда-либо приходилось делать, — это вразумлять своего брата. Можно подумать, что в двадцать три года он знает, что он не самый лучший в мире детектив. Мы с Мали потратили годы на то, чтобы стать мини-агентами ФБР, проверяя почти каждого парня, который когда-либо смотрел в ее сторону. Если мы не смогли выяснить, кто это, то у Кэма нет ни единого шанса.

К счастью, Хейс в конце концов согласился со мной и предложил им с Кэмом найти хакера, которого они использовали много лет назад, когда им нужно было удалить незаконно снятую Монти запись нашего секса. Кэм согласился, и они оба решили, что отправятся туда завтра утром.

Я надеялась, что у меня будет еще один шанс поговорить с Хейсом наедине. Мне еще столько всего нужно сказать, а времени на это, кажется, никогда не остается. Но не успела я это сделать, как позвонила мама и сказала, что мне пришла посылка, и я должна приехать за ней прямо сейчас. Не то чтобы я понимала зачем — это просто одежда.

Может, папа злится, что мне что-то прислали. В последнее время он то горячий, то холодный, как и Хейс. В один момент мне кажется, что все в порядке, а в другой — они оба ненавидят меня до глубины души. Говорят, что девушки чаще всего выходят замуж за тех, кто похож на их отцов, но я никогда не думала, что это правда, до сих пор.

Господи, помоги мне.

Подъехав к дому родителей, я вижу машину Нолан, припаркованную у входа. Я не могу удержаться от смеха, когда замечаю массивную коробку на крыльце. Достаточно большую, чтобы вместить человека. Господи, да она и вправду из тех, кто любит театральность. Просто отправить мне по почте несколько нарядов было бы вполне нормально.

А теперь мне приходится беспокоиться о том, что кто-то еще окажется втянутым во все это.

Выйдя из машины, я поднимаюсь по дорожке и вижу, что мама улыбается мне с порога.

— Привет. Твоя посылка здесь, — говорит она, и изнутри коробки раздаётся смешок.

— Спасибо, — отвечаю я. — Интересно, что там внутри?

Когда я слегка встряхиваю коробку, создавая впечатление, что собираюсь ее открыть, у меня появляется идея.

— Знаешь, что? Пожалуй, я пока оставлю ее здесь, — говорю я маме. — Я все равно ношу одежду Мали, и она мне больше идет.

Нолан вздыхает и встает, заставляя коробку открыться, когда она вываливается наружу. — Возьми свои слова обратно! Я помогла тебе выбрать большую часть твоего гардероба!

Я скрещиваю руки на груди и ухмыляюсь ей. — Привет, детка.

Она надулась. — Ты испортила сюрприз.

— Ты это переживешь, — со смехом говорю я, подходя и обнимая ее, чтобы помочь ей выбраться из коробки, пока она не сломала лодыжку.

Серьезно, кто ездит три часа на таких высоких каблуках? Знает ли она, что кроссовки и шлепанцы — это реальная вещь? Потому что если нет, то кто-то должен ей об этом сказать.

— Это приятный сюрприз, — наполовину вру я. — Но тебе не нужно было ехать сюда. Ты могла бы отправить их почтой.

Она пожимает плечами. — Я знаю, но я скучала по своей лучшей подруге.

Ох. Не дай Мали услышать это. Последнее, что нам нужно, это дать нашему преследователю *еще* одну смерть, которая будет висеть у нас над головой.

— Я тоже по тебе скучала. — Я заглядываю в коробку, в которой она только что была, и замечаю, что моей одежды там нет. — Ты ведь привезла мою одежду?

— Да, — говорит она. — Она в моей машине, и я отдам ее тебе... при одном условии.

О Боже. Ненавижу ее условия. Она всегда знает, что я не стану этого делать, и поэтому вынуждена шантажировать меня. В последний раз, когда она так поступила, меня заставили пойти в массажный салон, где, очевидно, делают больше, чем положено, если вы понимаете, о чем я.

Она вошла в комнату, а я вышла за дверь, чтобы подождать в машине.

К тому времени, как она закончила, она выглядела очень... счастливой. Но я даже не рассматривал возможность попробовать. Может, у меня и нет большого опыта, но я не сомневаюсь в Хейсе, когда он говорит, что никто другой не сможет заставить меня чувствовать то же, что и он.

Для меня либо он, либо никто.

— Что такое? — простила я.

На ее лице появляется коварная ухмылка. — Мы собираемся выпить.

Ладно, могло быть и хуже.

Моя первая мысль — просто отвести ее в бар Хейса и Кэма, но потом я быстро понимаю, что нам не разрешено там пить. К тому же, если мне удастся это сделать, я бы хотела держать Нолан как можно дальше от них двоих. Ради Мали. Они познакомились, когда Мали приехала ко мне в гости, и меньше всего мне хотелось бы, чтобы они узнали, что не было момента, когда она не знала, где я нахожусь.

А идти куда-то еще — это не совсем безопасно, как сказал мне Кэм.

— Как насчет того, чтобы просто вернуться туда, где я остановилась, и выпить там? — предлагаю я.

Она качает головой. — Ни в коем случае. Я хочу увидеть место, где ты выросла.

Расскажи мне об этом городе. Покажи мне ночную жизнь.

— На самом деле здесь нет ничего особенного...

— Лейкин, — хнычет она. — Меня не волнует, что это не те высококлассные места, к которым я привыкла. Я хочу это увидеть.

Я не уверена, назвала ли она меня бедной или намекнула, что я живу на свалке, хотя вряд ли к этому можно отнестись нормально. Но это Нолан. Она похожа на Мали в том смысле, что у нее нет фильтра. Только вот Мали предпочитает его не иметь, а Нолан просто не думает, прежде чем говорить.

А может быть, она вообще не думает.

Честно говоря, это спорный вопрос.

— Я не знаю, милая, — говорю я ей. — Я действительно хотела бы просто посидеть и выпить дома, чтобы мы могли наверстать упущенное.

Но она не принимает отказа, обхватывает меня за руку и тянет к своей машине. — Нет. Мы найдем тихое местечко в том баре, который выберем. Можешь мне довериться. Но мы собираемся куда-нибудь пойти. Тебе нужен отдых. Я вижу напряжение на твоём лице. У тебя появляются морщины.

И вот опять начинается.

Серьезно, если вы хотите обрести смирение, проведите некоторое время рядом с Нолан. Пять минут. Это все, что вам нужно.

этой моей новой/старой жизни нужны новые правила. Ведь я нарушила все те, что были даны мне раньше. И в самом верху, подчеркнутое красным, должно быть правило номер один.

Все идеи Нолан — ПЛОХИЕ!

Я пыталась играть осторожно. Клянусь Богом, я пыталась. Я придерживалась напитков, в которых, как я знала, было мало алкоголя, а когда Нолан не было со мной, когда я подходила к бару, я заказывала колу и говорила ей, что в ней «Джек Дэниелс». Но как только она попросила солиста группы, которая выступала, угостить нас коктейлями, я поняла, что мне крышка.

Понимаете, Нолан никогда ни о чем в жизни не беспокоилась. Ее отец платит за все, вплоть до штрафов за превышение скорости. Он называет это «баловать свою принцессу», но это больше похоже на то, что он настраивает ее на неудачу в жизни. Я думаю, он ожидает, что она найдет богатого мужчину и выйдет за него замуж, чтобы он взял на себя заботу о ней и ее содержание. Но если бы он провел рядом с дочерью больше пяти минут, то понял бы, что этого никогда не произойдет.

У Нолан аллергия на обязательства.

Я не шучу — однажды она буквально покрылась крапивницей, когда парень предложил

ей быть исключительными. Он был потрясен ее реакцией, но ее больше волновало то, как будет выглядеть ее лицо за день до отъезда на Бора-Бора.

И вот, когда она продолжает протягивать мне рюмки, а я начинаю чувствовать, как алкоголь заглушает боль от того, что я снова рядом с Хейсом, она опрокидывает их в себя, чтобы повеселиться, а я делаю это, чтобы сбежать.

Бар уже закрывался, когда нас наконец-то выгнали. Я, спотыкаясь, выхожу на тротуар, а Нолан следует за мной, а ее поющий щенок идет прямо за ней. Очевидно, он думает, что собирается перепихнуться. Так думал бы любой парень после того, как оплатил счет на семьсот долларов. Но его ждет жестокое разочарование, потому что я не позволю ей уйти вместе с ним.

— Вас, девушки, подвезти домой? — прохрипел он.

Я фыркнула. — Ты? С таким же успехом я могу лечь на улице и позволить кому-нибудь переехать меня. И не надо будет вытаскивать мое тело из-под обломков.

Я ему явно не нравлюсь. — Нет. Мой водитель.

Нолан радуется, думая, что он богат, но когда мы обе оглядываемся и видим парня с афиши «Хиппи-наркоманы» за рулем разбитого фургона, мы обе все сразу осознаем. Он либо обналичил кредитную карту, либо добился от клуба огромной скидки за то, что играет там.

— Мы не садимся в машину к незнакомцам, — говорю я ему, подходя, чтобы схватить Нолан.

Его рот нахмурился. — Я не незнакомец. Мы только что провели вместе последние пять часов.

— Да, но все равно нет.

Он переключает свое внимание на Нолан. — А как насчет тебя, секси? Хочешь поехать ко мне? Я могу показать тебе то, чего ты никогда раньше не видела.

Я беру ее за руку, оттаскивая от него, прежде чем она успевает согласиться пойти с ним. — Ага, типа самый простой способ заразиться гепатитом. Seriously, этого не случится, но наслаждайся ночью.

Нолан позволяет мне тащить ее за собой, а она изо всех сил старается не отставать. Она оборачивается лишь на секунду, чтобы крикнуть ему в ответ, чтобы он ей *позвонил*.

— Ты серьезно дала этому парню свой номер телефона?

Она насмехается, закатывая глаза. — Нет. Я дала ему номер своего отца.

Я смеюсь, доставая свой телефон, чтобы вызвать Uber. — Очищаем улицы по одному подонку за раз.

Она смеется и садится на скамейку, пока мы ждем, когда приедет наша машина. Завтра мне придется отвезти Нолан к ее машине, но ни одна из нас не трезва настолько, чтобы

сесть за руль. Особенно когда я оглядываюсь и вижу, что она пьет из фляжки, которая появилась из ниоткуда.

— Где, черт возьми, ты ее взяла?

— У бармена, — просто отвечает она. — Я купила ее у него. Он даже наполнил ее для меня, прежде чем мы ушли. Хочешь?

Я качаю головой. — Я в порядке. Спасибо.

Она беззаботно пожимает плечами. — Как хочешь.

Честно говоря, я уже достаточно выпила. Мне повезло, что меня еще не стошнило. Хотя, после того как я выросла с Кэмом и общалась с его друзьями, у меня выработалась довольно внушительная толерантность к спиртному. Я даже могу пить с Хейсом на равных.

Тьфу, Хейс.

Все всегда возвращается к нему, как бы я ни старалась выкинуть его из головы. От чувства к нему, которое течет по моим венам, никуда не деться. И чем больше он меня игнорирует, тем больше я начинаю сомневаться, сможет ли он когда-нибудь простить меня.

И тут мое настроение снова падает.

Подъезжает Uber, и у меня, по крайней мере, хватает ума проверить машину в приложении, прежде чем садиться в нее. Как только мы с Нолан благополучно разместились на заднем сиденье, он отъезжает от обочины. Я прислоняюсь головой к окну и смотрю на проплывающий мимо город, чувствуя, как боль от того, что я его потеряла, начинает возвращаться.

— Ты уверена, что не хочешь? — спрашивает Нолан, снова протягивая фляжку.

Я поджимаю губы, раздумывая, прежде чем окончательно бросить осторожность на ветер. — Да, к черту все.

К тому времени, когда нас высадили, я уже почти ничего не вижу. Весь мир кружится вокруг меня, когда я вываливаюсь из машины на траву, пачкая джинсы. Нолан хихикает, но не делает никаких движений, чтобы помочь мне подняться.

Честно говоря, я могу просто заснуть здесь.

Но подождите, нет. Плохой человек может схватить меня, а Кэм сказал, что я должна быть в безопасности. Это значит, что я должна попасть внутрь.

Проходит несколько минут, но мне удается встать и, спотыкаясь, направиться к ступенькам, карабкаясь по ним, как ребенок, который еще только учится ходить.

— Э-э, Лейкин, — икает Нолан. — Я не думаю, что это твой дом.

— Конечно, это он, — говорю я. — Мне просто нужно найти, куда я положила ключ, чтобы лечь спать. О, я люблю постель. Как бы я хотела все время лежать в постели.

Когда я понимаю, что ключа нет под ковриком, я дуюсь и злобно смотрю на дверь, как будто она откроется только потому, что я на нее злюсь. Но это не срабатывает.

Довольно грубо.

Я стучу по ней кулаком, сначала чтобы наказать за то, что она не открывается, а потом чтобы заставить ее открыться. — Кровать? Ты там?

Нолан хихикает и икает позади меня. — Кажется, мы ошиблись домом.

— Нет, — бормочу я. — Дверь просто злая и не открывается. Откройте, мистер Дверь!

Я загораюсь от звука отпираемой двери, но тут она открывается, и по ту сторону стоит измученный Хейс.

Почему бы и нет, привет, красавчик.

13

Хейс

Из всех вещей, которые я ожидал увидеть, услышав кого-то снаружи, Лейкин в их число не входила. Ее глаза стекленеют, когда она смотрит на меня, и косят, когда ей не удается сфокусировать взгляд. Я только полчаса назад вернулся домой из бара, и мне пришлось держать окно открытым, чтобы не заснуть за рулем. Но сейчас, когда я стою здесь и смотрю на нее, я чувствую себя чертовски бодрым.

— Лейкин, — пробурчал я. — Что ты здесь делаешь?

Девушка сбоку хихикает, и только спустя мгновение я узнаю ее по фотографии, которую она показывала мне раньше, — это Нолан, ее соседка. Но даже если бы Лейкин и нравились девушки, эта выглядела бы для нее слишком уж требовательной.

Лейкин выглядит смущенной, наклонив голову в сторону. — Что ты здесь делаешь?

— Я здесь живу. — Господи. Сколько же она выпила?

Ее губы сжимаются, но она делает это слишком сильно, чтобы быть похожей на утку, а затем на секунду отвлекается от того, что видит их.

— Лейкин, — бормочет Нолан. — Где мы?

— У меня дома! — восторженно восклицает она.

Я щипаю себя за переносицу. Серьезно, я всю ночь напролет общаюсь с пьяными девчонками. Почему же теперь мне приходится иметь дело с ними и дома?

— Лей, это не твой дом, — мягко говорю я ей. — Это мой дом. Ты здесь больше не живешь. Помнишь?

Она наклоняет голову в сторону, и я жду момента, когда все встанет на свои места.

— Ой! — говорит она, выглядя и звуча при этом очень растерянно.

— Да...

Она закрывает лицо руками, приходя в себя. — Боже мой, прости меня. Я... я

просто... — Она смотрит на меня, и я вижу печаль на ее лице. — Я просто возвращалась домой.

Домой.

Черт. Она действительно умеет говорить вещи, которые вонзаются мне прямо в сердце, не так ли? Все, чего я хотел несколько месяцев, это чтобы она вернулась домой. И вот она вернулась, но, возможно, уже слишком поздно.

Ущерб нанесен, и я не знаю, можно ли его исправить.

— Лейкин, — вздохнул я.

Она качает головой. — Нет, все в порядке. Я просто возьму другой Uber.

Но когда она достает телефон, то начинает шататься, и он выпадает у нее из рук.

— Ладно, тебе действительно нужно что-то сделать с крутящимся крыльцом, потому что я не помню, чтобы оно так делало.

Я смотрю, как она начинает терять равновесие, но я успеваю поймать ее. Подхватывая ее на руки, я понимаю, что ни за что не позволю ей сейчас сесть в машину какого-то незнакомца. Не сейчас, когда она едва помнит свое имя.

Оставив ее подругу в дверях, я вздыхаю и несу ее вверх по лестнице. На полпути я смотрю вниз и вижу, как она быстро закрывает один глаз, которым подглядывала.

Я усмехаюсь. — Я знаю, что ты не спишь.

Она хмыкает. — Нет. Я сплю. Очень пьяна. Очень, очень пьяна.

— Теперь я верю. Поднявшись наверх, я даже не задумываюсь, прежде чем войти в спальню и положить ее на кровать, которую мы когда-то делили. — Хочешь раздеться?

Она мотает головой из стороны в сторону в слишком драматичном отказе, но потом понимает, что это была плохая идея, и хватается за покрывало, словно оно может остановить вращение комнаты. — Я имею в виду, если ты не *хочешь*, чтобы я разделась.

Все еще похотливая пьяница. Понятно. — Знаешь, удивительно, но я не в настроении, чтобы на меня блевали.

Она открывает глаза и смотрит на меня. — Я бы никогда не стала блевать... — Она икнула, но все равно закончила фразу. — ...на тебя.

— Конечно, — шучу я. — Но я думаю, что сейчас тебе больше всего нужно поспать.

— Я не устала, — говорит она мне, но ее веки все равно опускаются.

Я скрещиваю руки на груди. — Или, знаешь, мы могли бы поговорить о том, почему ты напилась в чужом баре.

— Потому что ты, — она пьяно вскидывает руку, слепо указывая на меня, — не разрешаешь мне пить в твоём баре.

— Тебе еще нет двадцати одного. Я могу потерять лицензию на продажу спиртного.

— Или ты просто не хочешь, чтобы я веселилась, — возражает она.

Я должен уйти. Вернуться вниз и дать ей выспаться. Но меня слишком интересует ее пьяный лепет.

— Это неправда, — бормочу я. — Я думал, что нам было очень весело прошлой ночью.

Она вдыхает и на секунду задерживает дыхание, прежде чем выпустить его. — Да. Было весело. Пока ты не оставил меня там.

Ладно, это был не лучший повод для разговора. — Оставил.

— Бросил меня, как я бросила тебя.

Как, черт возьми, мы перешли от чего-то легкого и юморного к этому?

Нет ничего, что я ненавидел бы больше, чем когда она вспоминает о том, как ушла.

Каждый раз, когда она говорит об этом, ее голос наполнен сожалением. Оно звучит в каждом слове. И я верю, что она сожалеет об этом. Но это не значит, что я могу верить, что она не сделает этого снова.

Я вздыхаю, сажусь на кровать рядом с ней и провожу рукой по ее волосам, чтобы помочь ей заснуть. Я люблюсь всеми ее чертами и тем, что она выглядит точно так же, как я помню, но в то же время по-другому. Она немного старше. Немного красивее. И гораздо более травмированная.

Мы оба такие.

Ее дыхание начинает выравниваться, и на минуту мне кажется, что она спит, но когда я убираю руку, она тяжело выдыхает.

— Пожалуйста, не надо меня ненавидеть.

Звук ее голоса ударяет меня прямо в грудь. Я знал, что она этого боится, особенно после того, как я сказал ей, что часть меня хочет ее ненавидеть. Но правда в том, что, как бы сильно я ни хотел, я никогда не смогу ее ненавидеть. Для меня это невозможно.

— Я не ненавижу тебя, детка, — шепчу я. — Я просто ненавижу то, что меня было недостаточно.

Но она ничего этого не слышит, потому что крепко спит.

Я осторожно встаю и натягиваю на нее одеяло, прижимаюсь губами к ее лбу и на секунду задерживаюсь там.

Когда я возвращаюсь вниз, то понимаю, что совсем забыл про ее подругу. Она стоит у двери, выглядит неловко и одновременно заинтригованно.

— Черт, — ворчу я. — Тебе, наверное, тоже нужно где-то переночевать, да?

Она кивает, и я жестом приглашаю ее следовать за мной. Я веду ее в комнату для гостей, где я планировал спать сегодня, но все в порядке. Последние несколько ночей я спал на диване, пока Девин была здесь. Еще одна ночь меня не убьет.

Я открываю дверь и включаю свет. — Вот, пожалуйста. Лейкин в комнате прямо у лестницы.

— Спасибо, — говорит она мне, проводя рукой по кровати. — Знаешь, если хочешь, ты можешь присоединиться ко мне здесь.

Ради всего святого. Либо эта девчонка совершенно ничего обо мне не знает, либо она самая худшая подруга на свете. Честно говоря, я бы предпочел не знать.

— Со мной все в порядке, — говорю я ей. — Хорошей ночи.

Она выглядит разочарованной, но мне наплевать. Кто, черт возьми, приходит в дом к парню, которого никогда не видела, говорит с ним не больше двух слов, а потом пытается затащить его в постель? Я имею в виду, что если бы существовал знак, предупреждающий о возможных венерических заболеваниях, то это был бы именно он.

Я закрываю за собой дверь и закатываю глаза.

Отличная у тебя соседка, Лей.

Все, чего я хотел, — это прийти домой и лечь спать. Вот и все. Я просто хотел спокойной ночи, когда я мог бы закрыть глаза и не обращать внимания на все то, что постоянно мучает меня до утра. Но пока я лежу на диване, зная, что Лейкин спит в нашей общей постели, впервые после ее отъезда, мой мозг не отключается достаточно долго, чтобы я мог отвлечься.

Всю ночь я метался туда-сюда между попытками заснуть и отказом от них. Что я действительно хочу сделать, так это подняться наверх и лечь в постель рядом с Лейкин, но я не могу. Я не позволю себе. Это просто жестоко — не говоря уже о том, что я даю ей ложную надежду, а я и так уже достаточно натворил в последнее время.

Поэтому я не делаю этого.

Темнота сменяется светом, солнце встает вдали, и я понимаю, что засыпать уже бессмысленно. Я могу пойти к Кэму, чтобы начать пораньше. Но я не хочу, чтобы Лейкин подумала, что я сбежал, потому что она была здесь.

Я иду на кухню, беру ручку и вырываю листок бумаги из блокнота. Я мог бы воспользоваться ее примером и написать об этом на обратной стороне священного воспоминания, но решаю не делать этого. Удивительно, но маленький листок бумаги прекрасно работает.

Кто бы мог подумать?

Подняв записку наверх, я тихо захожу в комнату и оставляю ее на тумбочке. Она лежит на боку, обняв мою подушку, словно ей нужно что-то для объятий. Я не могу смотреть на нее в этой постели и не думать о всех тех ночах, которые мы проводили в ней — любили друг друга так, как только могли. Когда она засыпала просто потому, что была слишком измотана сексом, чтобы этого не сделать.

Но это та самая кровать, из которой она выскользнула, когда я спал рядом с ней.

Та самая кровать, в которой она оставила меня, выходя за дверь.

С этим воспоминанием в голове я заставляю себя смотреть в сторону и ухожу из комнаты. *Так будет лучше для нас обоих. Безопаснее.*

Я полностью ожидал, что Кэм будет в спортзале. Обычно он бывает там каждое утро к пяти. Поэтому представьте мое удивление, когда, приехав туда, я понял, что его джипа нет на стоянке. Вместо этого я обнаружил его возле его дома. А когда я открыл дверь своим ключом, он еще крепко спал в своей постели...

И Мали была рядом с ним.

Я закатил глаза. Наблюдать за ними двумя — все равно что наблюдать за каруселью, которая никак не может остановиться. Это происходит не постоянно, но время от времени они все-таки спят вместе. А на следующий день оба ведут себя так, будто ничего не произошло.

Я не могу сказать, сколько раз я заставлял их в таком состоянии, и это не становится менее утомительным. У меня от них голова кружится еще больше, чем у Лейкин вчера вечером.

Иду на кухню, открываю шкафчик под раковиной и нахожу именно то, что искала. Я возвращаюсь в спальню Кэма, стараясь не шуметь. Затем я поднимаю рупор и нажимаю на кнопку.

Неприятный звук пронзает воздух, и они оба просыпаются, ругаясь. Кэм, привыкший к моему дерьму, швыряет мне в голову подушку, а Мали стонет и отмахивается от меня. Она встает с кровати, надевает одну из футболок Кэма и пару его боксеров и вырывает у меня из рук рупор. К счастью, я знаю, чего от нее ожидать, и успеваю заслониться, прежде чем она успевает ударить меня по яйцам.

— Опять? — спрашиваю я, когда она возвращается в постель. — Серьезно?

— Уходи! — ворчит Кэм, перекидывая руку через Мали и пытаюсь притянуть ее обратно.

— Я бы с радостью, но мы должны найти хакера, помнишь?

Он вжимается лицом в матрас и жалобно стонет. Проходит минута, но он, наконец, скатывается с кровати и идет в ванную, чтобы собраться. Я стою в дверях и просто качаю головой в сторону Мали, чтобы она поняла, что я ее осуждаю.

— Отвали, мистер «Секс в кладовке».

Я не могу удержаться от смеха. — Хорошо сыграно.

Она гордо ухмыляется. — Хейс, ноль. Мали — семьдесят два.

Это не очень похоже на точные цифры, но я не удивлюсь, если так оно и есть.

Кэм возвращается и уже не так похож на зомби, когда подходит к месту, где сидит Мали. Он наклоняется и целует ее в макушку, и я не упускаю из виду, как розовеют от этого ее щеки.

Бросив на нее последний взгляд, я выхожу вслед за Кэмом за дверь. Мы спускаемся по лестнице, и я уже собираюсь открыть рот, когда он останавливает меня.

— Нет, — говорит он. — Я знаю, что ты собираешься сказать, и не хочу слышать ни слова об этом.

Я открываю пассажирскую сторону его джипа и залезаю внутрь. — Все в порядке. Если только ты не будешь спрашивать, почему Лейкин спит в *моей* постели.

На секунду кажется, что он хочет передумать, но он решает не делать этого. — Договорились. Для этого еще чертовски рано.

Я помню, как был в этой квартире. Я никак не могу забыть, что когда мы вошли внутрь и не успели закрыть дверь, как в ней повернулись по меньшей мере тринадцать разных замков, и мы стали искать выход из этой чертовой квартиры. Поэтому, когда мы стоим здесь и смотрим на частично открытую дверь, я понимаю, что то, что находится внутри, *не может* быть хорошим.

— Мы войдем? — спрашивает Кэм.

Я пожимаю плечами, не зная, какой еще у нас есть выход. Мы же не собираемся звонить в полицию. И он, должно быть, думает о том же, о чем и я, потому что толкает дверь, открывая ее до конца.

Это полнейший хаос.

Вещи разбросаны повсюду. Мониторы компьютеров сорваны со стола, повсюду валяются осколки керамики от разбитых тарелок. Что бы здесь ни происходило, здесь определенно была борьба. Маленький ботаник не сдался без боя.

Если у нас и были какие-то надежды хотя бы проникнуть в его компьютер, то они угасли, когда мы заметили, что его нет. Все провода остались, но самой системы уже нет. Кто бы здесь ни был, он, должно быть, забрал ее с собой.

— Эйч, — говорит Кэм, постукивая меня по руке.

— Что случилось?

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, на что он смотрит, и тут я вижу это. Большие буквы на одной стене, написанные, похоже, кровью.

Надеюсь, вы не против.

Мне нужно было позаимствовать его.

Но не волнуйтесь, скоро вы увидите его снова;)

Лейжыны

С того дня, как я уехала, было много моментов, наполненных ложной надеждой... Сны, которые казались настолько реальными, что заставляли меня плакать, когда я просыпалась, потому что это было не так. Но просыпаться в доме, который я делила с Хейсом, наверное, хуже всего. На каких-то тридцать секунд я позволила себе поверить, что, возможно, это действительно был всего лишь дурной сон.

Но потом, как всегда, наступила реальность.

Я сажусь, провожу рукой по волосам и вздрагиваю, когда мои пальцы застревают в узлах. Проходит минута, прежде чем я вспоминаю, что произошло прошлой ночью, но как только я это делаю, я сажусь и прокручиваю все в голове.

О. Мой. Бог.

Да что со мной такое? Конечно, это была пьяная ошибка, но ее не следовало совершать. Хейс дал понять, что он не очень-то рад моему возвращению. Он явно с этим борется. И тем не менее, я здесь, проникаю в его пространство, как будто имею на это какое-то право.

Шаги приближаются к двери, и я затаиваю дыхание, ожидая, что сейчас войдет Хейс, но выдыхаю, когда Нолан стучит и заглядывает в дверь.

— Можно войти? — спрашивает она.

Я киваю. — Да, конечно.

Она толкает дверь и входит, забираясь на кровать, где я проводила все свои лучшие ночи. Боже, снова оказаться в этой комнате — самая жестокая форма пытки. Я надеялась, что, когда я в следующий раз проснусь в этой постели, рядом со мной будет Хейс.

Отправился с Кэмом на поиски хакера.

Пожалуйста, запри дверь, когда будешь уходить.

Х.

Вот и все. Нет сердца, которое было раньше. Никаких «я тебя люблю», которые я хотела бы вытатуировать на своей коже, чтобы читать их снова и снова, напоминая себе, что когда-то он действительно любил меня. Но я не могу злиться.

Мне даже не хватило порядочности подписать свое имя на записке из трех слов, которую я оставила, чтобы он нашел ее.

— Это от него? — спрашивает Нолан.

Мне сразу же становится интересно, что она думает о Хейсе. — Да. Его здесь нет. Просто сказал, чтобы мы заперли дверь перед уходом.

Она кивает, но ничего не говорит, но я чувствую, что она смотрит на меня. Я смотрю на нее и вижу, что она выжидающе смотрит на меня, положив подбородок на руку.

— Что? — говорю я с притворной невинностью.

Она возмущенно закатывает глаза. — Не надо мне тут что-то говорить. Кто он такой? Что это за дом? Ты здесь когда-то жила?

Моя голова падает назад, когда я понимаю, что у меня нет другого выбора, кроме как объяснить ей все это. Черт. Я надеялась, что мне не придется этого делать. По крайней мере, пока я не узнаю, что с нами происходит. Трудно объяснять то, на что у тебя нет ответов.

Я делаю глубокий вдох, зная, что мои слова шокируют ее. — Он мой муж.

Как и ожидалось, ее челюсть падает на пол.

Следующие пятнадцать минут я объясняю Нолан нашу с Хейсом историю. Начиная с того момента, когда я начала испытывать к нему симпатию, и заканчивая тем, когда мы наконец переступили эту черту, что в итоге привело к нашей свадьбе и моему отъезду всего месяц спустя. Конечно, я не упоминаю, почему я ушла. Я говорю ей, что мне пришлось это сделать, но не объясняю, почему.

Когда я наконец закончила, кажется, что она не дышит. Черт, мне кажется, она вообще не моргала с тех пор, как я начала. Я машу рукой перед ее лицом, но она почти не реагирует.

— Я тебя сломала? — шучу я.

Она встряхивается. — Подожди, черт возьми. У тебя был муж, который так выглядел, и ты ушла?

Ага. Вотри мне это в лицо. Все нормально. Я же не каждую ночь плачу из-за этого.

— Да, — отвечаю я, нервно потирая затылок. — Я знаю. Он великолепен.

— Он — секс на чертовых ножках, вот кто он. — Затем ее глаза расширяются. — О... черт. Я должна тебе кое-что сказать.

Ужас охватил меня, когда я увидела, как она вздрогнула. — Что случилось?

— Возможно, я сделала ему предложение прошлой ночью и спросила, не хочет ли он присоединиться ко мне в комнате для гостей, — застенчиво говорит она.

Это начинается как легкий смешок. Небольшой смех, который просто немного вырывается наружу. Но он быстро нарастает, пока я не падаю обратно на кровать, громко смеясь.

Не поймите меня неправильно, Нолан прекрасна. Она могла бы стать супермоделью, если бы у нее хватило трудолюбия. Но, по словам Кэма, Хейс даже не станет флиртовать с девушкой, если она попытается пристать к нему в баре. Он ни за что не стал бы трахать одну из моих подруг, пока я сплю в другой комнате.

— Что, черт возьми, он тебе сказал? — спрашиваю я, наконец-то начиная успокаиваться.

Она надулась. — Он сказал, что с ним все в порядке и пожелал спокойной ночи.

— Да, это похоже на него. — Всегда такой джентльмен.

Хейс умеет отказывать девушкам так, что они даже не понимают, что их отвергли, пока он не уйдет. Это впечатляющий набор навыков, и, вероятно, он очень полезен, когда ему приходится работать в баре. Нет ничего более неловкого, чем отказывать кому-то, но когда ты выглядишь как он, то, наверное, к этому привыкаешь.

— Фу, — хмыкает Нолан. — Не могу поверить, что ты замужем за таким красавчиком и даже не упомянула об этом.

Я еще раз оглядываю комнату, замечая, что ничто не указывает на то, что он вообще был здесь в последнее время. Даже зарядного устройства для телефона нет на его тумбочке. Нет и пустых бутылок из-под воды, от которых мне всегда приходилось избавляться, когда они начинали накапливаться. Все просто... безжизненно.

В этой комнате у нас было столько хороших воспоминаний, и мы планировали сделать еще столько же.

Все было так прекрасно, а теперь это исчезло.

Нам пришлось ехать на Uber в дом моих родителей, чтобы забрать мою машину, а затем я проехала двадцать минут, чтобы высадить Нолан у ее машины. Она едет за мной до мотеля, в котором я остановилась, когда раздается звонок от Кэма. Я нажимаю кнопку на экране, чтобы ответить на звонок через динамик.

— Привет, как все прошло? — спрашиваю я.

Он тяжело вздыхает, и я уже знаю, что это нехорошо. — У нас проблема.

— *Ненавижу* проблемы.

— Ну да, хакер пропал, — говорит он. — Кто бы ни занимался этим дерьмом, он добрался до него раньше, чем мы.

Мое сердце замирает. — Что значит «добрался»?

— Тела нет, — уточняет он. — Но судя по тому, в каком состоянии находится его дом, это выглядит не очень хорошо.

Мне становится плохо. Тошнота подкатывает к горлу, желчь поднимается вверх. Текстовые сообщения и угрозы — это одно, но если этот человек действительно *причинил* кому-то вред, то это переходит на другой уровень. Я не уверена, что кто-то из нас сможет с этим справиться.

— Слушай, я хочу, чтобы ты сегодня была в баре, — говорит мне брат. — Там, где я смогу за тобой присмотреть.

Я киваю, хотя он меня не видит. — Все в порядке. Только мне придется взять с собой друга.

— Да, конечно. Только приезжай туда, как можно скорее. Я не смогу расслабиться, пока тебя там не будет.

Я понимаю. Я тоже хочу быть в состоянии присматривать за ним. И Хейсом.

— Я скоро приеду, — обещаю я.

Когда мы разговариваем по телефону, в воздухе витает ощущение, которое я не могу описать. Оно мрачнее, чем раньше. Чувство опасности усиливается, и я не могу избавиться от него. Надеюсь, что бы ни случилось, мы выберемся живыми.

Всю дорогу до бара я вбивала в голову Нолан важность того, чтобы она ничего не говорила о встрече с Мали до приезда сюда. Она сначала не понимает, но я объясняю, что я уехала не самым лучшим образом, и ничего хорошего не получится, если Хейс или Кэм узнают, что она общалась со мной, пока меня не было.

— Поверь мне, — говорю я ей. — Это просто то, что мы должны держать в секрете.

Она делает вид, что захлопывает рот и закрывает его на замок. — Ты же знаешь, я люблю хорошие секреты.

Мы выходим из машины и забегаем внутрь, укрываясь от дождя. Пляж пуст, поэтому неудивительно, что в баре то же самое. Внутри только Хейс, Кэм и Мали. К счастью, Райли здесь нет.

— Там отвратительно, — говорю я им, пытаюсь стряхнуть с себя воду. — Нолан, это Кэм и Мали, а с Хейсом ты уже встречалась.

Глаза Мали сужаются. — Она встречалась, да?

Я поджимаю губы, и, когда она понимает, что сейчас ей не удастся вытянуть это из меня, она поворачивается к Хейсу. Протянув руку, она ждет, пока он ее пожмет.

— Привет, Хейс. Чья бы корова мычала, да?

Я, честно говоря, не понимаю, к чему это, но это вызывает у Хейса смех, когда он отмахивается от нее — и, честно говоря, мне все равно, над чем он смеется, лишь бы он продолжал это делать.

— Откуда ты знаешь Нолан? — спрашивает Кэм.

Ну, блин. — Она моя соседка. Я жила у нее почти все время, пока меня не было.

Нолан ярко улыбается. — Ага! Спасла этого маленького утенка от тяжелой жизни на улице.

Кэм хмыкает с неким подобием юмора. — Не то чтобы добровольно покинуть свой дом — это то, от чего нужно спасаться, но, конечно. Мы согласимся.

Я надеялась, что они с Хейсом поймут, почему я ушла, но, признаться, они никогда этого не сделают. Будь их воля, я бы рассказала им об этом в тот момент, когда наш преследователь впервые связался со мной. Они до сих пор думают, что смогли бы вычислить его и остановить.

Очевидно, они правы. Ведь в последнее время у них это очень хорошо получается.

Вот тут-то я и закатываю глаза.

К счастью, как раз в тот момент, когда ситуация начинает становиться неловкой, дверь открывается, и в комнату входит мрачный серфер, которого я никогда раньше не видела. На нем гидрокостюм, содранный до половины, а влажные волосы говорят о том, что он только что вышел из океана.

— Привет, Финн, — приветствует его Хейс.

— Бармен! — взволнованно говорит он. — Позвольте мне Blue Moon, добрый сэр.

Хейс кивает и идет за пивом, а Финн поворачивается к моей лучшей подруге.

— Мали, — прошептал он. — Выглядишь прекрасно, как всегда.

Я наблюдаю за тем, как он осматривает комнату, понимая, насколько она пуста, пока его взгляд не останавливается на мне. Он улыбается так, что его улыбка совсем не похожа на сексуальную, как мне кажется.

— Привет, — говорит он. — Я Финн, а ты?

Мали фыркнула позади него. — Ну вот, началось.

— Лейкин, — отвечаю я.

— Лейкин. Это великолепное имя. — Он подходит и прислоняется к столу рядом со мной. — Я думаю, оно подходит для такой великолепной девушки.

Заткните мне рот. — Будь осторожен. Ты собираешься получить карьеру со всеми этими сладкими речами.

— Ничего страшного. Я равнодушен к сахару. — Он облизывает губы, и меня чуть не тошнит на месте.

Хейс ставит пиво Финна на стойку чуть сильнее, чем нужно, и оно бьется о стенки стакана. — Держи.

Финн задерживает на мне взгляд, пока идет спиной вперед к бару, оборачиваясь только тогда, когда это необходимо. — Мужик, вы двое добились своего. Тусуетесь здесь с горячими девчонками весь день.

Кэм сморщил нос от отвращения. — Лейкин — моя сестра.

— О, виноват, — говорит он. — Эй. Если я правильно разыграю свои карты, то когда-нибудь смогу стать твоим зятем.

Господи, я только познакомилась с этим парнем, а он уже планирует нашу свадьбу. Наши с Мали глаза расширились, и мы посмотрели друг на друга. Я говорю губами «помоги мне», а она лишь качает головой в ответ.

Сука.

Финн берет свое пиво и делает глоток, только чтобы проглотить его с горьким выражением на лице. — Бармен, вы уверены, что это пиво в порядке? Вкус какой-то неправильный.

Хейс поджимает губы и хмыкает. — Хм. Наверное, не до конца смыл чистящее средство с труб. Извините за это.

Кэм усмехается, идя за пивом для Финна, а я не могу не улыбнуться, потому что мы все знаем, что это не было случайностью. По крайней мере, все мы, кроме Финна, который наконец-то осознал существование Нолан.

— Прости, дорогая. Ты, наверное, чувствуешь себя такой покинутой.

Нолан хихикает, выставив перед собой руки. — Нет, я в порядке. Правда.

Он пожимает плечами, берет новое пиво и радостно пьет его — как будто ему не отказали три раза подряд.

Кэм смотрит на ингредиенты, указанные на бутылке с чистящим средством, вероятно, убеждаясь, что они не окажутся на стороне защиты в судебном процессе из-за собственных склонностей Хейса. Он указывает на что-то Хейсу, но тот лишь пожимает плечами, как будто это не имеет никакого значения. Кэм смеется, легонько бьет его в живот, а затем ставит бутылку на место.

— Кстати, — говорит ему мой брат, — нам скоро нужно будет перенести бильярдный

стол наверху, пока не начался летний ажиотаж.

Конечно, мистеру Серфермену есть что сказать по этому поводу. — Ух ты! Я чертовски хорош в бильярде!

— Не сомневаюсь, — пробормотала Мали.

Он качает головой. — Не, серьезно. Я могу надрать задницу любому в бильярд! Я профессионал.

Мали смотрит на меня и ухмыляется, и я уже знаю, к чему она клонит. — Почему бы тебе не положить свои деньги на стол?

— Хорошая идея! — Он ставит пиво на стойку, и Хейс снова берется за чистящее средство, пока Кэм не останавливает его. — Я ставлю сто долларов на то, что смогу выиграть у любого в этой комнате.

Да, хорошо. К черту. Давненько я не заставляла кого-то чувствовать себя маленькой сучкой. А этот парень, похоже, только и ждет, чтобы его унизили.

— Я приму это пари, — говорю я ему.

Его глаза загораются. — Полегче, красотка. Ты хоть раз играла в бильярд? Я не хочу этим воспользоваться.

Я поджимаю губы и смотрю на стол. — Раз или два, но не волнуйся за меня. Я могу позволить себе потерять сотню баксов.

Хейс усмехается, вспоминая, как я играла против него, и мое внимание тут же притягивается к нему, только чтобы снова оторваться от него, когда Финн присвистывает.

— О, детка. Знаешь, мне бы не помешала «сладкая мамочка».

— Угу. Как насчет того, чтобы просто поиграть в бильярд?

— Или мы можем сделать это более интересным, — предлагает он. — Если я выиграю, ты должна будешь пойти со мной на свидание.

— А если я выиграю? — спрашиваю я.

Он широко раскидывает руки. — Ты получишь свидание со мной.

Я поглаживаю подбородок, делая вид, что размышляю об этом. — Пожалуй, я ограничусь деньгами.

— Как хочешь, — хмыкнул он.

Все собираются вокруг бильярдного стола, чтобы посмотреть, как я надеру ему задницу. Финн думает, что делает мне одолжение, предлагая сделать разбивку, но на самом деле он просто подписывает свое свидетельство о смерти. Прежде чем он успевает уйти, почти все шары, которые у меня есть, оказываются в лузах.

Глаза Финна сужаются на мне. — Ты маленькая лгунья.

— Я не лгала, — мило говорю я. — Я сказала, чтобы ты не волновался за меня.

Он качает головой и идет к столу, чтобы сделать бросок.

Он неплох, надо отдать ему должное. Я не говорю, что он настолько хорош, чтобы оправдывать все эти разговоры о нем, но я видела игроков и похуже. Тем не менее, у него нет ничего против меня.

— Выкладывайся на полную, потому что это единственный шанс, который у тебя есть, — говорю я ему.

Удивительно, но ему удается забить три шара, но на четвертом он промахивается. Теперь снова моя очередь. Я беру в руки кий и делаю свой бросок, топя сразу два шара. Последний шар я выбиваю с легкостью, и у меня остается только восьмой шар.

— О, как жаль, — насмехается он. — Мой шар перекрывает нужную тебе лузу, не так

ли?

Я хмыкаю и смотрю на Мали. — Что это с парнями, которые думают, что они все знают? Неужели у них настолько маленькие члены, что им нужно так сильно напрягаться?

Финн жестом показывает на свою промежность. — Пойдем в ванную, и я покажу тебе, как ты ошибаешься.

У меня вырывается произвольный смех, а Кэм пытается оторвать руки Хейса от стойки. Seriously, ну что с него взять, если он такой собственник, даже сейчас.

— Думаю, я просто возьму твои деньги.

Я показываю на боковой карман. Нагнувшись, я выравниваю свой удар и бью по восьмерке под нужным углом. Шар отскакивает в сторону, затем в другую, задевает один из его шаров, прежде чем закрутиться прямо в нужную лузу.

Вот и вся игра.

Финн в недоумении смотрит на стол, а Хейс достает из кассы стодолларовую купюру и протягивает ее мне. — Не волнуйся, парень. Я просто добавлю это к твоему счету.

Мы все рассаживаемся вокруг круглого стола с высокой столешницей, и ребята присоединяются к нам, так как не похоже, что кто-то еще придет в ближайшее время. Рядом со мной сидит Нолан, а напротив меня — Хейс. К сожалению, это означает, что Финн находится по другую сторону от меня, и Мали остается сидеть между Кэмом и Хейсом.

Интересно, поменяется ли она со мной?

— Знаешь, — жалуется Финн. — Если бы я знал, что ты акула бильярда, я бы не позволил тебе принять ставку.

Я пожимаю плечами и улыбаюсь ему. — Я не виновата, что ты меня недооценил.

— Да. Действительно недооценил, — признает он, а затем качает головой. — Не должно быть так горячо, когда тебя уничтожает женщина в бильярде.

Seriously, он когда-нибудь становится менее отвратительным? Потому что сейчас он выглядит не лучшим образом.

Нолан смотрит на меня скептически. — Есть ли что-то еще, чего я о тебе не знаю? А тс сегодня один сюрприз за другим. Сначала то, что ты замужем, а теперь это?

Черт. Ну вот, началось.

Хейс саркастически хмыкает, глядя на меня через стол. — Забавно. Я думал, ты ненавидишь держать нас в секрете, Рочестер.

Напряжение в комнате такое сильное, что я могу обмотать его вокруг горла и задохнуться от него. Но оно немного ослабевает, когда Финн, наконец, собирает все воедино.

— Подождите, вы двое женаты?

Хейс ухмыляется, и когда он обхватывает рукой свое пиво, я вижу это. *На его безымянном пальце начертана буква «Л».* Но если моя немного потускнела, то его все еще чертовски четкая.

Он протягивает свое пиво Финну с наглым выражением на лице. — Твое здоровье.

Когда все идет хорошо, всегда остается только вопрос времени, когда дерьмо попадет в вентилятор. Я уже должна была привыкнуть к этому. Я должна этого *ожидать*. Но я не думаю, что представляла, что все будет настолько плохо.

Нолан пытается уговорить Хейса сделать ей напиток, показывая ему свое поддельное удостоверение, но прежде чем он его делает, эта тупица признается, что оно ненастоящее. Он отказывается обслуживать ее, точно так же, как он отказывается обслуживать Мали и меня, и Нолан дуется, пока не осознает кое-что еще.

— О! — восклицает она. — Ты собираешься вернуться к своему двадцать первому дню рождения?

Все взгляды устремляются на меня, ожидая моего ответа. Мы так хорошо справлялись, не допуская, чтобы в разговоре заходила речь о моем возможном отъезде. Но Нолан никак не может понять, что происходит в этой гребаной комнате.

— Я не знаю, — говорю я ей.

Она надулась. — Ну, если ты все еще будешь здесь, я хочу вернуться ради этого. Помнишь прошлый год?

— Нолан, — предупреждаю я.

Она сейчас слишком близко подошла к опасной зоне, но она слишком взволнована, желая поделиться этой историей, и не понимает, что я пытаюсь увести ее от разговора.

— Это было так забавно! — возбужденно говорит она. — Мы использовали поддельные документы, чтобы попасть в клуб, а Лейкин танцевала на столе, как будто это место принадлежало ей. Я имею в виду, она была пьяна. Мы все были в таком состоянии.

— Нолан! — пытаюсь я снова.

Но она продолжает. — Все просто веселились и подбадривали ее, но один парень был полной свиньей. Он пытался подойти к ней и положить деньги ей за пояс. Но прежде чем он успел наложить на нее руки, Мали сильно ударила его по лицу. Они вытащили ее оттуда, пока она пиналась и кричала.

Черт!

И Кэм, и Хейс выглядят так, будто это их она ударила по лицу. Единственная вещь, которая держала нас всех вместе, ломается, и Мали выглядит так, будто ее действительно может стошнить.

Нолан, наконец, улавливает ее слова и пытается отступить, но уже слишком поздно. Они знают. Теперь мы никак не можем отрицать этого. Не сейчас, когда Хейс видит это по лицу Мали.

Он встает из-за стола и, бросив табурет на пол, выбегает из бара. Проходит несколько секунд, и Мали вскакивает, чтобы последовать за ним, и я иду с ней.

— Хейс! — зовет она, выходя на улицу под дождь. — Хейс, пожалуйста. Просто

поговори со мной. Пожалуйста!

Он вскидывает руки вверх и крутится на месте. — Хорошо! Давай, блядь, поговорим, Мали. Давай поговорим о том, как ты лгала в те выходные. Как ты сказала, что не можешь провести здесь свой день рождения, потому что без Лейкин это слишком больно.

Я смотрю, как моя лучшая подруга ломается у меня на глазах, и ничего не могу сделать, пока она паникует.

— Мне жаль, — говорит она ему. — Правда. Мне так чертовски жаль.

Хейс насмехается. — Знаешь, мне чертовски надоели все эти секреты и ложь! Давай просто выплеснем все это наружу, ладно? Когда ты ее нашла?

— Что?

— Когда ты ее нашла? — повторил он. — Она просила тебя не говорить мне, когда ты узнала, где она?

Мали оглядывается на меня, и это все, что ему нужно, чтобы все встало на свои места.

— Конечно, — хмыкнул он. — Тебе никогда не нужно было ее искать, потому что она никогда не пропадала для тебя. Ты все время знала, где она, черт возьми, находится.

— Хейс, это не ее вина. Я—

— Нет! — остановил он меня. — Я не хочу ничего от тебя слышать. Не сейчас. Я достаточно наслушался от тебя за последнее время.

Мали плачет, ее слезы смешиваются с каплями дождя, льющимися с неба. Хейс смотрит на нее так, словно она так же, как и я, виновата в том, что его сердце разбито.

— Было ли что-нибудь из этого настоящим? — спрашивает он. — Были ли мы вообще друзьями, или ты просто выполняла свою работу и нянчилась со мной ради нее?

— Было, — пытается заверить она его. — Я клянусь, Эйч. Ты мне очень дорог. Ты один из моих лучших друзей!

Но его это не убеждает.

— Конечно, я тебе дорог. Но не настолько, чтобы сказать что-нибудь, пока ты наблюдала, как я ищу ее. Пока ты *помогала* мне искать ее. — Он делает паузу, чтобы взглянуть на меня, и я понимаю, что сейчас я тоже являюсь объектом его гнева. — У вас так много секретов друг для друга, но как насчет того, что ты скрываешь от *нее*?

У Мали перехватило дыхание. — Хейс, пожалуйста.

— Что? Давай, — поддразнивает он. — Расскажи ей все о том, как ты трахаешься с ее братом.

Мои глаза расширяются в удивлении, когда Хейс уходит. Это не самая невероятная ситуация. Я имею в виду, что надо быть идиотом, чтобы не заметить напряженности между ними — особенно до того, как я ушла. Я знала, что между ними что-то происходит, но я не знаю, почему она мне об этом не сказала.

Она откинула голову назад, разворачиваясь, чтобы разобраться с беспорядком, который оставил после себя Хейс. Но вместо этого она сталкивается с гораздо худшим, когда смотрит мне за спину.

— Кэм, — вздохнула она.

Его голос звучит совершенно невозмутимо, когда он отвечает. — Райли будет здесь через двадцать минут. Если ты уйдешь до этого, запри дверь.

Он собирается уходить, пытаясь пройти мимо нее, но она хватается за руку. — Нет, пожалуйста. Не уходи. Я не могу потерять и тебя!

— Не можешь потерять меня? — кричит он. — Мали, ты, блядь, лгала мне! Я тебе

доверял! Конечно, я могу понять, почему ты не сказала Хейсу, если Лейкин попросила тебя не делать этого. Это хреново, и я с этим не согласен, но я бы, наверное, поступил так же, если бы ситуация была обратной. — Он делает паузу, качая головой. — Но это моя гребаная сестра. Ты знала, как я волновался за нее, и все это время ты знала, где она! Ты знала достаточно, чтобы избавить меня от боли, и ничего не сказала!

В этот момент Мали уже вовсю рыдает, и я не могу не плакать вместе с ней, чувствуя ее боль. — Пожалуйста, не делай этого.

Кэм вырывается из ее рук и качает головой. — Я должен уйти. Я не могу даже смотреть на тебя сейчас.

Мы обе смотрим, как он уходит, а когда он уезжает, Мали закрывает лицо руками и плачет.

— Мэл, мне так жаль, — шепчу я.

Она ехидно улыбается, поворачивается и смотрит на меня. — Тебе жаль? Теперь ты сожалешь? Я же говорила тебе, что это чертовски плохая идея! Но ты так настаивала, черт возьми!

— Я знаю, — плачу я. — Я никогда не хотела, чтобы это обернулось против тебя.

— Конечно, ты не хотела, — говорит она, на этот раз немного мягче. — Но ты была настолько погружена в свое собственное дерьмо, что даже не заметила, что я разбираюсь со своим. То, что сказал Хейс? Это только часть.

— Что ты имеешь в виду?

Она побежденно пожимает плечами, опустив руки. — Кэм? Я люблю его. Но для нас никогда не было подходящего времени, и после этого я не знаю, будет ли оно когда-нибудь.

— О, Мэл.

Мое сердце разрывается из-за нее. Я никогда не хотела этого. Она — моя лучшая подруга. Я бы бросилась под нож, если бы это значило защитить ее. Но я сделала это. Вся ее жизнь разбита на кусочки, и это моя вина.

Она выглядит такой опустошенной, когда вздыхает. — Просто забирай свою подругу и уходи... пока она не причинила еще больше вреда.

Мали возвращается в бар, не желая находиться рядом со мной, впервые за всю нашу жизнь. Даже когда мы были моложе и ссорились, мы все равно не могли находиться вдали друг от друга. Мы сидели в разных концах комнаты, скрестив руки, с сердитым выражением на лицах. Но мы все равно были рядом. А сейчас я ей не нужна.

Я закрываю глаза и поднимаю голову к небу, чувствуя, как дождь бьет по лицу, и в это время в кармане вибрирует телефон. Мне больше нечего предложить. Во мне не осталось никаких эмоций после того, как я вернулась. Меня уже ничто не удивляет, поэтому, когда я достаю телефон и вижу сообщение от нашего преследователя, которое ждет меня, я могу только вздохнуть.

Секреты никогда не остаются тайной надолго, и мне доставит удовольствие наблюдать, как твои взорвутся, словно бомба замедленного действия.;

Хейс

Предательство ранит особенно глубоко. Оно пробирает до костей и заставляет задуматься, можно ли вообще кому-то доверять. Я уже начал прикидывать, смогу ли я снова ослабить бдительность с Лейкин, и тут мне на колени упала эта бомба.

А Мали подожгла этот гребаный фитиль.

Ярость и разочарование прокатились по моим венам, когда все встало на свои места. Вот почему она пришла в то утро. Вот откуда Лейкин узнала, что я искал ее с самого начала. Все это время я думал, что ей так же больно, как и мне. Я думал, что нас объединяет боль от потери близкого человека. Я считал ее такой же близкой, как и Кэма.

Но я был всего лишь ее питомцем.

Все это время она выполняла свой долг перед Лейкин — следила за мной и докладывала, как хороший маленький шпион. Мне не разрешалось знать ни черта о том, где Лейкин и почему она уехала. Но Лейкин должна была знать все, пока ее не было.

Как у меня дела.

Что я делал.

Она получала все новости, какие хотела, а я — ни черта.

Я заезжаю на парковку дома престарелых, зная, что это единственное место, где ни одна из них не будет меня преследовать. Это единственное место, где я могу хоть как-то привести свои мысли в порядок. И, кроме того, мне нужно быть рядом с единственной женщиной, которая ни разу не ударила меня в спину.

— А вот и мой любимый мальчик! — взволнованно говорит мама, когда я проскальзываю в комнату. — Я не знала, что увижу тебя до позднего вечера.

— Решил сделать тебе сюрприз. — Я целую ее в лоб и сажусь на стул рядом с ее кроватью. — Что нового в городе стариков?

— В городе стариков, — повторяет она, тихонько хихикая. — Тебе лучше следить за своим языком, мальчик.

— Что ты собираешься делать? Натравишь на меня свою медсестру? — поддразниваю я.

— Эй! Я хочу сказать, что Тереза может быть жестокой, когда хочет.

Ухмыляясь, я подмигиваю ей. — Думаю, я смогу постоять за себя.

Она выглядит такой счастливой, улыбается от уха до уха, но пока я наслаждаюсь общением с ней, мои мысли постоянно возвращаются ко всему, что только что произошло. А мать может понять, что что-то не так, поэтому нет ничего удивительного в том, что она бросает на меня оценивающий взгляд.

— Так зачем ты здесь на самом деле?

Я нахмурил брови. — Что? Я не могу приехать к маме просто так?

Ее улыбка смягчается. — Конечно, можешь. Тебе здесь всегда рады. Но ты пришел не за этим. Тебя что-то беспокоит.

Было время, когда я бы все ей рассказал. Помню, я пришел к ней домой после того, как Лейкин отправилась на гала-концерт к Монти без меня. Я был так зол, но она успокоила меня и объяснила, что все, что я делаю, — это позволяю ему победить. Она всегда была для меня голосом разума. Но с тех пор как она заболела, я просто не могу заставить себя выплеснуть на нее свою злость.

— Это пустяки, — настаиваю я.

— Это не пустяки, — отвечает она. — Я знаю тебя, Хейс. Я знаю тебя с тех пор, как ты родился. Ты не хочешь, чтобы я брала на себя твои проблемы, когда у меня своих хватает, но я делаю это уже много лет. Это часть материнства. Позволь мне быть матерью, пока я еще рядом.

О Боже. Это похоже на очередной удар в грудь, но она права. Наступит время, когда у меня не будет ее для этого. Почему это только сейчас до меня дошло?

Я тяжело вздохнул, наклонился вперед и положил руки на колени. — Мали знала, где была Лейкин, все время, пока ее не было.

Она подняла брови. — Правда? И она ничего не сказала?

— Ни черта. — Я покачал головой. — Я думал, что она была хорошим другом, и так оно и было — только не для меня. Она просто делала свою чертову работу.

Новость явно удивила маму, но последняя часть ее не убедила. — Так, подожди. Я так не думаю.

— Почему?

— Потому что Мали — хороший друг. Я видела ее рядом с тобой. Такую поддержку нельзя подделать, — утверждает она. — Может, она и начала делать это ради Лейкин, но это точно так не осталось. Она заботится о тебе.

Она заботится. Черт, я знаю, что заботится. Но это не значит, что все это правильно. Я имею в виду, что она все это время лгала мне. Смотрела, как я разваливаюсь на части, чтобы вновь собрать меня и опять развалить.

Что бы она чувствовала, если бы я поступил так с ней? Если бы Кэм был тем, кто исчез, а я не только не сказала ей и Лейкин, где он, но и действовал так, будто сам понятия не имею. Вел себя так, будто он тоже меня бросил. Я думал, что она расстроена по той же причине, что и я, но она была расстроена только потому, что хотела вернуть ее домой. А не потому, что она искренне не знала, жива она или мертва.

— Что происходит между тобой и Лейкин? — спрашивает она, и я понимаю, что ей *не терпелось* спросить меня об этом.

Я поджал губы, делая вид, что ничего не понимаю. — Ничего.

В ее глазах появился веселый блеск. — Знаешь, был еще один случай, когда ты сказал мне, что между вами ничего нет. По-моему, это было тогда, когда я обнаружила ее выходящей из твоей комнаты рано утром. Это и есть то самое «ничего»?

Ладно, я согласен с тем, что она здесь, чтобы выслушать мои проблемы и попытаться помочь мне с ними справиться, но я ставлю черту на разговоре с ней о моей сексуальной жизни.

— Мама, — простонал я.

Она усмехается. — Что? Когда ты поймешь, что я вижу тебя насквозь?

Я опускаю голову, позволяя себе думать о Лейкин и о том, как я был в бешенстве, когда слушал, как Финн флиртует с ней. Я знал, что она никогда не скажет «да». Когда речь заходит о ней, я не думаю о том, что нужно действовать так решительно. Но все равно,

слушая, как кто-то пытается так с ней флиртовать, мне хотелось вышвырнуть его за дверь.

А Финн мне *нравится* — по большей части, во всяком случае.

— Я не знаю, — говорю я ей. — Правда, не знаю.

Она делает глубокий вдох. — Ты не можешь забыть того, кого любил так сильно, Эйч.

— Да, ни хрена подобного.

Единственное, в чем я уверен, так это в том, что я не забыл ее. Ни капельки. Я все еще ищу ее в переполненной комнате или чувствую тяготение к тому месту, где она находится. А когда ее там нет, я чувствую себя не в своей тарелке. Как будто что-то не так. Но когда я позволяю себе приблизиться к ней, мне становится трудно дышать. Меня охватывает паника, и я убеждаю себя, что она собирается сделать то же самое, что и раньше. Я заключу ее в свои объятия, впущу обратно, а потом она снова исчезнет.

И тогда я отталкиваю ее.

— Я чувствую, что мне стоит это сделать, — говорю я. — Впустить ее, я имею в виду. Я чувствую, что мне это нужно.

Я вижу это по ее лицу; ей больно смотреть, как я борюсь с этим. Но она всегда желала мне только добра, и у меня такое чувство, что она все еще верит, что Лейкин — часть этого добра.

— Я думаю, все сводится к тому, сможешь ли ты снова ей доверять, — говорит она мне. — Если не сможешь, то повторная попытка не увенчается успехом. Но если ты думаешь, что сможешь, если это вообще возможно, я не думаю, что ты должен упускать такую любовь. Она слишком особенная.

Я откинулся назад и облокотился головой на спинку кресла, тяжело выдохнув. Она права. Это первое, на чем мне нужно сосредоточиться. Но учитывая все, что произошло сегодня, я понимаю, что сейчас не могу об этом думать.

Не сейчас, когда я сомневаюсь, могу ли я вообще кому-то доверять.

Я начинаю верить, что сон для меня больше не существует, а кофеин — это образ жизни. Подумать только, раньше я мог спать до полудня, если мне нечем было заняться. В последнее время мне везет, если я могу задремать на несколько часов, прежде чем мне придется просыпаться и делать все заново.

Я облокотился на стойку, наблюдая, как кофе медленно капает в кофейник, словно я не завишу от него, чтобы выжить в данный момент. Гребаный мерзкий сок из зерен. Они что, не могли сделать это дерьмо вкуснее? И почему так долго? Нужно поработать над вкусом этой гадости? Блядь.

Когда он, наконец, подает звуковой сигнал, я наливаю чашку, добавляю неммыслимое количество сахара, потому что, давайте посмотрим правде в глаза, это необходимо. Всех, кто пьет черный кофе, я от души приветствую. Это требует особого уровня ненависти к себе.

По мере того как кофеин проникает в меня, моя головная боль начинает стихать. У меня еще есть час или около того, пока мне не нужно быть в баре, но оставаться в этом доме оказалось сложнее, чем я думал. Хотя, возможно, это связано с тем, что она вернулась, но ее здесь нет.

Снаружи захлопывается дверь машины, и, похоже, звук был со стороны моей подъездной дорожки, но не успеваю я выглянуть в окно, как раздается легкий стук во входную дверь. Я открываю ее и вижу, что там стоит Мали и умоляюще смотрит на меня.

— Мы можем поговорить? — спрашивает она.

Я не хочу. Во всяком случае, не совсем. Я не уверен, что готов к этому, но если я чему-то и научился после возвращения Лейкин, так это тому, что такие разговоры должны вестись независимо от того, нравится мне это или нет. Так что я могу с этим покончить.

Я неохотно отступаю назад и открываю дверь, чтобы впустить ее. — Если ты собираешься врать дальше, то уходи. Я бы предпочел, чтобы ты вообще ничего не говорила.

Она качает головой. — Нет. Больше никакой лжи. Больше никаких секретов. Я сказала Лейкин сегодня утром, что больше не буду этого делать. Так что спрашивай все, что хочешь знать, и я тебе все расскажу.

Вот это да. Такое ощущение, что у меня есть доступ к внутренностям мозга Лейкин. Если кто и знает ее лучше, чем она сама, так это Мали. В этом есть что-то опасное, но я не могу устоять перед возможностью получить ответы на все вопросы, которые я так долго искал.

— Хорошо, — говорю я, медленно кивая. — Когда она решила уехать?

— В ту ночь, когда вы сильно поссорились, — отвечает она. — Когда мы с Кэмом вошли и увидели, как твой кулак пробивает стену.

Боже, как я ненавижу ту ночь. Помню, я думал, что это была самая худшая ссора, которая у нас когда-либо была. Нет ничего, что я ненавижу больше, чем ссориться с ней. Честно говоря, меня от этого тошнит. А та ночь была очень напряженной.

— Не так долго, как я думал.

Она вздыхает, садясь на диван рядом со мной. — Когда мы поднялись наверх, она рассказала мне о текстовых сообщениях и показала доказательства, которые она нашла в машине.

Мои брови поднимаются. — Неужели все было так плохо?

— Да. — Она смотрит на свои руки и возится с дыркой на джинсах. — Когда она сказала мне, что хочет сделать, я сказала ей, что это плохая идея. В смысле, если кто-то угрожает ей, она не должна оставаться одна. Но я также видела, как ей было страшно — не за себя, а за тебя. Она ушла при одном условии, что тебе не причинят вреда.

— И ты помогла ей в этом, — говорю я, не спрашивая, а просто выкладывая этот факт.

Мали кивает. — Я встретила ее на границе города, дала ей телефон и все деньги, которые мы смогли собрать. Потом я еще раз пообещала ей, что присмотрю за тобой, и обняла ее на прощание.

По тому, как она начинает плакать, я понимаю, что вспоминать этот момент ей все еще тяжело. Она видела, как уходит ее лучшая подруга, и не знала, все ли с ней будет в порядке. Но возможность хотя бы связаться с ней и убедиться, что с ней все в порядке, — это лучше, чем тот ад, который я пережил, не зная, что, черт возьми, произошло.

— Да, я сообщала ей о том, как ты и все такое, но все это было не понарошку, Эйч, — искренне говорит она. — Ты действительно один из моих самых близких друзей, и мне жаль,

что я скрывала это от тебя. Я верила, что Лейкин поступает правильно, и когда с тобой ничего не случилось, я поняла, что она не ошиблась. Что мы делаем то, что в твоих интересах. Но я должна была сказать тебе. И я должна была сказать Кэму.

Черт, я даже не подумал о том, что Кэм был там и услышал то же самое, что и я. То, что она солгала мне, — это одно, но для него это, наверное, катастрофа. Ни для кого не секрет, что у них двоих что-то происходит, но все это основано на любви. И такая ложь способна разбить ему сердце.

В голове проносятся мои собственные вчерашние слова. Те, в которых я выдал их секрет Лейкин. Но мы же говорили, что больше никаких секретов, верно?

— Ты же не собираешься бить меня по яйцам за то, что я выдал вас двоих Лейкин? — нерешительно спрашиваю я.

Она усмехается, качая головой. — Она не злится. Я имею в виду, что она буквально вышла замуж за лучшего друга своего брата. Это было бы немного лицемерно с ее стороны, тебе не кажется?

— Это справедливо.

Я наблюдаю, как улыбка исчезает с ее лица. — В любом случае, это не имеет значения. Скорее всего, он больше никогда со мной не заговорит.

Если кто и знает о способности Кэма держать обиду, так это я. Он чертовски упрям и все держит в себе. Но Мали всегда была для него другой. Их дружба, если ее можно так назвать, строится по иным правилам, чем все остальное. Я просто не знаю, поможет ли это ей или навредит в этой ситуации.

На журнальном столике звонит телефон, и я протягиваю руку вперед, чтобы взять его, и вижу на экране имя Кэма. — Вспомни дьявола.

Я отвечаю на звонок и прикладываю трубку к уху. — Да, как дела?

— Эйч, — говорит он, и паника в его голосе заставляет волосы на моих руках встать дыбом. — Тебе нужно немедленно приехать в этот чертов бар!

У меня срабатывают тормоза, шины с визгом проносятся по асфальту, когда грузовик останавливается на парковке. Как только я поставил машину на стоянку, мы с Мали выскочили из нее. Мы бежим к двери, но когда я пытаюсь открыть ее, она оказывается запертой. Я пытаюсь найти ключ, когда Кэм открывает дверь, и выражение ужаса на его лице заставляет мой желудок опуститься.

— Что происходит? — обеспокоенно спрашиваю я.

Лейкин оборачивается на мой голос. По ее щекам текут слезы, она выглядит такой отчаявшейся. Такой испуганной.

Кэм не может произнести и слова, поэтому он отходит в сторону, и тут я вижу его.

Там, в центре бара, лежит тело хакера. Он почти полностью погребен под кучей грязи, а

его голова, похоже, торчит наружу. А черви и личинки, которые ползают вокруг, видимо, просто для спецэффекта.

Когда у меня отпадает челюсть, Кэм протягивает мне записку, лежавшую на столике у двери.

Посмотрим, как ты избавишься от этого.

16

Хейс

Слово «ХАОС» даже не описывает того, что происходит за закрытой дверью бара. Кэм в панике бормочет что-то о том, что через двадцать минут нам нужно будет открываться. Он бросается за листом бумаги и маркером, чтобы сделать объявление.

Мали выглядит чертовски напуганной. Она попеременно хочет помочь Кэму и беспокоится о Лейкин. И она точно должна волноваться за нее; я точно знаю, что волнуюсь. Она в шоке.

Мы все знаем о последнем трупe, который она видела, и о событиях, которые произошли после этого. Она не очень хорошо с этим справилась. Сейчас у нее такое же выражение лица, как и тогда. Я не могу отделаться от опасения, что она вот-вот вернется в то состояние, в котором оказалась тогда.

— Что, черт возьми, мне написать? — спрашивает Кэм.

Его рука дрожит, а зрачки расширены настолько, что кажется, будто он только что принял целую партию кокаина. Если он будет писать это объявление, кто-нибудь обязательно подумает, что мы где-то употребляем наркотики. Поэтому я подхожу и забираю у него маркер.

Извините, мы закрыты по семейным обстоятельствам.

Коротко, просто и достаточно расплывчато, чтобы это работало. Я передаю Кэму бумагу, а он хватает скотч и идет к двери, поднимая жалюзи лишь на секунду, чтобы приклеить ее к внутренней стороне стекла.

Солнечный свет проникает внутрь и освещает тело. Видно, насколько он бледен. Кожа имеет сероватый оттенок. Я не знаю, как давно его убили, но предполагаю, что раз он еще не разложился, значит, это было совсем недавно.

Лейкин не отводит от него взгляда. Черт, она даже почти не моргает. Он похож на гребаную декорацию к Хэллоину, и я знаю, что если не уберу его куда-нибудь с глаз долой, ей будет только хуже. Но как, блядь, переместить мертвое тело, покрытое грязью, не заляпав все вокруг дерьмом и не оставив нам еще больше хлопот с уборкой?

Я ломаю голову, пытаюсь разобраться, пока мне не приходит идея. Взбежав по лестнице, я открываю шкаф и достаю из него палатку, которую мы обычно использовали для проведения соревнований. Марк попросил меня оставить ее здесь на случай, если он захочет устроить еще одно соревнование по серфингу. Думаю, теперь она ему не понадобится.

Я вытаскиваю палатку из чехла, с трудом отделяю полотно от металла, но оно, наконец, освобождается. Он должен быть достаточно плотным, чтобы удерживать все жидкости, которые могут вытечь из кузова на пол.

Да, не волнуйтесь. Меня тоже выворачивает наружу.

Кэм с любопытством наблюдает за тем, как я возвращаюсь вниз и начинаю расстилать ткань на полу. Когда он достаточно открыт, чтобы на нем поместилось тело, я беру несколько пар перчаток, надеваю свои и бросаю остальные Кэму. С тяжестью в воздухе я второй раз прошу о той самой услуге, которая, как я думал, никогда в жизни мне не понадобится.

— Помоги мне перенести тело.

Он выглядит точно так же, как и я, вздыхает и подходит ко мне, с трудом копаясь в грязи, чтобы найти ноги. На счет «три» мы поднимаем его. Вся кровь стекает на спину, гравитация делает свое дело, а черви и личинки отваливаются вместе с грязью, когда мы переносим его на ткань, похожую на брезент.

— Хорошо, — говорю я, переводя дыхание. — Теперь давай отнесем его в холодильник. По крайней мере, там он не будет виден, и здесь не будет пахнуть смертью, пока мы не избавимся от него.

Каждый из нас берет за конец и поднимает, напрягая спины, когда мы протаскиваем весь мертвый груз через стойку и в подсобку. С трудом удается удержать дверцу холодильника открытой и занести туда тело, но мы справляемся — все равно никто из нас не хочет просить помощи у девушек.

Разобравшись с этим, я иду за барную стойку и беру несколько мусорных мешков и совок. Нужно убрать отсюда всю грязь. Всю до последней крошки. На ней может быть ДНК И, кроме того, никто не поймет, как куча грязи оказалась в баре на пляже.

— Что ты собираешься делать? Просто оставишь тело в холодильнике навечно? — спрашивает Мали.

Я закатываю глаза. — Нет, но мы же не можем перевезти его среди бела дня, верно?

Ее глаза расширяются от моего тона, и я останавливаю все, чтобы перевести дыхание, пытаюсь снизить давление настолько, чтобы мыслить ясно. Огрызаться на моих друзей сейчас — это не то, что нам нужно.

— Мне очень жаль, — говорю я ей. — Я не хотел срывать.

Она качает головой. — Все в порядке. Я все понимаю. Никто из нас не хочет иметь с этим дело.

Лейкин разрывается от рыданий. Ее рука подлетает ко рту, она пытается сдержать всхлип, но это бесполезно. Он вырывается наружу и разбивает ее. Все это настигает ее, а она так долго была сильной, но больше не может.

— Лей, — грустно говорит Мали, пытаюсь обнять ее.

Я не могу сосредоточиться на том, что делаю, наблюдая, как любимая девушка снова становится такой, какой она была до своего ухода. Кэм подходит и забирает у меня совок.

— Что?

Он кивает в сторону Лейкин. — Иди к ней.

Но я не могу. — Все в порядке. С ней Мали.

— Мы с тобой оба знаем, что ей сейчас нужна не Мали. — Он забирает у меня из рук мусорный пакет. — Ты все равно будешь бесполезен, пока она не поправится, так что нет смысла бороться со мной по этому поводу.

Ненавижу, когда он прав.

Я встаю, снимаю перчатки и выбрасываю их. Лейкин плачет на руках у Мали, когда я подхожу к ним. Мали смотрит на меня, и я киваю, молча говоря ей, что все в порядке. Она осторожно поворачивает Лейкин и передает ее мне.

Ее голова прижимается к моей груди, и я провожу рукой вверх и вниз по ее спине. Я ничего не могу сказать. Я не могу сказать ей, что все в порядке, потому что это не так. В моем баре сейчас лежит труп. Я не могу сказать ей, что все в порядке, поскольку она не в порядке. Ей грозит еще большая травма. Единственное, что я могу сделать, это прижать ее к себе.

Я сажусь на один из барных стульев, приближая себя к ее уровню. Она отстраняется и смотрит на меня. В ее глазах застыла печаль. Она оплакивает потерю человека, которого даже не знает, и я уже могу сказать, что она винит себя в его смерти.

— Не делай этого, — мягко говорю я. — Ты этого не делала. Это сделал какой-то псих.

Она качает головой. — Но это все ведет ко мне.

— Это не домино. Ты не несешь прямой ответственности за это. Это не твоя вина, что кто-то решил сделать нас своими личными игрушками. Ясно? Это не на твоей совести.

Я сомневаюсь, что она мне верит, но она все равно кивает. Большими пальцами я вытираю слезы с ее глаз. Я хочу поцеловать ее. Господь знает, что это отвлечет ее от всего и вернет на ее лицо ту улыбку, которую я так люблю. Но на днях, когда она поцеловала меня только для того, чтобы я не раскрыл слишком много информации перед Райли, это чуть не убило меня.

Ощущение ее губ на моих снова было чистым огнем. Это было похоже на то, как если бы мне несколько часов не хватало кислорода, а потом я втянул его в себя. Это единственное, о чем я мог думать весь тот день и все последующие, даже на фоне всего, с чем мы имеем дело. Но больше всего меня пугало то, что ее поцелуй опьяняет, и я слишком хорошо знаю, каково это — быть зависимым от нее.

А ломка — это сука.

По милости Божьей, она выглядит относительно нормально. Она потрясена, да, но кто бы не был потрясен, если бы пришел в место, где бывал миллион раз, и увидел такое перед собой? Сейчас ей могло бы быть и хуже, это точно. Я думаю, что когда ты переживаешь столько, сколько мы пережили, ты находишь способ заглушить все это".

— Я не думаю, что кто-то из них должен оставаться один, — говорю я Кэму, имея в виду Лейкин и Мали.

Он кивает, заканчивая вытирать последнюю грязь, и морщится, снимая перчатки и завязывая мешок. — Согласен. Это определенно переходит на новый уровень.

Мали хмыкнула. — Как бы я ни любила мужчин, принимающих за меня решения, мне нужно работать. Я буду не одна. Со мной будут работать и другие люди. Но я не думаю, что кто-то из вас хочет сидеть там целый день, пока я продаю женское белье?

Кэм дразняще поджал губы. — Это зависит от обстоятельств. А они его примеряют?

Как я уже сказал, другой набор правил.

Она закатывает глаза, отмахиваясь от него и отказываясь отвечать на вопрос, поэтому

он продолжает.

Как я уже сказал, другой набор правил.

— Когда ты должна быть на работе? — спрашивает он.

Взглянув на часы, она вздохнула. — Через сорок пять минут, но моя машина у дома Хейса.

Кэм поворачивается ко мне, почти как будто собирается попросить меня отвезти ее, но я ни за что на свете не отведу глаз от Лейкин. Не сейчас. Не во время этого. Я люблю Мали правда, но мы говорим о Лейкин. И учитывая явную одержимость этого человека, когда дело касается ее, я не собираюсь рисковать.

— Хорошо, — вздыхает он. — Я отвезу тебя за машиной, а потом поеду за тобой на работу, чтобы убедиться, что ты доберешься туда в целости и сохранности.

Она кивает, подходит, чтобы обнять Лейкин, а затем смотрит на меня. — У нас все в порядке?

Я притягиваю ее к себе и обнимаю. — Да, все хорошо.

Я все еще злюсь, и это определенно подкосило ее, но, если разобраться, я бы сделал то же самое, если бы Кэм попросил меня об этом. И он сделал бы то же самое для меня.

Но будем надеяться, что до этого не дойдет.

С того дня, как она вернулась, я не так уж часто оставался наедине с Лейкин. Честно говоря, я активно старался этого избегать. Каждый раз, когда мы остаемся наедине, я теряю всякий самоконтроль. Очевидно, что ничего не изменилось. Но, по крайней мере, я последователен.

Она сидит в углу, что-то делает на своем компьютере, пока я все убираю. Этот ублюдох приходит сюда уже второй раз. Я не знаю, к чему прикасались, а к чему нет, и я не собираюсь рисковать.

Неловко находиться здесь, зная, что в подсобке лежит труп. Я не представляю, как эти мафиози регулярно справляются с подобным дерьмом. Лично я предпочел бы заняться чем-нибудь другим. Это не мое представление о веселье, и никакая сила не стоит того, чтобы регулярно иметь с этим дело. Но буду ли я делать это снова и снова, если это будет означать безопасность тех, кого я люблю? Вы чертовски правы.

Я смотрю на Лейкин, наблюдая за тем, как она кивает в такт музыке, которая, по моим предположениям, звучит. Ее наушники не позволяют мне ничего услышать. Видно, что ей не по себе, но она пытается сделать храброе лицо. И поскольку в прошлый раз ей это не удалось, я надеюсь, что это означает, что у нее есть шанс выжить в этот раз.

Ее телефон вибрирует на столе, она хватается его как ни в чем не бывало, но тут ее глаза расширяются, и она поворачивает голову ко мне. Я в считанные секунды оказываюсь в другом конце комнаты. Сообщения с неизвестного номера редко вызывают у нас какую-либо

реакцию, но это — вызвало.

Похоже, я не единственный, кто постоянно следит за тобой.

Черт.

Они нас видят.

Я кручусь по сторонам в поисках чего-нибудь необычного. Мы были здесь повсюду с тех пор, как пришли сюда, так что не может быть, чтобы кто-то был здесь с нами. Остается только один вариант — камера.

— Бери свои вещи и пойдём со мной.

Она кивает, велит кому-то подождать, собирает свои вещи и идет за барную стойку. Мы садимся на пол в единственном месте, которое, как я знаю, не записывается. Это был недостаток дизайна, который я пытался исправить, но теперь я благодарен за это.

Я прижимаюсь затылком к барной стойке. Я старался держаться на расстоянии, пока Кэм не вернется. По крайней мере, так я не поддался бы искушению и не сделал бы что-нибудь необдуманное, например, не трахнул бы ее в подсобке еще раз.

Господи, да я уже наполовину твердый от одной мысли об этом.

Она так близко, что запах ее шампуня проникает в мои органы чувств. Ее рука прижимается к моей, и это все, на чем я могу сосредоточиться. Она хихикает, заставляя меня посмотреть, что она делает, и я замечаю, что она разговаривает по видеосвязи с кем-то, кто выглядит так, будто находится в звукозаписывающей студии.

— Нет, — говорит она.

Это явно адресовано не мне, но, тем не менее, мне стало любопытно.

Немного поспорив с девушкой на экране, мне надоедает слышать только одну сторону разговора, и я подталкиваю ее локтем. Я поднимаю брови, и она, стараясь не улыбаться, сдается, снимая наушники и выключая их, чтобы звук шел через динамики.

— Хейс, это Эшли, — представляет она меня, слегка поворачивая компьютер.

Эшли хмыкает. — Хейс, да? Довольно милое имя.

— Спасибо, — говорю я. — Я передам маме твои слова.

— О, уже рассказываешь обо мне своей маме, да?

Что, блядь, происходит?

Лейкин звонко смеется. — Сейчас я, наверное, должна упомянуть, что Хейс — мой муж.

Мне не нравится, как это звучит с ее языка, и как она это говорит, словно все еще имеет на меня право. Если бы Мали была здесь и могла слышать мои внутренние мысли, она бы сказала мне, что так и есть. И, в общем-то, она бы не ошиблась. Господь свидетель, ни одна другая девушка не удостоилась даже второго взгляда.

Скажем так, это были очень сухие девятнадцать месяцев.

— Вот черт! — вздыхает Эшли. — Виновата. Приятно познакомиться, миссис Лейкин.

Я фыркнул. — Миссис Лейкин?

Эшли пожимает плечами, а Лаи закатывает глаза. — Ладно, может, продолжим? Мы тратим время бедного Грега.

— Вы в порядке, — говорит парень через то, что похоже на переговорное устройство. — Я беру почасовую оплату.

— Черт, — простионала Эшли. — Ладно, давай еще раз.

Она надевает наушники, и Лейкин нажимает кнопку, чтобы отключить ее микрофон,

когда начинает играть музыка. Голос Эшли произносит слова песни, которую я никогда раньше не слышал, но она хороша. Дайте ей время, и я уверена, что ее будут крутить по радио.

Песня начинает нарастать, и Лейкин нервничает, пока Эшли не берет высокую ноту, и тогда они обе загораются. Когда песня, наконец, заканчивается, Лей включает звук.

— Это было просто фантастически, Эш, — восторгается она. — Грег, пожалуйста, скажи, что у тебя получилось!

— Ты знаешь, что да.

— Спасибо, Иисус. — Она делает глубокий вдох. — Ладно, я должна пойти сделать несколько дел, но если я вам понадобится, дайте мне знать.

Эшли подходит к экрану. — Ага, ты будешь наслаждаться своим мужем. Я понимаю. Неудивительно, что твои песни так чертовски хороши, когда твоя муза выглядит именно так.

Все встает на свои места, а Лейкин смеется и прощается с Эшли и Грегом. Когда видеозвонок заканчивается, она закрывает компьютер и откладывает его в сторону.

Как бы я ни старался, я не могу точно определить, что я чувствую. Это целая гамма эмоций, и мне кажется, что я испытываю понемногу каждую из них.

— Ты работаешь на студии? — спрашиваю я, и она кивает. — Как автор песен?

— Да. — Видно, что она старается не улыбаться, но гордость, которую она испытывает по этому поводу, просвечивает.

Я не собираюсь отнимать у нее это чувство. — Это потрясающе, Лей. Ты осуществила свою мечту. — Она кивает, глядя куда угодно, только не на меня. — Что не так?

Одно плечо поднимается в полушутливом пожатии. — Ты должен был быть там, когда я это сделала. Когда я продала свою первую песню, ты был первым человеком, которому я хотела рассказать об этом.

Я бы хотел быть там. Очень хотел бы. Все, чего я хотел, — это чтобы она достигла своей мечты. Тем более что она сыграла такую большую роль в том, что я достиг своей. Но даже если меня не было рядом, чтобы разделить это с ней, все равно приятно это видеть.

— Я так горжусь тобой, — честно говорю я ей.

Она поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и улыбается, ее лицо всего в нескольких дюймах от моего. Ни один из нас не делает движения, чтобы отвернуться, и я инстинктивно опускаю взгляд на ее губы. Как я уже сказал, отсутствие всякого самоконтроля.

Невозможно сказать, кто начинает наклоняться первым, просто это происходит. Мой лоб прижимается к ее лбу, и наши дыхания смешиваются. Между нами возникает напряжение, и от предвкушения мое сердце колотится о грудную клетку. Если мы сделаем это, я не думаю, что у меня будет шанс вернуться.

Со мной будет покончено.

Но я не уверен, что что-то сможет остановить меня сейчас, когда мои губы скользят по ее губам.

...Кроме, может быть, ее брата, входящего в парадную дверь.

Мы резко расходимся, хотя он нас не видит. А даже если бы и видел, это было бы неважно. Он бы меня за это подкалывал, но это совсем не то, что было, когда мы крались за его спиной.

Мои глаза не отрываются от Лейкин, пока я думаю о том, что только что чуть не произошло. Та часть меня, которая хочет впасть в панику, тревожно мечется в глубине моего

сознания. Но пока она смотрит на меня, мне удастся контролировать ситуацию.

И только когда она уходит, она одерживает победу.

— Эйч? Лейкин? — спрашивает Кэм. Мы оба встаем из-за стойки, и он морщит нос. —

Хочу ли я знать, чем вы двое там занимались?

Лейкин хмурится. — Не будь странным. Этот чертов преследователь может нас видеть.

— Думаю, у него есть доступ к камере, — объясняю я.

Кэм хмурит брови, глядя на камеру над собой. Как ни в чем не бывало, он хватается за барный стул и забирается на него, выдергивая камеру прямо из стены. Провода свисают вниз, и лучше надеяться, что они не соприкоснутся, потому что в этом месте стены не огнестойкие.

— Этого должно хватить, — говорит он, а затем идет и снимает все остальные.

Я не собираюсь кричать на него за это. Не сейчас, когда у этого психа есть прямая линия, чтобы наблюдать за нами, когда ему заблагорассудится. Но когда все это закончится, нам нужно будет их заменить, а они стоили дорого.

Добавь это в чертов список.

— Хорошо, — говорит он мне. — Отвези Лейкин к себе домой и оставайся с ней там до ночи.

Хм? — Что ты собираешься делать?

— Я останусь здесь.

Из моего рта вырывается смешок, и я качаю головой. — Да, нет. Я не оставлю тебя здесь одного.

— Нет, оставишь, — настаивает он.

— А что, если это все гребаная ловушка? Полиция может появиться здесь, найти тело, и тебя арестуют за убийство, которого ты не совершал.

— Ну, если это случится, то от того, что нас всех троих арестуют, будет мало толку, не так ли?

Он совершенно спокоен, как будто мы говорим о погоде или предстоящей рыбалке. Но мне это чертовски не нравится. Совсем не нравится.

— Эйч, — нажимает он. — Ты уже защитил меня, теперь моя очередь защищать тебя. Иди. Когда Мали закончит работу, она сообщит тебе, и ты подбросишь Лейкин к ней домой. Тогда мы избавимся от этой штуки.

Я все еще не хочу, но не думаю, что он примет отказ. — А если они вернуться?

Он тянется за спину, достает из-за пояса пистолет и кладет его на барную стойку. — Пусть попробуют.

Всю дорогу до дома я стараюсь, чтобы Лейкин ехала впереди меня. Таким образом, я всегда могу за ней присматривать. Если для этого придется подрезать несколько человек и

получить палец от восьмидесятилетней старушки, то так тому и быть. Я даже проехал на красный свет, и вспышка камеры подсказала мне, что за это я получу штраф по почте.

Большое спасибо, Лей.

Когда мы входим в наш общий дом, атмосфера становится напряженной. Может быть, дело в том, что Кэм чуть не прервал поцелуй, а может быть, в том, как она смотрит на все вокруг. Ее глаза задерживаются на каждом месте, как будто она не может смотреть на него и не вспоминать все те сексуальные вещи, которые мы делали по всему этому дому.

Я понимаю, потому что я тоже так делаю.

Это одна из причин, по которой оставаться здесь так трудно.

Я был хорошим в ту ночь, когда она появилась здесь, пьяная в стельку. Полный джентльмен. Я отнес ее в постель, уложил и спустился вниз, чтобы всю ночь пролежать на диване без сна. Но на этот раз она не пьяна.

И мне не хочется быть джентльменом.

Она стоит перед лестницей, я подхожу к ней сзади и прижимаюсь к ее спине. — Ты думаешь об этом, не так ли?

У нее перехватывает дыхание. — Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Конечно, знаешь, — пробормотал я. — Ты думаешь о том, как мы стояли прямо здесь, когда я нагнул тебя и зарылся в тебя.

Положив руки ей на плечи, я поворачиваю нас так, что она оказывается лицом к кухне.

— А когда ты смотришь на этот остров, ты представляешь, как я усадил тебя на него и ел тебя до тех пор, пока ты не закричала.

Я скольжу рукой по ее руке, и ее голова откидывается назад к моей груди. Ее дыхание учащается. С этого ракурса я могу видеть даже то, что у нее под майкой, и мне до смерти хочется прижаться к ней ртом.

— Представь, если бы мы поднялись наверх, — дразню я. — Что бы ты тогда вспомнила.

Она набирается смелости и поворачивается, используя всю силу, на которую способна, чтобы оттолкнуть меня. — В прошлый раз ты ушел и оставил меня стоять полуголой в кладовке.

Да, я должен был догадаться, что она бросит мне это в лицо. Но даже несмотря на гневный взгляд в ее глазах, я ухмыляюсь.

— Да, — признаю я. — И ты ушла, оставив меня крепко спящим в нашей постели, впервые за несколько недель почувствовав надежду.

— Я извинилась за это. Много раз.

Я оглядываю ее с ног до головы, не торопясь, любясь каждым ее великолепным дюймом, но, Боже, как же она бесит. — И что? Ты хочешь, чтобы я извинился?

В ее горле раздается рычание, вызванное саркастическим тоном моего голоса. Она выглядит так, будто хочет со мной побороться, но вместо этого подходит ближе и прыгает в мои объятия. Я ловлю ее руками за задницу, а ее ноги обхватывают мою талию.

— Нет, — говорит она. — Я хочу, чтобы ты меня трахнул.

Это я могу сделать.

Прижав ее к стене, я впиваюсь своими губами в ее. Она проводит ногтями по моей спине, наши языки встречаются посередине. Клянусь, я могу кончить только от ее вкуса. Она выгибает бедра, чтобы прижаться ко мне, и стоны, которые она издает, говорят о том, что она так же отчаянно хочет этого, как и я.

Между нами слишком много слоев. Слишком многое мешает мне погрузиться в нее. Используя свои бедра, чтобы прижать ее к стене, я скольжу руками вверх по ее торсу, захватывая майку и лифчик. Подняв их над головой, я отбрасываю их на пол и тут же накрываю ладонями ее сиськи.

Ее спина выгибается, и она прижимается к моим рукам, прикусывая губу от удовольствия. Я потираю пальцами оба ее соска. Снова обхватив ее за задницу, я наклоняюсь, чтобы взять один из них в рот. Она вскрикивает от удовольствия, подстегивая меня и заставляя мой член стремительно увеличиваться в объеме.

Блядь. Этого недостаточно. Мне нужно попробовать ее на вкус. Мне нужен аппетитный вкус ее киски, чтобы он покрыл мой язык и остался на нем до конца ночи.

Поставив ее на ноги, она стягивает через голову мою футболку, а я поспешно избавляюсь от ее брюк. Я провожу рукой по ее бедрам, позволяя коснуться ее киски, пока она снимает с себя остатки одежды.

Вот как она мне нравится.

Она стоит передо мной, полностью обнаженная и моя.

Я обхватываю ее за талию, и она снова прыгает в мои объятия, прежде чем я переносу ее к камину. Одной из причин, по которой я купил этот дом, была ее любовь к этому чертову камину. Что ж, посмотрим, насколько сильно она его полюбит теперь.

Она визжит, когда я поднимаю ее и сажаю на камин. — Хейс, эта штука сейчас сломается.

— Мне плевать, — рычу я.

Прежде чем она успевает возразить, я приступаю к тому, чего так жаждал — прижимаюсь ртом к ее киске. Она издает стон, который позорит порнозвезд, когда я провожу по ней языком, засасывая ее клитор в рот. Ее ноги обхватывают меня за плечи, а бедра прижимаются к бокам моей головы.

— Черт возьми, — выдыхает она. — Как же мне не хватало этого рта.

Слишком давно я не ел ее. Если бы мы могли провести остаток ночи, занимаясь только этим, я был бы совершенно не против. Мне все равно, как устанет мой язык. Это стоило бы того, чтобы продолжать пробовать ее на вкус и слушать, как она кричит, когда кончает на мой язык.

Я сжимаю губы и посасываю ее клитор так, что она сходит с ума, а когда я стону, вибрация заставляет ее содрогаться всем телом. Она хватается за мои волосы и притягивает меня к себе. Она откидывает голову назад, отдаваясь наслаждению, пока камин не начинает поскрипывать.

— Эй, он сейчас сломается, — говорит она.

Но я еще не насытился ею. — Расслабься. Я держу тебя.

Я засовываю в нее два пальца, ввожу и вывожу их, приближая ее к краю. Она становится такой податливой в моих руках. Я чувствую, как она начинает терять контроль над собой, и я, блядь, живу ради этого.

— Я хочу есть только тебя на завтрак, обед и ужин, — говорю я ей. — Пошла ты к черту, что скрывала это от меня.

— Да, блядь!

Она начинает качаться на моем рту, больше не заботясь об устойчивости камина. Все, на чем она может сосредоточиться, это на том, как я двигаю языком по кругу вокруг этого маленького пучка нервов. Если я когда-нибудь буду умирать, пожалуйста, пусть она избавит

меня от страданий. Пусть она сядет мне на лицо, и я смогу задохнуться в ее киске и умереть счастливым.

— Хейс, — стонет она. — Хейс, черт!

Ее голос поднимается на октаву, и все, что требуется, это один глубокий толчок моей руки и жесткое посасывание ее клитора, и она, блядь, кончает.

В этот момент камин рушится.

Левая половина камина вырывается из стены, покачиваясь, и только правая сторона удерживает его. Все, что было сверху, падает на пол, но мне удается удержать Лейкин в вертикальном положении, прижав ее спиной к камню камина. Но мы еще далеко не закончили, так как она вздрагивает на моих руках.

Я вытаскиваю из нее пальцы и хватаю ее за талию, чтобы оторвать от стены. Она наклоняется всем своим весом вперед, наваливаясь на мои плечи, и я осторожно отступаю назад, прежде чем аккуратно поставить ее на пол.

— Когда-нибудь я снова трахну твой рот, — говорю я ей.

Она хмыляется и опускается на колени. — Зачем ждать? Сделай это сейчас.

Да, ни одна вещь в мире не может заставить меня отказаться от этого. Я одним движением сбрасываю с себя брюки и боксеры, освобождаю член и беру его в руку. Она облизывает губы, наблюдая, как я пару раз поглаживаю его, и когда я приближаюсь к ее рту, она открывает его, как и подобает хорошей девочке.

— Я не в настроении проявлять милосердие, так что, если я сделаю тебе больно, ты должна будешь остановить меня.

Но она ничего не отвечает. Это ее только возбуждает. Она подносит руки к моей заднице и втягивает меня в свой рот. Я откидываю голову назад, и она сосет мой член лучше, чем кто-либо другой. Ее язык обводит головку, а затем прижимается к нижней части моего члена, когда я глубоко вхожу в нее.

Моя рука, вцепившаяся в ее волосы, дрожит, когда я пытаюсь сдержаться, но когда я вижу, как она сужает глаза, глядя на меня, я понимаю, что она не хочет этого. Она хочет боли. Она хочет захлебнуться от моего члена. И, блядь, я не хочу ничего, кроме как дать ей это.

Упираясь в заднюю стенку ее горла, я резко притягиваю ее к себе. Мой стон смешивается со звуком ее удушья. Стенки ее горла сжимаются вокруг меня, когда она задыхается, и я отступаю лишь на секунду, чтобы она успела вдохнуть, прежде чем снова войти в нее.

— Черт возьми, — простонал я. — Посмотри на себя. Ты так хорошо справляешься. Мне так чертовски хорошо.

Еще через пару секунд я позволяю своему члену выскользнуть из ее рта. Ниточка слюны свисает с меня на ее губы, и она вытирает ее, переводя дыхание.

— Я хочу еще, — умоляет она. — Дай мне еще.

Я зажимаю ее подбородок между большим и указательным пальцами, заставляя ее посмотреть на меня. — Не будь капризной. Ты получишь больше, когда я дам тебе больше. Но сейчас мне нужно быть внутри тебя.

Она закусывает губу и ложится на пол, раздвигая ноги и позволяя мне увидеть эту красивую киску. Держа член в руках, я провожу им вверх-вниз по ее клитору, наблюдая за тем, как она извивается.

— Ты, блядь, создана для меня, Лейкин.

Не сводя с нее взгляда, я вхожу в нее так, что между нами ничего не остается. Она прижимается затылком к полу, и ее глаза закрываются, потеряв контроль от удовольствия. Нет ничего лучше этого. Она обвивается вокруг меня, а я трахаю ее до потери сознания — это просто рай.

В последний раз мы занимались сексом прямо здесь, в ту ночь, когда я попросил ее выйти за меня замуж. Все, чего я хотел, это чтобы она чувствовала себя такой же любимой и желанной, какой она была. К черту, такой, какая она есть. Но сейчас моя единственная цель — сделать так, чтобы она знала без малейшего сомнения, что ничто и никто никогда не будет способен сделать это. Они не смогут заставить ее почувствовать то, что могу я, потому что они не знают ее так, как я.

Эта киска принадлежит мне, нравится ей это или нет.

Прижимая большой палец к ее клитору, я круговыми движениями двигаю бедрами, а ее пальцы впиваются в ковер, пытаюсь найти что-то, что поможет ей удержаться на земле. Но это не то, чего я хочу.

Я хочу, чтобы она воспарила в сексуальное подпространство.

Ее дыхание учащается, пока, наконец, она не задерживает дыхание и не сжимается вокруг меня. Крик, который она издает, наверняка встревожит соседей, и я уверен, что если они пришлют полицию, то увидев разрушенный камин, будут в полном восторге. Но я не делаю даже слабой попытки успокоить ее.

Пусть они слышат.

Точнее, пусть этот чертов псих услышит.

Я хочу, чтобы они слышали, как она выкрикивает мое имя, кончая на мой член, как будто ей нужно, чтобы весь мир знал, кому она принадлежит.

Кому она, блядь, *всегда* будет принадлежать.

— Ты так и не решилась на противозачаточные? — выдавил я из себя.

Она качает головой. — К черту их. Все равно сделай это.

Боже, как я этого хочу. Я бы не хотел ничего больше, чем наполнить ее прямо сейчас. Увидеть, как моя сперма капает из ее киски, заполненной до краев. Черт возьми, даже мысль о том, что моя сперма будет плавать внутри нее, заставляет меня хотеть этого. Но в последнюю секунду я заставляю себя вытащить член.

Я сжимаю пресс, поглаживая свой член, наблюдая, как струи белой спермы вырываются наружу и падают между ее ног. Это не то же самое, но это самая близкая альтернатива, и это все еще так чертовски горячо. Ее киска покрыта моей спермой, и, может быть, это безрассудно, но я провожу головкой члена по ней и проталкиваю его внутрь — даю ей попробовать то, что она хочет.

Словно желая доказать, что она тоже умеет дразнить, она тянется вниз и проводит двумя пальцами по тому беспорядку, который я устроил. Я наблюдаю, как она подносит их ко рту и обхватывает губами, застонав от вкуса.

Твою мать.

Я падаю на пол рядом с ней и слушаю, как мы оба тяжело дышим. После этого мы должны быть полностью удовлетворены, но я уже жажду еще одного раунда. Вот что она делает со мной. Каждый маленький вкус заставляет меня хотеть большего, пока единственное, что я могу сделать, — это утонуть в ней.

Трахать ее в баре — это одно. Это была практически нейтральная территория. Я мог нагнуть ее и войти в нее, высвобождая все свои разочарования и выплескивая их в нее. Но

здесь, в месте, где мы произнесли клятву и пообещали провести вместе всю оставшуюся жизнь, я не могу этого сделать.

И из-за этого я перешел на опасную территорию.

Она перевернулась ко мне лицом и положила руку мне на грудь. — О чем ты думаешь?

Нет. Я не могу.

Я не могу, блядь, сделать это.

Это слишком.

— Ни о чем, — холодно отвечаю я, вставая, чтобы натянуть штаны.

Ее глаза на секунду закрываются, но прежде чем она успевает сказать что-нибудь о том, что я снова от нее отгораживаюсь, ее телефон вибрирует на журнальном столике. Она встает и подходит к нему, совершенно голая, не испытывая ни малейшего стыда. Ее даже не волнует сперма, стекающая по ноге.

— Привет, Эш, — говорит она, отвечая на звонок. — Э... да. Дай мне минут десять ладно? Без проблем. Пока.

— Она прекрасно чувствует время, — думаю я, но резкий взгляд, который она бросает в мою сторону, говорит о том, что я перегнул палку.

Схватив свою одежду, она идет в ванную, чтобы привести себя в порядок, а затем ставит компьютер на кухне. Я должен оставаться в гостиной. Поиграть в видеоигры или посмотреть чертов фильм. Нет никакой причины, по которой я должен сидеть у острова.

Разве что... он ближе к ней.

Так что я иду именно туда.

Раньше я никогда не считал себя озлобленным человеком. Я не был самым счастливым, но не думаю, что мне когда-нибудь было так горько. Но сидя здесь, делая вид, что листаю телефон, а сам исподтишка наблюдаю за работой Лейкин, я не могу не чувствовать этого.

Не поймите меня неправильно, я был честен, когда сказал ей, что горжусь ею. Горжусь. Я знаю, как сильно она этого хотела, и то, что она добилась этого, просто невероятно. Я никогда не сомневался в том, что она это сделает. Я видел некоторые вещи, которые она написала, и она действительно талантлива.

Но я не был частью этого.

Она уехала, и без нее моя жизнь развалилась на части. Но Лейкин? Она не просто выжила без меня. Она, блядь, процветала.

Может быть, карма с ней согласна. Может быть, она была вознаграждена за то, что поступила правильно, защитив меня, хотя я никогда не просил ее об этом. Вполне возможно, что так оно и есть.

Но есть и вероятность того, что я всегда просто сдерживал ее.

Она заканчивает работу и закрывает компьютер, наконец, впервые за последние два

часа посмотрев на меня. — Ты так и будешь на меня пялиться, или ты действительно хочешь поговорить?

— Не знаю, о чем тут говорить, — просто отвечаю я.

Она закатывает глаза. — Ну, можно начать с того, почему ты все это время наблюдаешь за мной с хмурым выражением лица. У тебя скоро появятся морщины.

Я пожимаю плечами, отводя от нее взгляд и сосредотачиваясь на своем телефоне. — Есть вещи и похуже морщин.

Она обходит остров сбоку, пока не оказывается передо мной, прислонившись к стойке. — Или ты можешь рассказать мне, о чем ты думаешь каждый раз, когда уходишь в себя после нашего секса.

Первое. Определенно, блядь, первое.

— Знаешь, говорят, что морщины показывают, что ты много смеялся в течение своей жизни, — говорю я ей.

Бесполезная информация, которую я почерпнул на каком-то вечере тривиальных игр, на который меня однажды затащили Кэм и Мали. Я помню, потому что Мали сказала, что мне не о чем беспокоиться и на моем лице не будет морщин.

Я отмахнулся от нее.

— Хейс, — вздыхает Лейкин. Она осторожно берет у меня из рук телефон и кладет его на стол. — Поговори со мной. Пожалуйста.

Мой взгляд встречается с ее, и я ненавижу то, как она смотрит на меня. Хрупкий — это не то слово, которым меня можно описать, но с ней я чувствую, что могу разбиться в любой момент. После ее ухода я пытался собрать себя обратно, но это всегда было невыполнимой задачей.

Поэтому я притворялся.

Я натягивал улыбку на лицо перед всеми, кто имел значение, и пил с друзьями, делая вид, что мне хорошо. Но сейчас, когда она стоит здесь и смотрит на меня так, словно видит мою душу, я понимаю, что все это было проклятой ложью.

Я не в порядке.

С тех пор как она ушла, не было ни одного момента, когда я был в порядке.

— Я не знаю, что ты хочешь от меня услышать.

— О чем ты думаешь, — предлагает она. — Что ты чувствуешь.

Я думаю о том, что ты собираешься разбить меня на миллион кусочков, и чувствую, что земля может уйти у меня из-под ног в любую секунду.

— Как долго студия позволит тебе работать удаленно?

Она хмурит брови. — Мы не говорили об этом, а что?

Я пожимаю плечами. — Просто интересно, сколько еще ты здесь пробудешь, прежде чем вернешься к своей новой идеальной жизни.

— Так вот в чем дело? — спрашивает она. — Хейс, я здесь. Прямо здесь. Разве ты этого не видишь?

— Да, — хмыкаю я. — Вижу. Я также вижу, что у тебя есть все, что ты когда-либо хотела, в твоём новом доме с Нолан. Веселая соседка, с которой ты можешь пойти на вечеринку. Работа мечты. У тебя все это есть.

— Нет, — говорит она мне. — Нет! Потому что там нет тебя!

— Может быть, так оно и должно быть! — кричу я. — Тебе никогда не приходило в голову, что, может быть, твоя жизнь там так чертовски хороша, потому что меня в ней нет?

Признай это, Лейкин. Тебе лучше без меня.

Она качает головой. — К черту. Я вообще не верю в это дерьмо.

— А тебе и не надо. Доказательства прямо перед твоим лицом.

Повернувшись, она делает два шага от меня, затем останавливается. Ее пальцы вцепились в волосы, и она дергает их, застонав от разочарования.

— Тьфу! Ты такой чертов... уф! — Отпустив волосы, она упирается руками в стойку. — Я не собираюсь стоять здесь и слушать, как ты намекаешь, что ты мне не подходишь! Это полная чушь, и ты, блядь, это знаешь!

— Кто знает. Может быть, и так, — говорю я с видом полного поражения. — А может быть, я просто мысленно готовлюсь к тому неизбежному дню, когда ты снова уйдешь.

— Тогда почему бы тебе просто не попросить меня остаться? — кричит она.

— Потому что я не знаю, хочу ли я этого!

Это чушь. Полная ложь. Конечно, я хочу, чтобы она осталась. От одной мысли о том, что она снова уйдет, мне становится плохо. Но я отказываюсь снова оказаться в дураках. Это случилось уже слишком много раз.

Лучше ожидать худшего.

Лейкин выглядит так, будто я только что ударил ее ножом прямо в грудь. Мы смотрим друг на друга, понимая, что находимся на перепутье. Она поступит мудро, если откажется от меня. Я проиграл. Я это знаю. Ей суждено стать суперуспешным автором песен, а мне — просто парнем, о котором она когда-то написала пару любовных баллад.

Звук моего телефона пререзает тишину, и я наполовину ожидаю, что посмотрю вниз и найду там какую-нибудь загадочную угрозу от того, у кого не хватает смелости сказать мне это в лицо, но это всего лишь Мали.

Возвращаюсь домой с работы. Приводи Лей, когда захочешь.

Я смотрю в окно, наблюдая, за тем, как свет растворяется в темноте.

— Пора идти, — говорю я, не глядя на нее. — Я завезу тебя к Мали, а потом мне нужно встретиться с Кэмом в баре.

Но когда я встаю и начинаю идти к двери, я понимаю, что она не идет за мной. Я оборачиваюсь и вижу, что она стоит там, где я ее оставил, а ее глаза полны слез.

— Я не хочу тебя терять, — почти шепчет она.

Это откололо еще один кусочек от моего сердца, но все в порядке.

Я привык к этому.

Я лишь пожимаю плечами. — Я тоже не хотел тебя терять.

Повернувшись на пятках, я выхожу через парадную дверь и иду заводить машину, потому что у меня нет времени на этот разговор.

Я должен перевезти чертово тело... снова.

Лейкин

Нет ничего более загадочного, чем перепады настроения Хейса Беккета Уайлдера. В одну минуту он смотрит на меня так, словно я самое прекрасное, что когда-либо существовало на земле, а в другую — он настолько холоден, что я могу получить обморожение. Это похоже на то, как мы начинали, но гораздо хуже.

Хуже потому, что я знаю, каково это — иметь его. *По-настоящему* иметь его. После того, как он рассказал Кэму о нас, он был весь в отношениях. Для человека, у которого не было опыта отношений, он знал, как себя вести в них. Не было ни одного момента, когда бы я почувствовала себя нежеланной, нелюбимой или недооцененной. Он относился ко мне как к королеве.

А сейчас я больше похожа на ту, с кем он трахается время от времени.

Он борется. Я знаю это. Это написано на его лице каждый раз, когда он смотрит на меня. Но я знаю, что связь между нами все еще существует. Она потрескивает в воздухе каждый раз, когда мы находимся рядом друг с другом. Я просто надеюсь, что этого окажется достаточно.

После того, что он мне сказал, я не уверена, что этого будет достаточно.

— Лейкин, сядь, мать твою, — говорит мне Мали в миллионный раз. — Мои родители, наверное, слышат, как ты вышагиваешь.

Я уверена, что это так, но ничего не могу с собой поделать. — Что, если это ловушка? Что, если их хотят подставить, и они попадутся, пытаюсь избавиться от этой чертовой штуки? Я не для того мучилась больше года, чтобы Хейс все равно загремел в тюрьму, а Кэм пошел ко дну вместе с ним.

— Эй, супружеские свидания могут быть горячими.

Серьезно? Я на грани нервного срыва, а она сейчас шутит? Но, опять же, мы говорим с Мали. Возможно, она серьезно.

— Ты хуже всех, — говорю я ей.

Она делает вид, что обиделась, и насмехается надо мной. — Ладно, можешь мне не верить. Но я думаю, что ты будешь выглядеть мило с малышом на бедре, говоря людям, что тебе нужно пойти позвонить вашему папочке-заключенному.

— Хватит болтать.

— Не могу, глупышка, — напевает она. — Если я тебя хотя бы немного не отвлеку, ты дойдешь до сердечного приступа.

Ну, это не совсем выдумки. Мой предел спокойствия сегодня ограничился получасом, и все это время я просидела за обеденным столом с родителями Мали. Было здорово снова увидеть их. Я очень по ним скучала. Но когда ваши парень и полу-муж избавляются от трупа, это не лучшее время для игр.

— Знаешь, что тебе нужно? Перепихнуться.

Я закатила глаза. — У тебя, что, есть член? А то у тебя в последнее время постоянно секс на уме.

— Есть! — с гордостью говорит она, лезет в тумбочку и достает оттуда фаллоимитатор, похожий на что-то из фильма про роботов. — Его зовут Линус.

— Линус? Как этого долбаного персонажа из «Орешков» (Peanuts — американский комикс, один из персонажей которого был Снупи)?

Она сузила на меня глаза. — Нет. Как сокращение от «*кунилингус*».

Мой рот несколько раз открывается и закрывается, прежде чем я нахожу нужные слова. — Разве это не должно быть Лингус, а не Линус?

— Знаешь что? Ты можешь идти, — говорит она, как будто мы не в опасности. — Если тебя вдруг похитят, просто воспользуйся функцией экстренного вызова на своем телефоне. Я уверена, что с тобой все будет в порядке. Ты крепкий *орешек*.

Это первая фраза, которая вызвала у меня смех с тех пор, как я сюда приехала. Мали удовлетворенно улыбается, хватаясь за телефон, чтобы посмотреть, есть ли какие-нибудь новости. К счастью, она не способна злиться на меня дольше нескольких часов.

Слава Богу.

Я не знаю, что бы я делала, если бы она больше не хотела иметь со мной ничего общего. Функционировать без нее я не умею. Как будто ее жизнь и моя напрямую связаны друг с другом. Я уже говорила об этом раньше и скажу еще раз.

Хейс — любовь всей моей жизни, но Мали — моя вторая половинка.

— Что-нибудь известно?

Она качает головой. — Ты узнаешь, как только я что-нибудь получу.

Со стоном я опускаюсь на ее кровать. — Это просто ад. Отвлеки меня чем-нибудь еще.

Ее губы сжимаются, прежде чем улыбка прорывается наружу. — Сегодня утром по дороге к Хейсу для того, чтобы забрать мою машину, Кэм трахнул меня пальцами.

Между словами, вылетевшими из ее рта, и звуком, который я издала, не было никакой задержки. — Я сказала «отвлеки меня», а не заставляй меня блевать по всему дому.

Она выглядит такой чертовски гордой собой, напевая себе под нос, как будто она только что не рассказывала о своей сексуальной жизни с моим братом. Представьте себе, если бы Хейс подошел к Кэму и сказал: «*Эй, бро, сегодня трахал рот твоей сестры*». Хакер был бы не единственным трупом, которого сегодня выкинут, это точно.

— Так, я так понимаю, он на тебя больше не злится? — спрашиваю я.

Выражение ее лица становится скептическим, и она хмыкает. — Нет, злится. Просто у меня есть способ получать то, что я хочу.

Конечно, у нее есть. — В таком случае, есть идеи, как мне заставить Хейса перестать от меня отгораживаться?

— То есть секс в кладовке — это не выход?

— Ха-ха, — насмешливо говорю я, показывая ей средний палец. — Нет, идиотка. Это не так. Как и секс в баре до этого или ранее, когда мы трахались в гостиной.

Ее глаза забавно расширяются. — Господи Иисусе. Не знаю, в курсе ли ты, но вообще-то это *не* твоя работа — заселять Землю.

Я решила проигнорировать ее предыдущее высказывание. — Это единственный способ, которым он позволяет мне чувствовать себя ближе к нему. Но за этим почти всегда следует то, что он вытирает с меня слезы. Например, сегодня мы поссорились, и он прямо сказал, что не знает, хочет ли он, чтобы я осталась.

— Типа в его доме?

— Типа в городе, или вообще рядом.

Она начинает смеяться, и это быстро выходит из-под контроля, превращаясь в истерический смех. — Мне очень жаль. Просто... ты действительно в это веришь?

Я пожимаю плечами. — Он не дал мне повода не верить.

— Да, потому что тот факт, что в любое время, когда вы оставались наедине, он не мог оторваться от тебя, совсем не говорит об этом.

— Ты всегда такая язвительная стерва? Неужели я только сейчас это заметила?

— Да, — самодовольно отвечает она. — Это моя основная черта характера.

Я усмехаюсь, но за этим следует вздох. — Я не знаю, Мэл. Что, если он решит, что больше никогда не сможет мне доверять? Что, если между нами действительно все кончено?

Она сочувственно улыбается мне, играя с моими волосами. — Если между вами все будет кончено, я буду полностью убеждена, что любви не существует.

— Но она существует, — говорю я ей. — Я чувствую это каждый раз, когда смотрю на него. Или думаю о нем. Или говорю о нем. Или думаю о чем-то, что связано с ним.

— Я понимаю, — прервала она меня. — Ты ешь, спишь и дышишь Хейсом. Скажи мне что-нибудь, чего я *не* знаю.

Хорошо. — Сегодня мы сломали камин.

Из ее рта вырывается громкий смех. — Серьезно? Какого хрена?

Я смеюсь над ее реакцией. — Он усадил меня на него и съел. Оказывается, эти штуки не такие уж и прочные.

— Черт, — пробормотала она. — Ты очень везучая сучка.

— Я знаю. — Я оборачиваюсь, чтобы смотреть в потолок. — Теперь, если бы только я могла заставить его снова полюбить меня.

Ее телефон звонит, и она начинает вставать с кровати. — Он все еще любит. Он просто ведет себя как идиот. Но, по крайней мере, он идиот, который может избавиться от тела, не попадаясь на глаза. Они уже возвращаются, так что пошли.

О, спасибо, черт возьми.

Когда мы вернулись в дом, ни Мали, ни я не задавали никаких вопросов. Ни о том, куда они его бросили. Ни о том, как это произошло. И уж точно не о том, что их могли бы поймать. Думаю, я могу говорить за всех нас, когда скажу, что мы хотим оставить сегодняшние события в прошлом.

За исключением умопомрачительного секса. Он может остаться.

Мы все вчетвером заходим в дом, и как только Хейс включает свет, глаза Кэма расширяются. — Черт! Кажется, здесь кто-то был!

Он тут же начинает оглядываться по сторонам, как начинающий агент ФБР, а Мали

стараются не рассмеяться. — Спокойно, частный детектив Магнум. Здесь никого не было.

— Ты что, не видишь этот чертов камин? — давит он. — Он вырван наполовину из этой чертовой стены.

Она сморщила нос, глядя на него. — Детка, поверь мне. Ты не хочешь продолжать эту тему.

Кэму требуется секунда, чтобы все встало на свои места, но в тот момент, когда это происходит, видно, что он мгновенно переходит от беспокойства к возмущению.

— Так оно и получилось, — кивает Мали.

Хейс смотрит на меня, подняв брови. — Ты рассказала ей?

Я усмехаюсь и киваю, но отвечает Мали.

— Я впечатлена, Уайлдер. Не думала, что ты на это способен. — Она поворачивается к Кэму. — Тебе нужно улучшить свою игру.

— О, я понял, — хнычет Кэм, глядя в потолок. — Это ад. Я живу в чистилище.

— Могло бы быть и хуже, — поддразнивает она, чтобы еще больше его подзадорить. — Я могла бы рассказать тебе о том, как они дважды трахались в баре.

Кэм поспешно зажимает пальцами уши. — Я каюсь, я каюсь, я каюсь!

— Ладно, — останавливает ее Хейс. — Как бы мне ни хотелось посидеть здесь и помучить Кэма своей сексуальной жизнью, мы должны попытаться выяснить, кто, черт возьми, все это затеял.

— Ты уже рассказал им о сообщении? — спрашивает Кэм.

Мы с Мали отвечаем в унисон. — О каком сообщении?

Хейс достает из кармана свой телефон и открывает его, прежде чем передать мне. — Я получил это на обратном пути.

У тебя это хорошо получается. Практика помогает достичь совершенства, верно?

— Господи, — проворчала я себе под нос, передавая телефон Мали. — Я полагала, что они будут следить за тобой.

Он пожимает плечами. — Я бы предпочел, чтобы они следили за нами, а не находились рядом с тобой.

Вот он — защитник Хейс, которого я знаю. Именно такие мелочи дают мне надежду на то, что мы будем вместе. Маленькие моменты, когда он показывает мне, что еще не совсем отпустил нас.

Хейс садится на диван и жестом приглашает меня сесть рядом с ним. Я охотно соглашаюсь, Мали занимает кресло, а Кэм садится на пол, опираясь руками на журнальный столик.

— Итак, кто может быть подозреваемым? — спрашиваю я.

Мали хмыкает. — Я бы первым делом подумала на Монти, но он мертв. — Она делает секундную паузу и смотрит между Хейсом и Кэмом. — Он ведь мертв, да? Как мертвый, мертвый?

— Да, — отвечают они в унисон, но Хейс продолжает. — Он был с нами на лодке в течение получаса, прежде чем мы выбросили его тело в океан. Он мертв, мертв.

Она кивает, принимая этот ответ и двигаясь дальше.

— А что насчет мамы Монти? — предлагает Кэм. — Лей, ты ведь ходила к ней на обед?

— Да, но я не думаю, что она вообще способна на такое, — отвечаю я. — Она избалованная, но милая домохозяйка.

— И убитая горем мать, — добавляет Хейс. — Есть ли что-нибудь, что ты могла сболтнуть или ляпнуть? Разве ты не была в ее доме, когда получила сообщение?

— Была, но, честно говоря, я не думаю, что это была она.

Кэм не выглядит убежденным. — *Честно говоря*, я не думал, что мой лучший друг может совратить мою младшую сестру, так что простите меня, если я внесу ее в свой список, несмотря ни на что.

Я поворачиваюсь к Хейсу, ухмыляясь. — Слышишь? Ты развратил меня.

Он закатывает глаза, но я вижу намек на улыбку, которая прячется под поверхностью.

— Знаешь, это может быть не мама Монти, — говорит Мали, — но это может быть кто-то из персонала.

Это первая разумная вещь, которую она сказала за весь день. — В этом есть смысл. У них был бы доступ ко всему, что делал Монти, и мотив для мести.

— Ты действительно думаешь, что человек, делающий все это безумное дерьмо, является сотрудником какой-нибудь богатой семьи? — цинично спрашивает Кэм.

— Если бы это была любая другая богатая семья, я бы сказала, что нет, — объясняет Мали. — Но Джеремайя нанимает только людей со степенью бакалавра и навыками работы в службе безопасности. Неважно, кто ты — шеф-повар или чертов садовник. Этот человек не будет шутить.

Ладно, по крайней мере, у нас есть хоть какая-то потенциальная зацепка.

Кэм выдвигает идею Лукаса из-за его бесконечной любви ко мне, но мы быстро исключаем его. Если бы это был он, он бы заставил Хейса уехать, чтобы я была предоставлена сама себе, или просто посадил бы его в тюрьму.

— А как насчет Айзека? — предлагаю я.

Судя по их лицам, они все согласны, что это возможно, но есть одна проблема.

— Он, наверное, самый вероятный подозреваемый, но никто из нас не видел его уже много лет, — говорит мне Кэм. — Насколько я знаю, он до сих пор живет где-то в захолустье, играя в хоккей.

Ладно, справедливо. Но моего предположения об Айзеке достаточно, чтобы завести речь о его брате.

— Крейг? — Хейс поворачивается ко мне. — Ты вообще что-нибудь слышала о нем?

Я фыркнула. — Даже *ты* не мог со мной связаться. Ты думаешь, Крейг мог? Думаешь, я сделала для *него* исключение?

Он усмехается и признает свое поражение. — Верно подмечено.

Пока мы пытаемся вспомнить, кто мог бы нас преследовать, тишину пререзает сигнал автомобильной сигнализации, раздавшийся снаружи. Мы все переглядываемся, прежде чем выскочить за дверь. Это соседская машина, но, поскольку фары мигают вместе с сигнализацией, они освещают место, где припаркованы наши машины.

— Кэм, включи наружный свет, — говорит ему Хейс.

Он подходит и протягивает руку к двери, включает свет, и только тогда мы имеем возможность — это увидеть.

На каждой из наших машин краской из баллончика написаны разные слова.

На машине Мали написано «ПРЕДАТЕЛЬ».

На моей — «ПРОДАЖНАЯ».

У Хейса — «ЛЖЕЦ».

Но больше всего настораживает надпись на машине Кэма — «УБИЙЦА».

— Как, блядь, мы не заметили, что они были прямо на улице? — паникует Хейс.

Кэм тяжело вздыхает. — Я не знаю. Мы все очень вымотались после сегодняшнего дня.

Нам не нужно было произносить это вслух, чтобы понять, что они могли подслушивать. Слышали каждое наше слово, когда мы пытались понять, кто они такие. Хотя, опять же, когда это не так?

Когда я смотрю на новые рисунки на наших машинах, у меня что-то щелкает. — Ну, мы можем исключить Айзека и Крейга.

— Что? Почему? — спрашивает Хейс.

Я киваю в сторону машин. — Они не знают, какая из них твоя, а какая Кэма. Смотри. Они написали «Лжец» на твоём грузовике и «Убийца» на джипе Кэма.

Все внезапно становится напряженным, когда Кэм бросает взгляд на Хейса. — Ты, блядь, еще не сказал ей?

— Что не сказал?

Хейс вздыхает. — Нет, потому что в этом нет никакого смысла!

— Ладно, почему бы нам не вернуться в дом, пока твои соседи не узнали о том, о чем они не просили, — предлагает Мали.

Мы вчетвером возвращаемся в дом, и Кэм явно взбешен, но он будет не единственным, если я не получу ответы в ближайшее время.

— Одному из вас лучше начать говорить прямо сейчас, — требую я.

Кэм смотрит на Хейса. — Ты должен ей сказать.

— Зачем? Какой в этом смысл? Все уже сделано.

— Потому что она заслуживает того, чтобы знать! — кричит он на него.

Очевидно, что Хейс не собирается говорить мне, поэтому Кэм вскидывает руки вверх и бросает бомбу, которую я никак не ожидала услышать.

— Хейс не стрелял в Монти в ту ночь, — начинает он.

— Кэм, не надо! — Хейс пытается остановить его, но Кэм делает признание, не дав ему даже шанса.

— Это сделал я.

Лейкэн

Моя челюсть практически лежит на полу, когда я смотрю на своего брата. В моей голове то и дело мелькали мысли о том, не застрелил ли Хейс Монти специально, но он не мог этого сделать. Он даже не стрелял в него.

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

Его глаза на секунду закрываются, и он вздрагивает, как будто вспоминая момент выстрела. — Это был несчастный случай. После того как мы получили доказательства того, что он снимал вас с Мали, мы пытались прижать его к стенке, чтобы он уехал из города. Сначала он вел себя так, как будто собирался достойно принять поражение, но потом достал пистолет.

— Сначала он направил его на Хейса. Он говорил о том, что он тебя не заслуживает и что ты должна быть с таким человеком, как он. Но что-то укусило его за ногу, и это отвлекло его достаточно надолго, чтобы Хейс смог выхватить у него пистолет.

Хейс возвращается на диван, опускает голову на руки, но мне нужно это услышать.

Все это.

— Как только он отобрал у него пистолет, он бросил его мне, и я направил его на Монти. Хейс сказал ему, что все кончено, и что если он не оставит тебя и Мали в покое, то мы покажем тебе видеозаписи, и тогда ты все равно не захочешь иметь с ним ничего общего. Но потом я услышал крик Мали, и это меня напугало.

— И это заставило тебя нажать на курок, — закончила я за него.

Черт возьми. В этом столько смысла. У Хейса не было причин корить себя за смерть Монти, потому что он не был тем, кто это сделал. Он просто помог убрать место преступления.

Развернувшись лицом к Хейсу, я смотрю ему в глаза. — Я не понимаю. Почему ты сказал, что застрелил его?

— Он был еще на испытательном сроке, Лейкин. И его криминальное прошлое не отличалось особой чистотой, — объясняет он. — Если бы что-то пошло не так и нас поймали, у него не было бы ни единого шанса.

— Но ты мне солгал! — кричу я, чувствуя, что моя ярость растет с каждой минутой. "Ты позволил мне поверить, что это был ты!"

— Я должен был.

— Чушь собачья! Ты мог бы мне сказать!

— Нет, не мог! — прорычал он в ответ. — Потому что, если бы все пошло прахом, и нас схватили бы за это, тебе пришлось бы выбирать между мной и своим братом! Я не собирался подвергать тебя такому испытанию!

Я насмехаюсь. — Значит, позволить мне думать, что ты мог кого-то убить, было для тебя лучшим вариантом?

Из него вырывается сухой смешок. — Это все ты. Я не виноват, что ты в меня не верила.

— О, отвали! Я знала, что ты не стрелял в него специально! Ты можешь быть мудаком, но ты не убийца. — Я останавливаюсь, качая головой. — Но ты мне солгал.

Он встает, вышагивая по полу гостиной. — Не надо мне этого дерьма. Ты тоже солгала! Ты не сказала мне ни о сообщениях, ни об угрозах, ни о том, что собиралась уйти из моей жизни!

— Это было другое! — У меня закипает кровь. — Если бы я знала, что ты не нажимал на курок, я бы, может быть, вообще не ушла!

— Ты думаешь, я этого не знаю? Что я об этом не думал? — кричит он. — Это мучило меня первые три месяца, пока тебя не было! Но даже если бы я мог вернуться, я бы все равно тебе не сказал! Мы женаты, а значит, по закону они не могут заставить тебя свидетельствовать против меня. Но то же самое не относится к Кэму. Этот закон не

распространяется на братьев и сестер. Ненавидь меня за это, сколько хочешь, но я защищал Кэма и защищал тебя!

— И что, по-твоему, означал мой уход? — кричу я, наконец-то достигнув предела. — Я защищала *тебя*!

Кэм и Мали смотрят с широко раскрытыми глазами на то, как ссора, копившаяся последние несколько недель, наконец-то разгорается, и понимают, что ничего не могут сделать, кроме как позволить этому случиться. Этого давно следовало ожидать, и ничего не получится, пока мы не разберемся с этим дерьмом. Но, учитывая то, как это происходит, я не знаю, останется ли от нас что-нибудь к концу.

— Ладно, — говорит Хейс через минуту, но в его тоне звучит яд. — Допустим, эти два фактора уравнивают друг друга. По этой части мы квиты.

Он делает пару шагов ко мне и смотрит на меня с таким возмущением в глазах, какого я раньше не видела. Даже когда я впервые появилась и пришла навестить его в больнице.

Он такой мрачный.

Злой.

Чертовски нестабильный.

— То, что ты защищала меня, оправдывает то, почему ты ушла, — усмехается он. — Но давай, попробуй оправдать то, *как* ты ушла. Скажи мне, почему это нормально, что ты ушла от меня так же, как мой отец.

Я перестаю дышать.

О. Мой. Бог.

Мои глаза наполняются слезами, когда я понимаю, что он прав. Я сделала это. Я даже не задумывалась об этом, потому что все происходило в таком чертовом вихре, и единственной моей мыслью было защитить Хейса. Я не сказала ему об этом, потому что прекрасно знала, что он бы боролся за то, чтобы я осталась здесь, и я бы не уехала.

Но я не понимала, что повторила один из худших моментов, которые когда-либо случались с ним.

— Эйч, — кричу я.

Он отступает назад, увеличивая расстояние между нами. — Да, спасибо за это.

Повернувшись, он берет ключи с тумбочки и направляется к двери.

— Куда ты идешь? — спрашивает Кэм.

— За чертовым баллончиком краски! Мне нужно закрасить это дерьмо!

Это официально: я самый худший человек на свете. Серьезно. Для таких, как я, есть отдельное место в аду. Неудивительно, что Хейс до сих пор не простил меня. Он и *не должен* меня прощать. Никогда.

Я уничтожила его.

Я на собственном опыте убедилась, насколько он испорчен тем, что его отец ушел. Он пытался скрыть это, но он был опустошен. Кэм несколько месяцев помогал ему пережить это. А потом я пошла и сделала то же самое.

Я все еще сижу, свернувшись клубочком в кресле, и плачу, думая о том, как сильно я его обидела. Честно говоря, если он больше никогда не захочет смотреть на меня, я не стану его винить. Этому нет оправдания.

Мали садится на диван рядом со мной и проводит пальцами по моим волосам.

— Он меня ненавидит, — говорю я ей.

Она вздыхает. — Нет, не ненавидит. Ему просто больно.

Но этого недостаточно. — Ну, он должен меня ненавидеть. Я ужасный человек. Он должен просто развестись со мной и найти кого-то получше.

— Пожалуйста, — говорит она. — Нет никого лучше тебя. Ну... кроме, может быть, меня.

Это должно было меня рассмешить, но я не думаю, что в данный момент что-то может это сделать. Я смотрю на нее сквозь мокрые от слез ресницы.

— Ты знала, что это Кэм застрелил Монти?

Она качает головой. — Нет, однако я знала, что он воспринимал ситуацию, когда ты ушла, как ситуацию с его отцом.

Я поворачиваюсь к ней всем телом. — Почему ты мне не сказала?

— Потому что какой от этого был бы толк? Посмотри на себя. Ты вся извелась из-за этого. Если бы я тебе сказала, ты была бы такой же, как сейчас, но ты была бы одна.

Я могла бы спорить и дальше, но какой в этом смысл? Это не сделает то, что я сделала, лучше. Ничто не сделает это лучше.

Ничто.

Когда Хейес вернулся, он закрасил граффити теми цветами, которые смог найти. Его грузовик и джип Кэма в итоге выглядят вполне нормально — черный цвет легче замазать. Но наши с Мали машины? Не очень.

— Завтра я поговорю с Эйденем и узнаю, сможет ли его отец отшлифовать и покрасить ее, — говорит он Мали.

— Это было бы здорово. Спасибо, Эйч.

Честно говоря, сейчас я меньше всего беспокоюсь о своей машине. Все мои приоритеты сейчас сосредоточены вокруг Хейса и того, как я могу исправить то, что я натворила.

— Лей, ты готова ехать? — спрашивает Кэм.

Он хочет, чтобы я сегодня ночевала у него, и настаивает на том, чтобы мы проследили за Мали до дома, чтобы убедиться, что она добралась благополучно. Но я не готова идти. Пока не готова.

Я сижу на ступеньках крыльца, когда Хейс проходит мимо меня, чтобы войти в дом. Я думаю о том, чтобы ничего не говорить, но я не могу оставить все как есть.

— Хейс, — говорю я, вставая и поворачиваясь. — Я...

Но он прерывает меня прежде, чем я успеваю произнести еще одно слово. — Не надо. Пожалуйста.

Такое ощущение, что кто-то зажал мое сердце в тиски и сжимает его до тех пор, пока оно не разорвется. Между поражением в его глазах и болью в его голосе, я сломлена внутри.

Так же, как и он.

И все это из-за меня.

— Просто эта ночь была достаточно напряженной, — объясняет он. — Я просто не могу сейчас с этим справиться.

На глаза наворачиваются слезы, и я быстро вытираю их, стараясь быть сильной. — Ладно.

Стоя на месте, я смотрю, как он заходит в дом, в котором мы жили вместе, и закрывает за собой дверь. Моя нижняя губа дрожит, и как бы я ни старалась сдержаться, у меня не получается. Я ощущаю всю боль, которую причинила ему, и знаю, что она сожрет меня заживо.

Я собираюсь навсегда потерять самое лучшее, что когда-либо случилось со мной.

Хейс и Кэм решают оставить бар закрытым еще на один день, пока они наводят порядок и меняют замки. Как бы мне ни хотелось, я решила сегодня не работать там и дать Хейсу немного пространства.

Кэм сначала был против, но я сказала ему, что это не его дело. Тогда он изменил курс и попросил меня хотя бы остаться в безопасном или общественном месте. Итак, половину дня я работаю в Starbucks, а вторую половину — в доме родителей, когда они возвращаются домой.

К концу дня я выматываюсь. Все как будто настигает меня, и единственное, что я хочу сейчас сделать, — это принять душ и переодеться во что-нибудь удобное. Кэм сказал, чтобы я не возвращалась в мотель одна. Он мне не доверяет. Но мне нужно что-то, чтобы я не чувствовала себя выброшенной на помойку.

Пока я еду в мотель, единственное, о чем я могу думать, — это Хейс. Мне нужно поговорить с ним. Искренне извиниться и сказать ему, что если он не может забыть об этом и не хочет, чтобы у нас все получилось, я пойму. Никаких обид.

Но я очень надеюсь, что он не выберет это.

Невозможно объяснить, как много он для меня значит. Поверьте, я много лет пыталась выразить это в песне. Такие чувства, с такой интенсивностью — это гарантированно стало бы платиной. Но все слова в словаре даже близко не подходят.

Я люблю его — этого недостаточно.

Он нужен мне — это тоже не то.

Все сонеты и поэмы мира меркнут по сравнению с тем, что я чувствую по отношению к нему.

Припарковав машину и выйдя из нее, я решаю попробовать позвонить ему. Прижав телефон к уху, я слушаю, как тот звонит, пока иду к своей комнате.

«Привет, это Хейс. Оставь сообщение или просто напиши мне, как нормальный человек».

Я усмехаюсь, заходя внутрь и закрывая дверь, ожидая звукового сигнала. Когда он прозвучит, я оставлю сообщение, которое, я даже не уверена, что он прослушает.

— Привет, Эйч. Слушай, я бы не хотела говорить об этом через твою голосовую почту. Это разговор для личной встречи. Но я не могу передать, как мне жаль. Клянусь, я бы никогда так не ушла, если бы заранее распознала эту связь. Обидеть тебя — это последнее, что я хотела сделать. Ты должен это знать. Ты должен знать, что я не стала бы намеренно разрывать тебя на части. Я лю...

Не успела я произнести слова, которые не произносила с ночи перед отъездом, как в комнате начался хаос. Кто-то стоит возле моего номера в мотеле, выбивая все окна в угловом блоке и разбрасывает осколки по комнате. И последнее, что записывает телефон, — это звук моего крика.

19

Хейс

Я выхожу из дома престарелых после встречи с мамой, когда замечаю, что у меня пропущенный звонок от Лейкин. И еще *голосовое сообщение* на автоответчике. Это жалко, но я уже планирую сохранить его, независимо от того, что там написано. Если она когда-нибудь снова решит уехать, у меня хотя бы останется что-то, что я смогу прослушать и услышать ее голос.

В голове пронесется все события прошлой ночи, как и весь день. Боже, как я ненавижу ссориться с ней, но в последнее время, похоже, это все, что я могу сделать. Я все еще чертовски зол на нее за то, что она ушла так, как ушла. Она не только создала новую рану, когда ушла, она еще и разорвала старую.

Я думаю, что самое страшное — это то, что она знала. Она была одной из немногих, кто знал, как мне было плохо после всего этого. Она была одним из немногих людей, с которыми мне не нужно было притворяться. Поэтому то, что она ушла от меня так же, как

это сделал он, меня чертовски расстроило.

Сев в машину, я завел ее и включил голосовую почту. Из динамика доносится голос Лейкин, и по всему моему телу разливается тепло. Потому что в этом-то и дело. Как бы я ни был взбешен и как бы сильно она меня ни обидела, она все равно остается девушкой, которая украла мое сердце прямо из груди, не дав мне ни единого шанса остановить ее.

«...Причинить тебе боль — это последнее, что я хотела сделать. Ты должен это знать. Ты должен знать, что я не стала бы намеренно разрывать тебя на части. Я лю...»

Я затаил дыхание, ожидая услышать эти слова, даже не понимая, как сильно они мне нужны, но вместо них я слышу звуки дикого хаоса. В трубке раздается звон разбивающегося стекла, и Лейкин издает пронзительный крик, прежде чем голосовая почта отключается.

Нет.

Черт! Нет!

Паника охватывает меня, когда я пытаюсь открыть приложение, которое мы все загрузили, чтобы поделиться друг с другом нашими местоположениями. Руки трясутся, ожидая, пока оно загрузится, и как только я вижу, что Лейкин в мотеле, я вжимаю педаль газа в пол.

Синие и красные огни заливают улицу, когда мой грузовик с визгом останавливается перед ее мотелем. Полицейские машины, пожарные машины и скорая помощь не позволяют мне подъехать ближе. Я бросаю машину на стоянку прямо посреди улицы и выпрыгиваю из нее.

Я судорожно оглядываюсь в поисках Лейкин, но нигде ее не вижу. Из комнаты на углу выходят два офицера, и тут я вижу, что все окна разбиты.

Это объясняет звон разбитого стекла.

Ноги сами несут меня в том направлении, пока меня не останавливает голос Кэма, зовущего меня по имени. Я оборачиваюсь и вижу, что он стоит у задней стенки машины скорой помощи, а когда фельдшер отходит в сторону, я еще никогда не испытывал такого облегчения. Лейкин сидит там, с приличного размера раной на лбу, но это гораздо лучше, чем все те ужасные вещи, которые я представлял себе по дороге сюда.

— Что, блядь, случилось? — спрашиваю я, как только оказываюсь достаточно близко.

Кэм смотрит на Лейкин, но она явно слишком потрясена, чтобы ответить. — Кто-то разбил все окна в комнате, пока она была внутри. Стекло разлетелось повсюду, и один из осколков здорово пробил ей голову.

Я выдыхаю и поворачиваюсь к Лейкин, но прежде чем я успеваю сказать ей хоть что-то, Мали протискивается мимо меня и обхватывает ее руками.

— О, слава Богу, — вздыхает она. — Ты что, с ума сошла? Какую часть фразы «Не ходи в мотель одна» ты не поняла?

Лейкин закатывает глаза и наклоняет голову к Кэму. — Спасибо, мам, но я уже получила лекцию от папы.

В том, как она обращается к Кэму и Мали, есть доля неловкости, но, возможно, это то, с чем я смогу смириться. Сейчас, однако, я сосредоточен только на одном.

— Подождите, как, черт возьми, вы оба узнали, что должны быть здесь? — спрашиваю я.

— Она позвонила мне, — спокойно отвечает Кэм. — А я позвонил Мали, когда ехал сюда.

— И ты, блядь, не подумал позвонить мне?

Он смотрит на Мали, выглядя неуверенно. — После прошлой ночи мы не были уверены, что ты этого хочешь.

— Я, блядь, *всегда* хочу, чтобы мне звонили, когда речь идет о ней! — рычу я.

Наверное, я не должен признаваться в этом, особенно перед Лейкин, но пошло оно все. Правила больше не действуют, насколько я понимаю. И Кэм должен был догадаться хотя бы прислать мне сообщение об этом.

— Думаю, можно с уверенностью сказать, что мотелей для тебя больше не будет, — говорит Мали Лейкин. — Они недостаточно безопасны.

Кэм качает головой. — Все в порядке. Она поедет ко мне.

— Хрен она поедет, — рычу я.

Все трое смотрят на меня с шокированными выражениями на лицах, но мне все равно. Этот ублюдок был с ней наедине. Он мог убить ее на хрен. У нее трехдюймовая рана на лбу, черт возьми. Если кто-то из них думает, что я упущу ее из виду, то они думают совершенно неправильно.

— Она едет ко мне, и я не хочу слышать об этом ни слова, — говорю я им.

Кэм смотрит на Лейкин в поисках ее одобрения и получает его, когда она кивает. Я подхожу к ней ближе и кладу руки ей на щеки, приподнимая ее голову, чтобы я мог хорошо рассмотреть рану. Санитары уже очистили ее, но она все еще выглядит довольно плохо. А значит, я могу только представить, как это выглядело раньше.

— Ты в порядке?

Она пристально смотрит на меня. — Я не уверена.

Чертов ад. Она снова начинает паниковать, и никакие страхи не могут остановить меня от того, чтобы обнять ее прямо сейчас.

— Иди сюда, — говорю я, притягивая ее к себе и стараясь не причинить ей боли. — Мы все решим. Хорошо? Ты в безопасности. Я обещаю.

Она прислоняет ко мне голову и находит во мне утешение, которое ищет. Не в Кэме. Не в Мали. Во мне. Именно там, где ей и место — в моих объятиях.

Все вокруг на грани, все мы знаем, что могло произойти сегодня ночью. Если раньше Лейкин не понимала, как важно, чтобы она не оставалась одна, то теперь, я уверен, понимает. Но я даже не могу сказать, что злюсь на нее сейчас.

Не могу.

Не тогда, когда я так чертовски рад, что с ней все в порядке.

— Вот черт, — вздохнула Мали.

Лейкин хмурит брови, медленно отрывает голову от меня и смотрит на свою лучшую подругу. — Что?

Но ей не нужно отвечать, потому что мы все трое следуем за ее взглядом через улицу. Я

почти не узнаю его, стоящего там с руками в карманах и веселой ухмылкой на лице. Но это он.

Это точно он.

— Когда, блядь, он вернулся? — спрашивает Кэм.

Айзек замечает, что мы смотрим на него, и вытягивает одну руку, чтобы издевательски помахать нам ею. У меня сводит челюсти, а руки сжимаются в кулаки.

— Я убью его на хрен, — рычу я.

Но когда я собираюсь сделать шаг к нему, Лейкин спешит схватить меня за руку, а Кэм останавливает меня, прижав две руки к моей груди.

— Ты что, с ума сошел? Здесь около пяти полицейских машин, — говорит он мне. — Ты и пальцем не успеешь пошевелить, как они посадят тебя за решетку.

Он прав. *Черт.* Я знаю, что он прав. Но я почти хочу рискнуть. Видя, как он наблюдает за последствиями, которые он вызвал, как будто он гордится этим... Я хочу ударить его головой о бордюр и использовать его кровь, чтобы покрасить улицу в красный цвет. Но это означает риск оставить Лейкин одну, а на это я не готов.

Я не свожу с него глаз, пока он не решает уйти. Вскоре после этого полиция и медики разрешают Лейкин покинуть территорию. Она благодарит их и встает. Я обхватываю ее за плечи и начинаю вести к своей машине.

— Подожди, а как же моя машина?

Мали кивает, чтобы она шла. — Я отвезу ее прямо к дому. Кэм может отвезти меня за моей машиной позже. Поезжай с Хейсом.

Да, эта девушка — просто божий дар.

Я не хочу выпускать ее из рук прямо сейчас. Не после такого дерьма. Кэм подходит и укладывает ее вещи в кузов моего грузовика, дважды постучав по заднему стеклу, чтобы дать мне понять, что он закончил. Я отъезжаю от места преступления и направляюсь к себе домой.

— Эйч, — вздыхает она. — Мне правда очень жаль. Я не могу поверить, что я...

Я прерываю ее, тихонько шикнув на нее. — Не сейчас.

Единственное, что меня сейчас волнует, — это то, чтобы она вернулась домой и убедиться, что с ней все в порядке. Сейчас у меня нет места для беспокойства о чем-то еще. Все это не имеет значения.

Только она.

Лейкин решает принять душ. Видимо, именно для этого она вернулась в номер мотеля, прежде чем там начался ад и посыпались стекла. Мали сидит в спальне и следит, чтобы с ней все было в порядке. Тем временем мы с Кэмом пьем пиво на кухне.

— Это должен быть он, верно? Не может же быть совпадением, что он вернулся в город,

когда происходит все это дерьмо.

Я покачал головой. — Ты же видел его лицо — весь такой самодовольный и нахальный. Это он. Это должен быть он.

Кэм крепко сжимает бутылку, отхлебывая половину пива. — Не могу поверить, что мы когда-то дружили с этим парнем.

— Нет, *ты* с ним дружил, — поправляю я. — Я терпел его во имя хоккея.

Он фыркнул. — Что ж, будем надеяться, что шайба, которую ты запустил ему прямо в яйца, сделала так, что он не сможет размножаться.

— У него не будет члена, чтобы размножаться, когда я с ним закончу.

Не могу поверить, что никто из нас не знал, что он вернулся в город. Я думал, что если бы он вернулся, то кто-нибудь из парней сказал бы мне. Но все, что произошло, было сделано под покровом темноты. Насколько мы знаем, он мог скрываться все это время, не давая никому знать о своем возвращении, пока ему не захотелось раскрыться.

— Айзек, конечно, сволочь, но он не дурак, — замечает Кэм. — Мы должны придумать, как застать его одного. Где-нибудь в укромном месте, где его свиноголового брата не будет рядом, чтобы записать, что мы с ним делаем.

Я киваю. — Загнать его в угол, наверное, будет сложнее, если он будет показываться только тогда, когда ему захочется. А если он следит за нами, то заманить его в ловушку, скорее всего, тоже не удастся.

Кэм поджал губы. — Если только он не будет знать, что это ловушка.

— Я слушаю.

Но он не стал сразу объяснять. Вместо этого он достает телефон и звонит.

— Оуэн, привет, — говорит он. — Помнишь, когда из-за Моррисона меня арестовали, ты сказал, что хочешь помочь?... Да, мне нужна услуга.

Когда Мали начинает зевать, Кэм решает уйти. Он говорит, что им еще нужно забрать ее машину, но мы-то знаем, что она просто переночует у него. Точно так же, как я сейчас не спускаю глаз с Лейкин, он чувствует такую же заботу о ней.

Я не совсем в курсе его плана, но он, похоже, уверен, что его идея может сработать. Просто это займет немного времени. Но если в конце концов я останусь наедине с Айзеком, я не буду возражать против того, чтобы какое-то время оставаться в неведении.

Лейкин сидит на диване и устало смотрит в пространство. Глубоко вздохнув, я подхожу к ней и протягиваю руку. В ее глазах застыл страх, когда она наклонила голову, чтобы посмотреть на меня.

— Давай ложиться спать, — говорю я ей.

Она вздыхает, кивает и берет меня за руку.

Мы не говорили о том, как будем спать. Только то, что это будет под моей крышей. Но,

честно говоря, сейчас я даже не хочу отпустить ее в другую комнату. Он доказал, что запертая дверь его не удержит, а значит, она всегда будет рядом со мной.

Когда мы поднимаемся по лестнице, она поворачивается в сторону комнаты для гостей, но я останавливаю ее, чуть крепче сжав ее руку.

— Что ты делаешь? — спрашивает она.

Я киваю в сторону нашей общей спальни. Ту самую, в которой я не спал с той ночи, когда она ушла. — Ты знаешь, что эта кровать удобнее, и я не смогу заснуть, если тебя не будет рядом со мной.

Ей не нужно много времени, чтобы сдаться. Честно говоря, она кажется слегка довольной этой идеей. Но когда мы входим в комнату, я чувствую, как у меня сжимается грудь при мысли о том, что я снова буду спать здесь с ней.

— Ты можешь занять кровать, — говорю я ей, хватая подушку и бросая ее на пол.

— Что? Почему?

Я потираю затылок. — Я не хочу причинять тебе неудобства.

Это не совсем ложь. Спать вместе — это совсем другая близость, чем секс. И последний раз, когда мы лежали в этой постели вместе, прокручивается у меня в голове с того самого дня, как она вернулась.

Она усмехается. — Хейс, мы буквально *вчера* занимались сексом. Я не думаю, что совместное использование одной и той же массивной кровати вызовет какие-то неудобства.

Черт. — Ладно.

Я наклоняюсь и беру подушку, кладу ее обратно на кровать, игнорируя голос в голове, кричащий, что это плохая идея.

Достаточно того, что она одета в шорты и одну из моих футболок. Конечно, это моя вина. Я знал, что так ей будет комфортнее после душа, поэтому взял ту, что была на ней, и поменял ее на свою. Но я не услышал от нее ни одной жалобы по этому поводу.

Я разделся до одних боксеров и подождал, пока она заберется в постель, прежде чем выключить свет. Как только она улеглась, я щелкнул выключателем и подошел к кровати, чтобы лечь рядом с ней. Мне никогда не нравилось, что эта кровать большая, но это не имело значения, когда мы оба спали посередине. Но сейчас я жалею, что это не двуспальная кровать.

Она слишком далеко. Конечно, я могу протянуть руку и дотронуться до нее, но этого недостаточно. Мне нужно, чтобы ее тело было прижато к моему, а мои руки обвивали ее. Но какая-то доля тревоги не дает мне этого сделать, а я и так сейчас на взводе.

Мы лежим вдвоем, и, как ни странно, звук ее дыхания и осознание того, что она рядом, успокаивают меня. Мой мозг затихает, когда я слушаю ее ровное дыхание. Но когда мои глаза закрываются, мне кажется, что я сплю всего пару минут, прежде чем просыпаюсь от резкого вздрагивания.

— Что случилось? — спрашивает Лейкин.

Должно быть, она почувствовала, как затряслась кровать, или услышала мой вздох.

— Ничего, — уверяю я ее. — Я в порядке.

— Хорошо, — шепчет она в темноту. — Спокойной ночи, Эйч.

— Спокойной ночи.

Я закрываю глаза, желая, чтобы сон наконец-то завладел мной, но каждый раз, когда это происходит, я просыпаюсь от толчка, думая, что она снова ушла. Я смотрю на нее и вижу, что она смотрит на меня с обеспокоенным выражением лица.

— Я никуда не уйду, — говорит она так, словно у нее есть прямая связь с моими мыслями.

Я хочу сказать ей, что знаю, что это не так, но не могу. Мой рот не может подобрать слова. Мне никогда не сопутствовала удача, и я боюсь, что если я скажу это, то сглажу, и она снова уйдет.

Поэтому я молчу, двигаюсь, чтобы устроиться поудобнее, и заставляю себя закрыть глаза.

Когда это происходит в третий раз, я решаю просто не спать всю ночь, но у Лейкин, похоже, есть идея получше. Она садится, проводит пальцами по волосам и придвигается ближе. Я наблюдаю, как она наклоняется ко мне, случайно касаясь своим телом моего лица. Это сразу же заставляет меня захотеть ее, но она на задании.

Она открывает ящик тумбочки, лезет туда, и я слышу безошибочный звук наручников. Я купил их после нашей небольшой стычки с полицией на аэродроме, но сегодня они будут использоваться по-другому.

Когда она начинает отходить, я не могу удержаться. Я тянусь к ней, кладу руку на ее шею и притягиваю ее к себе. Ее губы прижимаются к моим, и мы оба вздыхаем. За этим не было никаких намерений. Я не пытаюсь залезть к ней в штаны, хотя, видит Бог, мне этого хочется. Это просто мягкий, нежный поцелуй, потому что я не мог больше сопротивляться.

— Хейс, — вздыхает она. — Что мы делаем?

Я целую ее еще раз, выигрывая время, чтобы придумать ответ, но у меня его все еще нет. — Мне очень жаль.

Она качает головой. — Не извиняйся. Не за это.

Перевернувшись на бок, я раскрываю ей объятия, и она скользит вниз, чтобы поудобнее устроиться рядом со мной. Я, наверное, запутал ее до смерти. Да я и сам запутался.

— Я еще не разобрался со всем этим в своей голове, — пробормотал я. — Я не знаю, что будет дальше, но я знаю, что мне нужно было поцеловать тебя.

Этого мало, но для нее достаточно. Она удовлетворенно выдыхает и прижимается ко мне ближе, а затем берет мое запястье и застегивает на нем один из наручников. Затем она надевает второй на себя.

— Вот так, — решительно говорит она. — Теперь я никуда не смогу уйти, а ты сможешь немного поспать.

Ухмылка расплзается по моему лицу, когда я пользуюсь возможностью поиздеваться над ней. — Наверное, мне следовало упомянуть, что у меня нет ключа от них.

Но она не испугалась, как я думал. Она даже не открывает глаза. Она просто хмыкает.

— Тебе что, все равно? — спрашиваю я.

— Нет, — устало отвечает она. — В мире есть вещи похуже, чем быть прикованной к тебе.

Эта мысль звучит в моей голове по кругу, пока я засыпаю с улыбкой на лице. И если это будет лучший сон за последние полтора года, то так тому и быть.

Прошла примерно неделя, но план Кэма действительно работает. Он состоял из нескольких этапов, и сотрудничество Оуэна только еще больше подтвердило его преданность. Сначала он зашел в бар, где, как он знал, находился брат Айзека, но не признал их. Он сделал вид, что напился, а затем принялся поливать дерьмом Shore Break, после чего заявил, что мы с Кэмом — придурки, которые ничего не смыслят в управлении баром.

После этого появление Айзека было лишь вопросом времени. Он сделал вид, что это просто совпадение, что они столкнулись, и сказал, что приехал всего на пару недель. Оуэн сделал вид, что поверил каждому слову, и искренне изобразил, что рад его снова видеть.

Завоевать доверие Айзека было несложно. В конце концов, они были хорошими друзьями, пока он не зашел слишком далеко в этой войне против меня и Кэма. Поэтому, когда Оуэн позвонил Айзеку и попросил его приехать поиграть в видеоигры, сказав, что столкнулся с Кэмом в магазине и чуть не набил ему морду, Айзек не смог устоять.

Мы сидим совершенно тихо, не высовываясь из-за двери, пока ждем его прихода. Нет слов, как сильно мне хочется наложить руки на этого урода.

Из-за него ушла Лейкин.

Из-за него Кэм чуть не попал в тюрьму.

Из-за него Мали до сих пор не хочет оставаться наедине с мужчиной, если это не Кэм или я.

Все, что с ним сейчас произойдет, он, блядь, заслужил. Он может думать, что мстит за смерть своего друга, но все, что он делает, это дает мне повод избавить мир от еще одного ублюдка, который, размножаясь, сделает мир только хуже.

Вслед за стуком в дверь раздается голос Айзека. — О, это я. У меня есть пиво.

Я поворачиваю кепку так, чтобы она сидела на голове задом наперед, пока Оуэн идет ее открыть. Он смотрит на нас, чтобы убедиться, что мы готовы, и поворачивает ручку. Входит Айзек, как будто он живет своей лучшей жизнью, одной рукой он бьет Оуэна по кулаку, а в другой держит упаковку с шестью бутылками.

— Как дела, дружище? — спрашивает он. — Жаль, что ты не ударил этого урода. Он это заслужил.

Кэм мрачно усмехается. — Да, очень жаль.

Глаза Айзека расширяются, но прежде чем он успевает пошевелиться, я хватаю его и бросаю к стене. Мой кулак врезается ему в живот, и он сгорбился от боли.

— О, прошу прощения, — притворно беспокоюсь я. — Больно? Давай я тебе помогу.

Я толкаю его голову вниз, и мое колено поднимается, ударяя его по лицу и ломая ему нос, точно так же, как он сломал мой. Кровь вытекает, и он смотрит на Оуэна в поисках помощи, но не находит ее.

Не для того он затеял это дерьмо.

Кэм смотрит на пиво, которое упало на пол, когда я ударил его коленом в лицо, и бросает взгляд на Айзека. — Вот это уже нарушение правил вечеринки.

Он подходит, берет одну бутылку из упаковки и ударяет ее о стол, чтобы сорвать крышку. Когда ты владеешь баром, у тебя это хорошо получается. Все, что угодно, лишь бы облегчить себе работу. Хотя, скорее всего, нам придется заменить барную стойку раньше, чем следовало бы.

Сделав глоток, Кэм вздохнул с облегчением. — Не бери в голову. Мы в порядке.

Я закатываю глаза и обращаю свое внимание на Айзека. — Ты играл в свою маленькую гребаную игру, но сегодня она закончится.

Он поворачивает голову в сторону, чтобы сплюнуть кровь на пол Оуэна. — Я не понимаю, о чем ты, блядь, говоришь.

Да, я этого ожидал. — Ты думаешь, я тупой? Мы видели тебя вчера!

— Я проходил мимо и подумал, какого черта тут происходит, — усмехается он. — И да, было приятно видеть, как люди получают заслуженную карму.

Я взглянул на Кэма. — Ты веришь этому куску дерьма?

— Неа, — говорит он, похлопывая пальцами по горлу бутылки.

— Я тоже.

Крепко схватив его за шею, я отбрасываю его голову в сторону от телевизора. У него кружится голова, но я не даю ему ни секунды на то, чтобы прийти в себя, отбрасывая его обратно к стене.

— Если ты не трахнешь его сегодня, то можно это сделаю я? — шутит Мали.

Лейкин усмехается. — Ты шутишь? Я люблю тебя и все такое, но я хуже его умею делиться.

Я в этом сильно сомневаюсь.

Когда он немного ошеломлен, я полез в карман и взял его телефон. Когда я поворачиваюсь и передаю его Мали, я замечаю, как они обе смотрят на меня, словно я надрала Айзеку задницу исключительно ради их развлечения.

— Хватит пялиться, займитесь делом, — говорю я им.

Но Лейкин не знает стыда, поскольку она ухмыляется. — Могу ли я пялиться и приносить пользу?

Непроизвольный смех вырывается из меня, когда я оборачиваюсь, чтобы убедиться, что Айзек не отходит от стены. Мали открывает телефон и поворачивает его к Айзеку лицом, чтобы разблокировать его. Он пытается отвернуться, но я крепко хватаю его за подбородок и заставляю смотреть в камеру.

— Все пройдет гораздо проще, если ты будешь сотрудничать, — лгу я.

Если честно, ему в любом случае крышка.

Как только Мали получила то, что ей нужно, я отпустил его подбородок и заметил, что его кровь попала мне на руку. *Какая гадость.* Я вытираю ее его толстовкой, потому что нефиг пачкать свою одежду. Но тут что-то привлекает мое внимание.

— Что это, приятель? — дразню я его, указывая на пятнышки красной краски на его толстовке. — Что ты делал с краской из баллончика?

— Это старая, — врет он. — С тех пор, как мы покрасили лед в тот раз, когда озеро замерзло, чтобы мы могли играть на нем в хоккей. Я не носил эту толстовку уже несколько лет.

Кэм усмехается, делая еще один глоток пива, которое Айзек неосознанно принес для

него. — Тебя что, слишком сильно приложили о борт или что-то в этом роде? Мы не вчера родились.

Немного странно видеть Кэма таким спокойным, пока мы разбираемся с этим. Но я сказал ему по дороге сюда, что я беру это на себя. Я хочу убедиться, что всю боль, которую он испытает, — от моих рук.

— В его сообщениях ничего нет, — говорит Мали. — Но есть приложение для отправки сообщений с неизвестного номера, которое тоже стерто.

Я разражаюсь саркастическим смехом. — И зачем оно тебе понадобилось?

— Не твое собачье дело, — прошипел он.

Боже, как мне нравится, когда он ведет себя так, будто он здесь главный. Это делает его крик гораздо более приятным, когда мой кулак врезается в его уже сломанный нос.

— Неправильный ответ.

Мали хмыкает. — Почему у тебя два приложения для калькулятора?

Его глаза расширяются, и он пытается оттолкнуться от стены, но он слишком слаб, чтобы бороться со мной. Достаточно одного нажатия моей руки, чтобы удержать его на месте.

— Это приложение «Секретное хранилище», — говорю я ей. — Открой его.

Она делает это с таким видом, будто играет в свою любимую игру, что делает ее еще более опасной. Seriously, Кэму придется несладко, если он когда-нибудь причинит ей боль.

— Ооо, — воркует она. — Айзек, ты был плохим мальчиком!

Айзек опускает голову, когда Лейкин подходит ближе к Мали. — Дай мне посмотреть!

В трубке раздаются стоны, и Лейкин хихикает.

— Детка, я знала, что ты хорошо целишься, но, черт возьми, — говорит она мне. — Тебе действительно нужно было хорошо сосредоточиться, чтобы попасть в эту маленькую штучку.

Я поворачиваю голову и смотрю на нее. — Перестань смотреть на его гребанный член и дай мне телефон.

Она закатывает глаза, забирая телефон у Мали и передавая его мне. — Ты портишь мне все удовольствие.

— Продолжай в том же духе, и единственным, кто будет веселиться позже, буду я, — предупреждаю я.

Кэм подходит, и мы смотрим видео. Он ничего нам не сказал, но у нас уже достаточно доказательств. Мы делаем это не совсем законным способом, так что все остальное не имеет значения, пока мы знаем правду. Однако это секрет, который, я уверен, он не хотел бы раскрывать.

— Боже мой, — хмыкнул Кэм, протягивая видео Оуэну. — Ты должен увидеть это дерьмо.

— Так, так, так, — медленно говорю я. — Как бы отнесся дорогой папочка, если бы узнал, что ты трахаешь его жену?

Если бы взгляды могли убивать, я бы сейчас уже горел. К сожалению, для него, это не работает. Но, как он уже говорил, приятно видеть, как люди получают заслуженную карму.

— Держу пари, что этот трастовый фонд и бесконечный поток денег быстро иссякнут, если он узнает.

Не желая больше его удерживать, я отпускаю его и подхожу к Кэму. Взяв телефон Айзека, я отправляю видео себе, Кэму и Мали. Лейкин это точно не нужно, поэтому я пропускаю ее. Закончив, я бросаю телефон к его ногам.

— Еще раз подставишь нас, и я позабочусь о том, чтобы это видео разослали во все СМИ в округе, а для твоего отца я устрою целое представление в кинотеатре. Я ясно выразился?

Он выдохнул, вытирая рукой кровь с лица. — Да.

Я надуваю нижнюю губу, подхожу ближе и глажу его по щеке. — О, не смотри так грустно. Я говорил тебе, что если ты еще раз приедешь в город, то я перережу тебе горло. А ты легко отделался!

Лично я хотел его убить. Я планировал поступить со всеми по-честному и разорвать его на части, но Лейкин была не согласна. Она отметила, что мы сразу же попадем под подозрение — особенно Кэм, после того, что случилось тем летом. А мы не профессионалы в том, чтобы избегать наказания за убийство. Так что, к сожалению, этот ублюдок останется в живых.

Повернувшись, я кивнул Оуэну. — Спасибо, чувак. Увидимся в пятницу?

Он ухмыляется. — Обязательно.

Кэм бьет Оуэна кулаком, и мы выходим за дверь, когда Мали останавливается перед Айзеком. Лейкин оборачивается, чтобы посмотреть, что она делает.

— Мэл, ты идешь?

Она кивает. — Только сначала нужно сделать одну вещь.

Айзек поднимает голову, чтобы посмотреть на нее, и страх наполняет его глаза. — Мэл, послушай. Мне очень жаль. Я действительно думал, что мы просто развлекаемся. Я не—

Мы все смотрим, как она отступает назад и бьет его по яйцам с такой силой, что даже *меня* начинает тошнить. Айзек испускает высокочастотный вопль, падая и сворачиваясь калачиком на полу.

— Никогда больше не произноси мое гребаное имя.

Как будто щелкнул выключатель, она ярко улыбается, подчеркивая это своим солнечным настроением, идет к Лейкин и обнимает ее за плечи.

— Пойдемте.

Мы вчетвером спускаемся на лифте и выходим из дома Оуэна. Когда солнце бьет мне в лицо, я хватаю свои солнечные очки, которые висят на воротнике футболки, и надеваю их. Я чувствую на себе взгляд Лейкин, которая идет рядом со мной.

— Что? — спрашиваю я.

Она ухмыляется, глядя вперед. — Ничего. Просто было жарко смотреть, как ты так расправляешься с ним.

Я весело хмыкаю, но не могу игнорировать то, что чувствую себя немного обманутым. — Представь, если бы ты сказала об этом, когда все только началось. Тогда бы я мог покончить с ним.

Лейкын

Это странное ощущение — не оглядываться через плечо, когда ты уже давно к этому привык. Страх, что за тобой постоянно следят, через некоторое время становится постоянным элементом твоей жизни, и даже когда это прекращается, он не проходит до конца. Хотя, если честно, мне трудно поверить, что все это действительно закончилось.

Уж слишком все просто. Даже слишком просто. Если так можно выразиться, разочаровывающе просто. Ведь этот человек приложил немало усилий, чтобы добраться до нас. Он все знал. Постоянно следил за нами.

Даже убил кого-то.

Я просто не уверена, что Айзек способен на все это. Он, конечно, отброс человечества. Но чтобы до такой степени зловещий? Я знаю его с восьми лет, когда он только начал играть в хоккей с Кэмом. Я в этом не уверена.

Но Мали говорит мне, что я просто параноик, а Хейс считает, что я страдаю от посттравматического стрессового расстройства. Он считает, что мне нужно с кем-то поговорить. Может быть, он прав. Это же не больно. Черт возьми, они могут знать, что мне делать с Хейсом.

После разговора с Айзеком мы с Хейсом договорились, что я останусь еще на несколько дней, чтобы убедиться, что ничего больше не случилось. Он опасался мести, а я больше думала о том, что если, не дай Бог, мы что-то перепутали. Но в итоге ничего не произошло.

А я так и не ушла.

Мы не разговаривали об этом, и не потому, что не пытались. Поверьте, я пыталась. Но каждый раз все заканчивается тем, что мы ссоримся, а потом быстро теряемся друг в друге. Иногда даже кажется, что мы ссоримся, чтобы найти повод потрахаться, как в тот день, когда мы поссорились из-за того, что я забыла воспользоваться подставкой. Никогда в жизни он не пользовался подставками, но в тот день он был чертовски озабочен их важностью.

И если я намеренно не воспользовалась одной из них позже в тот вечер, чтобы мы могли пойти на второй раунд, я не буду извиняться за это.

Доходило до того, что я искренне задавалась вопросом, не существует ли в этом доме какого-то странного фэн-шуя, который заставляет сексуальное влечение разгораться с новой силой. В этом было бы столько смысла, если бы не сексуальное напряжение, возникшее между нами даже в баре.

И в доме Кэма.

И в грузовике.

И... ну, вы поняли.

Я пыталась поговорить об этом с Мали, но она не видит в этом проблемы. Как ей кажется, Хейс просто пытается дать нам вернуться к нормальной жизни. Так сказать, убрать все под ковер, но для меня все не так просто. Он не такой, как раньше. И я знаю, что так и

должно быть. После всего случившегося мне повезло, что он до сих пор смотрит в мою сторону.

Но я бы хотела знать, есть ли хоть какой-то шанс, что мы когда-нибудь вернемся к тому, что было до того, как я ушла и все испортила.

Я сижу на острове и смотрю, как Хейс готовит ужин. Ну... ладно, готовить — это очень щедрое слово для того, что он делает. Почти уверена, что все, что он пытается приготовить, не выйдет съедобным, но когда я попыталась ему помочь, он сказал, что сам справится и что моя помощь ему не нужна.

Так что я запрыгнула своей маленькой задницей на остров и теперь с удовольствием наблюдаю, как он едет на автобусе в город неудачников.

Не слишком ли поздно заказывать пиццу?

— Думаю, завтра я пойду с тобой в бар, — говорю я ему. — В студии никого нет, так что мне просто нужно поработать над текстом, и я думаю, что смогу сделать это там.

Он пожимает плечами, не отрывая глаз от «еды» перед собой. — Это прекрасно. Как хочешь.

Как же он меня раздражает. Каждый раз, когда я пытаюсь его раскусить, он закрывается с единственной целью — не впускать меня. Как будто он хочет получить всю меня, но не хочет отдать мне всего себя взамен.

Забавно — очень похоже на то, как мы начинали.

— Мне не обязательно, — спокойно отвечаю я. — Я могу пойти потусоваться на катке. Лукас сказал мне в прошлую пятницу, что я должна как-нибудь зайти.

Все его тело напрягается. — Правда?

— Да...

— Хм. Это интересно.

Мои ноги перестают качаться. — Почему это интересно?

Он снова пожимает плечами. — Я просто не знал, что у него есть желание умереть. Вот и все.

Из меня вырывается смешок. — Ты знаешь Лукаса так же давно, как и Кэма.

— Да, а это значит, что я слышал почти все его попытки подкатить к тебе, — рычит он. — Но если ты хочешь пойти, то иди. Уверен, Райли понравится побыть со мной наедине в баре до того, как придет Кэм.

Чертов шах и мат. — Дождись меня утром. Я пойду с тобой.

— Как скажешь, Рочестер, — говорит он, оглядываясь на меня и подмигивая.

Я закатываю глаза. — Придурок.

Он усмехается, когда наконец полностью поворачивается ко мне лицом. — Я не виноват, что ты ревнуешь больше, чем я.

— О, — смеюсь я. — Правда?

— Угу. — Он делает шаг ближе.

Я бросаю на него знающий взгляд. — Так вот почему ты, черт возьми, чуть не отравил Финна в тот день?

Он изображает из себя скромника. — Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Нет?

— Нет. Я просто недостаточно хорошо промыл линии.

Хмыкнув, я протягиваю руку вперед и продеваю пальцы в петли его ремня. — Тебе действительно следует быть осторожнее с этим.

— Я знаю. — Его губы скользят по моим. — Кто-то может пострадать.

Как раз в тот момент, когда мы собираемся сократить расстояние между нами, я вижу дым, поднимающийся из-за его спины. Я наклоняюсь в сторону и замечаю, что еда чернеет на сковороде, и от нее исходит запах гари.

— Э, Эйч?

Он оборачивается и откидывает голову назад, когда видит это. — Твою мать!

Я прижимаю кулак ко рту, пытаюсь сдержать смех, но это мало помогает, так как он выключает конфорку и понимает, что ничего из этого уже не спасти.

— Ну что, теперь я могу сказать, что я тебе говорила? — поддразниваю я.

Повернувшись на пятках, он впивается в меня взглядом. — Это твоя вина.

— Нет, нет. Это ты отвлекся.

— Да, потому что ты, блядь, отвлекаешь! — хмыкает он.

Но я только хмыкаю в ответ. — Не надо было отвлекаться.

В его глазах что-то есть. Что-то среднее между разочарованием и решимостью. И он хватает сковороду, вываливая ее содержимое в мусорное ведро.

— Вот так, — заявляет он. — Я попробую еще раз. У меня достаточно ингредиентов, чтобы начать с нуля.

Боже мой, он пытается уморить меня голодом. — Хейс.

— Нет. Здесь нет никакого Хейса. Только шеф-повар Уайлдер.

— Шеф-повару Уайлдеру лучше работать барменом, — шучу я.

— Ты просто подожди, — говорит он, стоя перед холодильником, пока я достаю телефон и звоню в нашу любимую местную пиццерию. — От этого блюда у тебя голова пойдет кругом. Вот увидишь.

Я подношу телефон к уху как раз в тот момент, когда он поворачивается. Его глаза сужаются, и я не свожу с него взгляда, пока мне отвечают.

— Пицца Антонио.

— Да, я хотела бы сделать заказ на доставку пиццу, — говорю я ему, стараясь не рассмеяться при виде того, как у Хейса отпадает челюсть.

— Хорошо. Что вы хотите заказать? — спрашивают меня.

Но прежде чем я успеваю сделать заказ, Хейс бросает все, что держит в руках, и подходит ко мне, чтобы подхватить на руки. — Ну вот и все. Я съем тебя на ужин.

Я визжу, понимая, что уронила телефон, и бедный работник, вероятно, услышал это. — Хэйс! Теперь мы больше не сможем заказывать оттуда!

— Какая жалость, — говорит он, явно не обращая на меня внимания, пока несет меня вверх по лестнице.

Кому вообще нужен ужин?

Я вместе с Мали стою в баре и наблюдаю из другого конца зала, как Хейс работает за стойкой. Сейчас, когда началось лето, субботы здесь просто сумасшедшие. Днем здесь постоянный поток людей, а ночью — полный завал. Когда Кэм проходит мимо, я окликаю его по имени.

— Ребята, вам нужна помощь? — спрашиваю я его.

Он откидывает волосы с лица и выглядит измученным. — Да, но тебе нельзя стоять за стойкой.

— Почему?

— Потому что тебе нет двадцати одного года.

Я нахмурила брови. — Мали тоже нет, но вы же разрешали ей работать барменом раньше.

Он шикает на меня и оглядывается по сторонам, подходя ближе. — Говори тише. Мали делала это в межсезонье. Это другое дело. Тогда у нас меньше шансов попасться.

Я пожимаю плечами. — Мое поддельное удостоверение выглядит вполне настоящим. Даже полицейский не смог бы его вычислить.

— Чувак, — перебивает Мали. — Почему ты умоляешь его разрешить тебе *работать*?

Мои губы сжимаются, когда я понимаю, что она права.

Кэм посмеивается. — Хотя спасибо за предложение.

Я киваю и смотрю, как он возвращается к бару, а затем мой взгляд переключается на Хейса, который улыбается, подавая кому-то напиток. Он выглядит таким счастливым, и мне очень нравится, когда он такой. Мне всегда хочется оставаться на его орбите.

Игривый Хейс — мой второй любимый Хейс.

— Ах, — говорит Мали. — Теперь я поняла. Тебе нужен был повод, чтобы быть рядом с Хейсом.

Я насмехаюсь. — Нет. Я просто пыталась быть полезной.

Кивнув, она бросает на меня свой лучший взгляд, выражающий недоверие. — Конечно, так оно и было.

Черт. — Да пошла ты. Ты можешь меня винить? Я тут с ума схожу.

— Он так и не дал тебе ничего, на что можно было бы опереться?

— Нет. Ничего. Такое впечатление, что ему нравится меня мучить.

Она делает глоток содовой. — Да, ему это нравится.

— Ты — Сатана, — говорю я.

Мали смеется в свой стакан. — Что? Я думаю, что ты единственный человек, которого я знаю, который занимается лучшим сексом в своей жизни и при этом жалуется на это.

— Потому что в этом-то все и дело, — хнычу я. — Это не лучший секс в моей жизни. Я имею в виду, он потрясающий. Я не говорю, что это не так. Он безумно талантлив. Но самый лучший секс был два лета назад, когда он любил меня так же сильно, как и трахал. У него был такой способ заставить меня почувствовать, что я единственная женщина, на которую он обращает внимание.

— Ты все *еще* единственная женщина, на которую он смотрит, — возражает она.

Тяжелый вздох вырывается из моих губ. — Я знаю, но я говорю тебе. Что-то изменилось. Он все еще отдаляется и держит меня на расстоянии, и я не знаю, как это исправить.

Она оглядывается на бар, а затем улыбается мне. — Для начала ты могла бы поговорить с ним. Может быть, его внимание к тебе хоть немного поможет.

— Просто так? Мэл, он занят.

Схватив мой стакан с водой, который был пуст лишь наполовину, она опрокидывает его в рот и допивает остатки, хлопнув стаканом о стол, когда закончила. — Вот. Теперь тебе нужно еще что-нибудь выпить. А мне нужно в туалет.

Она тащит меня к бару по пути в туалет и почти пихает меня на свободное место. Хейс слегка поднимает на меня брови, и я понимаю, что теперь у меня нет выбора.

В последнюю секунду мне приходит в голову идея, и я с ухмылкой подхожу к барной стойке и сажусь — именно то, что я не должна была делать.

— Ты же знаешь, что не можешь здесь сидеть, — говорит он мне, стоя с надвинутой на глаза кепкой и скрестив руки на груди, прислонившись к стойке.

Я делаю вид, что осматриваюсь. — Я? Я просто хочу выпить.

Он одаривает меня улыбкой, от которой я практически готова кончить на месте, и отталкивается от стойки, чтобы подойти ближе. — Хорошо. Что тебе принести?

— Джек с колой.

Я вижу, что ему это нравится, по тому, как он хмыкает. — Сейчас принесу один «Ширли Темпл».

Бросив на него взгляд, я лезу в задний карман и достаю свое поддельное удостоверение. Я кладу его на барную стойку перед собой и подталкиваю к нему. Он раздражается смехом, берет его, смотрит на него, а затем убирает в свой задний карман.

— Ты не можешь просто так взять и оставить себе мое удостоверение, — говорю я ему.

Он пожимает плечами. — Конечно, могу. Это фальшивый документ. Это не твоя фамилия.

Подмигнув, он оставляет меня в полном недоумении и уходит.

На моей гребаной подделке указана фамилия Бланшар.

Я клянусь, что он делает это, чтобы помучить меня. Время от времени он говорит что-то подобное, и я провожу следующие три дня, обдумывая это и гадая, что, черт возьми, это может означать.

Вот, например, это. Он говорит, что хочет, чтобы я по-прежнему носила фамилию Уайлдер? Он сказал мне, когда я приехала сюда, что не даст мне развода, но он был таким озлобленным, а я все равно этого не хотела. Я бы соврала, если бы сказала, что не беспокоюсь о том, что однажды он вернется домой с этими бумагами. Мне снились кошмары, как он оставляет их на столе и говорит, что ему очень жаль, но он просто не думает, что у нас все получится.

— Как ты можешь с ним так разговаривать? — спрашивает женщина, сидящая рядом со мной. — Ты не нервничаешь и не забываешь, как говорить, когда он на тебя смотрит?

Мне требуется секунда, чтобы понять, о чем она говорит, и тут меня осеняет.

О, Господи.

— Я знаю его довольно давно, — отвечаю я.

Она не сводит глаз с Хейса, вздыхая. — Повезло. Я приезжала сюда почти каждые выходные, пытаюсь набраться смелости и попросить у него номер телефона.

Я поперхнулась собственной слюной, и мне пришлось откашляться, прежде чем я прочистила горло. — О. Ну, не хочу тебя расстраивать, но он женат.

У нее отпадает челюсть. — Правда?

— Да, — говорю я ей, глядя на Хейса. — Его жена — полная стерва, но он почему-то не хочет с ней разводиться. Я не знаю.

Я смотрю, как он смеется, и понимаю, что он только что услышал каждое слово. Он опускает пару вишен в стакан и подносит его ко мне, ставя «Ширли Темпл» передо мной. Я смотрю на него снизу-вверх и снова на него.

— Это не то, что я заказывала.

Он улыбается и отходит назад. — Еще три недели.

От его подмигивания мне хочется утащить его в подсобку. Кто-то поднимает руку с другой стороны бара, чтобы привлечь его внимание, но перед самым уходом он останавливается и смотрит на меня.

— Постарайся, чтобы Мали не выпила и это.

Я улыбаюсь, уткнувшись языком в щеку, потому что, конечно, он наблюдал за мной. Он всегда следит за мной, даже когда я думаю, что это не так. Но я не жалуясь. Он может смотреть на меня в любое время, когда захочет.

Проблема с парнями в баре заключается в том, что как только они начинают получать кайф, они становятся либо полными идиотами, либо слишком наглыми. Редко можно встретить человека, занимающего золотую середину между этими двумя вариантами. Обычно это происходит потому, что они находятся в компании друзей и хотят произвести на них впечатление, подцепив «горячую штучку», с которой можно пойти домой.

Иногда с ними все в порядке. Меня беспокоит, когда они не принимают отказа. Возьмем, к примеру, этого парня. Было довольно забавно, когда он набрался смелости и предложил нам с Мали заняться сексом втроем. Мэл даже сделала вид, что на секунду задумалась, пока мы обе не разразились смехом. Но, видимо, он воспринял это как приглашение остаться. Мы даже пытаемся переместиться в другую часть бара, но он, похоже, не понимает намека.

— Что ты пьешь, милая? — спрашивает он. — Давай я тебя чем-нибудь угощу.

Я вежливо качаю головой. — Нет, я в порядке. Но спасибо.

— Я настаиваю. — Он поднимает руку и наматывает на палец прядь моих волос. — Нельзя, чтобы такая красивая девушка, как ты, страдала от жажды.

Я делаю шаг назад, чтобы увеличить расстояние между нами. — Серьезно, я польщена, но мне это неинтересно.

— Это просто потому, что ты еще ничего обо мне не знаешь, — нажимает он. — Дай мне шанс, прежде чем исключать меня.

Этот парень выглядит достаточно старым, чтобы быть моим отцом, и мне интересно, знает ли он, что пристает к двадцатилетней. Но пока я легальна, думаю, его это не волнует.

Я вижу, что Мали собирается вмешаться, потому что она опускает свой бокал на высокий столик рядом с собой. Но как только он хватается за руку и пытается притянуть к себе, из ниоткуда появляется Хейс и бьет его прямо по лицу.

Парень ударяется о другой столик, расплескивая напитки и падая на пол. Хейс разжимает руку, а глаза Мали расширяются.

— Что ж, приятно видеть, что его пещерные наклонности так же сильны, как и раньше.

Я вздыхаю, глядя на Хейса, который, кажется, ничуть не сожалеет о том, что только что ударил клиента в своем собственном баре. Кэм, который видел все это, бросается к нам и оставляет Райли в одиночестве обслуживать бар.

— Мне очень жаль, сэр, — говорит он пьяному парню. — Давайте я помогу вам подняться.

Когда парень встает на ноги, Кэм убеждается, что вся его одежда на месте. Но то, как он смотрит на Хейса, говорит нам с Кэмом о том, что необходимо устранить последствия.

— Разберись с ним, пока я буду оберегать нас от судебного разбирательства, — ворчит мне брат.

Я киваю и хватаю Хейса за руку, увлекая его за собой. К счастью, он не сопротивляется, и как только мы оказываемся в подсобке, я закрываю дверь.

— Что это, черт возьми, было?

Он закатывает глаза. — Не прикидывайся дурочкой. Он был полностью увлечен тобой!

— Да, но я бы с ним разобралась! — говорю я чуть более властно, чем нужно. — Эйч, ты не можешь ударить кого-то только потому, что он пытался подкатить ко мне.

— А вот и могу, — рычит он.

Не отрывая от меня взгляда, он загоняет меня в угол между полкой и стеной, поворачивая замок на двери.

— Я *всегда* буду защищать то, что принадлежит мне.

Мое сердце бешено колотится, и я набираю всю уверенность, на которую способна, глядя на него. — Ну, если ты собираешься вести себя так, будто я твоя, только когда кто-то посягает на твою территорию, то не надо. Я сама могу о себе позаботиться.

Его глаза темнеют, когда он притягивает меня к себе. — Не притворяйся, что тебе не нравится, когда я становлюсь собственником по отношению к тебе.

Я остаюсь совершенно неподвижной, не произнося ни слова, пока он задирает мое платье и проводит большими пальцами по моим трусикам, оттягивая их вниз настолько, чтобы дать ему доступ. Одной рукой он расстегивает ремень, а другой начинает дразнить мой клитор. И едва он спускает штаны, как уже растягивает меня своим членом.

— О, черт, — стону я, но он быстро закрывает мне рот рукой.

Я все еще издаю звуки — ничего не могу с этим поделать, когда он трахает меня вот так, когда все эти люди находятся по ту сторону двери, — но все они заглушаются его рукой. Единственное, что есть в комнате, — это его первобытная потребность требовать то, что принадлежит ему, и нет ни одной части меня, которая не была бы согласна с этим.

Не тогда, когда это так приятно.

И уж точно не тогда, когда он смотрит на меня так, словно я — единственная вещь в его жизни, которую он не хочет потерять.

Когда я была моложе, моя мама всегда говорила: «Ты не можешь одновременно иметь торт и съесть его». Помню, я ненавидела это, потому что, пока у тебя есть достаточно большой торт, ты, черт возьми, можешь его съесть. Но сейчас, когда я сижу перед компьютером и подключаюсь к рабочей встрече, чтобы увидеть своего начальника и начальника своего начальника, которые смотрят на меня, я понимаю, что она была права.

Есть ситуации, в которых невозможно получить все, как бы мне этого ни хотелось.

— Лейкин, — приветствует меня начальник. — Как дела?

Я вежливо улыбаюсь. — Хорошо. Вы как?

— Хорошо, хорошо, — говорит он. — Слушай, мы хотели поговорить о том, когда мы можем ожидать твоего возвращения в студию. Мы понимаем, что у вас возникли некоторые личные проблемы, и удаленная работа хорошо подходит для промежуточного времени, но нам действительно нужно, чтобы вы были здесь.

У меня в горле встает комок, и я сплываю его. — Я это прекрасно понимаю. Я просто не знаю, когда я смогу назвать вам дату. Мне казалось, что все идет хорошо, мы работаем по видеосвязи. При нынешнем уровне развития технологий я могу делать все то же самое удаленно, что и в студии. Кто-нибудь жаловался на мою работу?

Он качает головой. — Нет, ни в коем случае. Это скорее вопрос имиджа компании. Мы хотим, чтобы все наши клиенты чувствовали свою значимость и приоритетность, и если наш лучший автор песен не работает в компании, это немного смущает.

— В этом есть смысл, — отвечаю я.

— Я знал, что вы меня поймете, — говорит он. — Так что, если ты сможешь поговорить со своей семьей и постараться уладить все вопросы, о которых тебе нужно позаботиться, я бы хотел, чтобы ты вернулся сюда не позднее начала следующего месяца.

Мое сердце падает в желудок. Это так скоро. Я знала, что этот разговор состоится, но надеялась, что буду знать, что происходит между мной и Хейсом, до того, как это случится. Теперь я на распутье, и мне предстоит сделать выбор...

Работа мечты, о которой я мечтала с самого детства, или парень, который держит мое сердце в своих руках, но не может сказать, сохранит ли он его или выбросит.

Хейс

Владея баром, вы видите множество людей, празднующих свой двадцать первый день рождения, особенно когда ваш совладелец стал популярным в сети, и они приходят именно к нему. До возвращения Лейкин каждый раз, когда приходила группа с лентами и диадемами, а та, что в центре, кричала, что ей двадцать один год, я думал о том, что скоро у нее день рождения.

Мне было интересно, какие у нее планы. С кем она его проведет. Какой будет ее первая рюмка. Даже просто приход Мали в бар напоминал мне об этом, ведь они родились с разницей всего в три дня. Мысль о том, что меня не будет рядом, чтобы разделить с ней этот праздник, мучила меня почти ежедневно.

Но теперь она вернулась, и это меняет дело. Если в ближайшее время она снова не исчезнет посреди ночи, она будет здесь, чтобы отпраздновать это событие, и я буду тем, кто нальет ей первый легальный напиток.

— Кэм, — говорю я, когда он появляется из-за угла.

Он останавливается и смотрит на меня. — Да, что случилось?

Я думаю о своем собственном двадцать первом дне рождения и о том, как он превратился в то дерьмо, с которого все это началось. Я не хочу этого для нее. Или для Мали. На этот раз мы все сделаем правильно.

— Я хотел подкинуть тебе одну идею, — говорю я ему. — Речь идет о дне рождения Лейкин и Мали.

Улыбка, растянувшаяся на лице Кэма, говорит мне о том, что он согласен еще до того, как я скажу ему, в чем дело.

Перед нами ярко горит костер. Потрескивание дров смешивается с шумом волн, бьющихся о берег. Мне кажется, что я мог бы остаться здесь, в этом моменте, и никогда не устать от него.

Оуэн и Лукас выпивают по бокалу пива, соревнуясь, кто быстрее, а Эйден их обгоняет. Мали и Кэм находятся в стороне и ведут свой собственный секретный разговор. Сначала

кажется, что они спорят. Но потом он наклоняется и шепчет ей что-то на ухо, и вся злость, которую она испытывала, тут же улетучивается: она улыбается ему, медленно покачивая головой. Вокруг крутятся несколько клиентов, но я их почти не замечаю.

Да и как я мог, когда напротив меня сидит Лейкин?

Она копошится в своем телефоне, потягивая из чашки Starbucks, в которой, я почти уверен, они с Мали налили алкоголь перед тем, как прийти сюда. Но если я об этом не знаю и не подавал, у меня не может быть неприятностей из-за этого.

Невиновность по незнанию.

Я сводил ее с ума. Не специально, конечно. Я и сам себя свожу с ума. Но она все время пытается выяснить, что между нами происходит, и сколько бы я ни думал об этом, я не могу придумать, что ей сказать.

Я бы хотел, чтобы все было не так сложно. Чтобы я мог отгородиться от всех тревог, которые заполнили те дыры в моей жизни, которые она оставила после себя. Не то чтобы я пытался играть с ее эмоциями. Я просто не знаю, могу ли я снова доверять ей — и шести недель, которые она провела здесь, было недостаточно, чтобы показать мне, что она не собирается снова уходить.

Но с каждым днем я чувствую, что становлюсь все ближе к тому, чтобы разрушить стену, которую я построил, чтобы отгородиться от нее.

Мой телефон пикает на коленях, и я смотрю вниз, чтобы увидеть сообщение от Лейкин.

Перестань трахать меня своими глазами.

Я усмехаюсь, на секунду поднимаю на нее взгляд и вижу, что она игриво ухмыляется. Ладно, мы можем поиграть в эту игру.

Ты бы предпочла, чтобы вместо этого я действительно трахнул тебя?

Она хмыкает, и я вижу периферийным зрением, как она двигается в своем кресле.

Да, пожалуйста.

Прямо в баре? Чтобы все слышали, как ты умоляешь меня?

Ворча, она откидывает голову назад на спинку кресла и закусывает губу. Я поднимаю глаза от телефона и смотрю прямо на нее, лишь на секунду поднимая брови в немом вопросе. И когда она встает и начинает идти в бар, не проходит и секунды, как я встаю и иду следом.

Потому что я снова оказался там, где был — зависим от нее и медленно даю ей силу сломать меня заново.

Как бы я ни старался не вмешивать маму в свои проблемы, нет никого лучше, чем она, чтобы спросить об этом. Ответ, который мне нужен от нее, я то и дело задавал себе на протяжении многих лет, но никогда не задавался им больше, чем сейчас.

Сейчас ответ — значит гораздо больше, чем когда-либо до этого.

— Привет, ма? — говорю я, когда, наконец, набираюсь смелости, чтобы заговорить с ней. — Могу я спросить тебя кое о чем?

Она вздыхает. — Нет, твоя сестра не была удочерена.

— Черт возьми, — шучу я. — Но если серьезно, можно? Это касается щекотливой темы.

Оторвавшись от телевизора, она обращает все свое внимание на меня. — Что такое?

Я делаю глубокий вдох, зная, что раны, которые я могу открыть, никогда не были для нее легкими для исцеления. Они ранили ее до глубины души, и прошло немало времени, прежде чем она хоть немного пришла в себя. Но она справилась, и я знал, что со временем справлюсь и я.

Пока она не вернулась.

— Если бы папа вернулся после того, как ушел от нас, ты бы приняла его обратно?

Она молчит, и если бы я ее не видел, я бы забеспокоился, что обидел ее, заговорив о нем. Но по выражению ее лица я вижу, что она действительно задумалась над этим вопросом.

Через пару минут она смотрит на меня с решимостью на лице. — Да. Я бы так и сделала.

— Из-за нас с Девин?

— Нет, — говорит она, и на ее лице появляется грустная улыбка. — Потому что до того, как он начал пить, он был любовью всей моей жизни. Я бы прошла через все, чтобы это было так.

— Правда? — Я, честно говоря, немного удивлен. — Даже после того, как он ушел от нас? Разве ты не боялась, что он сделает это снова?

Она пожимает плечами. — Ну, конечно. Я человек, и это очень обоснованный страх. Но его отсутствие я ощущаю до сих пор. Оно ослабевает, но никогда не проходит полностью, даже зная, что его больше нет с нами. Потеря такой любви оставляет после себя пустоту, и как бы вы ни старались заполнить ее или чем бы вы ни пытались ее заполнить, вы не можете. Это бездонная яма в центре вашего сердца, идеально повторяющая его форму.

Сделав паузу, она переводит дыхание и смотрит в потолок. Когда она снова смотрит на меня, я понимаю, что она физически ощущает боль от каждого сказанного ею слова.

— Я бы предпочла иметь дело со страхом потерять его снова, чем с пустотой от того, что его вообще нет.

Я опускаю голову и смотрю на свои колени. Все, что она сейчас сказала, созвучно всем тем эмоциям, которые я испытываю каждый день. Но вот о чем я не задумывался, так это о последних словах.

Все это время я думал о том, смогу ли я когда-нибудь снова ей доверять. Смогу ли я спать, не просыпаясь в панике только потому, что она перевернулась. Но я не переставал спрашивать себя, смогу ли я справиться с тем, что ее больше нет. Потому что это моя единственная альтернатива.

Если мы не пройдем через это, то это будет наш конец.

И эта боль так же страшна, как и страх, который будит меня по ночам.

Как говорится, я оказался между молотом и наковальней. Кажется, что, что бы я ни

делал, я проиграю. Все, чего я хочу, — это вернуться к тому времени, когда она ушла. До того, как она взяла наш маленький идеальный пузырь и разорвала его, чтобы уйти и оставить меня.

— Хейс, — мягко говорит мама. Мои глаза встречаются с ее глазами, и она слегка улыбается. — Лейкин не твой отец.

— Нет, но она ушла так же, как и он.

Она вздыхает и кивает один раз. — Хорошо, я соглашусь с тобой. Сходство есть. Но ты забываешь о самом большом различии между ними.

Я поднимаю бровь и смотрю на нее. — И какое же?

— Самой большой любовью твоего отца была бутылка, — говорит она. — А у Лейкин — это *ты*.

Я выхожу из дома престарелых с большей ясностью, чем раньше. Если разобраться, передо мной только два варианта. И дело не в том, смогу ли я попытаться снова впустить ее в свою жизнь, а в том, смогу ли я снова ее потерять.

Прежде чем завести машину, я проверяю свой телефон и обнаруживаю пропущенный звонок от моего риелтора. Я нажимаю клавишу, чтобы перезвонить ей, и включаю громкую связь, когда начинаю ехать к Бланшарам на ужин.

— Хейс! — взволнованно отвечает она после второго звонка. — У меня есть отличная новость, которая, я думаю, сделает тебя по-настоящему счастливым.

Я больше сосредоточен на том, чтобы посмотреть в обе стороны на знаке «Стоп», чем на ее словах. — Мне нравятся хорошие новости. Что это?"

— Помнишь ту пару, которая предложила тебе на двадцать тысяч меньше, чем ты просил?

— Да. Я отказался.

Точно так же, как я отказывал всем остальным, кто делал предложение с тех пор, как дом был выставлен на продажу. Рамона тоже не скрывала своего разочарования по этому поводу. Впрочем, я бы тоже, наверное, не скрывал, если бы работал за комиссионные.

— Так и было, — подтверждает она. — Но они решили, что дом им так нравится, что они готовы отдать за него столько, сколько ты просишь.

Черт.

Я молча слушаю эту новость. Когда я сказала Кэму, что собираюсь продать дом, я действительно имел в виду именно это. Нам нужны деньги, чтобы оплатить счета в баре, и я думал, что с Лейкин все кончено. И даже если нам удастся совершить чудо и все закончится хорошо, я думал, что дом будет омрачен памятью о ее уходе.

Но постепенно, в течение последних нескольких недель, мы создавали новые воспоминания. Те, которые покрывают старые, как свежий слой краски. Сейчас продажа

дома похожа на то, как если бы я сдался. Как бросить полотенце и признать поражение.

А к этому я пока не готов.

— Знаешь, я думала, ты будешь более взволнован, — говорит мне Рамона.

— Да, — отвечаю я с выдохом. — Извини, но я вынужден сказать «нет».

Из ее уст вырывается сдавленный звук. — Хейс, я не думаю, что ты меня правильно понял. Они готовы дать тебе именно то, что ты просишь. Ни центом меньше.

— Я правильно вас понял, — говорю я ей. — Но я просто не думаю, что готов продавать его теперь.

Она тяжело вздыхает, и я уверен, что сейчас она беззвучно произносит все известные человеку непристойности. — Хорошо, но ты должен знать, что твой дом был выставлен на продажу по завышенной рыночной стоимости. Если ты попытаешься продать его еще раз в будущем, велика вероятность, что ты не получишь и близко того, что они тебе предлагают.

— Ну, я надеюсь, что вообще не буду его продавать.

Она явно недовольна тем, что потратила несколько часов своего времени и ничего не получила взамен, и я чувствую себя плохо — но не настолько плохо, чтобы продавать свой дом. *Наш* дом. Потому что кажется, что каждый день ко мне возвращаются отблески того будущего, которое я считал уже невозможным.

Не буду врать, это пугает меня до смерти, но иногда самые лучшие вещи — это те, которых ты больше всего боишься.

Подъехав к Бланшарам, я паркуюсь за джипом Кэма. Если он здесь, значит, и Лейкин тоже. Она осталась в баре, чтобы поехать с ним, пока я ездил к маме.

Каждая встреча с ней стоит того. Время, которое мы проводим вместе, — это то, что я буду хранить еще долго после ее смерти. Но этот случай научил меня кое-чему. Он показал мне, что важнее всего.

Я открываю дверь и захожу внутрь, обнимая миссис Бланшар, как обычно. Она как раз готовится поставить ужин на стол и говорит мне, чтобы я сидел вместе со всеми.

В первый раз, когда Лейкин появилась на семейном ужине, я чуть было не развернулся. Я увидел ее машину на подъездной дорожке, и первой моей мыслью было вдавить педаль газа в пол и умчаться прочь на скорости гоночного автомобиля NASCAR. Но какая-то часть меня все же хотела ее увидеть. Сесть за стол напротив и украдкой взглянуть на нее, чтобы напомнить себе, что все было по-настоящему. Что она действительно вернулась, и у меня не было галлюцинаций после того, как я разбил свой мотоцикл.

Именно так я и поступил, и хотя при каждом вдохе мне казалось, что моя грудь горит, это того стоило.

Когда я захожу в столовую, Лейкин поднимает глаза и улыбается мне. Это та улыбка, которая предназначена только для меня. Та, которую Мали называет ее «опасной улыбкой».

И вот я уже двадцатилетний парень, который влюбился в девушку, нарушившую все мои проклятые правила, как будто они никогда не были применимы к ней.

— Привет, — радостно говорит она. — Как прошла встреча с мамой?

Вместо того чтобы занять место напротив нее, я обхожу стол и сажусь рядом с ней. Три фута — это слишком большое, мать его, пространство между нами.

— Все прошло очень хорошо, — отвечаю я, наклоняясь и целуя ее в висок.

Конечно, именно в этот момент входит Кэм. Он насмешливо ухмыляется, и я даже не жду, пока он откроет рот, чтобы показать ему средний палец, заставляя Лейкин рассмеяться. От этого звука меня пронзает волна эйфории.

Пока мы сидим за ужином, я уделяю Лейкин повышенное внимание — наблюдаю за тем, как она улыбается и смеется со своей семьей и со мной. Перед отъездом она была сломлена. Это была лишь оболочка той женщины, которую я помнил. Но пока ее не было, она починила себя, и это сделало ее только сильнее. А потом Вселенная вернула ее мне. Она дала мне второй шанс на счастливый конец, и было бы глупо не воспользоваться им.

Возможно, я еще не доверяю ей, но после всего, что сказала сегодня мама, я думаю, что хочу попробовать.

Когда мы вернулись домой, было уже поздно. После ужина мы все сидели и обменивались смешными историями, вспоминая все те безумные поступки, которые мы совершили за эти годы. Правда, самым шокирующим было признание миссис Бланшар, что она знала о том, что я забирался на крышу и пробирался через мансардное окно к Лейкин. Но, судя по тому, какой шок был на лице мистера Бланшара, она так и не поделилась этой ценной информацией.

За это я должен послать ей цветы.

— Итак, что в коробке? — спрашиваю я Лей.

Когда мы уходили, ее мама вспомнила, что пришла посылка на имя Лейкин. Это узкая коробка длиной, наверное, около фута. Всю дорогу домой я ломал голову, пытаюсь понять, что это такое, но ничего не добился.

— Подарок от Нолан на день рождения, — отвечает она.

Пока она пытается ковыряться со скотчем, вместо того чтобы просто взять ножницы, я достаю из кармана нож и жестом прошу передать коробку мне. Это занимает всего секунду, я вскрываю ее, а затем отдаю обратно. Она откидывает створки и заглядывает внутрь, но затем быстро захлопывает их, смеясь.

— Ну и что? — спрашиваю я. — Ты собираешься сказать мне, что это такое?

Она качает головой. — Нет. Нет, не скажу.

Хорошо, теперь я должен знать, что внутри.

Я потянулся за коробкой, но она схватила ее и попыталась убежать. К несчастью для

нее, мои ноги намного длиннее ее, поэтому мне не требуется много времени, чтобы поймать ее. Мои руки обхватывают ее талию, и я поднимаю ее вверх. Она визжит, когда я начинаю ее щекотать, и роняет коробку на пол. Содержимое вываливается из нее, и мои глаза расширяются, когда я вижу вибратор.

— Нолан прислала тебе вибратор?

Она прикусывает большой палец, кивая. — Это просто наша внутренняя шутка.

Нагнувшись, я хватаю записку, которая выпала вместе с ней. — Я так понимаю, это часть шутки?

Ее глаза расширяются, и она пытается вырвать ее у меня из рук, но я держу ее на расстоянии вытянутой руки. Даже когда она прыгает, ей не удается схватить ее.

— Лейкин, — прочитал я вслух. — Постарайся не использовать его так часто, чтобы он разрядился.

Лей надулась, скрестив руки на груди. — Тебе повезло, что мне нравится твой член. Я могла бы ударить тебя туда. Это заставило бы тебя опустить руки.

Я качаю головой и ухмыляюсь ей. — Не-а. Ты так просто из этого не выйдешь. О чем она говорит?

— Ни о чем, — врет она. — Она бредит. Ты с ней знаком. Она совершенно сумасшедшая.

Я делаю вид, что разочарован. — А я-то думал, что у нас больше нет секретов друг от друга.

От этого ее улыбка сразу исчезает с лица. — Это нечестно.

— Просто выравниваем игровое поле, — говорю я, одаривая ее невинной улыбкой.

Она проводит пальцами по волосам, пытаюсь заставить себя сказать мне об этом. Я терпеливо жду, и через некоторое время она начинает рассказывать.

— После того, как я уехала, когда я встретила Нолан и переехала к ней, я была немного... сексуально разочарована. Но я не хотела даже смотреть на кого-то еще, не говоря уже о том, чтобы спать с ним, поэтому я использовала вибратор... много.

Далее она рассказывает, как закрывала глаза и думала обо мне. Она представляла себе первый раз в моем грузовике, трах в океане, день, когда я сказал ей, что купил дом, и особенно нашу брачную ночь. И все это должно было бы возбуждать меня, но я зациклился на одной очень конкретной вещи.

— Подожди, вернись назад, — требую я.

— К какой части?

— Когда ты сказала, что не хотела даже смотреть ни на кого другого.

Она смотрит на меня так, будто не понимает. — Ну и что?

У меня пересохло во рту, я смотрю на нее в ответ. — Ты... ты не...?

Это то, о чем я задавался вопросом, пока ее не было, и еще больше после ее возвращения. Я знал, что у меня больше никого не было. Меня это не интересовало. Я обещал ей всего себя, когда мы поженились, и эти клятвы по-прежнему имели для меня значение, даже когда ее нигде не было. Но я не был уверен, что она смотрит на это так же, как я.

— Хейс, — мягко произносит она. — От одной мысли о том, что я могу быть с кем-то, кроме тебя, мне становится физически плохо. Для меня нет никого другого. Ты единственный парень, с которым я спала, и у меня нет никаких намерений менять это.

Что-то в ее голосе, когда она произносит эти слова, успокаивает один из моих самых

больших страхов. Мне снились кошмары о том, что она может быть с кем-то еще. Когда я не мог заснуть ночью, я лежал и думал, спит ли она крепким сном, завернувшись в чужие объятия. Но когда я узнал, что это не так, и что я все еще единственный, кто слышал ее стоны, когда она кончает... это вызвало во мне прилив дофамина.

Не в силах выразить свои чувства словами, я решаю пойти другим путем. Взяв ее лицо в руки, я впиваюсь своими губами в ее, стараясь вложить в них все эмоции до последней капли. Ей требуется секунда, чтобы уловить это, но затем она тает во мне, когда я целую ее со всей силой.

Она все еще моя.

Только моя.

22

Лейкы

Вот оно. Это, прямо здесь, именно то, что мне было нужно. Почувствовать, как он целует меня так, чтобы это что-то значило. Так, чтобы это взбудоражило нас обоих. Это настолько интенсивно, что высасывает воздух прямо из моих легких. Все мое сознание отключается, и единственное, на чем я могу сосредоточиться, — это он.

На запахе его одеколona.

Ощущение его рук на моем лице.

То, как он обнимает меня со всей заботой.

Возможно, у меня не самый большой опыт, но он мне и не нужен, чтобы понять, что лучше этого ничего нет. Я чувствую себя так близко к нему. А когда он разрывает поцелуй и отстраняется, чтобы улыбнуться мне, взгляд его глаз напоминает о том, что я наконец-то вернулась домой.

Чувство, которого мне так не хватало, — это оно.

Это *он*.

Я делаю глубокий вдох, и слова, которые я так хотела сказать ему, слетают с моих губ. — Я люблю тебя.

Он улыбается, открывая рот, как будто собирается сказать это в ответ, и я нуждаюсь в том, чтобы услышать это. Но ничего не выходит, и страх наполняет его глаза. Сначала я боюсь, что что-то случилось. Инсульт. Сердечный приступ. Нужно ли вызывать «скорую»? Но потом он маскирует это улыбкой.

— Иди сюда, — мягко говорит он, притягивая меня к себе.

Я позволяю ему поцеловать меня, но страх, нарастающий во мне, увеличивается

быстрыми темпами.

— Хейс, — начинаю я, но он слегка отодвигает меня так, что я оказываюсь спиной к дверному проему.

Его рука скользит по моей спине, пока его пальцы не проникают под пояс. — Этого вибратора недостаточно. Тебе нужно это. Тебе нужен я. И я собираюсь убедиться, что ты это знаешь.

Он проникает под мои трусики и прижимает пальцы прямо туда, куда я хочу, целуя мою шею, но это не то же самое. Его слова, или их отсутствие, заставляют меня чувствовать, что мое сердце разрывается прямо на месте. Я знаю, что он не доверяет мне, и у него есть на то причины, но до сих пор я никогда не задавалась вопросом, любит ли он меня.

А я не могу этого сделать, если есть хоть какие-то сомнения.

— Эйч, — говорю я, хватая его за запястье и вырывая руку.

Выражение его лица говорит о том, что он прекрасно понимает, почему я его остановила. Он опускает голову и сосредоточивает все свое внимание на полу, не в силах взглянуть на меня. И от этого становится еще хуже.

— О Боже, — говорю я, задыхаясь.

Он поднимает голову, и в его глазах мелькает что-то, но от этого становится только хуже.

— Лей, я... — Но его слова снова обрываются.

Я чувствую, как мое сердце разрывается по центру, когда я смотрю на него. — Ты больше не любишь меня?

Он выдыхает, проводя пальцами по волосам. — Ты же знаешь, что это так.

— Тогда почему ты не можешь этого сказать?

Его рот открывается и закрывается, и чем дольше он ничего не говорит, тем больше это меня раздражает. Это человек, который опустился на одно колено в двух шагах от того места, где мы сейчас стоим, и так уверенно говорил мне, что собирается провести остаток своей жизни, любя меня. А теперь он не может заставить себя произнести эти слова.

Он молчит, беззвучно воплощая в жизнь все мои страхи.

Я действительно все испортила.

Я уничтожила нас.

Неважно, что мои намерения были хорошими и что мое сердце было в правильном месте. Важно то, что я причинила ему боль до такой степени, что наши отношения, наш брак, возможно, уже не спасти.

— Я не могу... — пытаюсь сказать я, но всхлип прорывается сквозь меня.

Осторожно отодвинув его назад, я выскользываю из-под него и убегаю через входную дверь, пока он не увидел, что я сломлена. И самое ужасное, что он даже не пытается меня остановить.

Вот и все.

Я долго не могла смириться с тем, что его отсутствие ответа о нас может быть моим ответом, но теперь я больше не могу этого избегать. Это прямо передо мной. В этом поцелуе было столько эмоций, и я позволила ему обмануть меня, решив, что он наконец-то впускает меня обратно.

Но это не так.

И я не уверена, что он когда-нибудь это сделает.

Я лежу на кровати Мали и смотрю в потолок. С тех пор как я уехала, было много ночей, когда я чувствовала себя именно так. Пустой. Мертвой внутри. Но тогда еще была неопределенность. Вопрос о том, будем ли мы когда-нибудь снова вместе, оставался без ответа, и я могла лежать, убеждая себя, что будем.

Но сегодняшняя ночь была очень похожа на конец.

— Я все еще говорю, что ты слишком много думаешь об этом, — говорит мне Мали. — Мы ведь говорим о Хейсе. *Он делает большие жесты и при этом отрицает, что он романтик.* Может быть, для него просто не было подходящего момента, и он хочет сказать это в первый раз особенным образом.

Я сухо хмыкнула. — А может быть, он просто больше не любит меня.

Она качает головой. — Нет. Это точно не так.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что если бы это было так, ты бы сейчас не жила в его доме. Он бы не сказал Кэму, чтобы тот шел в задницу, когда он сказал, что ты останешься с ним. И уж точно он не стал бы так на тебя набрасываться.

Она все правильно говорит, за исключением последней части. — Это неправда. Он знает, что между нами есть химия, и секс у нас хороший. Возможно, он просто использует секс, чтобы мысленно убежать от всего, что с ним происходит.

Честно говоря, если бы это было так, я думаю, я бы все равно позволила ему. Это разрушит меня, но, по крайней мере, я буду чувствовать, что хоть как-то помогаю ему. После того ущерба, который я нанесла, я просто хочу, чтобы с ним все было в порядке. Просто отстойно, что, когда он будет в порядке, когда он наконец встанет на ноги и мир перестанет его топтать, я ему больше не буду нужна.

— Детка, я знаю, что ты королева самобичевания и все такое, но не сходи с ума. Он любит тебя.

— Тогда почему он не мог этого сказать? — в отчаянии спрашиваю я, чувствуя, как слезы снова начинают наворачиваться на глаза. — Посмотри правде в глаза, Мэл. Есть очень большая вероятность того, что я действительно все испортила. Я сделала неправильный выбор, и из-за этого я потеряю самого лучшего человека, которого когда-либо знала.

Я решила не ночевать у Мали. Я не уверена, что столкнуться с Хейсом — это то, что я могу сделать прямо сейчас. Но я не хотела, чтобы он волновался. Он больше всего боится, что я снова уйду, и хотя я была всего в нескольких милях от него, я отказываюсь поддерживать в нем страх, что я не вернусь домой.

Я всегда хочу возвращаться домой.

Когда я вхожу в дверь, уже поздно, но Хейс еще не спит. Он сидит на диване, и когда я захожу внутрь, его глаза встречаются с моими.

— Ты еще не спишь, — замечаю я, стараясь, чтобы мой голос был ровным и бесстрастным.

Он отводит глаза и кивает. — Да. Просто смотрю телевизор.

Это безобидное заявление, или, по крайней мере, должно быть таким, но когда мы оба смотрим на телевизор, я замечаю, что он выключен, а пульт от него находится в другом конце комнаты. Он даже не может сказать мне, что ждал, пока я вернусь домой. Мы настолько безвозвратно разбиты, что он лжет мне только для того, чтобы я не догадалась, как сильно он переживает.

— Точно, — бормочу я. Бесполезно его переубеждать. Даже он это знает. — Я собираюсь пойти спать.

Нажав на кнопку выключения экрана на своем телефоне, он встает с дивана. — Да. Это звучит как хорошая идея.

Мы вдвоем поднимаемся по лестнице, и все это время я надеюсь, что он что-нибудь скажет. Что-нибудь. Но он не говорит. И когда я подхожу к двери в нашу спальню — ту самую, в которой мы провели столько бессонных ночей, полных любви, что я могла бы утонуть в ней, — я понимаю, что не могу лечь с ним в постель.

Не тогда, когда мы в таком состоянии.

Я поворачиваюсь, обнаруживая его прямо за собой, и вздыхаю. — Думаю, сегодня я займу комнату для гостей.

На его лице появляется страдальческое выражение. — Почему?

Причина вертится у меня на языке, но как он не мог заставить себя произнести эти слова раньше, так и я не могу заставить себя произнести их. — Ты знаешь, почему.

Мне больше нечего сказать, я поворачиваюсь и иду по коридору, заходя в комнату для гостей и закрывая за собой дверь.

Так тяжело находиться здесь и знать, что когда-то мы представляли себе эту комнату как детскую. Мы не планировали, что это произойдет в ближайшее время, но это определенно было то, чего мы хотели в будущем.

Я позволяла себе мечтать о том, как это произойдет. Как он будет обнимать меня с такой любовью и нежностью, входя и выходя из меня. А в конце мы оба одновременно

кончим. Его сперма заполнит меня, и мы поймем, что наш ребенок был сделан благодаря исключительно самой сильной любви на свете.

Правда или ложь: «Не существует такого понятия, как слишком много секса». В зависимости от конкретного человека ответ может быть разным. Большинство мужчин ответят «да». Некоторые женщины ответят «нет». Хейс практически выкрикнул бы «правда» еще до того, как предложение было закончено, но сейчас я бы сказала, что это правда. Потому что проблема с тем количеством секса, которым мы с Хейсом занимаемся, заключается в том, что, когда я не получаю его, я не могу заснуть.

За последние несколько недель не было ни одной ночи, когда бы я не испытала *хотя бы* два оргазма перед сном. Даже когда мы не могли заниматься сексом, Хейс мог понять, как сильно я в этом нуждаюсь. Наверное, потому, что он тоже это чувствовал. Мы дурачились, возбуждали друг друга другими способами, а потом отключались в разгар сексуального блаженства.

Сегодня мне придется обойтись без него, и мое тело недовольно.

Я в миллионный раз переворачиваюсь на спину, хватаю телефон и смотрю на время. Уже почти четыре утра, я чертовски устала, но ничего не получается. Я уже подумываю о том, чтобы сделать это самой, но моей руки никогда не было достаточно, даже до того, как я узнала, что такое хороший секс. Сейчас мой клитор, наверное, посмеялся бы надо мной.

Однако...

Нолан, ты прелестная маленькая распутница!

Выскользнув из постели, я тихонько, на цыпочках, вышла из своей комнаты и спустилась по лестнице. Коробка с вибратором лежит на острове. Я беру ее и крадусь обратно в комнату для гостей, стараясь не разбудить Хейса.

Мне требуется немного времени, чтобы настроить его. Из-за мощности этих штуковин их нужно подключать напрямую к розетке. Но как только я закончила, я скользнула в кровать и взяла его в руки. Глаза закрываются, когда я опускаю его поверх своих трусиков и включаю.

О, черт.

Хейс был прав. Он не так хорош, чтобы доставить мне удовольствие, как он, но когда он вибрирует прямо на моем клиторе, этого достаточно, чтобы возбудить меня.

Я представляю, что это он. Что это он прижимает меня к себе, ухмыляясь, наблюдая, как я начинаю расслабляться. Ему всегда нравилось дразнить меня. Его любимое хобби — довести меня до края и держать там, пока он не будет готов дать мне кончить.

Мои бедра выгибаются навстречу ему, и я прикусываю губу, чтобы не издавать лишних звуков. Я уже так близко. Еще немного, и я наконец-то смогу заснуть. Но в тот момент, когда я уже готова кончить, вибратор выключается, а вместе с ним и зарядное устройство, к

которому подключен мой телефон.

Нет энергии.

Вы что, блядь, издеваетесь надо мной?

Я переключаю вибратор в режим «выключено» и прячу его под одеяло, а затем отправляюсь на поиски. Свет не включается ни в моей комнате, ни в коридоре. Я выглядываю в окно, но никаких признаков бури нет.

Заглядываю в спальню, там темно, но я вижу достаточно, чтобы понять, что Хейса нет в постели. Я поворачиваюсь и начинаю спускаться по лестнице, но как только я оказываюсь на полпути, электричество восстанавливается. Микроволновка пищит на кухне, когда она снова включается, и я слышу шаги Хейса, приближающегося к лестнице.

Я быстро поднимаюсь обратно и проскальзываю в комнату для гостей. На какую-то долю секунды я все равно подумываю о продолжении, но, поскольку он не спит, я не уверена, что это пойдет мне на пользу. Но тут мой телефон завибрировал, и от него пришло сообщение, что он уже знает.

Попробуй еще раз. Я, блядь, бросаю тебе вызов.

Вот ублюдок. Должно быть, он услышал жужжание вибратора и спустился вниз, чтобы отключить электричество, чтобы я больше не могла им пользоваться.

Я смотрю на свой телефон, снова и снова перечитывая его угрозу. С каждым разом мой гнев растет. Какая чертова наглость — думать, что он может контролировать, кончу я или нет.

К черту. Я решаю проверить его блеф.

Схватив волшебную палочку, я включаю ее и снова прижимаю к себе, но на этот раз я даже не пытаюсь молчать. Если уж на то пошло, я преувеличиваю, издавая те же стоны, что и с ним. И только через несколько секунд дверь гостевой комнаты распаивается.

Я встречаюсь с ним взглядом и не останавливаюсь, откидываю голову назад и открываю рот, чувствуя, как давление начинает нарастать. Я так чертовски близко. Я уже почти у цели. Но когда я сильнее прижимаю его к себе, он внезапно отключается. Мои глаза распаиваются как раз вовремя, чтобы увидеть, как Хейс смотрит на меня, разрезая провод пополам своим ножом.

— Каждая гребаная унция твоего удовольствия принадлежит мне, — рычит он. — Вбей это себе в голову, потому что это уже не изменить.

Моя челюсть сжимается, и я выдыхаю порыв воздуха. Теперь я в полной заднице. Я никак не смогу заставить его работать. Эта штука совсем новая и уже бесполезная. Почему у меня вечно проблемы с вибраторами?

— Что-нибудь еще? — нахально спрашиваю я.

— Да, вообще-то.

Он бросает шнур и лезвие на пол, подходит ближе, хватая меня и перекидывает через плечо. Я пинаюсь и бью его, кричу, чтобы он опустил меня, но ему все равно. Он несет меня в спальню, где мы раньше вместе спали, и бросает на кровать.

— Ты спишь здесь!

Хейс

Оформление вечеринок — это не моя специализация. Я в этом не разбираюсь, и мне это не интересно. Если бы это зависело от меня, мы бы нанял кого-нибудь, чтобы он оформил это место так, как Мали оформляла задний двор Бланшаров. Но Кэм быстро отбросил эту идею, сказав, что у нас слишком много проблем с деньгами для ненужных расходов.

Наверное, не помогает и то, что я все еще на взводе. Лейкин уже три дня как отдалилась. Не физически — она по-прежнему спит в постели рядом со мной, — но эмоционально она отсутствует. И я бы соврал, если бы сказал, что не знаю, почему.

Когда она произнесла эти слова, мне показалось, что я лечу. Свободно падаю во все то, что она делает со мной, и во все то, чем она является. И я почти произнес их в ответ... пока не вспомнил, каково это — упасть на землю.

Страх, пронзивший мое тело, сделал это невозможным. Мой рот физически не мог выдавить слова. И теперь она думает, что я разлюбил ее.

Это не может быть дальше от истины.

Я стою на барном стуле, пытаюсь приклеить к потолку украшения, и тут я слишком сильно наклоняюсь и падаю на пол. Подняв руки над головой, я хватаю табурет и бросаю его через всю комнату, слегка успокоившись, когда слышу звон разбивающихся осколков. Кэм подходит и встает надо мной, выглядя одновременно веселым и обеспокоенным.

— Что этот стул тебе сделал?

Я застонал, садясь, чувствуя, как заныла спина. — Он чертовски ненадежен.

Кэм усмехается. — Правда? Я специально заказал те, на которых есть надпись «надежный»! Вот лживые сучки.

Это должно было поднять мне настроение, но не подняло. Не думаю, что сегодня что-то способно на это. Как и вчера. Я встаю и потягиваюсь из стороны в сторону, пытаюсь размять вновь образовавшийся спазм в спине. Это не избавляет от боли, но достаточно, поэтому я иду собирать обломки сломанного табурета.

— Я думал, ты будешь рад этой вечеринке, — говорит Кэм. — Это была твоя идея.

— Я больше рад тому, что мне не придется слушать их нытье из-за того, что нам не разрешают их обслуживать.

Лейкин по большей части относится к нам с пониманием, но я не могу сказать того же о Мали. Она невыносима, по крайней мере, была такой до тех пор, пока три дня назад ей наконец не исполнился двадцать один год. Но она согласилась подождать до дня рождения Лейкин, чтобы они могли вместе выпить свои первые законные порции алкоголя. Раньше она жаловалась, что мы не можем ее обслужить, поскольку ей нет двадцати одного года. Теперь она жалуется, что мы не даем ей нарушить обещание, данное Лейкин.

— Это справедливо, — соглашается он. — Но это вряд ли оправдывает то, что мы устраиваем для них вечеринку. Если только вечеринка не для нас, в этом случае я купил

украшения не того цвета.

— А я-то думал, что тебе просто нравится розовый цвет. — поддразниваю я.

Он показывает мне средний палец и возвращается к развешиванию букв, из которых складываются имена каждой из них. — Что за хрень вообще с вами происходит?

Ладно, Кэм не будет спрашивать о том, что происходит между мной и Лейкин. Это как негласное правило между нами двумя. Кэм, который является моим лучшим другом, и Кэм, который является моим шурином, разделены, как церковь и государство. Так что его вопрос может означать только одно.

— Мали подговорила тебя на это, не так ли? — спрашиваю я, пристально наблюдая за ним.

Он складывается, как карточный домик. — Да. Эта девчонка держит секс над моей головой, как будто это гребаный ключ ко всему.

Я не могу удержаться от смеха. — Ты хочешь сказать, что это не так?

Его голова падает вперед, и он стонет. — Да, это так.

Похлопывая его по плечу, я качаю головой. — Связи на одну ночь — это гораздо меньше работы, чувак.

— Я знаю, но они не крутят языком, как она.

Ладно, есть вещи, которые мне никогда не нужно было знать. Может, он и без ума от нее, но я смотрю на Мали, как на Девин. В моём восприятии они — монахини, поклявшиеся оставаться девственницами до самой смерти. Вот только у Мали нет фильтра, так что в большинстве случаев мне трудно убедить себя в этом, но подробности мне точно не нужны.

— Я скоро вернусь.

Он хмурит брови. — Мы еще не закончили подготовку. Куда ты идешь?

— Спасать твою сексуальную жизнь, — отвечаю я.

— Ах, — кивает он. — Спасибо, чувак. Я ценю это.

Я беру ключи с барной стойки и направляюсь к двери. — Не благодари меня. Ты видел, какой ты, когда сексуально расстроен? Это для моего же блага. Поверь мне.

Когда я вхожу в *Wrapped in Lace*, все смотрят на меня, как будто я не туда зашел. Как будто я зашел в женский туалет. Шутка. Каждый раз, когда я здесь, я добавляю еще одну вещь в список того дерьма, в котором я хочу увидеть Лейкин.

Мали стоит у стойки, помогая женщине оформить заказ, и я жду, пока она закончит.

— Говорю тебе, Луиза, — сладко говорит она, — это сведет его с ума.

— Надеюсь, что так! Это сделает семейные встречи намного веселее.

Я поперхнулся воздухом и, кашляя, ударил себя кулаком в грудь. Она берет свою сумку и уходит с дьявольской ухмылкой на лице. Тем временем я повернулся к Мали.

— Пожалуйста, скажи мне, что она не трахается со своим кузеном или что-то в этом

роде, — умоляю я.

Она ухмыляется. — Почему? Королева Елизавета вышла замуж за своего троюродного брата и прожила с ним невероятную жизнь.

Я смотрю на нее в ответ, едва моргая. — Я начинаю думать, что за тем, что ты называешь Лейкин своей сестрой, стоит нечто большее, несмотря на то, что у вас происходит с Кэмом.

— Ладно, во-первых, *мистер Лицемер*, ты буквально называешь Кэма своим братом, а сам женат на его сестре, — возражает она. — Но, чтобы тебя успокоить, нет. Она не трахается со своим кузеном. Ее бывший муж бросил ее ради ее сестры. Она считает, что появление в нижнем белье и пускание слюней — это ее расплата.

Что ж, это немного успокаивает. Я уж думал, что у нее на рингтоне установлена песня *Sweet Home Alabama*.

Мали обошла стойку и, подпрыгнув, уселась на нее. — Но ты пришел сюда не для того, чтобы узнать о сексуальной жизни моих клиентов. Так почему же ты здесь на самом деле?

Я прислонился к стене и скрестил руки на груди. — Ты не можешь отказывать Кэму в сексе, чтобы он спрашивал информацию о моих отношениях.

Она хмыкает, закатывая глаза. — Господи. Я знала, что он тебе расскажет. Ну и сопляк.

— Мали, — нажимаю я. — Seriously. Наша дружба сохранилась только потому, что мы не говорим об этом дерьме. Если хочешь что-то узнать, спроси меня сама.

— Хорошо, — говорит она, и выражение ее лица говорит мне, что я могу пожалеть о том, что сказал это. — Что случилось той ночью?

— Я уверен, что она тебе уже рассказала.

— Ну да, но я хочу услышать это от тебя.

Твою мать. — Ладно. Она сказала мне, что любит меня, а я не ответил. Она восприняла это не очень хорошо.

Она фыркнула. — Я имею в виду, разве можно ее винить? Самым большим страхом этой девушки было то, что ты ее больше не любишь. Почему ты не сказал ей это в ответ?

— Я не мог. — Да, этот разговор уже заставляет меня чувствовать себя неловко.

Озабоченность наполняет глаза Мали, когда она смотрит на меня. — Эйч, ты больше не любишь ее?

Я провел пальцами по волосам и вздохнул. — Разумеется, люблю.

— Тогда почему ты не можешь сказать об этом?

— Потому что это очень похоже на то, чтобы впустить ее обратно, — признаю я. — Я просто не уверен, что смогу это сделать. Я имею в виду, что если она снова уйдет?

Она качает головой. — Ты не должен об этом беспокоиться.

— А вот и нет. Она уже ушла однажды. Черт, у нее целая жизнь в другом месте. Как она может уйти от работы всей жизни?

— Она останется.

— А что, если нет? — спрашиваю я.

Мали закатывает глаза. — Она останется!

— Ты этого не знаешь!

— Нет, знаю! — повышает она голос чуть выше моего.

Я насмехаюсь. — Насколько я знаю, ты не экстрасенс! Нет никакой гарантии, что она не уйдет снова. Она может понять, что ее новая идеальная жизнь намного лучше, чем эта, и это пугает меня до смерти!

— Боже мой, ты меня не слушаешь, — ворчит она. — Она. Не собирается. Никуда. Уходить.

— И откуда ты это знаешь?

Она вскидывает руки вверх. — Потому что она уволилась из студии две недели назад, ты, тупица!

Подождите, какого хрена?

У меня отпадает челюсть, а мозг бегаёт кругами, пытаюсь осмыслить эту новую информацию. — Почему она мне не сказала?

— Это надо спросить у нее, — говорит она, пожимая плечами. — Слушай, я понимаю, что ты не доверяешь ей и тебе нужно восстановить это доверие. Много еще предстоит исправить. Но если ты будешь держать ее на расстоянии, она сдастся, и это будет на твоей совести. Надеюсь, ты это понимаешь.

Это не является чем-то удивительным. Эта мысль не раз приходила мне в голову, особенно если учесть, как она вела себя в последние несколько дней. Но я все время чувствовал, что меня что-то сдерживает. Как будто мне нужно было что-то, что освободило бы меня от тисков страха и тревоги.

Признание Мали, возможно, стало именно этим.

Когда-то давно я сказал себе, что всегда буду делать все возможное, чтобы вызвать улыбку на лице Лейкин. И сейчас, когда я стою здесь и наблюдаю за тем, как она счастлива при виде всех своих друзей, собравшихся здесь, чтобы отпраздновать ее день рождения, я знаю, что это по-прежнему так. Нет ничего лучше, чем то, как она светится. За исключением, может быть, того, как она светится при виде *меня*.

— Это ты сделал? — спрашивает она.

Я планировал, что Кэм возьмет на себя всю вину за это. Сказать, что это был он, казалось более безопасным вариантом. Но стоя здесь, глядя на нее и зная, что сказала мне Мали, я уже не уверен, что мне нужен козел отпущения.

— Возможно, я имею к этому отношение, — отвечаю я.

Каким-то образом она становится еще счастливее. Обхватив мою шею руками, она приподнимается на цыпочки и нежно целует меня. И когда она отстраняется, я обнаруживаю, что гонюсь за ее ртом для следующего поцелуя.

— Спасибо, — говорит она.

Я улыбаюсь ей в ответ и киваю в сторону пляжа. — Хочешь прогуляться со мной?

Она старается контролировать дыхание, но я вижу, что она нервничает. Не то чтобы я ее винил. В последнее время я действительно дал ей повод для беспокойства. Я собирался подождать до окончания вечеринки, но не могу. Я должен сделать это сейчас.

Я протягиваю ей руку, она с облегчением выдыхает, беря ее, и мы вдвоем идем к пляжу.

— Не забивайте песком те места, где он вам не нужен! — кричит Оуэн. — Болит, как сука!

Я усмехаюсь, но больше внимания уделяю тому, как смеется Лейкин. Нечасто мне удается видеть ее такой беззаботной. И я знаю, что это отчасти моя вина, но я надеюсь это изменить.

— Итак, сегодня я кое-что узнал, — говорю я ей.

Она поднимает на меня глаза. — Что именно?

Я останавливаюсь и поворачиваю ее лицом к себе. — Ты бросила работу в студии?

Ее глаза опускаются, и она вздыхает. — Мали, клянусь Богом. У нее не осталось ничего святого.

— Но я не понимаю. Зачем тебе увольняться?

Она пожимает плечами. — Они хотели, чтобы я вернулась к постоянной работе, а на это я не была готова.

Мое сердце бешено колотится, пока я смотрю на нее в полном восторге. — Но эта работа — твоя мечта.

— Нет, Эйч, — мягко говорит она, глядя мне прямо в глаза, — ты — моя мечта.

Я ухмыляюсь самой широкой улыбкой за последние полтора года. Я поднимаю руку и заправляю прядь волос ей за ухо, затем провожу большим пальцем по ее щеке, наклоняясь. Мы встречаемся посередине, и поцелуй, который мы разделяем, согревает меня изнутри. Он медленный и нежный, как будто мы оба просто наслаждаемся ощущением близости друг друга.

Это не исправляет ситуацию, но это уже шаг в правильном направлении. И когда мы разрываем поцелуй, я чувствую, что начинаю снова впускать ее в себя — и в кои-то веки это не приводит меня к панической атаке.

— Я хочу, чтобы ты знала, что я твой, — говорю я ей. — Я еще много над чем работаю, но я не хочу тебя потерять. Это будет нелегко, но я хочу быть с тобой. Я хочу будущего, о котором мы говорили.

Она улыбается мне с облегчением. — Это все, чего я хочу.

Я снова целую ее, не в силах сдержаться. Не могу поверить, что она отказалась от работы, о которой мечтала с детства, только ради того, чтобы остаться со мной. А я-то думал, что она снова бросит меня, чтобы вернуться, а этого и в мыслях не было.

Мы начинаем возвращаться на вечеринку, но в моей голове все еще звучит вопрос. — Почему ты не сказала мне, что уволилась?

Она берет наши сросшиеся руки и перемещается так, что я обхватываю ее плечо, а она прижимается к моему боку. — Я не хотела, чтобы ты думал, что я давлю на тебя, чтобы ты простил меня. Ты должен сделать это на своих условиях, а не на моих.

Я поворачиваю голову и впиваюсь поцелуем в ее волосы. — Спасибо тебе.

— За что? — спрашивает она.

— За то, что не отказалась от нас.

Как раз перед тем, как мы вернулись к нашим друзьям, она останавливается и поворачивается ко мне лицом. — Для меня всегда был только ты, Эйч. Это никогда не изменится.

Пока ее не было, я провел больше времени за просмотром свадебного видео, чем мне хотелось бы признать. Поэтому я сразу же узнал две последние строчки ее клятвы, и, услышав, как она повторяет их мне сейчас, я понял, что это все, что мне нужно.

Я прижимаюсь губами к ее губам, нуждаясь в том, чтобы быть ближе к ней.

— Перестань быть грубым и принеси мне пива, бармен! — кричит Оуэн, и все смотрят в нашу сторону. Лейкин хихикает, прижимаясь к моему рту.

— Я собираюсь запретить его заднице появляться в баре, — пробормотал я.

— Не запретишь. А даже если и запретишь, он и слушать не станет.

Да, вероятно, она права.

Мы возвращаемся к костру, и я сажусь, а затем сажаю ее к себе на колени. Все украдкой поглядывают в нашу сторону, наверное, интересуются, что с нами происходит, но меня волнует только она.

Они с Мали начинают перебрасываться язвительными колкостями, которые они обычно бросают друг другу. Но я слишком занят, думая о том, как показать ей, что я настроен серьезно, и тут мне в голову приходит идея.

Я кладу руку на ногу Лейкин и трижды постукиваю по ней, как мы делали раньше. *Я. Люблю. Тебя.* Потому что я действительно люблю ее. Я никогда не любил никого, кроме нее. Может быть, я еще работаю над тем, чтобы суметь сказать это снова, но она должна знать, что я люблю ее.

Она сразу же замечает это и поворачивается, чтобы улыбнуться мне. Я обнимаю ее, и она откидывается назад, прижимаясь губами к моему уху.

— Я тоже тебя люблю.

Чем ближе к полуночи, тем радостнее становится Лейкин. Мы все предусмотрели. В одиннадцать тридцать мы выносим торт с заднего двора, и все поют поздравления с днем рождения и Лейкин, и Мали. Вместо свечей из торта вылетают искры, и они обе выглядят чертовски счастливыми. И когда приходит время Лейкин загадывать желание, она смотрит на меня, смотрит так, что я снова становлюсь живым.

Я наблюдаю со стороны, как она смеется с несколькими своими друзьями, но ее внимание всегда возвращается ко мне. Мы всегда сосредоточены друг на друге, даже когда кажется, что это не так.

Будильник, установленный на моем телефоне, срабатывает, сообщая мне, что уже 23:59. Я отказываюсь позволить кому-либо еще первым поздравить ее с днем рождения, когда пробьет полночь. Я подхожу к ней и обнимаю ее, как только оказываюсь достаточно близко.

— Ты потрясающая, ты знаешь это?

Она прижимается ко мне, как раньше. — Ты потрясающий. Я не могу поверить, что ты сделал все это.

Я прижимаюсь поцелуем к ее щеке. — Ты это заслужила.

Это так приятно — вот так обнимать ее и снова чувствовать себя так близко к ней. Я так скучал по этому. Она единственная, кто когда-либо вызывал у меня желание заключить в

обьятия и никогда не выпускать.

Бросив взгляд на часы, я наблюдаю за тем, как тикают секунды, и в тот момент, когда пробило полночь, я отступаю назад, чтобы посмотреть на нее.

— С днем рождения, детка, — говорю я, улыбаясь, когда она загорается от этого ласкового слова. — Я рад, что ты празднуешь его там, где тебе положено.

— Я не хотела бы быть в другом месте, — говорит она, и самое приятное, что я наконец-то ей верю.

Все собираются вокруг, когда мы переходим к бару, и на этот раз Лейкин протягивает мне свое настоящее удостоверение, хотя знает, что оно мне не нужно. Тем не менее, я беру его и восхищаюсь тем, как моя фамилия все еще следует за ее именем. И я собираюсь убедиться, что так оно и останется.

Впервые я протягиваю ей меню напитков, в то время как Кэм передает меню для Мали. Ее глаза двигаются туда-сюда, пока она просматривает его, и я точно знаю, на чем она остановилась, когда она ухмыляется.

— Красивый яд?

Я откидываю голову назад и смеюсь. Это ее собственный напиток — ром с «Малибу», ананасовый сок, клюквенный сок и апельсиновый сок. Это ее фирменный коктейль уже много лет. И когда мы придумывали меню, название показалось нам подходящим. Потому что именно такой она была для меня — красивым ядом. Она течет по моим венам и атакует каждый дюйм моего тела, заставляя меня не думать ни о чем и ни о ком, кроме нее.

Неудивительно, что они шепчутся друг с другом, а потом смотрят на нас с Кэмом, ухмыляясь.

— О Боже, — простонала я. — Боюсь спросить, что вы решили.

Лейкин мило улыбается. — Мы хотим текилы, но я хочу, чтобы моя порция была с тебя.

Господи, мать твою. Мой член уже наполовину твердый от одних только ее слов. Мы с Кэмом смотрим друг на друга, и я понимаю, что мы оба на одной волне.

Никто из нас не собирается отказываться.

Я стягиваю футболку через голову и замечаю, что Лейкин бесстыдно разглядывает меня. Свернув ее, я перекидываю через ее голову и использую для того, чтобы притянуть Лейкин к себе.

— Ты ведь знаешь, что после этого я тебя точно трахну, да?

Она хмыкает, глядя на меня. — Хорошо. Я на это рассчитываю. А теперь ложись на стойку.

Я делаю, как она говорит, и ложусь на одну сторону барной стойки, а Кэм ложится на другую. Каждая из них вылизывает полоску по бокам наших шей, а затем насыпают на нее немного соли. Лейкин осторожно кладет лайм между моих губ, а Оуэн подходит и протягивает мне бутылку текилы. Она холодная, когда я наливаю ее себе в пупок, но вскоре Кэм тоже приступает к делу. И в то же мгновение они начинают.

Ощущение, когда Лейкин высасывает текилу из моего живота, а потом слизывает соль с моей шеи, — самое горячее, блядь, ощущение. А когда она берет ртом у меня лайм, я ревную ее к гребаному фрукту.

Как только она выплевывает его, я снова притягиваю ее к себе и накрываю ее рот своим. Ее язык переплетается с моим, и я ощущаю вкус текилы. Это чертовски опьяняет, и я не могу дождаться того, что сделаю с ней потом.

— Ты такая дразнилка, — пробормотал я ей в губы.

Она отстраняется и подмигивает мне. — Тебе это нравится.

— Еще как нравится.

Лейкин выглядит так, словно она кайфует от жизни, она отступает назад и обнимает Мали, радуясь тому, что им обоим наконец-то исполнился двадцать один год. Я могу только представить, как пройдет остаток лета. Тем более, что у меня снова есть моя девушка. Лучше и быть не может.

Но когда я сижу и смотрю на барную стойку, то понимаю, что все *может* быть еще хуже. Потому что там, не далее, чем в двадцати шагах от меня, стоит девушка, одетая в знакомую рубашку с совершенно ужасающим пятном на ней.

У меня сдавливает грудь, и кажется, что дышать становится все труднее.

— Лейкин, — говорю я, не отрывая взгляда от девушки.

Она поворачивается ко мне, смущенная моим тоном. — Что?

Я притягиваю ее ближе, чтобы говорить прямо в ухо. — Разве это не та рубашка, которая была на тебе в ночь смерти Монти?

Ее глаза расширяются, и она резко оборачивается. Могу сказать, что в тот самый момент, когда она увидела ее, все ее тело напряглось. От нее исходит страх, когда мы начинаем понимать, что это дерьмо еще не закончилось.

— О Боже!

24

Лейкин

Является ли преступлением против двадцать первого дня рождения то, что тебя вырвало от первой законной рюмки? Потому что, глядя на рубашку, которая была на мне в ночь смерти Монти, ту самую, которую я сняла, чтобы попытаться остановить кровотечение, я чувствую, что могу. И это очень обидно, потому что выпить с тела горячего бармена — это просто охренительно.

— Не может быть, — шипит Мали. — Это должно быть какое-то дерьмовое совпадение.

Это вряд ли возможно. Это точно такая же рубашка, с пятнами крови и всем остальным. Все это время я думала, что Хейс избавился от нее, когда убирал все остальное. Но, к моему ужасу, я ошибалась.

— Нет, — говорю я, качая головой. — Это точно моя рубашка.

До той ночи она была одной из моих любимых. Я узнала бы ее где угодно. Я подумывала купить новую, но после этого она, понятное дело, была для меня испорчена, так что я решила не делать этого.

— Невероятно, — хмыкнула Мали. — Нет. Мы не будем этого делать. Они не испортят нам день рождения.

Она права. Достаточно того, что они испортили день рождения Хейса. Но когда она начинает набрасываться на девушку, я думаю, что три дня, которые она провела без выпивки, могли сделать текилу слишком крепкой.

— Ты, — требует она. — Дай мне поговорить с тобой минутку.

Девушка выглядит искренне смущенной, оглядывается по сторонам, пытаюсь понять, действительно ли Мали обращается к ней, но затем соглашается. Мали ведет ее в заднюю комнату, и я тяжело вздыхаю, когда Хейс, Кэм и я следуем за ней.

— Где ты взяла эту рубашку? — спрашивает Мали.

Она опускает взгляд на свою рубашку, а затем снова на Мали. — Кто-то дал мне ее. Они поспорили на двести долларов, что я не надену ее сегодня вечером. Я же показала им, не так ли?

Моя лучшая подруга притворяется, что смеется, но потом становится серьезной. — Мне нужно, чтобы ты отдала ее мне.

— Что?

— Я серьезно. — Она жестом показывает на рубашку. — Отдай ее мне.

Ее глаза увеличиваются вдвое, когда она обращается за помощью к остальным. — Но у меня под ней нет ничего, кроме лифчика.

Мали закатывает глаза и, схватившись за низ рубашки, поднимает ее над головой. — Вот. Можешь взять мою, но ты должна отдать мне эту.

Для нее это беспроблемный вариант. Ей не нужно ходить в рубашке, которая выглядит так, будто ее забрали с места преступления, что, к сожалению, именно так и есть. Мы с Мали проводили парней взглядом, и они обернулись, увидев, что девушка снимает рубашку.

— Это очень мило! — взволнованно говорит она. — Спасибо!

— Ты могла бы отблагодарить нас, сказав, кто надоумил тебя надеть это сюда, — говорю я ей.

Но, к сожалению, она поджимает губы и качает головой. — Я их не знала. Мы с друзьями играли в экстремальную игру «правда или действие» в приложении. Любой человек может загадать тебе что угодно. Рубашка была доставлена мне на дом.

Сукин сын.

Хейс нахмурил брови. — Сколько тебе лет?

Улыбка сползает с ее лица, как будто она знает, что ее поймали. — Семнадцать.

Он кивает Кэму, который кладет руку ей на плечо. — Извини, малышка. Мне придется проводить тебя отсюда.

— Блин, надо было соврать, — хнычет она. — Моя мама была не права. Честность — не лучшая политика.

Когда Кэм снова закрывает за собой дверь, я поворачиваюсь к Мали.

— Это было мило и все такое, но что ты собираешься делать теперь? — спрашиваю я ее.

Она пожимает плечами. — Что ты имеешь в виду? Я просто выйду туда в лифчике.

Мы с Хейсом фыркнули в унисон. — Ты пытаешься добиться того, чтобы Кэму вернули условный срок? Стоит одному парню моргнуть в твою сторону, и он тут же перейдет в режим бойфренда-собственника. Он хуже Хейса.

— Сомневаюсь, но я тебя понял, — пробормотал он.

Мы с Мали оглядываем комнату в поисках какой-либо одежды, но ее нет. Только ящики

с пивом, мусорные пакеты и бумажные полотенца, которые могли бы подойти, если бы это была вечеринка в стиле «Все, что угодно, только не одежда», но это не так.

У меня нет другого решения, кроме одного.

— Вот. — Я снимаю свою собственную футболку и бросаю ей. — Надень это.

Хейс поднимает брови. — А что конкретно *ты* собираешься надеть?

Яжимаю плечами. — Я просто подожду здесь, пока все не уйдут, наверное.

Я же не настолько наивна, чтобы поверить, что он позволит мне выйти в лифчике. Он бы скорее позволил девушке оставить себе эту мерзкую рубашку, чтобы мы все снова были одеты.

Хейс закатывает глаза, тянется за голову и стягивает с себя футболку. Поправив ее так, чтобы взять за воротник, он надевает ее мне на голову и натягивает на меня. Это настолько властный ход, что он помогает мне почувствовать себя немного менее испуганной из-за того, что мы снова живем в нашем личном аду.

— Тебе просто нравится, когда девушки глазеют на тебя, потому что ты без рубашки, — шучу я.

Он усмехается. — Ты меня подловила. Это именно то, чего я хотел. Я просто воспользовался случаем.

Дверь снова открывается, и Кэм заходит внутрь, но останавливается и оглядывается по сторонам в замешательстве. — Какого хрена ты здесь делаешь?

— Спасая тебя от тюрьмы, приятель, — говорит Хейс.

Он выглядит озадаченным, пока я не объясняю. — Мали собиралась вернуться на вечеринку в лифчике.

На секунду поперхнувшись воздухом, он поворачивается к Мали, но она смотрит куда угодно, лишь бы не смотреть на него. — Ребята, а вы знаете, что в том углу паутина?

Кэм вздыхает, ущипнув себя за переносицу. — Я не мог увлечься никем другим. Это должна была быть *только* она.

Мы все смеемся, чувствуя, что настроение немного улучшилось, пока все наши телефоны не зазвонили одновременно. Никто из нас не шевелится. Мне кажется, мы даже не дышим. Но мы уже пробовали игнорировать их. Это только привело их в еще большее отчаяние.

Этот пожар подпитывается бесконечным запасом бензина. Если мы не справимся с ним, он будет гореть вечно.

Сделав глубокий вдох, я достаю из кармана телефон и читаю сообщение.

Ты такой милый, что думал, будто избавился от меня. Бедный Айзек. Он просто оказался не в том месте и не в то время. Он был бы идеальным козлом отпущения, но я еще не закончил с вами.

Ладно, теперь меня действительно может стошнить от моей единственной порции алкоголя на вечеринке, будь я проклята.

Это должно было закончиться. Мы разобрались с этим. Были даже улики, связывающие его с Айзеком, но, поразмыслив, мы поняли, что все это могло быть связано с чем-то другим. Может быть, неудачное совпадение, или его могли подставить. Я просто рада, что Хейс не убил его, потому что это привело бы к совершенно другому уровню ненависти к себе. Что касается того, что он получил, то я не могу сказать, что он этого не заслужил. Айзек не был невиновен.

— Или ты можешь сказать, что я вам говорила? — напеваю я, когда мы входим в дом.

Мали провожает меня взглядом. — Ладно, Кэрри Андервуд. Мы все поняли. Ты была права, мы были неправы.

Я поджала губы. — Можно я запишу, как ты это говоришь? Это будет лучшим рингтоном.

Она показала мне средний палец и уронила сумку.

Мы все решили, что будет лучше, если Кэм и Мали переедут к нам на некоторое время. С учетом того, что все это дерьмо снова началось, никто из нас не должен оставаться один. Кроме того, так мы сможем работать над тем, чтобы разобраться с этим дерьмом, каждый раз, когда мы не заняты. Это беспроектный вариант. Мы становимся сильнее и находчивее.

Кэм входит с Хейсом за спиной и направляется прямо на кухню, откуда выходит с бутылкой дезинфицирующего средства и рулоном бумажных полотенец. Но больше всего мне понравилось, когда он достал из сумки желтые резиновые перчатки и надел их.

— Какого хрена ты делаешь? — спрашивает Хейс.

Кэм поднимает на него взгляд, как будто это очевидно. — Не думай, что я не знаю, что вы двое трахаетесь как кролики. Если я останусь здесь, я протру все чертовы поверхности, прежде чем к чему-то прикоснуться.

Хейс усмехается, а я закатываю глаза, понимая, что секс будет затруднен теперь, когда мой брат будет спать в другом конце коридора. Когда-то я пыталась научиться вести себя тихо, но это чертовски невозможно. Хейс не унимается, пока не убедится, что все в радиусе мили меня слышат.

Чертов пещерный человек.

Я оглядываюсь на Мали и вижу, что она наблюдает за Кэмом с ласковой улыбкой на лице. В какой-то момент я должна спросить ее, что там происходит. Ведь очевидно, что они без ума друг от друга, так почему, черт возьми, они не вместе?

Но это может подождать.

Сейчас у нас есть работа.

Мы снова вернулись к исходной точке, только на этот раз ребята стали гораздо более заботливыми. Нам с Мали никогда не разрешается оставаться одним. Мы можем быть друг с другом или с кем-то из них. Но возможность остаться дома или поехать куда-то на машине? Да, это уже давно в прошлом. Это очень похоже на наказание, но я понимаю. Они просто пытаются нас обезопасить.

Был даже день, когда девушка, с которой должна была работать Мали, отпросилась, и Кэм просидел с ней всю смену в *Wrapped in Lace*. Кто-то может назвать это излишеством, но после того, как мы увидели, на что способен этот человек, мы считаем это необходимым.

Исследования также возвращаются к началу. В прошлый раз мы ошиблись. И хотя в глубине души я всегда чувствовала, что это еще не конец, я позволила себе слишком успокоиться в тишине последних двух недель. Но это ощущение прежней жизни, той, где мы с Хейсом счастливы вместе и все прекрасно, — это основное, что заставляет меня продолжать борьбу.

Мы проверяем всех, кто может быть под подозрением, даже Айзека, потому что не исключено, что он может вести себя так, будто это не он — хотя это было бы глупо, учитывая то, что у Хейса есть на него сейчас. Но он никогда не отличался большим умом.

— У тебя есть что-нибудь на Крейга? — спрашиваю я Мали.

Она качает головой. — Нет. Он только что обручился с какой-то девушкой, с которой познакомился в колледже. Не думаю, что сейчас его это волнует.

Спасибо, черт возьми, за это.

— А что насчет Лукаса?

Хейс вздохнул. — Нет. Ты была абсолютно права. Обычный паренек, который равнодушен к моей жене.

Я ухмыляюсь. — Уже дважды за три дня мне говорят, что я права.

Мали застонала. — Надо это прекратить, а то у нее начнутся проблемы.

— Слишком поздно, — пропела я.

Какая-то часть меня думала, что это будет дерьмовое шоу — все мы живем в одном доме, но каким-то образом это работает. Каждое утро Кэм отправляется в спортзал на рассвете, поэтому он всегда приносит домой кофе. Мы с Мали готовим завтрак, потому что в то утро, когда Хейс попробовал, нам всем было плохо до конца дня. Он может обойтись бубликами и хлопьями. Ничего больше.

Вместо этого он отвечает за то, чтобы убедиться, что его мама в безопасности. Мы не знаем, на что способен этот человек и как далеко он готов зайти, чтобы добиться своего, поэтому он увеличил количество своих визитов до двух раз в день. Иногда я хожу с ним. Ей нравится видеть нас снова вместе, и, отвлекаясь на это, она не замечает, как напряжен Хейс.

Но я-то замечаю.

— Ладно, — говорю я, закрывая компьютер и вставая, чтобы потянуться. — Сейчас четыре утра, и я устала.

— Да, я тоже, — соглашается Мали и отправляется спать.

Кэм уже наверху, отключился в гостевой комнате, которую он делит с Мали. Ему поручили выяснить, как обстоят дела с Оуэном, что было довольно просто. Он был наименее вероятным из всех подозреваемых, поэтому потребовалось всего полчаса, чтобы исключить его из списка подозреваемых.

— Детка, ты идешь спать? — спрашиваю я Хейса.

Он кивает, но, вставая, хватая свой ноутбук, чтобы взять его с собой. — Да. Я могу сделать это из постели.

Мы с Мали обмениваемся взглядами, и она молча желает мне удачи, прежде чем отправиться наверх.

Уф. — Нет, перестань, — говорю я. — Положи его и просто иди со мной в постель. Это может подождать до завтра.

Правда в том, что Хейс не спит. Вообще. Он думает, что я этого не замечаю, потому что в большинстве случаев он притворяется, что засыпает, когда засыпаю я. Но посреди ночи, приоткрыв глаза, я вижу, что он сидит в кровати и листает телефон.

Даже сейчас я могу сказать, что он подумывает о том, чтобы остаться здесь, чтобы продолжать все изучать, но он устал. Это видно по его лицу. Он просто не хочет признать, что это проблема.

— Хейс, — мягко говорю я, подходя ближе и кладя руку ему на грудь. — Все в порядке. Давай просто немного поспим. Завтра мы сможем взглянуть на это свежим взглядом.

Он смотрит мимо меня, и я легонько кладу руку ему на щеку, чтобы он посмотрел мне в глаза. Только так я могу заставить его согласиться. И когда его взгляд встречается с моим, я чувствую, что он сдается, вздыхая.

— Хорошо, — пробормотал он, положив компьютер обратно на журнальный столик. — Давай ляжем спать.

Мы поднимаемся по лестнице и забираемся в постель. Он обхватывает меня руками и прижимает к себе. Это единственное, что заставляет меня чувствовать себя комфортно — ощущение его присутствия. Он — моя опора, мой защитник, мой дом.

И когда утром я просыпаюсь и вижу рядом с кроватью компьютер, я понимаю, что *он* тоже нуждается в защите.

Реальность того, с чем мы имеем дело, нависла надо мной тяжелым грузом. Несмотря на то, что на фронте все было относительно спокойно: всего несколько издевательских текстовых сообщений и проколотые шины грузовика Хейса в одну из ночей, когда он закрывал бар, я знаю, что если мы не разберемся с этим, нас ждет что-то мрачное.

Если стресс не уничтожит Хейса раньше, чем это сделает наш преследователь.

Сегодня день Кэма, когда он открывает бар, а значит, день Хейса, когда он его закрывает. По выходным они делают это вместе, а в будни, как правило, один из них может все успеть. К тому же, в большинстве случаев им помогает Райли.

Я спускаюсь вниз и застаю Кэма и Мали на кухне. — Где Эйч?

— Он вышел за молоком, — отвечает Мали. — Он просил нас не будить тебя.

Конечно, он попросил. Он всегда беспокоится обо всех остальных, но никогда о себе. Это то, что мне в нем нравится... когда это не подвергает его опасности. Я смотрю на брата и понимаю, что рискую, даже поднимая эту тему, но это единственное, что я могу придумать, чтобы спасти Хейса.

— Я беспокоюсь за него, — признаюсь я.

Они оба поворачиваются, чтобы посмотреть на меня, и только Кэм отвечает. — Волнуешься за него? Почему?

Я пожимаю плечами. — Он не спит. Он пытается взять на себя все. Бар, выяснение, кто за всем этим стоит, защита меня и уверенность, что с его мамой все в порядке. Этого просто слишком много.

Кэму кажется, что это не так уж и важно. — Нет, Хейс уже привык спать всего несколько часов в сутки.

— Нет, ты не слушаешь, — говорю я ему. — Он вообще не спит.

Теперь до него начинает доходить. — Даже час или два?

— Нет. — Я сжимаю губы, чтобы сохранить самообладание, переполненная тем, как я за него переживаю. — Я пыталась поговорить с ним об этом, но он сказал, чтобы я не забивала себе этим голову. Что с ним все в порядке. Но я-то знаю лучше.

Мали подходит и обнимает меня, пока Кэм проводит пальцами по своим волосам. — Я могу попробовать поговорить с ним. Может быть, он скажет мне, в чем дело.

Я качаю головой. — Это не сработает.

— Она права, — соглашается Мали. — Если он говорит ей, что у него все в порядке, то и тебе он скажет то же самое. Вы оба упрямые ослы.

Его плечи опускаются, когда он понимает, что мы правы. — Ладно, тогда что нам делать? Мы же не можем его усыпить.

Я смотрю вниз на свои колени. — Вообще-то у меня есть идея, но тебе она не понравится.

— Когда это было не так? — пробурчал Кэм. — Я слушаю.

Посмотрев на Мали, она кивает. Я уже обсуждала с ней эту идею вчера, и хотя она считает меня сумасшедшей, она согласна с тем, что в этом есть смысл.

— Мне нужно попробовать встретиться с ними наедине.

Изо рта Кэм вырывается смешок. — Ни в коем случае. Ты что, хочешь, чтобы тебя убили?

Я закатываю глаза. — Просто выслушай меня.

— Мне не нужно тебя слушать! Ответ — нет.

— Кэм, — говорит Мали.

Она — единственный человек, который может заставить его остановиться и выслушать. Ни у кого нет шанса управлять им, но у нее всегда есть способ, и именно поэтому она нужна мне здесь.

— Все, чего она хочет, чтобы ты выслушал ее, — говорит она ему.

Он не выглядит счастливым от этого, но все же сдается. Прислонившись к стойке, он скрещивает руки на груди и выжидающе смотрит на меня. — Продолжай.

— Подумай об этом, — начинаю я. — Только один из нас может заставить этого засранца приблизиться к нам. Все остальное скрыто за текстовыми сообщениями и делается посреди ночи. Но они недооценивают меня. Моя машина. Номер в мотеле. Я единственная, к кому удастся подобраться достаточно близко, чтобы выяснить, кто это, и это происходит только тогда, когда я одна.

Он пожевал внутреннюю сторону щеки, обдумывая мои слова. — Лей, этот ублюдок всегда на шаг впереди. Что, если они знают, что это ловушка? Ты рискуешь здесь своей жизнью.

— Но я не буду рисковать, если вы с Мали будете постоянно присматривать за мной, — рассуждаю я. — Кэм, он не может продолжать в том же духе. Он заболит или еще хуже. Это небезопасно.

Он насмехается. — А встречаться с убийцей — это не опасно?

Я не отвечаю, потому что он прав, но все это ведет ко мне. Я не позволю Хейсу погубить себя из-за этого. Я уже достаточно навредила. Все, чего я хочу, — это сделать его лучше. И если это даст мне хоть какой-то шанс вернуть свою жизнь, ту, что была с ним, я сделаю это.

Я сделаю для этого все, что угодно, в том числе и рискну своей жизнью.

Кэм откидывает голову назад. — Хуже всего то, что я знаю: если я не соглашусь, вы двое все равно это сделаете.

Мали улыбается на это. — Высокомерный, но такой внимательный.

Он сужает на нее глаза. — Не смотри на меня так. Ты на ее стороне в этом деле. Вы обе засранки, насколько я понимаю.

— Но ты согласен? — с надеждой спрашиваю я.

Его руки вцепились в стойку, и костяшки пальцев побелели. Ему это совершенно не нравится, впрочем, как и всем нам. — Да, я в деле.

Спасибо тебе, сладкий младенец Иисус.

Я беру телефон со стойки и начинаю план, который обдумывала с той самой первой минуты, когда застала Хейса проснувшимся посреди ночи.

Ладно, я больше не могу. Ты выиграл. Скажи мне, где тебя ждать, и я дам тебе все, что ты захочешь.

Хейс

Бывало ли у вас ощущение, что вы находитесь на грани между стабильностью и эпическим срывом? Вы знаете, что одно неверное движение — и вы сорветесь в пропасть, но вы также знаете, что если вы перестанете двигаться, то и тогда вам конец. Поэтому ты продолжаешь делать шаги, убеждая себя и всех вокруг, что с тобой все в порядке, и чертовски надеясь, что выживешь.

Такова моя жизнь во все времена.

Нет ни одного момента, когда бы все успокоилось. Нет времени, когда я могу перевести дух. Я вынужден учиться функционировать в хаосе. Это единственный выход, который у меня есть.

Я прислоняюсь к барной стойке, делая вид, что слушаю Финна, рассказывающего об идеальных волнах, которые он нашел на днях. Сегодня у меня действительно не хватает терпения на него, особенно когда он спрашивает, где сегодня все эти красотки, но он покупает пиво, а Кэм сказал, что выгнать его — плохо для бизнеса.

Иногда мне нравится, когда он рассуждает здраво. А иногда мне хочется сказать ему, чтобы он отвалил и делал то, что я хочу.

— Ты должен был это видеть, братан, — продолжает Финн. — Труба была просто убийственной!

Он разворачивает свой телефон, чтобы показать мне фотографию, которую сделал его друг, и я настолько измотан, что даже не думаю остановить себя, прежде чем рассмеяться.

— Чувак, эта хрень закрылась еще до того, как ты в нее вошел. Неудивительно, что ты выдохся.

Финн закатывает глаза, отключает телефон и кладет его на барную стойку. — Неважно. Волны здесь все равно дерьмовые.

Это первая правдивая вещь, которую он сказал за весь вечер. — Тебе лучше поехать в Калифорнию. Там серфинг намного лучше.

— Не, не могу, — говорит он. — Я там жил, и у меня есть несколько неоплаченных судебных ордеров. Если я вернусь, меня посадят.

У меня пересохло во рту. — Что?

Он пожимает плечами, как будто это не имеет значения. — Просто несколько дерьмовых обвинений. Ничего серьезного.

То, как он говорит об этом, заставляет меня поверить ему, но если я чему-то и научилась за последнее время, так это тому, что ничему не надо верить и все подвергать сомнению. Я достаю свой телефон и отправляю сообщение в наш групповой чат.

Проверьте Финна. Судя по всему, у него «несколько судебных ордеров» на западном побережье. Может, это и ерунда, но проверить стоит.

Положив телефон, я поднимаю голову и вижу, что он наблюдает за мной. Это немного жутковато, но, опять же, он не самый нормальный из парней. Кэм думает, что ему просто скучно и у него нет друзей, и, возможно, он прав. А может быть, ему так скучно, что нужно чем-то себя развлечь.

Мой телефон звонит, и я ожидаю, что это будет ответ на отправленное мной сообщение, но его нет. Вместо этого сообщение от человека, которого я не хочу сейчас слышать. Это также исключает Финна, потому что он стоит прямо передо мной, положив телефон лицом вниз на барную стойку.

Сейчас 10 вечера. Ты знаешь, где твоя жена?

Я чувствую, как мой желудок скручивается, когда приходит фотография. На ней Лейкин стоит посреди кладбища, и она совершенно одна.

Черт возьми.

Глупо ли было оставлять какого-то пляжного бездельника ответственным за мой бар? Безусловно. Но если у Кэма с этим проблемы, ему следовало подумать об этом, прежде чем позволять Лейкин совершать такие безрассудные поступки. Я смотрю на приложение, которое показывает все наши местоположения, и вижу, что Кэм и Мали находятся через дорогу от того места, где она сейчас, но это, на мой взгляд, недостаточно близко.

Сердце замирает в горле, когда мой грузовик летит по дороге. Если меня сейчас увидит полицейский, меня в конце концов арестуют, потому что он обязательно остановит меня за то, что я выехал на встречную полосу, чтобы объехать человека, который едет на скорости ниже установленной. И мне все равно, сколько светофоров окажется за моей спиной — я не остановлюсь, пока не доберусь до Лейкин.

— Давай, давай, давай.

Шины моего грузовика отрываются от земли, когда я перелетаю через холм, и я почти теряю управление, когда он приземляется. Но это не замедляет меня. Я слышу звук заноса на асфальте, когда делаю поворот, и, наконец, в поле зрения появляется кладбище.

Я нажимаю на тормоза и бросаю машину на парковку, выпрыгивая из нее.

Она должна быть где-то здесь.

Из-за высоких каменных плит и мавзолея в центре мне трудно что-либо разглядеть. И больше всего я боюсь, что увижу ее телефон где-нибудь на земле, а Лейкина нигде не окажется.

Невозможно отследить ее местонахождение без телефона.

— Лейкин! — кричу я, но ничего не слышу в ответ. — Черт!

Паника охватывает меня, и я продолжаю оглядываться по сторонам, выкрикивая ее имя. Вот почему я не хочу, чтобы она ходила куда-то одна. Это небезопасно! И вообще, какого

черта она делает на кладбище? Это просто напрашивается на то, чтобы случилось что-то ужасное.

— Лейкин! — снова кричу я, и, милостью Божьей, на этот раз получаю ответ.

— Эйч.

Повернувшись, я вижу, что она стоит там, совершенно невредимая. Облегчение захлестывает все мое тело, смывая бешеную тревогу. Несмотря на то, что я сейчас безумно зол, я не могу удержаться от того, чтобы не подойти к ней и не заключить ее в свои объятия.

Когда ее тело прижимается к моему, я чувствую, что мое кровяное давление падает ближе к нормальному уровню, но не настолько, чтобы игнорировать, какого черта она здесь делает.

— Что, черт возьми, с тобой не так? — с болью спрашиваю я. — Тебя могли убить!

Она хмурится, и я вижу, что она понимает, насколько это было глупо. — Я пыталась покончить с этим. Ты пытаешься взять на себя так много, и ты утверждаешь, что с тобой все в порядке, но я знаю, что это не так. Я просто хочу, чтобы у тебя все было хорошо.

Я беру ее лицо в свои руки и смотрю ей в глаза. — Лейкин, если с тобой что-то случится, я больше никогда не смогу быть в порядке.

У нее текут слезы, и я вижу, что она расстроена. Мы все расстроены. Это последнее, с чем мы хотели бы иметь дело. Но то, что она рискует своей жизнью, чтобы спасти мою, — это не выход.

И все же, как бы я ни был зол на нее сейчас, я не могу удержаться от того, чтобы не прижаться к ее губам. Она вздыхает, и ее руки ложатся на мои.

Неудивительно, что мы оба были на взводе. Когда в доме есть Кэм и Мали, секс практически невозможен. Мы по-прежнему используем любую возможность, но это уже не то. Я скучаю по тому времени, когда мы проводили весь день друг с другом. Когда мы перемещались по всему дому, не в силах удержать руки при себе.

— Ты доведешь меня до сердечного приступа, — говорю я ей, в моем тоне чуть меньше яда, чем она, наверное, заслуживает. — Никогда больше не делай ничего подобного. Хорошо? Это не стоит того, чтобы рисковать.

Она кивает, прижимаясь своим лбом к моему. — Хорошо, но ты тоже должен немного отдать. Ты не можешь взять все на себя в одиночку.

Я не могу удержаться от ухмылки. — Разве не это ты пыталась сделать сегодня вечером?

— Нет, — кивает она в сторону улицы. — За мной присматривали.

Оглянувшись, я вижу Кэма и Мали в окне многоэтажного дома, похожих на парочку ужасных шпионов. Их мог бы увидеть даже слепой. И когда я вижу бинокль, который Кэм держит у своего лица, я показываю ему средний палец.

С его задницей я разберусь позже.

— Лей, — говорю я. — Что, блядь, они собирались делать, если бы кто-то появился и попытался тебя схватить? Выпрыгнуть из окна?

Она усмехается, понимая, насколько это чудовищно глупо.

— Или, может быть, они отвлекутся от тебя, чтобы спуститься по лестнице. — Я огрызаюсь, когда наступает момент озарения. — Нет, я знаю. Они будут ждать лифта. Действительно не торопись.

Лейкин закатывает глаза. — Ладно, я поняла. Это было глупо.

— Это мягко сказано, детка, — говорю я ей, а затем прижимаю поцелуй к ее голове. —

Но мы будем работать над этим.

Я обнимаю ее, когда начинаю вести нас обратно к своему грузовику, но мы делаем всего несколько шагов, прежде чем я слышу позади знакомые стоны Лейкин. Сначала я подумал, не обиделась ли она или не издевается ли надо мной, но когда я опустил взгляд и увидел, что она смотрит на меня с тем же растерянным выражением лица, что и я, у меня свело живот.

Мы оборачиваемся и видим, что на стену мавзолея проецируется видео.

Точнее, *наше* видео.

Мы с Лейкин в ужасе смотрим, как я ввожу в нее свой член, и звуки ее стонов заполняют пустое пространство.

— Я думала, ты сказал, что избавился от этого, — говорит она, ее голос дрожит.

В этом-то и проблема. — Да.

Мы помчались домой, а через несколько секунд после нас подъехали Кэм и Мали. Видео было только на флешке в моем сейфе. Я положил ее туда после того, как получил ее, и с тех пор не прикасался к ней. Я думал посмотреть его один раз, когда тоска по ней стала слишком тяжелой, но не смог. Не тогда, когда я знал, что она не давала согласия на запись.

Лейкин следует за мной, когда я вбегаю в дом и поднимаюсь по лестнице, направляясь прямо к нашему шкафу. Мой сейф стоит на полу в углу, и я достаю из кармана ключи, чтобы отпереть его. Как только дверца распаивается, я чувствую последствия очередного поражения от этого ублюдка.

На том месте, где когда-то лежала флешка, лежит конверт, похожий на все остальные.

Никогда бы не принял тебя за любителя порно.

Я сохраню это для своих одиноких вечеров.;)

Я не могу решить, что хуже: то, что он был в доме, или то, что он был там сегодня ночью, наедине с Лейкин. Ее могли так легко похитить, и у этих долбанных придурков с другой стороны улицы не было бы ни единого шанса добраться до нее, прежде чем она исчезнет.

Такое ощущение, что все, кого я люблю, находятся под угрозой, а я ничего не могу с этим поделать. Я уверен, что не помогло и то, что у моей мамы сегодня был один из приступов. Это случается время от времени, когда она забывает о том, что происходит, из-за рака в ее мозге. Врачи сказали, что это будет происходить все чаще по мере приближения к концу, и обычно я могу с этим справиться, но сегодня было тяжело.

Когда я вошел, первое, что она сделала, это спросила, где мой отец. Она сказала, что искала его и нигде не может найти. Пришлось напомнить ей о том, что произошло, и снова разбить ей сердце.

Думаю, в следующий раз я просто скажу ей, что он в магазине.

Достаточно того, что мне приходится беспокоиться о том, что какой-то психопат

угрожает тем, кто мне дорог, и одновременно переживать из-за рака, который медленно убивает мою маму. А теперь, когда к этому списку добавляется Лейкин, безрассудно рискующая собой, становится только хуже.

— Не могу поверить, что ты оставил Финна за главного в баре, — говорит Кэм сквозь смех. — Я бы скорее оставил Мали за главную.

— Ай! — обиженно говорит она.

Я насмехаюсь, качая головой. — Можешь засунуть это себе в задницу. Я бы оставил это место в руках кого угодно, когда получил сообщение. О чем ты, блядь, думал?

— Меня заставили, — пытается он, но я на это не куплюсь. Я скрещиваю руки на груди и пристально смотрю на него.

— Что? Они набросились на меня, а ты знаешь, какие они бывают.

Лейкин бросается на защиту брата, зная, что он делает только хуже. — Кэм хотел сказать, что мы все беспокоимся о тебе. Ты не можешь оставаться без сна, особенно при том стрессе, который ты испытываешь. Твой организм отключится. А что, если это случится, когда ты будешь один? Что тогда? Ты останешься беззащитным? — Слезы наполняют ее глаза, когда в них проникает страх. — Ты не можешь так рисковать. Не можешь.

Я вздыхаю и прижимаю ее к себе. — Шшш. Хорошо. Я понимаю.

— Правда? — настаивает Мали.

— Да, — резко отвечаю я. Она тоже в моем списке дерьма. — Я обещаю поспать, если вы, идиоты, пообещаете больше не позволять Лейкин рисковать своей жизнью. Что, черт возьми, вы собирались делать, если что-то пойдет не так?

Кэм закатывает глаза. — Прямо за окном была водосточная труба. Я собирался спуститься по ней.

Ради всего святого. — Ты когда-нибудь пробовал скатиться по водосточной трубе?

— Нет.

Да, я так и думал. Я ущипнул себя за переносицу. — Неужели ты не понимаешь? Этот человек питается тем, что мы продолжаем скрывать друг от друга дерьмо. Они знают, что недостаточно сильны, чтобы противостоять нам всем вместе, поэтому они ждут, пока нас станет меньше. А если они настроят нас всех друг против друга, это будет самый простой способ уничтожить нас по одному.

— Они пытаются ослабить нас, — вслух признает Лейкин.

— Именно так, — говорю я. — И каждый секрет, который мы храним, дает им только больше силы.

Мы заключаем договор, прямо здесь и сейчас, о том, что не будем ничего скрывать друг от друга. Я также, возможно, вбил в их толстые черепа, что если они позволят Лейкин снова устроить подобное дерьмо, то беспокоиться им придется не о каком-то психопате, у которого слишком много свободного времени.

Судя по выражению их лиц, никто из них не хочет рисковать и проверять блефую ли я.

Хотел бы я сказать, что это единственный безрассудный поступок, который они совершили, но мы говорим о Лейкин и Мали. Они просто жаждут наказания, и когда мы с Кэмом входим в дом и обнаруживаем, что на диване сидит мужчина, которого мы никогда раньше не видели, я готов отдать их задницы в детский сад для взрослых, пока мы не можем за ними наблюдать.

— Кто это, блядь, такой? — спрашивает Кэм, когда мы оба замираем прямо перед дверью. — Кто, блядь, такой?

Мали закатывает глаза. — Это Генри. Он хакер.

Кэм фыркает. — Генри выглядит так, будто он печатает на пишущей машинке. И где, блядь, ты нашла хакера?

— Там, где любой бы нашел. В даркнете. Вот так, — просто отвечает она, как будто это не может заставить нас с Кэмом подавиться словами.

О, Боже. — Кэм, *ты* возьмешься за это?

Он качает головой. — Я слишком слаб, когда дело касается ее. Это сделаешь ты.

— Справедливое замечание.

Мои брови поднимаются, и я наклоняю голову в сторону, глядя на Мали, замечая, что Лейкин сидит в другом углу и хранит полное молчание. И что-то подсказывает мне, что попкорн, который лежит у нее на коленях, не случайно пришелся ко времени.

— Даренет? — спрашиваю я Мали, и она кивает. — С каких пор ты там бываешь?

Я достаточно слышан об этом, чтобы понять, что это последнее место, где она должна быть. Держу пари, что она даже не подумала скрыть свой IP-адрес, закрыть камеру или закрыть все остальное на своем компьютере, прежде чем зайти на него. Это как Amazon для нелегального дерьма, которое вы не должны искать, и они не зря называют его «темной паутиной». Почти все, что там есть, — полный пиздец.

— С тех пор как кто-то решил нам отомстить и умеет держать обиду лучше, чем наш дорогой Кэм, — язвит она.

Кэм даже не замечает, что ему только что нанесли словесный удар. Он слишком занят тем, что оценивает Генри. Через мгновение он подходит и втискивается между Мали и Генри, заставляя их обоих подвинуться, когда он садится.

— Так-то лучше, — говорит он, довольный собой.

Тем временем я смотрю на Лейкин. Когда она видит, что я смотрю на нее, она замирает. Ее жевание прекращается, а глаза расширяются.

— Есть что-нибудь добавить? — спрашиваю я.

Она мило улыбается. — Я уже говорила тебе сегодня, что ты сексуальный и бог секса среди мужчин?

Да, определенно, утром я позвоню в детский сад для взрослых.

Повернувшись обратно к Мали, я выдыхаю весь воздух из легких. — Ну, раз уж ты так любезно пригласила в мой дом совершенно незнакомого человека из даркнета, я могу послушать, что у тебя есть.

Мали торжествующе ухмыляется и наклоняется вперед, чтобы посмотреть поверх Кэма. — Рассказывай, Генри, мой мальчик.

Кэм смотрит на нее и медленно качает головой — молчаливый сигнал, что называть его иначе, чем по имени, строго запрещено. Но вряд ли это то, о чем он должен беспокоиться, когда я смотрю на Генри.

Наш новый друг из даркнета, судя по всему.

Если у меня и есть седые волосы, то только потому, что я женился на половине Тельмы и Луизы этого поколения.

— Мали сказала, что у вас была проблема с тем, что кто-то взломал камеры в вашем баре? — спросил он.

Я наклоняю голову вперед-назад. — Так и было, пока Кэм не вырвал камеры из стены.

Генри фыркнул. — Вряд ли это долгосрочное решение.

Ладно, я слушаю. — У тебя есть что-то получше?

— Если бы это было не так, меня бы здесь не было, — говорит он. — Если вы дадите мне доступ к этим записям, я смогу определить, кто это. Для того чтобы эти камеры передавали информацию на сервер, они используют определенный код. И когда кто-то подключается к ним, чтобы получить прямой доступ, он добавляет код в метаданные. Это происходит автоматически. Большинство людей даже не осознают, что они это делают.

— Значит, вы хотите, чтобы я предоставил вам доступ к системе камер моего бара, потому что вы, *возможно*, сможете узнать, кто взламывает камеры? — Вряд ли это звучит как *хорошая сделка*.

Он пожимает плечами. — С моей точки зрения, тебе нечего терять. Ваш приятель уже вырвал камеры из стены. Кроме того, если я не смогу их обнаружить, то меньшее, что я могу сделать, это заблокировать их сигнал и усилить ваш межсетевой экран, чтобы им было сложнее проникнуть обратно.

Что ж, в его словах есть смысл. Я не собирался ставить камеры обратно, пока не буду убежден, что все улажено. Ирония по поводу того, что с ними опаснее, не покидает меня и сейчас. Но не мешало бы сделать межсетевой экран посильнее, чтобы никто больше не смог в него проникнуть.

— Ладно, черт с ним, — говорю я ему. — Мали, иди и возьми мой компьютер.

— Я? Почему я?

Наклеив на лицо фальшивую улыбку, я подмигиваю ей. — Потому что ты так любишь компьютеры и *даркнет*.

Она хмыкает, встает и, ворча про себя, идет наверх за моим ноутбуком. Мы неловко молчим, пока ждем ее возвращения, и когда его взгляд переходит на Лейкин, я кашляю.

— Не смотри на нее.

Возможно, он просто выполняет работу, которую поручила ему Мали, но я не знаю этого человека. И пока он не докажет мне обратное, он просто какой-то гребаный чудак, который познакомился с кем-то в Интернете и пришел к ним домой. Наверное, он думал, что сорвал джек-пот, когда они открыли дверь.

Серьезно, мне интересно, действительно ли Кэм так сильно увлечен Мали, *или же* он переживет, если она, скажем так... исчезнет.

Мали спускается вниз и протягивает мне компьютер, одаривая меня своей лучшей улыбкой. Я усмехаюсь, открываю его и ввожу свой пароль. Вход на сервер занимает целую минуту, учитывая, что мы уже давно не заходили на него. Да и не было причин. Но как только я вошел, я передаю компьютер Генри.

— Хорошо, — говорю я ему. — Занимайся своими делами.

Он несет его на кухню, и мы все следуем за ним, стоя позади, когда он садится за остров. Я не беспокоюсь о том, что он может увидеть на экране. Мы уже стерли видеозапись, сделанную утром после инцидента с трупом. На ней все равно не было ничего полезного. Похоже, что камеры глючили. В одну секунду видео не было, а в следующую — было.

Я думаю, что у них был доступ, и они выключили их перед тем, как войти, и снова включили, когда ушли. А значит, я могу только представить, какие кадры у них есть. Но я полагаю, что это меньше из того, что нас беспокоит, учитывая, как много у них есть информации о смерти Монти.

Генри нажимает несколько кнопок, и на правой стороне появляется куча кодов, похожих на тарабарщину, а видео остается на левой. Он начинает воспроизводить первый ролик и рассказывает, как код прокручивается в быстром темпе, а он ищет определенную строку, чтобы узнать, когда появится ответ.

Он говорит, что это легко, но что-то подсказывает мне, что это будет совсем не так.

Одно видео превращается в семь, и, честно говоря, мне это уже надоело. Либо этот парень понятия не имеет, что делает, либо наш маленький друг приложил все усилия, чтобы замести следы.

— Так, последняя попытка, — говорю я, переходя к видео, которое, как я знаю, они смотрели, потому что мне пришло сообщение. — Я точно знаю, что во время этой съемки их прослушивали, потому что они никак иначе не могли узнать, что я смотрю на Лейкин.

Она оглядывается на меня, уголки ее губ слегка приподнимаются. Боже, все было бы гораздо проще для меня, если бы я мог злиться на нее. Но я прекрасно понимаю, что имел в виду Кэм, когда говорил, что он слаб, когда дело касается Мали. У Лейкин тот же эффект.

Мы все вместе смотрим видео, ищем что-нибудь необычное в кодировке, на которую мы смотрели последние два часа, но ничего нет. Даже когда мы видим момент, когда Кэм выхватывает у меня телефон, я понимаю, что за мной следили.

— Да, здесь ты ничего не найдешь, — говорю я. — Если бы это было так, то это было бы там.

Генри хмыкает, нажимая еще несколько клавиш. — Это бессмысленно. Чтобы заблокировать этот код или удалить его из каждого видео, нужно быть очень опытным хакером.

— Ну да, — говорю я, — одни выигрывают, другие проигрывают.

Единственное, что это мне объяснило, так это то, почему хакер, которого мы использовали в деле Монти, был взломан, а затем убит. Им что-то от него было нужно, и, как только он закончил, они от него избавились.

Вернее, заставили нас избавиться от него.

— Спасибо за попытку, Генри, — говорю я, кладя руку ему на плечо. — Я ценю это.

На самом деле, нет. Он был относительно бесполезен, и я чувствую, что зря потратил последние два с половиной часа своей жизни. Но на данный момент все так, как есть.

Генри смотрит на меня, потом на Мали. — Эм, остается вопрос оплаты.

— Что?

Мали подталкивает меня. — Ты должен заплатить человеку.

Ты, наверное, издеваешься надо мной. — За что? Он ничего не сделал!

Генри возмущается, расправляя плечи. — Я сделал твой межсетевой экран почти непробиваемым.

— От чего? От дошкольника с айпадом? — насмехаюсь я. — Убирайся отсюда на хрен.

Лейкин оборачивается с неуверенным выражением лица. — Детка, учитывая все, с чем мы сейчас имеем дело, ты действительно хочешь оказаться на плохой стороне разъяренного хакера?

Мои плечи опускаются, и я начинаю размышлять о том, действительно ли Мали нуждается в защите, которую мы ей постоянно предоставляем, пока я достаю бумажник. Ведь работать на смене в одиночку не так уж безопасно, а прогулка по темному переулку ночью? Для нее это детская забава.

— Сколько?

— Сотня, — отвечает Генри.

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Мали, и она быстро отводит взгляд. Вытащив половину своих сегодняшних чаевых, я пересчитываю их, чтобы убедиться, что все правильно, и протягиваю ему.

— Вот, — говорю я, не скрывая сарказма в своем тоне. — Хорошего вам вечера.

Генри с радостью принимает их, говорит Мали и Лейкин, что был рад познакомиться с ними, а я следую за ним к двери. Когда он уходит, я наконец-то могу отказаться от этого гребаного образа хорошего парня. Я поворачиваюсь и мысленно бросаю кинжалы в Мали.

— Ну, он был милым, — говорит она.

— Он был гребаным мошенником, — говорю я ей. — О чем ты, блядь, думала? Ты не заходишь в даркнет и уж точно не приглашаешь случайных людей из него в этот чертов дом! Ты что, хочешь, чтобы тебя убили? Может, нам просто сделать это сейчас?

Она оглядывает меня с ног до головы и скрещивает руки на груди. — Это была хорошая идея, и он был очень авторитетным хакером.

— Он просто гик! — кричу я. — Этот парень не мог бы взломать доступ в публичную библиотеку.

Но, как мы уже говорили, злость друг на друга ничего не исправит. Это то, чего они хотят. Мы слабее, когда мы врозь, и если я злюсь на них, это подвергает риску всех нас.

Все было бы намного проще, если бы они не испытывали мое чертово терпение на каждом шагу.

— Возможно, это было не так уж и бессмысленно, в конце концов, — воскликнула Лейкин. — Кто-нибудь из нас проверял Райли?

— Райли? — Кэм кивает. — Я. А что?

Она нажимает пару кнопок на моем ноутбуке и перезапускает последнее видео, которое мы смотрели. — Пока все смотрели код, я смотрела видео, и не могла не заметить ее лицо, когда Хейс подошел поговорить со мной.

Мы наблюдаем за тем, как я смотрю на Лейкин и начинаю готовить ей напиток, прежде чем подойти к столу. Как только я подхожу к ней, она ставит видео на паузу и увеличивает изображение Райли. Она, конечно, смотрит на нас, но я не уверен, что это что-то доказывает.

— Я имею в виду, что, учитывая то, как она хочет залезть в штаны Хейса, я не вижу в этом ничего необычного, — говорит Кэм, высказывая мысли, которые я собирался оставить при себе.

Лейкин кивает и берет свой телефон. — Да, но посмотрите на фон этой фотографии с моего дня рождения.

Она показывает нам фотографию, сделанную Мали в тот момент, когда пробило полночь, а на заднем плане стоит Райли с тем же выражением лица.

— Она выглядит так, будто хочет моей смерти, — говорит Лейкин.

Выражение лица Мали говорит о том, что ее эго растет по мере того, как мы разговариваем. — Мне никогда не нравилась эта сучка.

Я закатываю глаза и обращаю внимание на Лейкин. — Детка, я все понимаю. Я правда понимаю. И мы будем иметь это в виду, но я не думаю, что это Райли. Правда, не думаю.

— Извини, сестренка, — говорит Кэм. — Я должен согласиться. Она хочет его. Уже больше года безрезультатно. Я не ожидаю, что она когда-нибудь будет счастлива, глядя на вас двоих. Особенно когда он смотрит на тебя так, как смотрит. Боже, даже *меня* тошнит от этого.

Я показал ему средний палец, прежде чем протянуть руку Лейкин. — Давай. Идем спать.

Она не выглядит убежденной, но все равно кивает, закрывает компьютер и идет со мной. Перед тем, как мы достигаем лестницы, я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Мали.

— Кстати, ты должна мне сотню, — говорю я ей.

Нельзя отрицать, что она не в восторге от этого, но она все понимает и кивает.

Мы с Лейкин поднимаемся в нашу комнату, и как только мы заходим внутрь, я закрываю дверь. Наконец-то я чувствую, что могу отпустить часть стресса последних нескольких часов. Повернувшись, я снова беру Лейкин за руку и поворачиваю ее так, чтобы она оказалась лицом ко мне.

— Детка, — говорю я, стараясь сохранять спокойствие.

Она вздыхает. — Я знаю, что ты собираешься сказать, но ты должен знать, что это была идея Мали, и я не знала об этом, пока он не приехал.

— И ты не подумала сообщить мне, что какой-то случайный парень пришел к нам домой? — спрашиваю я. — Да ладно, Лей. Ты же намного умнее этого.

Она опускает голову и кивает. — Прости. Я просто так надеялась, что это сработает. Вы же собирались использовать хакера, пока не поняли, что он мертв.

— Это был настоящий хакер. Тот, который не ходит по домам, потому что он легальный.

Она вздрагивает от моего тона, и я снова сдерживаю свой гнев, прижимаясь поцелуем к ее лбу.

— Я не сержусь на тебя, Лей, — говорю я ей. — Но мне нужно, чтобы ты была осторожнее. Потерять тебя снова — значит уничтожить меня, а жить без тебя я больше не намерен. Так что больше никакого даркнета и никаких незнакомцев, входящих в эту дверь. Хорошо?

Кивнув, она обхватила меня за талию и положила голову мне на грудь, и я выдохнул, потому что это то, что мне было нужно.

Это то, в чем я всегда нуждаюсь.

Она.

26

Лейки

Позвольте заметить, что я законченная лицемерка. Я признаю это, и я это понимаю. Всего пару дней назад я читала Хейсу лекцию о важности сна, и вот я уже допоздна занимаюсь исследованиями, а он спит рядом со мной.

Добро пожаловать в сумеречную зону.

По какой-то причине я не могу выбросить из головы выражение лица Райли. Это не был типичный ревнивый взгляд. В нем было что-то более темное. Что-то более зловещее. Я знаю, что Кэм и Хейс уверены, что это не она, но я не совсем уверена в этом, и не думаю, что Мали тоже.

Так что не помешает взглянуть на вещи еще раз.

Я прохожу через весь процесс, который мы создали, начиная с ее социальных сетей. На самом деле, там не так уж и много. Нет фотографий с друзьями или семьей. У нее нет своего TikTok, но она ведет его для бара. Конечно, в основном это видео с Кэмом и Хейсом, поскольку это все, что люди хотят видеть. Редкие ролики с приготовлением напитков не набирают и половины просмотров. Единственный Instagram, который я могу найти, содержит всего шесть фотографий, и последняя из них была опубликована несколько лет назад, так что он, по сути, мертв.

Я перехожу к фотографиям из ежегодника, истории работы и другим вещам, но это трудно, потому что она лишь немного моложе парней. Она только-только вступила во взрослую жизнь. Здесь мало что можно найти, если только вы не относитесь к тем людям, которые выкладывают всю свою жизнь в Интернет.

К коим Райли явно не относится.

Становится понятно, почему Кэм смог вычеркнуть ее из списка. С ней не так уж много связано. И мне ничего не остается, как проглотить свою гордость и признать, что они были

правы. Не похоже, что Райли — наш преследователь.

Но это не значит, что она мне нравится.

Я имею в виду, кто бросает грязные взгляды за то, что кто-то разговаривает со своим мужем? *Шлюха, разрушающая семью, вот кто.*

Но то, что Кэм и Хейс так быстро исключили ее, меня беспокоит. Не то чтобы я думала, что что-то происходит. Я знаю лучше. Но это напоминает мне, как я вела себя, когда один из них предположил, что за всем этим стоят родители Монти. Я сразу же исключила их, а теперь думаю, что не стоит вычеркивать никого из списка, пока они не будут тщательно изучены.

Я начинаю с его мамы, и, конечно, поскольку она жена сенатора, в Интернете о ней можно найти массу информации. На это у меня уходит несколько часов, но я прочесываю большую часть информации. Это трудно, потому что большинство СМИ, похоже, копируют и вставляют то, что говорят другие, и переставляют пару слов местами, так что каждую статью приходится читать дважды, но я не вижу в ней ничего такого, что бросилось бы мне в глаза.

Затем я перехожу к отцу Монти. Сенатор Роллинз. Если бы кто-нибудь узнал, что я ищу его, люди бы потребовали, чтобы мою голову насадили на пику. Его любят в обществе, и мало кто может сказать о нем что-то плохое. Но, как я уже сказала, я не исключаю никого, основываясь только на веских доказательствах или их отсутствии.

Прокручивая все результаты, я переключаюсь на вкладку "Изображения" и просматриваю их там. Это гораздо приятнее для глаз, и в любой статье, рисующей его в положительном свете, не окажется фотографии, на которой он улыбается.

За исключением, может быть, этой.

Это фотография Джеремайи Роллинза, та самая, которая использовалась для его предвыборной кампании в сенаторы, но эта фотография была осквернена. Его глаза окрашены в красный цвет, а на макушке нарисованы дьявольские рога — как будто вы нарисовали в своем выпускном альбоме человека, которого ненавидели больше всего на свете. Вот только немного удивительно видеть такое на странице СМИ.

Я нажимаю на ссылку и провожу глазами по экрану, читая статью.

Похоже, что сенсационная история с потенциальным сенатором все-таки не состоится. Наш информатор, оказавшийся бывшей главной помощницей г-на Роллинза Терезой Холландер, говорит, что у нее изменилось мнение. Что в политике означает, что ей заплатили. Ну что ж. Мы остаемся при своем мнении о политике, и если мы правы, то это лишь вопрос времени, когда кто-то еще выйдет на свет в поисках своего вознаграждения.

Все это выглядит достаточно невинно. Подобные кампании не редкость, особенно во время столь важных выборов. Но когда я прокручиваю страницу вниз и вижу статью, связанную с этой, я хмурю брови.

В верхней части экрана — фотография молодой женщины, выходящей из офиса в слезах. Согласно статье под ней, она ушла внезапно. Судя по всему, у них все было замечательно. Идеальная команда, которая планировала вместе захватить власть в мире бизнеса. Но в один прекрасный день они перестали быть таковыми.

Какая-то часть меня задается вопросом, не был ли он с ней жестоким. В конце концов, женщина на этом этапе своей карьеры, вероятно, уже прошла через свою долю критики. Я представляю, как много нужно сделать, чтобы она покинула офис в слезах. И если у него есть опыт насилия, то, возможно, потеря сына подтолкнула его к этому.

Возможно, это не самая надежная зацепка, но это то, на что можно опираться, когда у нас больше ничего нет.

На то, чтобы убедить ребят в том, что я не сошла с ума и что, возможно, пойти к женщине домой и попросить ее поговорить со мной — не пустая трата времени. И еще больше времени уходит на то, чтобы убедить их, что им не стоит ехать со мной и Мали.

Я понятия не имею, с чем мы здесь имеем дело. Но что я точно знаю, так это то, что ты либо дерьмовый человек, либо находишься в очень плохом положении, чтобы продавать историю прессе. Особенно если речь идет о чьей-то кампании. Судя по всему, пока все не закончилось, Джеремайя и Тереза были сильной командой, и я хочу знать, что заставило ее превратиться из правой руки Джеремайи в почти что помощницу в атаке на его кампанию.

И что это была за история, которую она собиралась продать?

После долгих уговоров и обещания постоянно держать их в курсе событий мы с Мали наконец-то получили разрешение. Хотя, возможно, это произошло потому, что я указала на то, что, по крайней мере, я рассказала им об этом, а не просто пошла и сделала это.

Намекало ли это на то, что я поеду независимо от того, нравится им это или нет? Да, конечно. Есть разница между защитой и контролем, и я не сука.

Я быстро целую Хейса и бросаюсь к двери, пока он не передумал и мне не пришлось идти за его спиной.

— Люблю тебя! — кричу я, таща за собой Мали.

Он ворчит себе под нос, но я не задерживаюсь, чтобы выяснить, что он сказал.

У меня есть зацепка для расследования.

Дом найти достаточно просто. Когда ты присматриваешься к любому, кто хоть раз взглянул в твою сторону, узнать адрес — проще простого. Это милое местечко с небольшим крыльцом и садом перед домом. Я не могу представить себе ничего, кроме счастливой жизни здесь. А внутри все пахнет печеньем, которое печется в духовке.

— Что ты ей скажешь? — спрашивает Мали.

— Я просто буду умолять ее поговорить со мной.

— А если она не захочет?

Я хмыкнул, удивляясь, зачем я взяла ее с собой. *Ах да, ведь альтернативой были Хейс или Кэм.* — Я не приму отказа.

Выйдя из машины, Мали последовала за мной. — Как скажешь, Нэнси Дрю.

Понятно, что она не верит в меня, но разве это что-то новое? Меня всю жизнь недооценивали, и я не думаю, что это прекратится в ближайшее время. Но сейчас я полна решимости докопаться до истины, пока она не уничтожила меня и всех, кто мне дорог.

Мы подходим к двери, и я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, прежде чем постучать. Мое сердце бешено колотится. Мысль о том, что она может захлопнуть дверь прямо у меня перед носом, не покидает меня, но я должна попытаться.

Проходит минута, но наконец дверь приоткрывается, и из нее выглядывает та самая женщина с фотографий, которые я видела. — Чем могу помочь?

— Привет, — мило говорю я. — Меня зовут Лейкин, а это моя подруга Мали. Мы просто хотели спросить, можем ли мы поговорить с вами минутку? Речь идет о Джеремае Роллинзе.

— Извините, я не общаюсь с представителями СМИ, — говорит она.

Но прежде чем она успевает закрыть дверь, я спешу заговорить снова. — Мы не СМИ. Я обещаю.

Тереза скептически осматривает нас обеих. — Тогда почему вы хотите поговорить о Джере?

Джер. Это довольно интимный способ обращения к своему бывшему боссу. Большинство людей называли бы его сенатором Роллинзом или даже мистером Роллинзом.

— У нас просто есть несколько вопросов, — говорю я ей. — Пожалуйста? Я бы не пришла сюда, если бы не была в полном отчаянии.

Я стою перед женщиной, которую никогда раньше не встречала, в надежде, что она сможет сказать мне что-то, что положит конец всему этому. Должно быть, она видит испуганную девушку, которая скрывается под поверхностью моей стойкости, потому что она вздыхает и открывает дверь дальше.

— Ты в порядке?

Я не могу ответить на этот вопрос, но если откровенность поможет нам получить ответы, я готова дать ей все, что смогу. — Пока да, но все может измениться, если мы не найдем то, что ищем. Видите ли, мы с Мали дружили с Монтгомери Роллинзом, и поскольку мы оставили его в доках в ночь его смерти, кто-то угрожает нам. Они обвиняют нас в его смерти.

Сочувствие наполняет ее глаза. — Это ужасно. Монтгомери утонул. Это не ваша вина.

Я резко сглатываю. — Мы просто хотели бы задать вам несколько вопросов. Посмотрим, сможем ли мы выяснить, кто мог это сделать, или хотя бы исключить некоторых людей.

— Хорошо, — соглашается она. — Заходите.

Когда мы заходим внутрь, я слышу голос Хейса, который читает мне лекцию о том, что не стоит входить в дом незнакомца, но именно поэтому его здесь нет. Если я хочу получить ответы на интересующие меня вопросы, мне нужно сделать так, чтобы эта женщина чувствовала себя максимально комфортно, а что может быть лучше, чем ее собственный дом?

Интерьер выглядит именно так, как я и предполагала: обои вместо краски, обшивка

лестницы. Он напоминает мне дом моей бабушки, когда я была маленькой. Даже на посудном шкафу в углу стоят такие же безделушки.

— Ваш дом восхитителен, — говорю я ей, когда она ведет нас дальше в гостиную.

— О, спасибо, — отвечает она. — Это дом моей мамы. Я жила у нее, когда она болела, а когда она умерла, я просто не могла заставить себя уйти.

— Ну, мне нравится. Очень уютно.

Мы втроем садимся в гостиной, и она понимает, что ее чашка пуста. — Ой, простите. Как грубо с моей стороны. Не хотите ли вы обе чего-нибудь выпить?

Мы с Мали в унисон покачали головами, пробормотав слова благодарности за ее предложение. Достаточно того, что я нахожусь в ее доме. Если Хейс узнает, что я *выпила* то, что она мне дала, то он будет требовать, чтобы меня поместили под стражу по причине *невменяемости*.

Тереза уходит на кухню, чтобы налить себе еще выпить, а когда возвращается, садится и тепло улыбается нам.

— Извините, что я была такой замкнутой, — говорит она. — В прошлом средства массовой информации не были так добры ко мне.

Она не лжет. — Я это заметила. Но меня удивило то, что все изменилось почти мгновенно, как только вы перестали работать на мистера Роллинза.

Она грустно кивает. — Да. Я не думаю, что люди понимают, насколько жестокими могут быть их слова. Особенно в такой публичной форме, когда миллионы людей читают это и верят в то, что о тебе говорят. И самое ужасное, что все это неправда.

— Так вот почему вы собирались продать историю прессе во время его кампании в сенаторы?

— Отчасти. Да. — Она делает паузу, чтобы отпить глоток чая. — Я хотела рассказать правду о том, что между нами произошло, и восстановить свою репутацию.

— А правда ли, что вам заплатили за молчание?

— Я бы сказала, что это не совсем так. Да, я получила деньги, но меня не подкупили. Я ничего не имею против Джера. Больше всего вреда нанесла его жена.

Мои брови удивленно поднимаются. — Правда? Она всегда казалась такой милой.

— Ну да, — вздыхает она. — Я не могу винить ее за то, что я ей не нравлюсь. Мне бы тоже не понравилась женщина, которая спит с моим мужем.

Ох, ничего себе.

— У вас двоих был роман? — спрашивает Мали.

Тереза кивает, и по ее лицу я вижу, что ей стыдно за это, но какие-то остаточные чувства все же присутствуют. — Когда работаешь с кем-то в таком тесном контакте, легко допустить, чтобы границы были пересечены. Джер был самым милым человеком, которого я когда-либо встречала. И до сих пор им остается, если честно. Когда он узнал, что я собираюсь продать историю о нашем романе, именно он и появился. Он узнал, что его жена занесла меня в черный список, и я не смогла найти другую работу. Он был так разочарован в ней. Он уверял меня, что ничего не знал, и я верю, что это действительно так. У нее хорошо получается изображать из себя идеальную жену, оказывающую поддержку. Он дал мне достаточно денег, чтобы оплатить счета, и сказал, что если я все еще хочу продать эту историю, то это мое право. Но я не смогла бы жить с собой, если разрушу его шансы на пост сенатора.

— Похоже, что вы все еще испытываете к нему сильные чувства, — признаю я.

Она смотрит на свои колени и улыбается, словно вспоминая счастливое воспоминание. — Он был любовью всей моей жизни.

Я была на ее месте, когда приходилось жить без человека, за которого ты отдала бы все, чтобы провести с ним вечность. И скажу я вам, это не то, чего я пожелала бы своему злейшему врагу.

— Вы не возражаете, если я спрошу, почему все закончилось? — осторожно спрашиваю я.

Она не сразу отвечает. Мы не просто так хороним подобные эмоции, и когда их приходится откапывать, с ними трудно справиться.

— Я забеременела, — признается она. — Джер и его жена уже несколько лет безуспешно пытались завести ребенка. А тут я забеременела, потому что порвался презерватив. Я думала, что он будет счастлив. Я поверила ему, когда он сказал, что в нужный момент он уйдет от жены ко мне. Но в итоге она забеременела примерно в то же время, что и я, и когда дело дошло до драки, он выбрал ее.

Моя челюсть практически упала на пол. Эта женщина отнюдь не невинна. Она спала с женатым мужчиной и знала, во что ввязывается. Но она была влюблена, а это имеет свойство затуманивать разум.

— Он дал мне денег на аборт, — продолжает она. — И еще столько же, чтобы я могла прожить какое-то время. Но я не могла заставить себя сделать это. Я была воспитана в убеждении, что аборт — это неправильно, а этот ребенок был сделан по любви. Поэтому я не стала прерывать беременность. Признаюсь, что часть меня, наверное, надеялась, что он передумает, но когда я увидела фотографию его счастливой семьи на первой странице газеты, я поняла, что шансов на это нет.

— Должно быть, это было так тяжело для Вас, — сочувственно говорю я. — Как вы смогли это пережить?

Она пожимает плечами. — Я была беременна. Пройти через это было единственной возможностью.

— Значит, вы были матерью-одиночкой?

— Я пыталась. Но, как я уже сказала, миссис Роллинз нанесла непоправимый вред. Никто не хотел брать меня на работу, а деньги, которые Джер дал мне, уже давно закончились. Я не могла обеспечить своего ребенка, поэтому приняла самое трудное решение в своей жизни. В шесть месяцев я отвезла ребенка в больницу и ушла.

Мне неловко приходиться к ней в дом и заставлять ее заново переживать самое болезненное время в ее жизни. Судя по тому, как она говорит об отце Монти, я не думаю, что в нем есть хоть одна жестокая косточка. Однако мне хочется побольше узнать о его матери. Я всегда считала ее милейшей женщиной, но, как показывают факты, я не тот человек, которому можно доверять, когда речь идет о суждениях относительно характера.

— Ты когда-нибудь искала его? — спрашивает Мали.

Она качает головой. — Нет. Я думаю, что она сейчас примерно твоего возраста, но я никогда не пыталась ее искать.

Мое сердце замирает. — Значит, это была девочка?

Кивнув, она потянулась к столу рядом с собой и взяла пыльную фотографию в рамке, сдвигая ее. — Это было всего за несколько недель до того, как я ее отдала.

Я беру фотографию, и моя кровь становится ледяной. Ребенок на этой фотографии выглядит почти так же, как на снимке, который я видела в Instagram Райли, — вплоть до

родимого пятна на правом виске. Если она сводная сестра Монти, то это дает ей много поводов для того, чтобы отомстить за его смерть.

— Вообще-то, я бы не отказалась от стакана воды, если ты не против, — говорит ей Мали.

Она улыбается. — Конечно, дорогая.

Пока Тереза встает и идет на кухню, я делаю снимок на телефон. Не идеально, но сойдет. Когда я закончила, мы с Мали переглянулись, и я поняла, что она думает о том же, о чем и я.

В итоге мы пробыли у нее больше часа, просто разговаривая с Терезой на разные темы. Она очень милая, и у меня сложилось впечатление, что она одинока, что объясняет, почему она вывалила столько информации, как только начала говорить. Она живет в своем доме, чтобы избежать внимания прессы, и даже не может встретиться с людьми с работы, потому что миссис Роллинз так хорошо постаралась, чтобы ее больше никто не взял на работу. Думаю, ей просто было приятно, что есть с кем поговорить, поэтому мы оставались с ней столько, сколько могли.

Мы с Мали обнимаем ее на прощание, и она машет нам рукой из дверного проема, когда мы садимся в мою машину. Как только мы отъезжаем от дома и выезжаем на улицу, я практически кричу.

— О Боже!

— Я знаю! — соглашается Мали.

— Как ты думаешь, Монти знал?

Она пожимает плечами. — Если и знал, то никогда не говорил мне об этом. Он делал вид, что в его семье все идеально. Единственное, на что он жаловался, так это на то, что не хочет идти в политику, как его отец.

Я делаю глубокий вдох. — Мэл, если у Монти была сводная сестра примерно нашего возраста, то есть шанс, что мы не ошиблись насчет Райли.

— Да, но как мы собираемся убедить в этом ребят? У нас нет способа доказать, что это она.

Я потянулась за спину и достала расческу, которую украла, когда мы ходили в ванную. — Правда?

Глаза Мали загораются, когда она берет ее у меня, и она видит все пряди волос, прикрепленные к расческе, причем некоторые из них все еще с корнем. — К черту Шерлока Холмса. Ты мой новый любимый детектив.

Остается только надеяться, что Хейс и Кэм не будут нам мешать.

Ладно, они точно не впечатлены. Хейс, похоже, больше заикнулся на том, что мы зашли внутрь, а Кэм провел с Мали целую лекцию о том, как легко эта женщина могла подсыпать наркотики в ее напиток, даже если это была вода. Его не волнует, что бутылка была запечатана, и мы быстро понимаем, что с ними невозможно договориться.

— Может быть, вы просто послушаете меня хоть одну чертову минуту? — умоляю я. — Вы должны нам поверить. Тереза была беременна ребенком сенатора Роллинза! Это значит, что у Монти где-то есть сводная сестра. И мы с Мали думаем, что это Райли.

Кэм закатывает глаза, а Хейс выглядит уставшим от всего этого. — На каком основании? То, что они обе девочки, родившиеся примерно в одно время? Эти две вещи исключают примерно половину населения, и это при том, если она вообще живет в Северной Каролине.

Я протягиваю руку к телефону Мали и открываю фотографию из Instagram с надписью: «Единственная детская фотография, которая у меня есть, но, по крайней мере, я знаю, что была очаровательной». На своем я открываю фотографию ребенка Терезы. Держу их рядом, и сходство просто поразительное.

— Скажи мне, что эти двое не похожи на одного и того же ребенка.

Хейс на секунду бросает на них взгляд, но все равно не подает виду, что его что-то смущает. — Это ребенок, Лей. Все дети похожи на других детей.

Это начинает раздражать. — Почему ты так упорно защищаешь ее?

— Нет, но я также не собираюсь обвинять нашего единственного сотрудника в том, что она — псих-преследователь, который живет, чтобы мучить нас, на основании чего-то, что может быть просто совпадением, — говорит он.

— Ты хочешь поговорить о совпадениях? — возражаю я. — Это не просто совпадение, что где-то там есть сводная сестра Монти. Этого не может быть.

— Скорее всего, он даже не знал о ней, — рассуждает Хейс. — Господь свидетель, этот парень был воплощением синдрома *единственного ребенка*.

Отойдя на секунду, я поворачиваюсь и поправляю волосы. Я понимаю, о чем он говорит. Им потребовалось время, чтобы найти кого-то, кого они хотели бы нанять, а Райли прекрасно справляется со своей работой на данный момент. И по большей части она их очень поддерживает. Она всегда приходит на работу и оказывает им дополнительную помощь, когда это необходимо. Она может быть занозой в моем боку, но не для них. Но все же я не могу избавиться от ощущения, что не должна этого допустить.

Я делаю несколько глубоких вдохов и поворачиваюсь лицом к Хейсу, зная, что у меня больше шансов убедить его, чем Кэма.

— Детка, послушай, — говорю я спокойно. — Мне нужно, чтобы ты мне доверял. Мы оказались в этой ситуации, потому что я не поверила тебе, когда у тебя возникло плохое

предчувствие. Я должна была с самого начала прислушаться к твоим словам о Монти, но я этого не сделала. Из-за этого мы оказались здесь, и это чуть не разрушило нас.

Я делаю шаг к нему и обхватываю его шею руками, глядя ему в глаза, чтобы он понял, как это важно для меня.

— Пожалуйста, не совершай ту же ошибку, что и я.

27

Хейс

Стресс имеет свойство настигать вас. Когда вы так долго переживаете что-то, это лишь вопрос времени, когда это начнет вас ломать. И, скажем так, звонок от врача, который сказал, что нужно увеличить дозу обезболивающих препаратов для моей мамы, не улучшил ситуацию.

Я волнуюсь за нее.

Я волнуюсь за нас.

И нет ничего хорошего в том, чтобы идти по улице и гадать, не является ли каждый, кто смотрит в твою сторону, человеком, вызывающим у тебя такое душевное смятение.

Я прислоняюсь к углу бара, откидываю голову назад и закрываю глаза. Какая-то часть меня задается вопросом, будет ли преследовать меня дерьмо, если я попытаюсь уехать в отпуск. Появится ли записка в моем гостиничном номере? Не окажется ли моя арендованная машина настроенной на самоуничтожение?

Как будто это вообще возможно. Я никогда не брошу маму. Даже Девин трудно с этим смириться. Она звонит мне при каждом удобном случае, но этого недостаточно. А ежедневные видеозвонки с мамой — это не то.

Это еще одна причина, по которой я так стараюсь разобраться с этим дерьмом — чтобы мама и сестра могли проводить больше времени вместе. Меня убьет, если мне придется держать ее на расстоянии до конца жизни моей мамы. Конечно, я просто пытаюсь обезопасить Девин, но это несправедливо по отношению к ним обоим.

— Все в порядке?

Я подпрыгиваю от звука ее голоса и, открыв глаза, вижу стоящую передо мной Райли. — Черт, ты меня напугала.

Она тихонько смеется. — Извини. Просто ты выглядишь немного напряженным.

— Да, — признаю я.

Она выглядит обеспокоенной. Она искренне беспокоится о моем благополучии. — Я могу чем-нибудь помочь?

Я качаю головой. — Нет, но спасибо. Просто личное дерьмо.

Она прислонилась боком к стойке, выглядя так, будто хочет, чтобы я ей доверился. Я думаю о том, что сказала Лейкин — как она считает, что Райли может стоять за анонимными сообщениями и всеми этими мучениями, но я все еще не вижу этого. Я знаю ее уже больше года, и она никогда не давала мне повода не доверять ей. Я никогда не стану тем, кем она хочет меня видеть, но она отличный сотрудник, и я даже считаю ее другом.

Но Лейкин тоже считала Монти своим другом.

— Знаешь, я неплохо разбираюсь в личном дерьме, если ты дашь мне шанс, — говорит она мне.

Я усмехаюсь. — Это правда?

— Да, — улыбается она. — Я серьезно. Положись на меня.

Честно говоря, я даже не знаю, с чего начать. Я не могу рассказать ей о том, что происходило, так что, наверное, буду просто придерживаться более безопасной темой.

— Ну, моя мама умирает от рака, — говорю я. — Так что это отстой.

Она смотрит на меня с сочувствием в глазах. — Хейс, это ужасно. Мне очень жаль.

Я пожимаю плечами. — Это не твоя вина. Просто, наверное, много всего навалилось.

Ее нижняя губа выпячивается, и она капризничает. — Разве Лейкин не заботится о тебе? Ты выглядишь так, будто тебе не помешало бы обняться.

Да, я определенно не собираюсь идти по этому пути. — Заботится. Но это тяжело. Человек может сделать лишь очень немного, понимаешь?

— Определенно, — говорит она, кивая. — Боже, я так ужасно за тебя переживаю. Хотела бы я что-нибудь сделать.

— Я ценю это. Но, правда, я в порядке.

Райли делает шаг ко мне. — Могу я хотя бы обнять тебя? Ты действительно выглядишь так, как будто тебе это нужно.

Я смеюсь. — Честно говоря, я не очень люблю обниматься.

— Да ну? — поддразнивает она. — Тогда к какому ты типу относишься?

За все время, что я ее знаю, я никогда не видел, чтобы она была такой дерзкой. Она не то чтобы тонко чувствует, но никогда так сильно на меня не наседала. И когда открывается дверь и входит Лейкин, я понимаю, что она стоит слишком близко, чтобы это выглядело невинно.

— Какого хрена ты делаешь? — рычит Лейкин. — Отойди от него.

Райли закатывает глаза, отступая назад. — Я была рядом с ним. Знаешь, как друг.

— Он тебе не друг. Он твой босс. И тебе не мешало бы помнить об этом.

— Лей, — говорю я, пытаюсь остановить ее.

Но она смерила меня грозным взглядом. — Не смей защищать ее сейчас.

Черт возьми, какая ненависть. — Я не защищаю ее, но не кажется ли тебе, что ты немного перегибаешь палку? Мы просто разговаривали.

— Просто разговаривали, конечно, — огрызнулась она. — Она уже несколько месяцев ждет, когда ты попадешь в ее грязные руки. Я просто не думала, что она попытается это сделать, зная, что ты женат.

Райли насмехается. — Женат. Точно. Потому что все жены бросают своих мужей посреди ночи и исчезают. Вот такой, блин, брак.

— Прощу прощения? — кричит Лейкин, делая шаг к ней. — Ты ничего не знаешь ни обо мне, ни о моем браке.

— Я знаю, что ты его не заслуживаешь, — говорит она. — Я не знаю, почему он вообще уделяет тебе время, если честно. Насколько я понимаю, ты просто бывшая, которая не знает, когда нужно отпустить.

Лейкин становится красной от гнева, и прежде чем я успеваю подумать о том, чтобы остановить ее, она бросается на Райли. Рука хватается ее за волосы и прижимает к земле. Они обе замахваются друг на друга, и Лейкин до крови царапает руки Райли. Но Райли упорно сопротивляется.

— Прекратите, блядь! — кричу я, но никто из них не слушает.

Только когда Лейкин забирается на Райли и замахвается на нее со всей силы, мне удается взять ее под контроль. Я обхватываю ее за талию и поднимаю, но она продолжает крепко держаться за волосы Райли.

— Лейкин, отпусти! — кричу я.

Она вырывает часть волос Райли, и это окончательно высвобождает мою барменшу, которая падает на пол и смотрит на Лейкин. Я поворачиваюсь и пихаю ее в сторону.

— Да что с тобой такое? — кричу я.

Она хмурит брови. — Со мной? Это она, блядь, начала! Ты что, не слышал, что она сказала?

— Да, слышал! Но это не значит, что ты можешь нападать на моих сотрудников! — Я провел пальцами по волосам, взглянул на Райли, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, а затем снова сосредоточился на Лейкин. — Иди, блядь, наверх. Я разберусь с тобой позже.

— Хейс, — пытается она, но сейчас не время.

— Я сказал, иди!

Она закатывает глаза и, хмыкнув, поворачивается на каблуках и идет наверх. Как только она уходит, я поворачиваюсь к Райли и помогаю ей подняться.

— Мне очень жаль, — говорю я ей. — Я не знаю, что на нее нашло в последнее время.

Она встает и пытается поправить одежду и волосы. — Я точно знаю, что на нее нашло. Она знает, что ты заслуживаешь лучшего, и она не может с этим справиться.

Я делаю глубокий вдох, оглядываюсь по сторонам и молча благодарю Бога, что здесь нет клиентов, которые могли бы это увидеть. — Послушай, если ты хочешь отправиться домой, я понимаю. Ты можешь взять день, полностью оплаченный. Никто не должен приходиться на работу и подвергаться нападению жены своего босса.

Райли кивает, морщась от прикосновения к макушке головы. — Спасибо, Хейс. Я так и сделаю.

Она идет в подсобку, чтобы взять свою сумку, и направляется к двери, но перед самым выходом останавливается и оглядывается на меня.

— Кстати, надеюсь, после этого ты поймешь, что она должна быть твоей *бывшей* женой, — говорит она мне. — У тебя может быть кто угодно. Даже если это не я.

Я киваю. — Поправляйся, Райли. И еще раз, мне действительно жаль.

Она улыбается мне, и я знаю, что она не винит меня, когда уходит. Я даю ей несколько минут, чтобы убедиться, что она ушла, а затем запираю дверь и поднимаюсь наверх.

Лейкин стоит там, лицом к Кэму и Мали, а я подхожу к ней сзади. Я обхватываю ее руками и целую в макушку, глядя вниз, чтобы увидеть, как Кэм укладывает волосы, которые Лейкин выдернула из головы Райли, в пакет. Тем временем Мали осторожно собирает клетки кожи из-под ногтей Лейкин.

— Она ушла? — спрашивает меня Лей.

— Угу. — Я наклоняюсь и целую ее в щеку. — Я дал ей отгул до конца дня.

— Хорошо. Я не хочу, чтобы она была рядом с тобой.

Я усмехаюсь, понимая, что, возможно, она не просто так с ней боролась, но ей определенно понравилось немного поиздеваться над ней. — И что теперь будет?

— Теперь мы отнесем это в лабораторию, где проведут анализ ДНК по волосам, которые мы взяли с расчески Терезы, — говорит мне Мали.

Кэм смотрит на нее, приподняв брови. — Еще кое-что из твоего даркнета?

Ты сказал мне держаться подальше от даркнета.

Что означает, что это абсолютно точно одна из ее темных штук. Скажите Мали сделать что-то, и она сделает прямо противоположное.

Когда они закончили собирать все ДНК, которые Лейкин смогла взять с Райли, я повернул ее к себе и осмотрел. Надо отдать ей должное: для человека, который только что ввязался в то, что технически можно считать его *первой дракой в баре*, на ней не осталось ни царапины.

— Можешь сказать это, — поддразнивает она. — Я крутая.

Я усмехаюсь. — Ты сумасшедшая задница, вот кто ты.

Притянув ее ближе, я прижимаюсь своими губами к ее. Она хмыкает, хватается за мою шею и прижимает меня к себе. И проходит совсем немного времени, прежде чем Кэм жалуется на это.

— Это действительно необходимо? — простонал он. — Разве нам всем нечем заняться?

Мали хихикает. — Я не знаю. Я начинаю думать, что это мило. Они прошли через многое, чтобы попасть сюда.

Кэм громко застонал. — Не ты тоже.

Он встает и направляется вниз, чтобы отпереть дверь и открыть бар. Тем временем Лейкин прерывает поцелуй и поворачивается к Мали.

— Правда? Мы тебе нравимся?

Мали показывает ей средний палец. — Нет, блядь. Вы отвратительны. Но стебаться над ним — мое любимое хобби. — Она встает и берет два маленьких пакетика. — Ладно, нам пора приступать.

Лейкин кивает и снова поворачивается ко мне. — Я дам тебе знать, когда мы приедем, и позвоню, когда мы уедем.

— Тебе будет лучше, если ты это сделаешь.

Она приподнимается на цыпочки и быстро целует меня, но прежде чем она успевает уйти, я останавливаю ее. Не торопясь, я целую ее в глаза, затем в сердце и, наконец, в губы. Может быть, это и пошло, но то, как она хихикает, того стоит.

— Я тоже тебя люблю, — говорит она.

Я не думаю, что когда-нибудь устану слышать это из ее уст, особенно когда мне пришлось так долго обходиться без этого. Единственный раз я услышал это, когда смотрел видеозапись нашей свадьбы. И если я полностью запомнил ее клятву, то никому, кроме меня, это знать не нужно.

Лейкин спускается по лестнице первой, а Мали поворачивается ко мне и ухмыляется. — Знаешь, в какой-то момент тебе нужно будет произнести эти слова.

Я с усмешкой закатываю глаза, игриво показывая ей средний палец.

Но она права. Мне нужно будет сказать слова, и я к этому иду. Лейкин была так терпелива со мной, но я хочу только одного: разрушить последнюю стену и сказать ей то,

что она хочет услышать.

Скоро. Я почти у цели.

Нет ничего страшнее, чем знать, что Мали и Лейкин находятся в каком-то подозрительном месте и проводят анализ ДНК, чтобы выяснить, не был ли человек, превративший нашу жизнь в ад, все это время у нас под носом. Когда все это началось, Райли даже не попала в поле зрения потенциальных подозреваемых.

Честно говоря, я до сих пор не уверен, что она таковой является.

Я могу признать, что есть вещи, которые кажутся подозрительными, но также возможно, что она действительно просто влюбленная девушка, которая зеленеет от зависти, когда видит нас с Лейкин вместе. Но если это правда, значит, я позволил Лейкин напасть на одного из моих сотрудников из-за догадки. Причем ошибочной. В общем, это некая головоломка.

Зазвонил телефон, и я не успеваю ответить, как на экране появляется имя Лейкин.

— Привет, — говорю я, наконец-то обретая способность дышать.

Ее голос звучит как мед. — Привет, детка.

— Как все прошло?

— Хорошо, — отвечает она. — Результаты должны прийти через пару часов. У них какой-то новый экспресс-тест ДНК. Мали получит письмо с ними, когда они будут готовы.

Ого. — Это безумие, что они могут делать это так быстро.

— Так я и сказала.

Из моего рта вырывается смех. — Тебе лучше не говорить о себе. Ты прекрасно знаешь, что я могу продержаться...

— Ты на громкой связи! — кричит Лейкин.

— О, да. Ведь Мали такая святая.

Мали кричит на заднем плане. — Ты хуже всех.

— Я знаю, — напеваю я. — И все же ты остаешься здесь.

Она фыркает. — Я застряла с тобой. У меня нет права голоса.

— Действительно нет, — соглашается Лейкин. — Мы уже возвращаемся, так что будем там минут через двадцать.

— Звучит неплохо, детка. Мне нужно, чтобы ты была со мной, на своем месте.

Я практически вижу улыбку на ее лице, когда она вздыхает в трубку, а Мали притворяется, что ее рвет.

— Я так тебя люблю, — говорит она.

И я почти говорю это в ответ. Наверное, я смогу это сказать. Уже нет такого сильного беспокойства, которое возникает, когда я думаю об этом. Ничего такого, что было раньше. Но это не то, что я хочу сказать по телефону, и уж точно не по громкой связи. Мне нужно

заглянуть ей в глаза и увидеть, как она оживает, когда наконец-то услышит это снова.

— Да, — решаю я вместо этого. — Увидимся, когда ты приедешь.

— Звучит отл—

Ее слова обрываются вздохом и криком имени Мали, за которым следует звук скрежета металла о металл и множество ударов, как будто телефон швыряют по машине, после чего все замолкает.

Какая-то часть меня замирает внутри. Страх проникает в меня, и я безмолвно умоляю ее сказать хоть что-нибудь.

— Лейкин! — кричу я. — Лейкин, ответь мне!

Но ничего нет. Только негромкий звук радио на заднем плане. А телефон выпадает у меня из рук и разбивается об пол.

28

Хейс

Я не могу дышать.

Мои легкие физически не в состоянии принять воздух.

Все костяшки пальцев на руках побелели, когда я так крепко вцепился в перекладину, что она грозит треснуть под моей хваткой. Кэм стоит передо мной, требуя рассказать, что произошло, но его голос — это фоновый шум. Ощущение такое, будто я лечу в бездну, и там нет ничего, кроме боли.

Жжение от недостатка кислорода.

Сердце колотится, пытаюсь биться.

Если бы я потерял сознание сейчас, это было бы гораздо гуманнее.

— Хейс! — кричит Кэм, беря меня за плечи и прижимая к стене. — Что, черт возьми, происходит?

Не зная, что еще сделать, он бросает на меня взгляд, который говорит мне, что он сожалеет об этом, а затем ударяет в центр моей груди кистью руки. Это заставляет мое тело сделать сильный вдох, наконец-то позволяя мне вдохнуть воздух, и кислород не дает моему мозгу затуманиться.

Я кашляю, захлебываясь от внезапного притока воздуха, пока мне не удастся снова взять дыхание под контроль. Опустившись на колени, я нащупываю телефон и вижу, что звонок все еще подключен, но я не слышу ничего, кроме шума где-то вдалеке.

— Эйч, — снова нажимает Кэм. — Что случилось?

Я смотрю на него, и мне кажется, что весь мой мир рушится вокруг меня в последний раз. — Они попали в аварию.

Его глаза увеличиваются вдвое, когда я захлебываюсь словами, и он тут же начинает выпроваживать всех из бара. Хорошо, что он это делает, потому что он был гораздо более профессионален, чем я. Я бы просто накричал на них, чтобы они убрались из моего бара, прежде чем вышвырнуть их.

Как только последний человек уходит, мы сразу же за ним, закрываем и запираем за собой дверь. Мы бежим как можно быстрее к джипу Кэма, и он выезжает с парковки, а я слежу за телефоном Лейкин.

Лучше бы это двадцатиминутное время прибытия сократилось до десяти.

Подъезжая к месту происшествия, я чувствую, что меня сейчас вырвет. Машина Мали разбита. Она стоит перевернутая на противоположной стороне улицы. Полицейские перекрыли весь перекресток, но Кэм останавливается на газоне, и мы выпрыгиваем из машины.

Я бросаю взгляд на машину и замечаю, что обе двери открыты, что, как я надеюсь, означает, что с ними все в порядке и они благополучно выбрались. Но когда я вижу, что Мали стоит и разговаривает с офицером полиции, мой страх усиливается. Я не вижу Лейкин рядом с ней.

— Мали! — зову я.

Она оборачивается, и на ее ключице виднеется неприятная рана, возможно, от ремня безопасности. Она выглядит так, будто постарела на миллион лет всего за несколько минут. Кэм бежит к ней и крепко обнимает ее, но я все еще ищу свою жену.

— Где Лейкин? — спрашиваю я ее.

Ее нижняя губа начинает дрожать. — Я не знаю.

Что? — Что значит «не знаю»?

Ее физически трясет, она начинает плакать еще сильнее. — Я имею в виду, что я ни хрена не знаю! Кто-то врезался в нас со всей силы, и меня вырубил. А когда я очнулась, ее уже не было!

Нет.

Этого не может быть.

Я крепко вцепился в свои волосы, оглядываясь по сторонам в надежде увидеть хоть какие-то следы, но их не было.

— Кто, черт возьми, в вас врезался?

В разговор вступает офицер, с которым она только что разговаривала. — Как я уже говорил вашему другу, машина была угнана сегодня утром.

— И где они сейчас? — спрашивает Кэм.

— Когда мы приехали, их в машине не было, — сообщает он. — Я думаю, они уехали, потому что не хотели быть арестованными за кражу автомобиля.

Мы с Кэмом переглядываемся, и оба понимаем, что это не так.

Это была не чертова случайность.

Это дерьмо было сделано намеренно.

И теперь у них Лейкин.

Полицейские по всему району ищут ее. По радио было передано объявление с ее описанием, и на поиски были направлены все имеющиеся у них сотрудники. К счастью, ее родители сейчас отдыхают на Сен-Барте, иначе мы получили бы еще одну проблему.

Как нам рассказали, бывали случаи, когда кто-то попадал в аварию, и травмы приводили к тому, что он терял ориентацию.

В общем, они думают, что Лейкин выползла из-под обломков и просто ушла в гребаный закат.

Но мы-то знаем правду.

Парамедики сказали Мали, что она должна поехать в больницу, чтобы пройти обследование, но она отказалась. Как только они заставили ее подписать форму об отказе от медицинской помощи, она была свободна. И тогда мы начали поиски.

Она могла быть буквально где угодно. Это самая большая проблема. Мы пытались спросить у машин, которые стояли в пробке, видели ли они аварию, но все они сказали, что нет. Они подъехали только после случившегося. А значит, вполне возможно, что кто-то выхватил ее из машины и куда-то унес.

По совету полиции мы поехали в местную скорую помощь, чтобы выяснить, не видел ли ее кто-нибудь и не привез ли ее туда. Я не понимаю, почему они оставили Мали, но хрен с ним, думаю я. Это единственное, что у нас сейчас есть. Но когда Мали отходит от стола и медленно качает головой, я чувствую, что разлетаюсь на миллион осколков.

Я прохожу через автоматические двери и подхожу к стене, прижимаясь к ней спиной, чтобы сползти вниз. Ничто не сравнится с этой болью. Это похоже на ее уход, только в миллион раз хуже. Потому что на этот раз я знаю, что это не ее рук дело.

Ее украли у меня.

Вырвали и куда-то увезли, и я не знаю, где, черт возьми, ее искать.

— Пожалуйста, Господи, — умоляю я, когда слезы начинают капать. — Пожалуйста, не забирай ее у меня. Верни ее. Я просто хочу, чтобы она вернулась.

Кэм подходит и опускается на колени рядом со мной, кладя руку мне на плечо. — Мы найдем ее, Эйч.

Но как он может это обещать? У нас нет ни малейшего представления о том, где она находится. Она может быть где угодно, в том числе и в часе езды от нас. И это если она еще жива. Когда они забрали хакера, мы нашли его только после того, как он был мертв и выброшен посреди бара.

Если они так поступят с Лейкин, клянусь, я умру на месте.

Я говорил серьезно, когда сказал, что без нее для меня нет жизни. Мне неинтересно жить. Я справлялся, когда ее не было, потому что знал, что она где-то там. Но если я буду знать, что ее больше нет, то ни одна часть меня не захочет оставаться здесь.

Не без нее.

Мали хмурит брови, доставая телефон из заднего кармана. Ее глаза расширяются, когда она видит, что там, и она протягивает его Кэму. Его глаза быстро пробегают по экрану, прежде чем он опускает голову и выдыхает.

— Она была права, — пробормотал он. — ДНК совпадает. Райли — сводная сестра Монтгомери Роллинза.

Ярость проникает в меня, и я вижу только красный цвет. Мое зрение начинает расплываться, и я теряю сознание. Эта чертова сука. Если бы она была сейчас передо мной, я бы задушил ее без малейших колебаний.

Поднявшись на ноги, я чувствую, как дрожит все мое тело, когда я иду к джипу Кэма. — Я убью ее на хрен.

Кэм вскакивает, делает шаг ко мне и кладет обе руки мне на грудь, но адреналин, бурлящий во мне, все же не дает ему покоя.

— Хейс, ты не можешь, — говорит он мне.

— Я, блядь, точно могу.

Никогда еще я не хотел причинить кому-то боль так сильно, как сейчас.

Эта сука имеет наглость находиться рядом со мной каждый день. Работать в моем баре и вести себя как мой друг, а потом идет и забирает мою гребаную жену? Нет ничего хуже такой мрази, как она, и я сделаю все, чтобы она никогда больше не увидела свет.

— Эйч, — умоляет Кэм. — Послушай меня. Единственная причина, по которой у нас сейчас есть преимущество, — это то, что она не знает, что мы за ней следим. Все это время преимущество было на ее стороне, но теперь оно на нашей. И если ты убьешь ее сейчас, мы можем никогда не узнать, где Лейкин.

Черт.

Это чертовски больно.

По крайней мере, когда я злюсь, это маскирует боль, которая грозит разорвать меня на части. Но когда я думаю о том, что не знаю, где она, что не могу обнять ее и сказать, что с ней все будет хорошо, мне кажется, что я умираю самой мучительной смертью. Снять кожу заживо было бы гуманнее, чем это.

Эта боль неумолима.

Она безжалостна и не знает пощады.

— Я не могу потерять ее снова, — говорю я со всхлипом. — Я не могу.

Мы с Кэмом обычно не обнимаемся, но ни одному из нас нет до этого дела, когда он подходит ближе и обхватывает меня руками. Я знаю, что он тоже напуган, как и Мали, но они оба знают, что я никогда не справлюсь с этим, если мы не найдем ее.

Они боятся за Лейкин, но они также боятся и за меня.

Мой телефон дважды пикает в кармане, и я спешу открыть его, надеясь, что это что-то о Лейкин. Но то, что я вижу, ничуть не успокаивает.

Наоборот, оно подтверждает мои худшие опасения.

Это фотография Лейкин, сделанная сверху. Она без сознания и лежит в ящике, похожем на гроб.

Они, блядь, хоронят ее заживо.

Следующее сообщение не менее злое.

Она жива, но это ненадолго. Вы можете найти ее, спрятанную в священном тайном месте. Надеюсь, вы не опоздаете.) хх

Боже мой.

Я сую телефон в руки Кэма как раз вовремя, чтобы повернуться и извергнуть все, что было в моем желудке, на пол. Боль мучительная. Знать, что она умрет, если мы ее не найдем, и не только это, но и то, что ей будет чертовски страшно.

Я не могу с этим справиться.

— Что, блядь, это значит? — кричит Кэм.

Мали берет телефон и прижимает кулак ко рту, хныча при виде своей лучшей подруги. — Нет. Они не могут этого сделать. Они не могут забрать ее у нас.

Я заставляю себя подняться на ноги и подхожу к Мали, забираю у нее телефон и отправляю ответное сообщение.

Пожалуйста, не делай этого.

Я сделаю все, что угодно. Ты можешь получить все, что захочешь.

Мой бар. Мой дом. Мой грузовик. МЕНЯ.

Просто скажи мне, что ты хочешь, и ты получишь это.

Речь явно идет обо мне. Ты хочешь, чтобы я был несчастен, так возьми меня. Отпусти ее и возьми меня. Ты можешь делать со мной все, что хочешь, только не поступай так с ней.

Но ответ, который приходит, говорит о том, что они не собираются уступать.

Это всегда было связано с ней.

— Блядь! — реву я, едва удерживаясь от желания швырнуть телефон на парковку. — Ладно, думай, Хейс. Думай.

На это должен быть ответ. Если бы они хотели убить ее, они бы сделали это, а потом использовали ее тело, чтобы отомстить нам. Они не стали бы посылать какую-то загадку.

Вы можете найти ее, спрятанную в священном тайном месте.

Мали ломает голову вместе со мной. — Это каток? Ты там что-нибудь делал? Слово «секрет» заставляет меня думать, что это как-то связано с тем, как вы двое дурачились.

Мои глаза расширяются, и она понимает это одновременно со мной.

— Зброшенный пляж!

Кэм вцепился в ручку своего джипа с таким видом, будто опасается за свою жизнь, пока я мчусь по дороге. Он пытался уговорить меня сесть за руль, но ни за что на свете. Чем быстрее я приеду туда, тем больше шансов спасти ее. А если я позволю ему сесть за руль, есть большая вероятность, что я буквально вытолкну его из этой чертовой машины.

Я рву руль влево, и при повороте вся машина встает на два колеса. Я почти думаю, что она опрокинется, и это будет уже вторая испорченная машина за день. Но Мали быстро соображает и бросается на другую сторону. Машина падает на все четыре колеса и подпрыгивает от удара.

Выпрыгнув, я бросаюсь к песку, но там чертовски темно, чтобы что-то разглядеть. Может быть, если бы вышла луна, это помогло бы, но тучи не дают ей пробиться.

— Включи дальний свет! — приказываю я Кэму.

Он возвращается к джипу и делает то, что я сказал, освещая местность немного лучше.

— Где ты, Лей? — шепчу я, щурясь, так как мои глаза с трудом сканируют местность.

И тут я вижу это.

Моя старая хоккейная майка.

— Лейкин! — кричу я, срываясь с места и бегу как черт от ладана.

Я падаю на колени рядом с джерси и начинаю царапать когтями песок. Мои руки отчаянно работают, пытаюсь добраться до нее. Кэм и Мали помогают мне, и все мы спешим вовремя раскрыть ящик, пока я наконец не нащупываю что-то твердое под поверхностью.

— Я нашел ее! — кричу я.

Мали отходит в сторону, а мы с Кэмом изо всех сил хватаемся за крышку ящика и открываем его. Дерево скрипит, гвозди поддаются, но ничто не может противостоять силе нашего адреналина.

Наконец, она поддается, и мы снимаем крышку. Лейкин смотрит на меня, почти не веря. Она плачет, она слаба, на ее лице засохшая кровь от ран, которые она, видимо, получила во время аварии.

— Слава Богу, — вздыхаю я.

При звуке моего голоса она наконец-то шевелится, садится и протягивает ко мне руки. Я обхватываю ее руками и притягиваю к себе, когда она срывается, истерически всхлипывая, пока я ее обнимаю.

— Я держу тебя, детка, — плачу я вместе с ней. — Я с тобой.

Лейкэн

Мой отец говорил мне, что страх — это все в моей голове. Если ты не даешь ему силы заставить тебя бояться, то его не существует. Но если он действительно в это верит, ему стоит попробовать быть похороненным заживо. Тогда мы увидим, насколько сильно он верит в то, что *все это в твоей голове*.

Я помню только момент аварии. Мне казалось, что все происходит в замедленной съемке. Машина появилась из ниоткуда, и я кричала имя Мали, но она ничего не могла сделать.

Было уже слишком поздно.

Хруст металла был одним из самых страшных моментов, и казалось, что он никогда не закончится. Я видела, как Мали теряет сознание, как срабатывают подушки безопасности и как пластик пронзает мою голову. Когда машина переворачивалась, я хотел только одного — чтобы она остановилась.

Я едва могла уловить звук, с которым Хейс выкрикивал мое имя, но не могла ответить. Я не могла заставить свой рот работать. И когда я увидела, что кто-то идет к машине, я подумала, что это кто-то, кто придет на помощь. Но я ошибалась.

Рядом с машиной Мали с визгом остановился фургон, и человек опустился на колени. В следующее мгновение мне зажали рот и нос тряпкой, и как я ни старалась бороться, я не могла.

А потом все померкло... пока я не очнулась в ящике.

Сидя в ванне, я смотрю на свои ногти. Повреждения на кончиках напоминают мне о том, как я пыталась вырваться на свободу, но как бы я ни боролась, я не могла освободиться. Я не знала, где нахожусь. Все, что я знала, это то, что я устала и ослабла. Нехватка кислорода давала о себе знать, и у меня не было сил продолжать борьбу.

Поэтому я свернулся в клубок в углу ящика и заплакала, повторяя про себя снова и снова, что Хейс найдет меня. Он не остановится ни перед чем, пока не найдет меня.

— Эй, — мягко сказал он, выливая теплую воду мне на плечи. — Все в порядке. Ты в безопасности, и я никогда не позволю ей снова причинить тебе боль.

Ей.

Я поворачиваю голову в его сторону. — Что с тестом?

Он кивает. — Все совпало. Райли и Монти родственники.

Я чувствую, как во мне проносится множество разных чувств. Ужас от того, что она так долго провела рядом с людьми, которые мне дороги. Печаль за Хейса и Кэма, что они теряют человека, которого считали хорошим другом и сотрудником. Но больше всего я чувствую облегчение, потому что мы наконец-то знаем, кто это делает.

И теперь мы можем положить этому конец.

Слезы льются из моих глаз, когда я откидываю голову назад, чтобы Хейс мог смыть

шампунь с моих волос. Он работает так нежно, обращаясь со мной так, словно я хрупкая и он боится, что сломает меня. Но, как ни странно, услышав это, я чувствую себя сильнее, чем когда-либо.

Мы вчетвером сидим в гостиной, пытаюсь придумать план, как с этим справиться. Мы знаем, что это Райли, это ясно. Но теперь нам нужно понять, как с этим поступить.

Она всегда была умной и хитрой, и последнее, что нам нужно, это чтобы у нее были защитные механизмы, которые в итоге сработают против нас, если мы причиним ей вред. Айзек — это одно. Мы знали, как ударить его по больному месту. Но Райли — это дикая карта.

Я сижу на стуле, одетая в шорты и одну из футболок Хейса. Мои волосы еще влажные, после того как Хейс привел меня в порядок. Но пока все смотрят и волнуются за меня, я волнуюсь за Хейса.

Он явно на взводе, и это понятно. Но по его глазам я вижу, что он винит себя. Он не может усидеть на месте дольше тридцати секунд, прежде чем встать и посмотреть в окно.

Если я не разберусь с этим, будет только хуже.

— Кэм, — тихо говорю я. — Возьми Мали и уходи куда-нибудь.

Хейс в панике поворачивается ко мне. — Что? Нет. Они нужны нам здесь. Нам нужно присматривать за тобой.

Я тепло улыбаюсь ему. — Все в порядке. У меня есть ты, помнишь? Ты позаботишься обо мне. С тобой я в безопасности.

Это удастся донести до него, и он немного успокаивается, обхватывает меня руками и прижимает к себе. Я бросаю взгляд на Кэма и Мали и жестом велю им уйти. Я точно знаю, что ему нужно, что нужно нам обоим, и Кэм не захочет оставаться в доме для этого.

— Тебе, наверное, нужна вода, — говорит мне Хейс и тут же направляется на кухню.

Я следую за ним и прислоняюсь к дверному проему. — Эйч.

— Не надо, — умоляет он. — Я знаю, что ты собираешься сказать. Просто не надо. Хорошо?

Но я не могу этого сделать. Он должен это услышать. — Это не твоя вина.

Его глаза закрываются, а руки сжимают остров. — Ты этого не знаешь.

— Знаю, — уверяю я его. — Ты этого не делал. Единственное, к чему ты имеешь отношение, — это спасение моей жизни.

Он качает головой. — Ты не понимаешь.

— Чего не понимаю?

Похоже, что он испытывает мучительную боль, когда наконец смотрит на меня. — Она хочет разорвать нас на части! Она не остановится ни перед чем, пока мы больше не будем вместе! Я знаю это, но все равно веду себя как эгоист и продолжаю держаться за тебя!

— Потому что я этого хочу! — говорю я ему. — Мне все равно, кто хочет отнять тебя у меня! Мы не можем позволить им победить!

— Победить? — насмехается он. — Лейкин, она чертовски опасна! Разве ты не понимаешь? Тебя похоронили заживо! Я сегодня умер миллионом смертей, думая, что я...

Его слова затихают, как будто он не может заставить себя их произнести, но они должны быть сказаны.

— Что ты что? Что ты потерял меня?

Он смотрит на меня с нечитаемым выражением на лице. Это какая-то смесь боли, страха и сильного обожания. Наконец, через мгновение его плечи опускаются, и он шагает ко мне.

Его руки обхватывают мое лицо, и он прижимается губами к моим. Поцелуй отчаянный, как будто он вложил в него все свои эмоции. Как в тот раз, когда я сказала ему, что у меня больше никого не было, только сильнее. Более интенсивный. Больше... всего.

И когда он разрывает его и отступает назад, чтобы посмотреть на меня, я вижу это в его глазах — все стены, которые он возвел, чтобы отгородиться от меня, рушатся.

— Я люблю тебя, — дышит он. — Я так сильно тебя люблю.

Сердце замирает в груди, когда я слышу слова, которых так долго ждала. В мире нет ничего лучше этого. Ни одна вещь не может превзойти то, что я чувствую благодаря ему.

— Я тоже тебя люблю, — тихо говорю в ответ. — Не было ни одного дня, чтобы я не любила тебя.

Он слышит от меня эти слова уже несколько недель, но сегодня он как будто впервые в это поверил. Его руки обхватывают меня за талию, и я прыгаю в его объятия, обхватываю его ногами за талию и глубоко целую. Он крепко прижимает меня к себе, пока ведет нас наверх, в нашу спальню. И когда он укладывает меня на кровать, я понимаю, что он имеет в виду, когда говорит, что он меня держит.

Он *всегда* меня держал.

— Ты для меня все, — говорит он, целуя меня в шею. — В тебе нет ничего, что бы я не любил.

Моя голова откидывается на подушку, когда он задирает футболку вверх по моему торсу. Я приподнимаюсь с кровати ровно настолько, чтобы он мог стянуть ее через голову, и он опускается обратно, чтобы поцеловать мои ключицы. Затем — сердце.

Он медленно пробирается к центру моей груди, а затем начинает двигаться вниз. Это мягкие, дразнящие поцелуи, такие легкие, что я даже не знаю, касаются ли его губы моей кожи вообще, или я чувствую лишь его теплое дыхание.

— Хейс, — умоляю я, желая большего.

Уголок его губ приподнимается, и я смотрю вниз, чтобы успеть увидеть, как его язык высунулся, чтобы увлажнить их. — Мне нравится, как звучит мое имя, когда ты произносишь его так.

— Как?

— Как будто ты собираешься самоуничтожиться, если не получишь то, что хочешь.

Я съеживаюсь под его пристальным взглядом. — А кто сказал, что я этого не сделаю?

Он смеется и, не сводя с меня глаз, медленно снимает с меня остатки одежды, оставляя меня полностью обнаженной перед ним.

— Нечестно, — хнычу я. — Ты все еще полностью одета.

Проходит всего секунда, и он уже стягивает через голову свою футболку, и я не думаю,

что когда-нибудь наступит день, когда у меня не потекут слюнки при виде его.

— Лучше?

Я прикусила губу. — Намного.

Усмехнувшись, он опускается и начинает целовать внутреннюю сторону моего бедра, впиваясь зубами в кожу. Это так сильно, что небольшие кусочки боли быстро сменяются удовольствием. А когда он проводит большим пальцем по моему клитору и спускается к моему входу, я так чертовски нуждаюсь в нем.

— Просто охренительно, — говорит он мне, наблюдая за мной. — Не могу поверить, что ты моя.

— Вся твоя, — отвечаю я. — И всегда буду твоей. Это никогда не изменится.

Он выдыхает, чувствуя искренность моих слов. Все, что я говорила, он наконец-то услышал. Наконец-то поверил в это. И наши сердца словно снова нашли способ переплестись, как раньше.

Дразняще подув на мою киску, он смотрит на меня сверху и наблюдает за моей реакцией, вылизывая полоску прямо по центру. Все мое тело напрягается, и я выгибаю бедра в погоне за ощущениями.

— Блядь, детка, — стонет он. — Ты уже отчаянно нуждаешься во мне, не так ли?

— Я всегда отчаянно нуждаюсь в тебе, — поправляю я его. — Ты превратил меня в гребаное сексозависимое чудовище.

Он ухмыляется, возбужденно поддергивая бровями. — Я знаю. Это второе лучшее, что я когда-либо делал.

— А что было первым?

— Женился на тебе.

Господи Иисусе. Этот сладкоречивый, сентиментальный ублюдок. Как, черт возьми, я смогу состариться с ним, если он постоянно заставляет мое сердце чувствовать, что оно вот-вот разорвется от того, как сильно я его люблю?

Он не дает мне шанса сказать что-либо в ответ, прежде чем погрузиться в мою киску, словно изголодался по ней. Я сильнее вжимаю голову в подушку, когда мои стоны наполняют комнату. И поскольку в последнее время мы так много времени проводим в тишине, это только подстегивает его.

— Вот так, детка, — говорит он мне. — Ты такая хорошая девочка, когда так стонешь для меня.

Он вводит в меня два пальца, и я сжимаюсь вокруг них, как будто этого недостаточно. Он сильно давит на мой клитор, но мне нужно, чтобы он был внутри меня. Мне нужно почувствовать его.

И мне нужно почувствовать его обнаженным.

— Хейс, — умоляю я его. — Пожалуйста. Ты мне нужен.

— Ты получишь меня, детка, — обещает он.

Я качаю головой. — Ты мне нужен ближе.

Взгляд его глаз смягчается, и он понимает, что именно я имею в виду. Никогда еще мы не чувствовали себя так близко, как тогда, когда он находится внутри меня, прижимая меня к себе, когда мы вместе гонимся за кайфом.

Еще раз крепко присосавшись к моему клитору, я извиваюсь, и он отпускает меня, вставая, чтобы снять с себя брюки и боксеры. Его член такой твердый, что, кажется, от самого простого прикосновения он взорвется. И я могу только представить, как хорошо я

буду чувствовать себя, когда он будет растягивать меня, когда он такой.

Он берет его в руки и наклоняется ко мне, пару раз проводит им по моей киске, чтобы подразнить меня, прежде чем встать у моего входа. Его взгляд встречается с моим, и мы оба стонем вместе, когда он прижимается ко мне.

— Боже, ты совершенна, — дышит он. — Такая совершенная и такая моя. Никогда не будет дня, когда я не буду жаждать каждый твой дюйм.

Его слова и то, как он держит меня, — это именно то, что мне было нужно. Он всегда умел заставить меня чувствовать себя желанной, любимой и ценной. И сейчас я чувствую все это.

Зная, что я уже близка к этому, он погружается в меня до основания, растягивая меня настолько, насколько это возможно, а затем использует свой большой палец, чтобы оказать нужное давление на мой клитор. Этому приему он научился в нашу брачную ночь, и до сих пор он специально сдерживался.

Пока он не впустил меня обратно.

Пока он снова не доверился мне.

— Черт, — вздохнула я. — Да. Вот так. Ощущения потрясающие.

Он ухмыляется, глядя на меня. — Я знаю твое тело, как свои пять пальцев, детка.

В этом нет ни капли лжи. Он потратил время на то, чтобы запомнить меня и запечатлеть это в своем сознании, чтобы никогда не забывать.

Мои бедра двигаются вместе с ним, и я сжимаю свою киску вокруг него, пока он остается глубоко внутри меня. Я так чертовски близка. Уже совсем близко. И когда я открываю глаза, чтобы посмотреть на него, то, как он смотрит на меня в ответ с такой интенсивной, нескрываемой любовью, приводит меня в восторг.

Один из самых сильных оргазмов в моей жизни прорывается сквозь меня, унося меня за грань и в свободное падение. Хейс продолжает делать то же самое, что и раньше. Ему лучше знать, что нельзя ничего менять в тот момент, когда я кончаю. Но как только я начинаю спускаться, он замирает.

— Хейс, — задыхаюсь я.

Он концентрирует все свое внимание на мне. — Да, детка? Скажи мне, чего ты хочешь.

— Я хочу, чтобы ты кончил в меня.

Его движения замирают, и я понимаю, что если я не объясню в ближайшее время, он решит, что я сошла с ума. Если я принесу в этот мир ребенка, в то время как мы находимся в центре, по сути, зоны боевых действий.

— Я сделала укол, — сказала я ему. — Вообще-то, около месяца назад. Но я ждала, чтобы сказать тебе, потому что хотела, чтобы это было что-то особенное.

Он выпускает весь воздух из легких и опускается на меня. — Серьезно? Можно?

Я киваю. — Но я хочу быть на тебе. Я хочу быть той, кто заставит *тебя* кончить.

Улыбка растягивается на его лице, и он целует меня, обхватывая мою талию, когда переворачивает нас. Я сгибаю колени по обе стороны от него и начинаю скакать на его члене, стараясь быть медленной и расчетливой, потому что мы сейчас не трахаемся.

Мы любим друг друга самым лучшим способом, который только знаем.

— Это так приятно, — простонал он. — Мне так хорошо с тобой, детка. Я не могу дождаться, чтобы наполнить тебя.

Мои волосы свисают вокруг лица, словно отгораживая нас от остального мира. В этот момент существуем только он и я. Больше никто не имеет значения. Мы снова в нашем

собственном маленьком пузырьке, и я хочу остаться здесь до конца своих дней.

Кончики его пальцев слегка касаются моих бедер, когда он помогает мне оседлать его, и я понимаю, когда он начинает приближаться, потому что его челюсть сжимается. В его глазах такой взгляд, будто он уже совсем рядом и ему нужен только один толчок. И когда я опускаюсь и спутываю свой язык с его языком, мы оба уже готовы.

Наши стоны смешиваются, когда он притягивает меня к себе, выгибая бедра вверх, проникая так глубоко, как только может, и наполняя меня своей спермой. Я чувствую, как он пульсирует внутри меня, как он выплескивает все, что у него есть, и я сжимаюсь вокруг него с такой же интенсивностью, кончая на его члене второй раз за сегодняшний день.

Когда мы оба начинаем успокаиваться, Хейс смотрит на меня в полном восторге. Я много раз видела, как он удивляется чему-то, но никогда не видела, чтобы он потерял дар речи. У него всегда вылетает что-то грязное изо рта. И все же сейчас в нем нет ничего, кроме умиления и отпавшей челюсти.

Через мгновение он вдруг переворачивает нас на спину, как будто что-то забыл. И когда он садится и начинает выходить, я понимаю, что именно. В тот момент, когда он выпускает из меня свой член, я чувствую, как его сперма вытекает из моей киски.

— Так чертовски идеально, — пробормотал он.

Его глаза скачут между мной и тем местом, где он наблюдает за тем, как из меня вытекает его сперма.

— Нет ничего лучше тебя. Лучшего, чем это.

Я нахожу утешение в его словах, позволяя им звучать в моей голове снова и снова, даже когда он встает, чтобы найти полотенце и возвращается, чтобы вытереть меня так же нежно, как он делал это раньше. Но когда сексуальное блаженство исчезает, в его глазах снова появляется страх.

— Я люблю тебя, — говорю я ему, когда он ложится рядом со мной, стараясь, чтобы он был со мной в этот момент.

Он устало улыбается. — Я тоже тебя люблю.

Но хотя его слова звучат искренне, я все равно не могу отделаться от страха. Потому что я знаю, какой страх у него в глазах. Тот, который он пытается от меня скрыть.

Он снова отстраняется.

Хейс

это полная чушь. Я знал, что *она* в это верила, но это было совсем не то, чего я хотел. Я хотел, чтобы она сказала мне. Чтобы мы не потеряли все то время, которое могли провести вместе. Чтобы она дала мне шанс что-то сделать, прежде чем просто встать и уйти.

Но сейчас, когда я стою здесь, я все понимаю.

Райли хочет, чтобы мы были несчастны. Она хочет разлучить нас, и я знаю без сомнения, что она сделает все возможное, чтобы это произошло. Она не остановится, пока мы не превратимся в две разбитые души с необратимыми повреждениями.

Жизнь без нее — это последнее, чего я хочу, но я также не сделаю ничего, что подвергнет ее опасности, в том числе и не буду с ней.

— Хейс. — зовет Райли. — Бочонок. Ты уже поменял его?

Я выныриваю из своих мыслей и киваю. — Да, сегодня утром.

Это так тяжело — стоять здесь с ней, знать, что она сделала, и не иметь возможности ничего с этим поделать. Кэм был прав. Мы должны быть расчетливыми, когда дело касается ее. Импульсивность не сработает в нашу пользу.

Я опускаю голову и потираю затылок, чувствуя, как на меня накапливается напряжение. Мали пристально наблюдает за мной, и если бы мне пришлось гадать, я бы сказал, что Райли тоже.

— Мне кажется, или он выглядит так, будто у него запор? — шутит Мали.

Я вижу, что и ее это убивает — невозможность что-то сделать с Райли. Но главное — не оставлять никого из нас с ней наедине. Пока мы не разберемся со всем этим.

И пока я не увезу Лейкин как можно дальше от нее.

Райли хихикает. — Я думаю, он выглядит мило.

Из горла Мали вырывается придушенный звук, но я слишком зациклен на открывающейся двери и входящей в нее Лейкин. Тот факт, что она сейчас находится в одной комнате с Райли, заставляет меня чувствовать, словно я собираюсь умереть. Это слишком близко. Она должна быть за тысячу миль от нее, а не в одной комнате.

С видом, будто она плакала, Лейкин подошла к барной стойке. — Мы можем поговорить?

Я делаю глубокий вдох, понимая, что это сломает меня... и ее. — Не сейчас.

Мой тон получился резким. Пренебрежительным. И я едва успеваю посмотреть ей в глаза, как она вздрагивает.

— Пожалуйста? Только на минутку? — умоляет она.

Я так расстроен, что это должно быть очевидно для всех присутствующих в комнате. — Я сказал «нет».

Я выхожу из-за барной стойки и иду убирать со стола, пытаюсь оставить между нами хоть какую-то дистанцию, но она идет за мной.

— Хейс, — давит она. — Это всего лишь пара минут твоего времени. Разве я не заслуживаю хотя бы этого?

Я поворачиваюсь и смотрю на нее так, как не смотрел с того самого вечера, когда она появилась здесь. — Я, блядь, сказал «нет»! Я знаю, что ты не часто слышала это в своей жизни, принцесса, но это значит — оставь меня в покое, мать твою!

Она отшатывается, прижимая руку к груди, и глаза ее наполняются слезами. — Ты не это имеешь в виду.

— Вообще-то, это единственное, что я имею в виду.

Каждое слово, вылетающее изо рта, причиняет мне физическую боль, но я знаю, что

должен сделать это правдоподобно. Больше всего на свете мне нужно убедить ее в том, что между нами все кончено.

— Но почему? — начинает всхлипывать она. — Я думала, что у нас все налаживается. Ты сказал, что все будет хорошо!

— Я солгал, — говорю я с досадой. — Ты была права. Я больше не люблю тебя. Как я могу любить тебя после того, что ты со мной сделала? Ты думаешь, я прощу тебя за это? Нет.

Ее нижняя губа дрожит, а слезы в глазах заставляют меня физически сдерживаться, чтобы не протянуть к ней руки.

— Давай, плачь, — говорю я ей. — Здесь ты не получишь сочувствия. Ты сама сделала это дерьмо.

Я собираюсь уйти, но она так настойчива, что пытается в последний раз. — Не делай этого. Мы можем все исправить!

Она хватается за руку, и я вырываю ее из ее хватки, зная, что если она дотронется до меня, то я упаду. Я сделаю так, что будет слишком очевидно, что я не имею в виду ни одного слова, вылетающего из моего рта.

— Ты, блядь, не слушаешь! — кричу я. — Я больше не люблю тебя! Единственное, чего я хочу, это чтобы ты убралась из моей жизни!

Она стоит и смотрит на меня, как на гребаное чудовище, и не двигается. А мне нужно, чтобы она двигалась.

Мне нужно, чтобы она убралась подальше от Райли.

— Уходи! — рычу я, указывая на дверь.

Она захлебывается рыданиями, разворачивается и бежит за дверь так быстро, как только может. Мали обходит бар и идет за ней, но сначала оборачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Ты действительно долбаный мудака, — говорит она мне. — Мне все равно, сколько ты будешь умолять ее вернуть после этого. Я позабочусь о том, чтобы она даже не взглянула на тебя.

— Хорошо, — сплюнул я.

Она уходит с Лейкин, а я хватаюсь за стойку бара, пытаюсь выдохнуть все свое разочарование. Лей находится именно там, где мне нужно — где угодно, только не здесь. Райли опасна, и после прошлой ночи неизвестно, что она может сделать.

— Ты в порядке? — спрашивает Райли. — Это было очень напряженно.

Я делаю глубокий вдох и выпускаю его в виде тяжелого выдоха. — Скажем так, брак не для всех.

— А может быть, ты просто женился не на той девушке.

Подняв голову, я вижу в ее глазах надежду, и от этого мне становится не по себе. Она провела последние пару месяцев, изводя меня и людей, которые мне наиболее дороги, и вот она смотрит на меня, как влюбленный щенок? Да пошла она на хрен отсюда с этим дерьмом.

— Может быть, вы оба хорошо смотрите только на бумаге, — говорит она.

Да пошла ты. Она отлично мне подходит.

Проводя пальцами по волосам, я оглядываю пустой бар. — Как ты думаешь, ты могла бы немного разобраться со всем здесь? Мне нужно найти адвоката по разводам. Пришло время отпустить это раз и навсегда и двигаться дальше.

Ее ухмылка расширяется при одной мысли об этом. — Да, конечно. Иди и делай то, что тебе нужно.

— Спасибо, Райлс, — говорю я ей.

Как только я дошел до двери, она окликнула меня по имени, и я повернулся к ней лицом.

— Просто знай, что я здесь, если я тебе понадобится.

Я киваю. — Я знаю, что ты здесь.

Когда я выхожу, меня чуть не передергивает от одной мысли о том, чтобы быть с ней вежливым. У меня есть большой опыт в том, как играть в вежливость, когда мне этого не хочется. Я провел годы в хоккейной команде с Айзеком, когда все, чего я хотел, — это увидеть, как шайба выбивает ему зубы. Но быть милым с Райли, когда все, что я хочу сделать, — это разорвать ее на части... Это было непросто.

Я уже давно здесь не был. Каток стал для меня вторым домом, но когда Лейкин уехала, я уже не чувствовал себя здесь как дома. Всегда чего-то не хватало. И это отсутствие делало дыру, которую она оставила в моем сердце, еще более болезненной. Поэтому я избегал этого — до сих пор.

Я подъезжаю к дому и паркую машину, прежде чем выйти из нее. Задняя дверь приоткрыта с помощью хоккейной шайбы, и я отпихиваю ее с дороги, когда захожу внутрь, позволяя двери закрыться за мной. Лейкин стоит спиной ко мне, разговаривая с Кэмом и Мали, но как только она слышит, как закрывается дверь, она оборачивается.

Проходит всего секунда, и она на полной скорости бежит ко мне и прыгает прямо в мои объятия. Я легко ловлю ее, прижимаю к стеклу и крепко обнимаю, целуя.

— Боже мой, это был ад, — говорю я ей. — Ты должна знать, что я не имел в виду ни одного гребаного слова.

Она быстро кивает, целуя меня еще раз. — Мали сказала мне, как только мы ушли.

Единственный способ сделать это достаточно правдоподобным — чтобы реакция Лейкин была искренней. Она не могла знать о плане, и это было самое худшее, потому что, когда она ломалась передо мной, для нее это было реальностью. И я никогда не хотел бы причинить ей такую боль.

— Итак, что означала визитка адвоката по разводам, которую ты оставил на столе?

— Это все часть плана, — обещаю я. — Без тебя меня нет, Лейкин. Может быть, я не уверен во многом, но в этом я уверен.

Она вздыхает с облегчением. — Хорошо, потому что, черт возьми. Мне казалось, что мои внутренности разрываются на части.

— Мне знакомо это чувство, — говорю я, но в моих словах нет ничего ядовитого.

Как я уже сказал, теперь я полностью понимаю, почему она ушла, чтобы защитить меня. Я подумывал сделать то же самое. Однако она это заметила, и так быстро отчитала меня за это, что я даже не успел принять решение, как она уже смахнула со стола все варианты.

Мы целуемся еще раз, прежде чем я опускаю ее на пол. Ее пальцы переплетаются с моими, пока мы идем к Кэму и Мали.

— Все в порядке? — спрашиваю я.

Кэм кивает. — Все на месте. Осталось только узнать, к кому она побежит.

Когда началась наша с Лейкин ссора, каждое мое движение было намеренным. Особенно когда я подошел к другому концу бара. Мы знали, что Райли будет полностью очарована этим, и это дало Мали возможность достать ее телефон и подключить его к своему, перенеся на него нужную нам шпионскую программу.

— Вы уверены, что здесь замешан кто-то еще? — спрашивает Лейкин.

Кэм кивает. — Убить кого-то и перевезти тело очень сложно. Райли не смогла бы сделать это в одиночку. Кто-то ей помогает.

Мали хмыкает. — После того, что нам рассказала Тереза, я думаю, что это мама Монти.

— Самое большее, что эта женщина когда-либо поднимала, — это ее кошелек, — возражает Лейкин.

Наклонив голову в сторону, Мали поняла ее мысль. — Тогда его отец. Возможно, они сблизилась после того, как он потерял одного ребенка, так?

— Я не знаю, но, похоже, мы скоро узнаем, — говорит Кэм, глядя на свой компьютер. — Она сейчас с кем-то переписывается.

Хейс только что сорвался на Лейкин. Их отношения остались в прошлом.

— Ты можешь отследить номер, с которым она переписывается? — спрашиваю я.

Кэм копирует номер и вводит его в программу, о которой ему рассказал парень из местного шпионского магазина. — Нет. Это одноразовый телефон.

Черт побери.

— О, они отвечают, — говорит Мали, затаив дыхание.

Мы все будем на взводе, пока все не закончится. Мы все четверо стоим вокруг маленького экрана и смотрим на него с затаенным дыханием.

С ними никогда не будет покончено по-настоящему. Пока мы не покончим с ними.

Нет, это правда. Я видела это своими глазами. Он действительно покончил с ней.

Тогда почему они сейчас вместе на катке? Не будь душой, Райли. Они играют с тобой. А теперь заканчивай свои дела и иди сюда. Мне нужна твоя помощь.

Черт! Нам нужен новый план.

Хейс

Мы все спешим вернуться в бар, отчаянно пытаюсь добраться до Райли. Из этих сообщений становится ясно, что она не является зачинщицей всего этого. Она — чья-то марионетка. Все, что нам нужно знать, — это кто дергает за ниточки, и единственный, кто может сказать нам об этом, — она сама. Но если они понимают, что ее прикрытие раскрыто, то не факт, что она появится завтра на работе.

Наш единственный шанс — сейчас.

Подбежав к бару, мы надеемся, что нам удастся образумить ее. Лейкин может даже сказать ей, что она нашла ее маму. Надеюсь, это как-то повлияет на нее. Но когда мы подходим к двери, то понимаем, что она заперта, а внутри выключен весь свет.

Сукин сын.

Я достаю ключи и отпираю ее. Войдя внутрь, мы быстро понимаем, что здесь совершенно пусто. Но когда Кэм включает свет, мы обнаруживаем, что заканчивай то, что ты делаешь, речь шла не о работе в баре. Речь шла о том, что в нем осталось для нас.

В центре бара лежат четыре больших воздушных шара — к каждому прикреплен конверт, на котором написаны наши имена. Я подхожу к ним, чтобы осмотреть, и тут я вижу это. Все шары утяжелены рыболовными грузилами.

Такие же, как те, что я положил в карманы Монти, чтобы тело было тяжелее.

— Кэм, — говорю я, кивая на грузила.

Он смотрит вниз, и его глаза расширяются. — Откуда они это знают, если его тело не нашли?

— Понятия не имею.

Мы все берем свои конверты, и для меня нет ничего удивительного в том, что мой и Лейкин оказались на противоположных концах. Разлучить нас, похоже, было самым важным во всем этом. Но мы сильнее, когда мы вместе, и единственные, кто может решить покончить с нами, — это мы с Лейкин.

Осторожно открыв конверты, мы находим приглашения на вечеринку для каждого из нас.

21-й день рождения не может быть полным без поездки на остров Слотер.

Не так ли, Эйч?

Взглянув на дату, я замечаю, что она наступает через три дня. Нет никаких причин возвращать нас на место преступления, если только это не их конечная цель. А что может быть лучше, чем импровизированная вечеринка по случаю дня рождения Лейкин?

В конце концов, они же сказали, что это всегда было связано с ней.

Но я не понимаю, если Лейкин — это то, что им нужно, зачем хоронить ее заживо? Зачем давать мне шанс найти ее? Они одержимы ею, но, если разобраться, для них все это

просто больная игра.

— Они ведь не ожидают, что мы пойдём на это? — спрашивает Мали.

Лейкин бросает свое приглашение на стол. — Мне кажется, что если мы не пойдём, они все равно заставят нас туда пойти.

Она права, и ей это известно лучше, чем кому бы то ни было. За последние пару месяцев они ясно дали понять, что у них есть власть делать все, что они хотят. Если мы думаем, что находимся в безопасности, нам нужно подумать еще раз, потому что мы никогда не находимся в безопасности и никогда не будем на шаг впереди.

Четыре громких звука разлетаются по бару, когда лопаются каждый шарик, поражая всех нас. Я прикрываю Лейкин, а Кэм — Мали. Но когда все прекращается, мы оборачиваемся и видим кровь, капающую со всех поверхностей в радиусе десяти футов от шаров. Должно быть, они были наполнены ею, как гигантские водяные шары, и сконструированы так, чтобы лопнуть и устроить кровавую баню.

Есть вероятность, что это подделка, но как только мы закончим разбираться со всем этим дерьмом, я потребую, чтобы мы все пошли сдавать анализы на ВИЧ.

Отслеживая телефон Райли, мы отправляемся в ее квартиру, надеясь застать ее там. Это небольшая однокомнатная квартира над офисом риелтора. Может быть, это и не самый лучший район, который я когда-либо видел, но и не ужасный. Тем не менее, чтобы жить здесь, она должна тратить больше, чем зарабатывает в баре.

Мы пытаемся постучать в дверь, но никто не отвечает. Мали отодвигает Кэма с дороги и вытаскивает заколку из волос, опускается на колени и начинает ковыряться в замке.

Кэм смотрит на нее так, словно не знает, кто она такая. — Ладно, это дерьмо выходит из-под контроля.

Ей требуется всего секунда, чтобы отпереть дверь, и она распахивает ее, прежде чем встать на ноги. — Что случилось? Тебя пугает девушка, которая может сама за себя постоять?

— Нет, — рычит он. — Я просто удивляюсь, откуда ты знаешь, как взломать замок.

Она пожимает плечами. — Когда я была под домашним арестом, родители запирали мой телефон и компьютер в шкафу, когда уходили на работу. Я научилась взламывать замки, чтобы добраться до них, а потом клала их обратно до их возвращения домой.

Кэм поджал губы. — Ладно, справедливо. Продолжай.

Я закатываю глаза, и мы все заходим внутрь. Место выглядит достаточно невинно. У одной стены стоит кровать, напротив нее — комод. Телевизора нет, но это то, чего можно ожидать от типичной двадцатилетней девушки.

По крайней мере, до тех пор, пока Лейкин не откроет шкаф.

— Ни хрена себе, — говорит она.

Мы все собираемся вокруг и в шоке смотрим на выставку в шкафу. Там есть статьи об исчезновении Монти, его некролог, фотографии каждого из нас, о которых мы даже не подозревали, и, наконец, карта, на которой отмечены все места, где мы когда-либо бывали с Монти.

По мере того, как мой взгляд сканирует все это, меня осеняет, что, хотя я был опустошен уходом Лейкин, я неосознанно нанял именно того человека, который заставил ее уйти. Мысль об этом раздражает меня до крайности.

— В следующий раз, когда я скажу вам, двоим, что мне кто-то не нравится, а вы мне не поверите, я напомню вам об этом, — говорит Мали Кэму и мне.

Я усмехаюсь, потому что даже не могу отрицать этого. Все это время она была права. — Принято к сведению.

— Нашел ее телефон, — говорит Кэм, поднимая его с кровати. — Не знаю, как мы теперь ее найдем. Невозможно отследить телефон, которого при ней нет.

— Если мне придется гадать, это не совпадение, — говорю я ему.

Лейкин погружается в раздумья, и я наблюдаю, как в этот момент загорается лампочка. Она бросается к кровати и открывает лежащий на ней ноутбук.

— Лей-лей, — поет Мали. — Сейчас не время проверять почту, детка.

Лейкин закатывает глаза, но ничего не отвечает, набирая что-то на компьютере. Что бы это ни было, она, должно быть, что-то поняла, потому что сосредоточенно пишет. И наконец, она улыбается.

— Получилось! — говорит она, поворачивая компьютер лицом к нам. — Райли носит часы Apple, и вы можете отслеживать их через ее Apple ID.

Прямо на экране перед нами появилась маленькая точка, движущаяся по воде — прямо к острову Слотер. Должно быть, именно туда ей велели прибыть, когда она закончит работу. В этом есть смысл. Они готовят все к заключительному этапу.

И, вполне возможно, к нашему концу.

Мы подъезжаем к докам и обнаруживаем машину Райли, небрежно припаркованную у стороны. Похоже, что она спешила, но если она знает, что мы за ней следим, то это может быть причиной. Она знает, что не сможет справиться с нами вчетвером. Последнее, чего она, вероятно, хочет, это чтобы мы застали ее одну.

Кэм подходит к машине и обнаруживает, что двери не заперты. Внутри мало что есть, но, когда он открывает багажник, все улики оказываются на месте. Баллончики с краской, конверты и открытки с записками, грузила, к которым были привязаны шарики, и, наконец, одноразовый телефон. Мы включаем его и находим множество анонимных текстовых сообщений, которые были отправлены нам, но ничего не было отправлено ее главарю.

— Ну, что будем делать? — спрашивает Мали.

Проводя пальцами по волосам, я бросаю взгляд на Кэма и понимаю, что мы с ним на одной волне.

— Мы сейчас едем туда, — говорит он, чтобы мне не пришлось этого делать.

— Едем, куда? — повторяет Лейкин, в ее голосе звучит ужас. — В смысле, на остров Слотер?

Он кивает. — Это на три дня раньше, чем они нас ждут. По крайней мере, тогда у нас будет элемент неожиданности. Это наш единственный шанс застать их врасплох, и, возможно, раньше, чем они будут готовы. Кроме того, если мы будем ждать их плана, нельзя с уверенностью сказать, что тот, с кем работает Райли, будет там.

Лейкин качает головой еще до того, как он закончил говорить. — Нет. Я не могу. Я не могу туда вернуться. Не после последнего раза.

Я становлюсь перед ней, беру ее лицо в свои руки и смотрю ей в глаза. Я должен успокоить ее, пока все не вышло из-под контроля.

— Детка, — говорю я мягко. — Я знаю, что тебе страшно, но ты должна знать, что я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось. Я с тобой. Хорошо? Но мы должны покончить с этим раз и навсегда.

Она все еще выглядит неуверенно, поэтому я притягиваю ее к себе и целую, чтобы она знала, что она всегда первая, о ком я думаю.

— В ту ночь ты оставила там частичку себя, — говорю я ей. — Пришло время вернуть ее.

К счастью, она наконец-то кивает, и я беру ее за руку, переплетая свои пальцы с ее. Наш брак не был идеальным. Он неспокоен и пережил больше испытаний, чем большинство других, но он наш. Я уверен, что мы будем спорить, и иногда мне будет хотеться вырвать свои волосы, но мы всегда будем сильнее, когда будем вместе.

Переглянувшись с Кэмом, с крепко сжатой рукой Лейкин, я киваю. — Давай сделаем это.

Надеюсь, отец Лукаса не заметит пропажи лодки до его возвращения. Кэм отправил Лукасу сообщение, сообщив, что нам нужно кое, о чем позаботиться и что это срочно, но это не значит, что его отец не позвонит в полицию по поводу украденной лодки. Как это вообще называется? Крупная кража судна?

Благодаря двум моторам, установленным на этом малыше, нам не требуется много времени, чтобы добраться до острова Слотер. Когда мы приближаемся, то понимаем, что здесь есть еще одна лодка, а значит, Райли должна быть поблизости. Мы оглядываемся по сторонам, но не видим ее. Остается только один вариант.

Она в доме.

Лейкин смотрит на то место, где умер Монти, но когда я прижимаю поцелуй к ее

волосам, она отшатывается.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня со страхом в глазах. — Я просто хочу, чтобы все это закончилось.

— И ты, и я, детка. Так что пойдём, положим этому конец.

Мы выходим из лодки и тихонько направляемся к дому. Внутри слышен чей-то шум, но трудно разобрать, что именно они делают. Когда мы стоим перед дверью, Кэм достаёт из-за пояса пистолет и берёт его в руки.

— На счёт три, — шепчет он.

Он считает пальцами, и в тот момент, когда он досчитал до трех, мы врываемся внутрь. Глаза Райли в панике расширяются, когда она видит нас, наконец-то осознав, что мы знаем, что это она. Кэм направляет пистолет прямо на нее. Она закатывает глаза и поднимает руки вверх с уверенностью, что ее поймали.

— У тебя есть две секунды, чтобы сказать мне, с кем ты работаешь и где они находятся, или, клянусь Богом, я вышибу тебе мозги.

Она ухмыляется, как будто знает, что этого никогда не произойдет, и оглядывается на нас как раз вовремя, когда дверь захлопывается. Газ быстро заполняет комнату, и Райли набрасывает на лицо маску, но, пытаясь выбраться, я понимаю, что не могу.

Эта дрянь действует быстро, на одном дыхании, и один за другим мы падаем на пол, теряя сознание, и слышим знакомый голос, дразнящий нас на заднем плане.

— *Как рано вы пришли. Добро пожаловать на вечеринку.*

32

Лейжын

Все кажется туманным, как будто я нахожусь под поверхностью воды и пытаюсь подняться наверх. Мои легкие горят от нехватки воздуха. Я нахожусь прямо здесь, на грани жизни и смерти. Было бы так легко все отпустить. Это было бы так безболезненно.

Но легкая дорога никогда не была для меня дорогой.

Первое, что я слышу, это звук борьбы Хейса. — Отвали от нее! Ты убьешь ее на хрен!

Когда я просыпаюсь, мой рот и нос наконец-то открыты, и я яростно кашляю, пока мои легкие наполняются воздухом. Мое зрение расплывается, и проходит минута, прежде чем все оказывается в фокусе, но когда это происходит, я не могу поверить в то, что вижу.

— Вот и она, — поет он.

Мои глаза расширяются, и ужас охватывает меня с ног до головы. Я пытаюсь

пошевелиться. Я привязана к стулу, руки за спиной, а каждая нога привязана к ножке стула. Повернувшись направо, я вижу, что Хейс находится в той же позе — с облегчением, что я жива, и с ужасом, потому что он знает, что мы в полной заднице.

— Нет, — вздыхаю я. — Ты...

— Что я? — ухмыляется Монти. — Умер? Не совсем.

Каждый вздох дается тяжело. — Я видела тебя! Там было так много крови. Ты был...

— Потерял сознание от шока, вызванного выстрелом в чертов живот, — уточняет он. — Хотя, должен сказать, то, что мои друзья выбросили мое тело вместо того, чтобы позвать на помощь? Это гораздо большее.

Это должно быть сном. Извращенный кошмар, питающийся травмами, оставшимися после той ночи. Но, борясь с веревкой и чувствуя, как она врезается в кожу, я понимаю, что все это так же реально и хреново, как и кажется.

— Я была на твоих похоронах, — говорю я, пытаюсь осмыслить все это.

Он хмыкает, размахивая пистолетом Кэма. — Да. Очень трогательная получилась сценка.

Он, блядь, знал. Я тут саморазрушалась из-за его потери, а он был жив все это время, черт возьми. — Я, блядь, оплакивала тебя!

— Эй! — говорит он, присаживаясь передо мной на корточки и впиваясь кончиками пальцев свободной руки в мое бедро. — Не строй из себя невинность! Ты оставила меня там умирать!

— Я думала, что ты уже умер, — плачу я. — Я хотела позвать на помощь.

— И все же ты позволила ему утащить тебя, пока я истекал кровью.

Он встает и делает несколько шагов в сторону. Я поворачиваюсь налево и вижу, что Кэм и Мали находятся в том же положении, что и мы с Хейсом. Мали выглядит такой же испуганной, как и я, а Кэм кипит от ярости. Райли стоит в углу и наблюдает за всем происходящим с дьявольской ухмылкой на лице.

— Когда я услышал, что кто-то возвращается, я подумал, что ты пришла в себя, — признается он. — Я подумал, что они пришли за мной и собираются отвести меня за помощью. Но потом я услышал их разговор о том, что они собираются бросить меня и предоставить акулам позаботиться об этом. И я понял, что они вернулись не для того, чтобы забрать меня. Они вернулись, чтобы избавиться от меня.

К счастью, погружение в воду активировало функцию «беги или сражайся». Единственное, что могло меня спасти, это я сам. С трудом, но мне удалось доплыть до буйка и подтянуться к нему. И там меня нашел старый добрый рыбак. — Он поднимает взгляд от пола, и его глаза становятся такими темными. — Жаль, что мне пришлось его убить, но он был единственным, кто знал, что я еще жив. И если я хотел отомстить, я должен был быть мертв.

Я покачала головой, вновь ощущая боль той ночи. — Если бы я знала, что ты еще жив, я...

— Ты что? — усмехается он. — Ты бы снова покрывала преступления своего брата? О, подожди. Нет, ты думала, что это Хейс в меня стрелял.

— Да пошел ты, — рычит Эйч, как будто тыкать медведя — это хорошая идея.

Но Монти только зловеще рассмеялся. — Если честно, это была лучшая часть. Хейс, взявший на себя вину за Кэма, дал мне прекрасную возможность заставить тебя бросить его. Это было слишком просто.

Мой взгляд встречается со взглядом Хейса, и я вижу, что он борется с веревками, но они завязаны так чертовски крепко. Они только и делают, что режут его кожу. Нет никакой надежды освободиться.

— Это был несчастный случай! — кричу я. — Никто не пытался тебя убить. Зачем ты это делаешь?

— Потому что ты вернулась, мать твою! — рычит он. — Если бы ты держалась от него подальше, до этого бы не дошло. Но ты просто должна была бежать к нему, чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

Райли выглядит так, будто получает от этого огромное удовольствие. — Я так устала от шоу Хейса и Лейкин, а ты?

Монти мрачно усмехается. — Это отвратительно, то, что в ее глазах, он не может сделать ничего плохого.

Оттолкнувшись от стены, Райли проходит мимо Монти и направляется к Хейсу. — Посмотрим, как ей это понравится.

Она перекидывает ногу через колени Хейса, усаживается на него и обхватывает руками его плечи. Когда она прижимается к нему, чтобы поцеловать, я чувствую, как разрывается мое сердце. Мы умрем, и я не буду последней, кто поцелует его. Мои губы не будут последними, которые коснулись его губ. И даже когда он пытается отвернуться, я боюсь, что ей это удастся.

Пока он не отшатывается назад и не врезается головой в ее лицо.

Райли хватается за нос, падая на пол, в полном шоке от того, что он причинил ей боль. Кровь хлещет из явно сломанного носа, и когда она дотрагивается до него рукой, ее ярость обращается ко мне.

— Это *ты* во всем виновата! — кричит она.

Вскочив, она бросается ко мне и обхватывает руками мое горло. Мне снова трудно дышать, но на этот раз потому, что она душит меня. Все кричат и пытаются освободиться, но все, на чем я могу сосредоточиться, — это взгляд Райли.

— Он не хочет любить меня, потому что думает, что любит тебя! — кричит она, перекрывая мне доступ воздуха.

Я чувствую, что начинаю сдаваться. Мое зрение становится туннельным, все вокруг меркнет, пока громкий удар не пронзает мои барабанные перепонки, заставляя их звенеть. Хватка Райли ослабевает, и она падает на мои колени, а я хриплю и кашляю, пытаюсь втянуть воздух.

Монти стоит сбоку от моего стула и разочарованно смотрит на пулевое отверстие в ее виске. Он поворачивается ко мне и качает головой, отрывая ее от меня и бросая на пол.

— Почему именно я всегда должен делать для тебя всякую хрень?

Но я не могу ответить. Я даже думать не могу. Моя травматическая реакция обхватывает меня руками и прижимает к себе, укачивая и говоря, что все будет хорошо, но я знаю, что это не так.

Мы все закончим так же, как Райли.

— Да что с тобой такое? — издевается Мали, наконец-то набравшись сил.

Монти с отвращением смотрит на нее. — Даже не начинай. Я никогда не думал, что ты окажешься такой предательницей. То, что ты связалась с Кэмом, разбило мне сердце.

— Я думала, ты умер! — кричит она.

Он смотрит на нее без эмоций, а затем раздражается маниакальным смехом. — Ничего

страшного. Я был с тобой только для того, чтобы Ромео не смог полностью отнять у меня Лейкин.

Монти подходит к Мали и садится перед ней на корточки, медленно проводя пистолетом по ее ноге. — Жаль, что у меня так и не было возможности посмотреть, на что способна эта киска. Кэм, похоже, действительно наслаждается этим, не так ли?

Мой брат чуть не опрокидывает свой стул, пытаясь до него добраться. — Отвали от нее, чертов психопат!

Встав, Монти наклоняется вперед перед ним. — Или что? Что ты собираешься делать?

Кэму следует держать рот на замке. Господь свидетель, мы сейчас не в том положении, чтобы оскорблять человека, который только что убил свою собственную сестру. Но он никогда не был из тех, кто прикусывает язык, и, конечно, это не исключение.

— Что случилось? — дразнит он Монти. — Тебе не нравится, когда люди заставляют тебя чувствовать себя не таким уж мужчиной?

Монти раздражается саркастическим смехом и, кажется, собирается уйти, но тут Кэм замахивается рукой с пистолетом и бьет его по лицу. От удара голова Кэма отлетает в сторону, и он выглядит немного ошеломленным.

Но когда он вскидывает пистолет и направляет его на него, паника, пронзившая меня, возвращает мне голос.

— Не надо! — рыдаю я. — Пожалуйста. Не делай этого.

Слезы начинают струиться по моему лицу, и Монти смягчается, видя, что я расстроена. Он оставляет Кэма в покое и опускается передо мной на колени.

— Нет, ангел, — говорит он мягко, как будто он совсем другой человек. — Не плачь. Ты слишком красивая, чтобы плакать.

Я качаю головой, моля Бога, чтобы мы выбрались отсюда живыми. — Ты не должен этого делать, Монти. Ты не должен. Ты можешь оставить меня. Мы можем убежать вместе, но тебе не нужно причинять им боль. Просто отпусти их.

Хейс становится красным от гнева, слушая мои слова, но мне все равно. Если это то, что нужно, чтобы они могли освободиться, я сделаю это. Я сделаю все, что угодно.

Он не верит. — Хейс должен умереть. Он никогда не перестанет искать тебя.

— Нет, — говорю я слишком быстро. Сделав вдох, я успокаиваю себя. — Нет. Он не будет. Он оставит нас в покое. Я знаю, что оставит.

Глаза Монти снова потемнели, и он насмешливо произнес. — Невероятно. И все равно ты пытаешься его спасти. Я дал тебе все, что ты хотела. Большой дом. Работу мечты. Я позаботился о том, чтобы ты жила в своей чертовой мечте, а ты все еще хочешь его!

— Н-нет, — задыхаюсь я. — Нолан дала мне эти вещи.

Уголок его губ угрожающе приподнимается. — Ты действительно думаешь, что случайно встретила наследницу, которая не воротит нос от девчонки, пытающейся попасть в клуб, в котором ей явно не место?

Ох. Боже мой. Боже.

Есть такая степень опустошения, которую испытываешь, когда понимаешь, что все, что ты думал, что знал, было ложью. Это все Монти. Все до последнего кусочка. Я верила, что мне повезло. Что Вселенная отплатила мне за то, что я сделала правильный выбор и защитила Хейса. Но это все чушь.

Это был Монти.

Вот почему после моего отъезда от него не было никаких вестей. Почему сообщения

прекратились, а угроза, казалось, исчезла, задерживаясь лишь в тех частях меня, которые подумывали о возвращении домой. Он контролировал ситуацию все это время.

— Да, — похвастался он. — Это все я, ангел. И я не могу передать тебе, как мне понравилось то маленькое шоу, которое ты устраивала для меня каждую ночь с этим вибратором.

Меня сейчас вырвет.

Он не позволит нам уйти отсюда. Этот человек абсолютно одержим, он не знает границ. Вот почему он записал нас с Хейсом. Почему он записал Мали. Он считает, что все люди принадлежат ему, и он может делать с ними все, что захочет, включая лишение жизни.

Монти кружит вокруг меня, словно в молитве, проводя кончиком пистолета по моим плечам. — Неужели ты не понимаешь, Лейкин? Я дал тебе все, что ты только могла пожелать.

— Нет! — выплюнула я в ответ. — Ты отнял у меня единственное, чего я хотела. Моя жизнь с ним была единственным, что меня волновало, но ты просто не можешь с этим справиться.

Он наклоняется ко мне и прижимается губами к моему уху. — Нет. Я не могу. И хорошо, что мне это не нужно.

Хейс теряет дар речи, видя его так близко ко мне. — Ну и что? Если ты не можешь получить ее, то никто не может? Ты действительно так собираешься поступить?

Мрачный смех вырывается из уст Монти, когда он начинает развязывать меня. — О, не может быть, чтобы я не мог получить ее. Я собираюсь заполучить ее. А потом я убью каждого из вас. — Он ухмыляется Хейсу. — Готов поспорить, что тебя просто уничтожит знание того, что последним человеком, у которого она была, был я.

— Ах ты, сукин сын! — рычит он. — Держи свои поганые руки подальше от нее!

Но Монти не слушает. Он заканчивает развязывать мои ноги, затем руки, освобождая меня от всех ограничений. Если я думала, что смогу вырваться, то я ошибалась. Монти держит пистолет на мушке.

— Иди в спальню и ложись на кровать, — приказывает он.

Я не двигаюсь с места, застыв в страхе, пока все вокруг меня паникуют. Кэм толкается так сильно, что его стул начинает трещать под давлением. Монти закатывает глаза, а затем ударяет его прикладом пистолета по голове и лишает сознания.

— Если подумать, то иметь его в качестве шурина было бы просто ужасно, — насмехается Монти. — А теперь... в спальню.

Мои ноги не двигаются, пока я смотрю в дуло пистолета, размышляя, не лучше ли позволить ему застрелить меня. В конце концов, мы все равно умрем, не так ли?

Но когда он теряет терпение, он переводит пистолет с меня на Хейса. — Я сказал, сейчас, Лейкин!

Все мое тело напрягается, я боюсь не за свою жизнь, а за его. Монти ненормальный. Полный социопат. Но он верит, что любит меня. У меня больше шансов. Но Хейс? Он пристрелит его, даже не моргнув.

И это единственное, что заставляет меня двигаться.

Хейс кричит, чтобы я остановилась, а я разворачиваюсь и иду прямо в спальню. Монти следует за мной, и я оглядываюсь на Хейса — наши глаза на секунду встречаются, прежде чем дверь захлопывается.

Хейс

Кровь бурлит в моих венах. Я борюсь всеми силами, чтобы освободиться от пут этого кресла. Меня не волнует, что грубая веревка режет кожу и что я чувствую, как кровь стекает по руке. Единственное, о чем я думаю, — это о том, что происходит за дверью.

Лейкин будет сопротивляться. Она не из тех, кто легко сдается. Но он победит. Она и так слаба от того, что мы вдыхали, и от того, что Райли чуть не задушила ее до смерти. Он одолеет ее и изнасилует.

Если только я не смогу добраться до него до того, как это случится.

Кэм все еще лежит на стуле, потеряв сознание. Мали в истерике беспомощно наблюдает за ним, прислушиваясь к крикам Лейкин.

Только через мой труп я позволю Монти снова разбить ее вдребезги.

— Заткнись, мать твою! — кричит Монти, но Лейкин продолжает кричать во всю мощь своих легких.

И когда я слышу, как Монти называет ее сукой, я понимаю, что она точно сопротивляется.

Я просто должен встать с этого гребаного стула!

Раскачиваясь на нем так же, как Кэм, я слышу, как он начинает скрипеть. Дерево старое. Должно быть, они стояли здесь, когда здесь еще жили. Так что, если бы я только мог...

Мне требуется вся моя сила, чтобы наклониться вперед настолько, чтобы поднять стул с земли. Мали с недоверием наблюдает за тем, как я делаю глубокий вдох, готовясь к удару.

Собрав все силы, я бросаюсь назад. Стул врезается в стену, дерево разлетается на щепки и вонзается мне в спину, когда я приземляюсь на него. Боль пронзает меня насквозь, но я не успеваю ничего почувствовать.

Потребовалась секунда, и я едва не вывихнул плечо, чтобы подтянуть руки к телу, но как только я это сделал, мне удалось с помощью зубов достаточно ослабить узел.

Мали издала влажный смешок, наконец-то почувствовав хоть какую-то надежду. — Ты что, не мог сделать так раньше?

Я хмыкаю, выпрямляю спину и иду в спальню. Монти уложил Лейкин на кровать лицом вниз, а его колени удерживают ее ноги. Ее штаны наполовину спущены, и она извивается, пытаясь удержать его. Но из-за ее криков он не слышит, как я вхожу.

Пистолет лежит на кровати позади него, и я подумываю взять его, но это было бы слишком просто. Слишком гуманно для того, что он заслужил.

Нет. Он должен умереть как можно медленнее и мучительнее.

С адреналином в крови я хватаю Монти за шею и отрываю его от своей жены. Его глаза расширяются от шока и паники, когда я валю его на пол.

Он не сопротивляется, но я и не даю ему такой возможности. Я хватаю его за голову и несколько раз ударяю ею о пол, наблюдая, как под ней начинает собираться кровь. Мой сжатый кулак летит ему в лицо, и я чувствую, как под ним ломаются кости. Но даже когда он затихает, я не могу остановиться.

Его лицо залито кровью. Ни одна его часть не может быть опознана. Но я продолжаю размахивать руками. Я продолжаю колотить его с непревзойденной силой, пока на мое плечо не ложится легкое прикосновение.

— Хейс, — мягко говорит Лейкин. — Ты можешь остановиться. Его больше нет. Он больше не может причинить нам вреда.

Но на этот раз я хочу быть уверенным.

Я беру два пальца и прижимаю их к шее, ища пульс, но его нет.

Он мертв, черт возьми.

Наконец почувствовав, что могу дышать, я откидываюсь назад и притягиваю Лейкин к себе. Мне нужно видеть, что с ней все в порядке. Что она жива и не потеряла больше тех кусочков, которые он хотел отнять у нее.

— Он не... — спрашиваю я, не в силах произнести и слова.

Она качает головой, крепко прижимаясь ко мне. — Нет.

Слава Богу.

Я провожу рукой по ее лицу и наблюдаю за тем, как замедляется мое дыхание. Когда я больше не могу сдерживаться, я притягиваю ее к себе и накрываю ее рот своим. Она снова вдыхает в меня жизнь. Больше ничто в мире не имеет значения.

Только она.

Только это.

Только мы.

Когда мы расходимся, я бросаю взгляд на официально мертвое тело Монти, а затем снова на Лейкин. — Для протокола, на этот раз я убил его намеренно, и я ни хрена не буду за это извиняться.

Она смеется, глядя на меня с недоверием. — А я и не прошу.

Я снова целую ее, но тут меня прерывает голос Мали, раздавшийся в другой комнате.

— Ради всего святого, вы двое можете быть гадкими даже здесь, — кричит она. — Заберите меня отсюда к чертям собачьим.

Черт, точно.

Лейкин слабо усмехается, вставая и протягивая руку, чтобы помочь мне. Я все еще чувствую боль в спине, но я приму боль с победой, чем не чувствовать ничего, потому что я мертв.

Мы возвращаемся в комнату, и я сначала развязываю Мали, а Лейкин пытается разбудить Кэма. Она легонько постукивает по его лицу и произносит его имя, но ничего не происходит.

Он не должен все еще быть в отключке.

Как только Мали освобождается, она опускается перед Кэмом. — Детка. Детка, ты должен проснуться.

Я пытаюсь развязать его запястья, наблюдая, как его руки падают на бока, и ужас

охватывает меня с головы до ног. Мои глаза встречаются с глазами Лейкин, которые начинают наполняться слезами, и Мали начинает плакать.

— Ты не имеешь права умирать у меня на руках, Бланшар, — ругается она между всхлипами. — Клянусь, если ты не проснешься, я сделаю так, что все, кого ты когда-либо знал, будут думать, что у тебя маленький член!

В самый подходящий момент Кэм зашевелился и наконец-то пришел в себя. Мы с Лейкин выдохнули с облегчением. Должно быть, он вспомнил, где мы находимся, потому что в панике вскочил и огляделся. По лицу Мали все еще текут слезы, но она, издав влажный смешок, кладет руку ему на щеку.

— Привет, Спящая красавица. — Он мотает головой, как будто ищет остальных, но Мали возвращает его внимание на себя. — Не волнуйся. Хейс спас твою прекрасную задницу.

Он с облегчением опускает голову, делает пару вдохов и смотрит на Мали. Он прижимается к ее лицу и колеблется лишь секунду, прежде чем нетерпеливо поцеловать ее. Когда он разрывает поцелуй, она кладет голову ему на плечо, и он прижимает ее к себе, глядя то на Лейкин, то на меня.

— Монти? — спрашивает он.

Я киваю в сторону спальни. — Мертв.

Он фыркнул. — Это то, что ты сказал в прошлый раз.

Я выдыхаю воздух и встаю, обнимая Лейкин и прижимая ее к себе. Никогда не наступит момент, когда я отпущу ее. Этого не может быть. Мы нужны друг другу, и, может быть, это нездорово и созависимо, но мне все равно.

Она — весь мой гребаный мир.

Оглядевшись по сторонам, Кэм находит в одном из шкафов пачку спичек и канистру с бензином. Она новая, значит, Монти планировал сжечь это место дотла, как только закончит с нами.

Он еще не знал, что будет гореть вместе с ним.

Облив все, что можно, включая тела Монти и Райли, Кэм достает одну из спичек и идет зажигать ее. Но перед этим Лейкин протягивает руку.

— Он так много у меня отнял, — говорит она. — Все началось с меня. Теперь это закончится со мной.

Он смотрит на меня, но я не останавливаю его. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что она знает, что делает. Лейкин через многое прошла и каким-то образом справилась с этим. Может быть, временами она и ломалась, но никогда не позволяла себе оставаться в таком состоянии. Если это то, чего она хочет, я дам ей это.

Взяв спичку, она чиркнула ею о бок и посмотрела на пламя.

— Наслаждайтесь адом, придурки.

Она бросает спичку на пол рядом с телом Райли и отступает назад, когда гниющая древесина мгновенно загорается. Огонь быстро распространяется по дому, и мы вчетвером выходим на улицу. Моя рука обхватывает плечи Лейкин, а рука Кэма — плечи Мали. Лейкин прислоняется ко мне, а они с Мали обхватывают друг друга руками. Нам всем удалось выбраться живыми, но мы никогда не забудем, что мы чувствовали, когда была вероятность, что этого не произойдет.

Стоя в воде, я отмываю кровь с рук. Кэм ждет меня, и когда я заканчиваю, мы выталкиваем лодку на большую глубину. Мы оба забираемся на борт, и мотор с грохотом

оживает.

Мали стоит рядом с Кэммом, положив голову ему на плечо, а Лейкин смотрит, как вдалеке горит дом. Я обнимаю ее сзади. Нет ничего лучше, чем держать ее рядом, особенно после того, как я был уверен, что потеряю ее.

— Неужели все закончилось? — спрашивает она.

Я киваю, прижимаясь поцелуем к ее плечу. — Все кончено, детка. Кроме нас. Ты останешься со мной до конца наших дней.

Она кружится в моих объятиях и ласково улыбается мне. — Я люблю тебя.

Глядя на девушку, которая удивляла меня на каждом шагу, я не могу поверить, что когда-то я хотел отказать себе в этом. Но тогда она нарушила все мои правила, как и сейчас. И я ни за что на свете не променял бы ее.

Я целую ее в лоб, прежде чем произнести слова, которых недостаточно, но это единственное, что мне кажется близким. — Я больше чем просто люблю тебя.

ЭПИЛОГ

Хейс

Месяц спустя

В эти дни воздух кажется более легким, как будто легче дышать. Все прошло тихо и без происшествий, как я и хотела. Мы заполнили свое время такими обыденными вещами, как работа и поход за продуктами, и после того ада, через который мы прошли, я должен сказать, что это освежает. Раньше я никогда не думал, что простота домашней жизни может меня привлечь, но я ошибался.

С другой стороны, Лейкин всегда делает вещи интересными.

Я выглядываю в окно и вижу, как подъезжает грузовик с вещами, и выхожу на крыльцо. Двое парней выпрыгивают и открывают заднюю дверь. Я поворачиваюсь и кричу в дом.

— Лей, — зову я. — Это к тебе!

Она хмурит брови, выходя из кухни. — А?

Когда я киваю ей, чтобы она вышла, она выглядит растерянной, пока не выходит на крыльцо. Один из грузчиков подходит к ней с планшетом и вежливо улыбается.

— Вы Лейкин Бланшар? — спрашивает он.

Она поднимает на него бровь. — Я Лейкин Уайлдер.

Он кивает. — Конечно, мои извинения. У меня тут несколько коробок от некой мисс Нолан Brentвуд. Вам знакомо это имя?

— К сожалению, — сухо говорит она. — Где мне расписаться?

Грузчик показывает ей, где нужно поставить инициалы и подпись, а когда она

заканчивает, протягивает ей письмо с именем Лейкин, написанным почерком Нолан. Она недовольно морщит нос, но все равно берет письмо и открывает его, пока грузчик начинает доставать ее коробки из грузовика.

Через несколько дней после того, как мы чуть не лишились жизни, Лейкин наконец-то была готова встретиться с Нолан. Я сидел в гостиной и наблюдал за тем, как Лейкин выкладывает ей все, что о ней думает. Нолан во всем призналась, но утверждала, что она ничего не знала, кроме того, что она — человек, за которым нужно присматривать. Тем не менее, доверие между ними было разрушено, поэтому, когда Лейкин сказала ей, что больше никогда не хочет ее видеть, я не стал ее винить. А когда Нолан спросила, не хочет ли она, чтобы ее вещи упаковали и отправили ей по почте, Лей настолько смирилась со всем этим, что сказала, что ей все равно.

— Делай, что хочешь. Меня это больше не волнует.

Похоже, она все равно решила отправить их ей.

— Если уж на то пошло, я действительно ценила тебя как друга, — с насмешкой прочитала Лейкин вслух, после чего смяла письмо в кулаке. — Ну, это ничего не стоит, сучка.

Я усмехаюсь, глядя, как она спускается по ступенькам и говорит грузчикам, что хочет, чтобы все коробки стояли на крыльце. После всего случившегося вполне логично, что она захочет все перебрать, прежде чем заносить в наш дом.

Видя, что она с этим справиться, я возвращаюсь в дом и продолжаю наконец-то чинить камин. Лейкин наседала на меня по этому поводу, говоря, что это всегда была ее любимая часть дома. Но она не знает, что я укрепляю его, чтобы он стал еще крепче.

Я слышу, как по телевизору звучит фамилия Роллинз, и делаю паузу, хватая пульт, чтобы сделать звук чуть громче, когда диктор новостей начинает рассказывать об этой истории.

— После многомесячного расследования полиция наконец-то закрыла дело о пожаре, произошедшем на небольшом острове у побережья. Следователи утверждают, что Монтгомери Роллинз, который пропал и считался погибшим, в течение двух лет жил там в доме, который был заброшен более десяти лет. Во время, как полагают власти, любовной ссоры женщина, находившаяся в доме вместе с Монтгомери, нанесла ему несколько сильных ударов по голове и лицу, от которых он скончался, а затем подожгла дом и застрелилась. По словам источников, даже родители Монтгомери не знали, что он жив, и считали своего сына погибшим. Мы обратились за комментарием к сенатору Роллинзу, но он отказался от комментариев.

Мысль о том, что Райли и Монти могут быть любовниками, вызывает у меня отвращение. Но, с другой стороны, это меня не удивит. Монти был больным ублюдком. Не думаю, что есть что-то, что я не мог бы от него ожидать.

— Что ты смотришь? — говорит Лейкин, входя в дверь.

Я нажимаю кнопку, чтобы выключить телевизор, и улыбаюсь ей в ответ. — Только то, что они закрывают дело Монти. Все в порядке?

Она смотрит в окно и кивает. — Все прекрасно.

Проходит всего пара шагов, и я оказываюсь перед ней, притягивая ее к себе. — Хорошо. Но как только они уйдут, я отвезу тебя в одно место.

— А я могу спросить, чтобы узнать куда?

— А ты когда-нибудь получала ответ?

Она поджала губы и надула губки. — Ладно.

Когда она собирается уходить, я хватаю ее за плечи, снова заключаю в объятия и целую так быстро, что это застаёт ее врасплох. Она прижимается ко мне всем телом, ее губы движутся навстречу моим, пока я наконец не прерываю поцелуй и не смотрю на нее.

— С годовщиной, детка.

Ее улыбка становится ярче, освещая всю мою чертову жизнь. — С годовщиной.

Солнце светит, согревая нас, когда мы едем по улице. Рука Лейкин высовывается из окна, позволяя ветру гулять между ее пальцами. В последнее время я часто поглядываю на нее, просто чтобы полюбоваться, насколько она красива. Когда она вернулась, я был так зол, и снова доверять ей оказалось трудно, но мы всегда собирались держаться вместе, пока это не произойдет. Я не верю, что у кого-то из нас когда-либо была другая альтернатива.

Как будто она чувствует, что я смотрю на нее, она поворачивается ко мне и усмехается. — Что?

— Ничего, — говорю я ей. — Просто рад, что ты моя.

Она смотрит вниз на свой палец, где недавно была подкрашена татуировка с моим инициалом. Через неделю после того, как мы наконец положили конец кошмару, мы вдвоем пошли в тату-салон и сели друг напротив друга, ни на секунду не отводя взгляда, пока подтверждали нашу любовь друг к другу жужжанием тату-пистолета.

— Никогда не наступит дня, когда я не буду любить тебя, — обещает она.

И я знаю, что она никогда не имела в виду ничего другого.

Я заезжаю на парковку нашего особого пляжа, того самого, который был отобран у нас в ночь, когда Монти и Райли похоронили здесь Лейкин заживо. Дыхание Лейкин прерывается, и она смотрит на меня со страхом в глазах, но я ставлю грузовик на стоянку и поворачиваюсь всем телом к ней лицом.

— Если ты хочешь уйти, мы можем это сделать, — говорю я ей. — Но если ты думаешь, что это то, через что ты сможешь пройти, я бы действительно хотел выбраться из грузовика.

Она делает глубокий вдох и смотрит на меня в ответ. — Они ушли.

— Они ушли, — подтверждаю я.

Это то, что ей нужно было делать в последнее время, особенно когда кошмары, вызванные травмой, подкрадываются к ней по ночам. Но она такая чертовски сильная, и все, что я могу сделать, это благоговеть перед ней, когда она кладет руку на ручку и открывает дверь.

Я выпрыгиваю и обхожу грузовик, беря ее руку в свою. Мы медленно идем по пляжу, пока я не останавливаюсь и не поворачиваюсь к ней. Ее глаза слегка прищуриваются, когда она смотрит на меня.

— Что мы здесь делаем, Эйч? — спрашивает она.

Моя голова поворачивается, когда я оглядываюсь вокруг, на удивление чувствуя себя немного нервно. — Это место было таким особенным для нас, и это была лишь одна из многих вещей, которые у нас украли. Но я планирую это изменить. Они не смогут забрать это место или невероятные воспоминания, которые у нас здесь остались. Итак, я беру свои слова обратно.

Я опускаюсь на одно колено и вытаскиваю кольцо из кармана. То самое, которое она оставила на острове рядом со словами «*Мне так жаль*» перед отъездом. У нее перехватывает дыхание, когда она сразу же узнает его.

— Сегодня два года назад я женился на тебе посреди нашей гостиной в присутствии нашей семьи и самых близких друзей, — говорю я со всей любовью, которую я чувствую к ней, изливающейся в моих словах. — Сейчас я прошу тебя выйти за меня замуж на глазах у всех, кого мы знаем и любим, здесь, на нашем особом пляже.

Улыбка Лейкин растягивается от уха до уха, когда она усмехается. — Ты такой пещерный человек, что должен жениться на мне дважды, да?

Я издаю смешок, когда встаю, хватая ее сзади за шею. — Ты знаешь это, детка.

Когда я втягиваю ее, она охотно соглашается, и мы вдвоем встречаемся посередине. Я нежно прижимаюсь своими губами к ее. Это медленный и сладкий поцелуй, который говорит ей обо всем, что она для меня значит.

— Итак, это «Да»? — спрашиваю я, когда мы прерываемся, что глотнуть воздуха.

— Конечно, это «Да», — отвечает она. — Но у меня есть одно условие.

Условие? Мы буквально уже женаты. Вряд ли сейчас время для условий, но я ее развлекаю. — Что такое?

— Это должно произойти поскорее, потому что я хочу, чтобы твоя мама была там.

Вот так просто, ее слова согревают меня изнутри. Предоставь ей всегда думать обо мне. Чего я хочу. То, что мне нужно. Я всегда первое, о чем она думает, и это проявляется во всем, что она делает.

— Каждый раз, когда я думаю, что не смогу любить тебя больше, чем уже люблю...

Она немного оживляется и обвивает руками мою шею, снова сближая наши губы.

Передо мной горит огонь, напоминая мне о дне, когда мы победили. После чего-то столь ужасного некоторые люди будут пытаться избежать всего, что может вызвать воспоминания о том, через что они прошли. Но не мы. Мы сильнее этого. Позволить им забрать это у нас означало бы только позволить им победить, а нам четверым? Мы слишком склонны к соперничеству, чтобы позволить этому случиться.

Все мои друзья, все люди, которые мне небезразличны, все они здесь — пьют и наслаждаются хорошей жизнью. Иногда они могут сводить меня с ума, но это и есть дружба. Я смотрю, как Кэм читает Мали лекцию о том, как правильно обжаривать зефир,

только для того, чтобы он подгорел. Мали хихикает, когда он дует на него, а затем преподносит ей так, словно это лучшая вещь в мире. Она снимает его с шампура и скептически разглядывает, дуя на него, прежде чем размазать по всему его рту. Кэм смотрит на нее в шоке, но я бы на его месте не ожидал от нее извинений.

Не за это или что-то еще.

— Привет, — говорит Лейкин, подходя и становясь рядом со мной.

Я вздыхаю с облегчением, чувствуя, что теперь, когда она здесь, все каким-то образом становится еще лучше. — Наконец-то. Я скучал по тебе.

— Ты буквально видел меня час назад, — поддразнивает она.

Поворачиваясь к ней, я бросаю на нее недоверчивый взгляд. — Женщина, я скучаю по тебе, когда ты уходишь на пять минут. Не веди себя так, будто это для тебя новость.

Она смеется и игриво закатывает глаза, но когда она смотрит на огонь, я замечаю конверт в ее руке.

— Что это? — спрашиваю я ее.

Ее брови на секунду хмурятся, пока до нее не доходит, затем она опускает взгляд. — О! — Она протягивает его мне. — Это было в одной из коробок, которые прислала Нолан.

Открыв его, я достаю самую первую записку, которую получила Лейкин. Ту, что была написана на обратной стороне фотографии. И когда я переворачиваю ее, я понимаю, почему он смог заставить ее уйти. Фотография выглядит как стоп-кадр из видео. У Монти, должно быть, все еще была скрытая камера на лодке, и она смогла заснять кадры, когда я сбросил его.

Это определенно изобличающий — четкий кадр, на котором мы с Кэмом поднимаем с земли то, что, как мы думали, было мертвым телом Монти. Лейкин была права. Если бы это попало в руки властей, у меня не было бы ни единого шанса.

Положив его лицевой стороной вниз на конверт, я наклоняюсь вперед и бросаю его в огонь. Мы смотрим, как он сгорает, точно так же, как сгорели их тела, и мы знаем, что теперь ничто не может причинить нам боль.

Я обнимаю ее, пока последнее, что связывает нас с Монти, превращается в пепел, и прижимаюсь губами к ее щеке. — Думаю, в глубине души я всегда знал, что ты снова окажешься в моих объятиях.

— Ты знал, да? — спрашивает она, наклоня голову набок, чтобы посмотреть на меня.

— Ага. — Мои глаза встречаются с ее, и я ухмыляюсь. — В конце концов, я — твоя несбыточная мечта.

Из нее вырывается смех, и я наслаждаюсь его звучанием.

Удача редко бывает на моей стороне, но я думаю, это только потому, что я, должно быть, потратил всю удачу на нее. Лейкин Роуз Уайлдер — лучшая часть моего дня. Она — мое настоящее, мое прошлое и мое будущее, и из-за этого я никогда ни о чем не пожалею. Все время я спотыкался и думал, что хуже уже быть не может, только для того, чтобы оказаться неправым — все это стоило того, потому что привело нас сюда.

Я проведу остаток своей жизни, будучи непостижимо влюбленным в нее. И если после этой будет жизнь, я отправлюсь на край света, чтобы найти ее снова, потому что ее душа и моя — две половинки одного целого.

Без нее меня нет.